

**Межкультурные
отношения
на постсоветском
пространстве**

Москва
2017

ББК 60.6

М43

Данная монография подготовлена по результатам проекта РНФ «Эмпирическая проверка применимости политики мультикультурализма в России в контексте мирового опыта» (№15-18-00029).

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ *М.Ю. Мартынова*;
доктор психологических наук, профессор *Т.Г. Стефаненко*

М43 Межкультурные отношения на постсоветском пространстве. Монография под ред. Н.М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Менеджер», 2017. — 492 с.

ISBN 978-5-8346-0349-8

В монографии представлены результаты научных исследований сотрудников Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ по проекту Российского научного фонда «Эмпирическая проверка применимости политики мультикультурализма в России в контексте мирового опыта» (№15-18-00029). Эмпирические исследования межкультурных отношений в русле трех гипотез, предложенных Д. Берри (гипотезы мультикультурализма, контакта и интеграции), были проведены коллективом авторов в центральной России (включая Москву), на Северном Кавказе (Кабардино-Балкарская республика, республика Северная Осетия – Алания, республика Дагестан), а также в Латвии, Литве и Азербайджане. Результаты исследований показали применимость данных трех гипотез для анализа межкультурных отношений на постсоветском пространстве и высветили важную роль социокультурного контекста и межкультурной политики для гармонизации межэтнических отношений в разных странах и регионах. В заключении авторы приводят ряд практических рекомендаций, основанных на результатах научных исследований.

Книга предназначена для психологов, социологов, этнологов, органов образования и национальной политики.

ISBN 978-5-8346-0349-8

© Коллектив авторов, 2017

© Оформление. Издательство
«Менеджер», 2017

Содержание

Введение	5
Глава 1. Взаимоотношения этнических групп в поликультурных обществах. <i>Джон У. Берри</i> ...	29
Раздел I. Межкультурные отношения в центральной России	55
Глава 2. Взаимная аккультурация мигрантов и принимающего населения в центральной России. <i>Т. Рябиченко, Н. Лебедева</i>	57
Глава 3. Межгрупповые установки принимающего населения и дискриминация мигрантов в России. <i>Д. Григорьев</i>	82
Глава 4. Психологическая адаптация москвичей к культурному многообразию: опыт качественного исследования. <i>Н. Лебедева, Д. Зубова</i>	121
Раздел II. Межкультурные отношения на Северном Кавказе	155
Глава 5. Межкультурные отношения кабардинцев, балкарцев и русских в Кабардино-Балкарской Республике. <i>З. Лепшокова</i>	156
Глава 6. Межкультурные отношения в Северной Осетии — Алании. <i>В. Галяпина</i>	186
Глава 7. Межэтнические отношения в современном Дагестане. <i>В. Галяпина, З. Лепшокова</i>	212
Глава 8. Социальный капитал, стратегии межкультурного взаимодействия и психологическое благополучие этнических групп Дагестана. <i>А. Татарко</i>	240
Глава 9. Роль межкультурных и монокультурных дружеских контактов во взаимодействии народов Дагестана. <i>З. Лепшокова</i>	276

Раздел III. Межкультурные отношения в Латвии, Литве и Азербайджане	299
Глава 10. Межкультурные отношения латышей и русских в постсоветской Латвии. <i>Н. Лебедева, А. Татарко</i>	301
Глава 11. Русские в литовском контексте: проверка трех гипотез межкультурных отношений. <i>Т. Рябиченко</i>	324
Глава 12. Ценности и межкультурные установки русских Литвы. Особенности поколений. <i>Т. Рябиченко, Н. Лебедева</i>	342
Глава 13. Межкультурные отношения между азербайджанцами и русскими в постсоветском Азербайджане. <i>В. Галяпина, Н. Лебедева</i>	363
Заключение	381
Глава 14. Проверка трех гипотез межкультурного взаимодействия в России и на постсоветском пространстве: мета-анализ. <i>Н. Лебедева, А. Татарко</i>	383
Глава 15. Рекомендации по улучшению межнациональных отношений в Российской Федерации.....	413
Список литературы	425
Приложение (примеры опросников).....	464
Abstracts	480
Об авторах	490

Введение

Увеличение численности иммигрантов в разных странах привело к появлению стран, которые становятся все более и более поликультурными (Verkuyten, 2006). Данное обстоятельство послужило веской причиной тому, что политики и ученые стали разрабатывать различные модели сосуществования разных этнических, религиозных, расовых групп в поликультурных странах. Одной из предложенных моделей является мультикультурализм. Мультикультурализм в научном дискурсе имеет несколько смыслов. В узком смысле слова мультикультурализм означает культурное многообразие и психологические установки по отношению к нему, тогда как в широком означает политику регулирования межкультурных отношений, направленную на признание, уважение и институционализацию культурного многообразия. В рамках политики мультикультурализма равноправное участие должно обеспечиваться на всех уровнях: системном (участие в органах власти, СМИ, общественной жизни), групповом (отсутствие дискриминации по принадлежности к группе) и личном (в межличностных отношениях) (Berry, 2012).

Изучение межэтнических отношений в поликультурных обществах различными социальными науками XX столетия ограничивалось преимущественно рассмотрением факторов и последствий процессов межгрупповой дифференциации (Brewer,

Brown, 1998; Brown, 2000; Hewstone et al., 2002; Leonardelli, Brewer, 2001; Tajfel, 1982). В настоящее время исследователи уделяют все больше внимания факторам, лежащим в основе межгрупповой интеграции и мультикультурализма, а также возможностям мультикультурной идеологии и политики интеграции в деле улучшения межэтнических отношений в поликультурном обществе (Berry, 2013; Breugelmans, van de Vijver, 2004; Verkuyten, 2005; Jasinskaja-Lahti, Liebkind, 2007; Lebedeva, Tatarko, 2013).

При анализе исследований, в которых рассматриваются последствия мультикультурализма для общества, мы сталкиваемся с явным противоречием. В одних работах показано, что мультикультурализм может благотворно влиять на межэтнические отношения, особенно когда делается акцент на идеологическую составляющую (Richeson, Nussbaum, 2004; Todd, Galinsky, 2012; Vorauer et al., 2009; Wolsko et al., 2000). Анализ мирового опыта показывает, что такие составляющие политики мультикультурализма, как мультикультурное образование, программы по предоставлению различных льгот и иных способов поддержки мигрантов, положительно связаны с их успешной адаптацией (Aleksynska, Algan, 2010; Nieto et al., 2013), высоким уровнем доверия, низким уровнем субъективной дискриминации (Коортманс et al., 2005; Райт, Блоемград, 2012), а также стимулируют встречную активность принимающего сообщества (Плаут et al., 2011).

Эмпирические исследования подтверждают, что мультикультурализм позитивно влияет на межэтнические отношения и поддержку населением действующей иммиграционной политики (Коррелл et al., 2008; Эли, Томас, 2001; Плаут et al., 2009; Richeson,

Nussbaum, 2004; Ryan et al., 2007; Todd, Galinsky, 2012; Verkuyten, 2005, 2009; Vorauer et al., 2009; Wolsko et al., 2006; Wolsko et al., 2000), на благоприятность взаимоотношений представителей большинства и этнических меньшинств, а также усиливает взаимопонимание (Todd, Galinsky, 2012; Vorauer et al., 2009). Выявлено, что в среде белых американцев мультикультурная идеология предсказывает большую поддержку государственных программ, направленных на интеграцию этнических меньшинств, таких как программы по предоставлению различных льгот, специального образования иммигрантов, применение менее строгих языковых стандартов (Wolsko et al., 2006). В контексте профессиональных сообществ, чем больше белые американцы придерживаются мультикультурной идеологии, тем более мотивированы и психологически вовлечены в работу их коллеги, являющиеся представителями этнических меньшинств (Plaut et al., 2009). Таким образом, принятие принципов мультикультурализма благотворно влияет на этнические меньшинства. В своей массе эти исследования указывают, что мультикультурализм — эффективная стратегия для достижения позитивных межгрупповых отношений в странах с этнически и расово неоднородным населением.

В то же время, мультикультурная политика не во всех сферах социальной жизни приводит к установлению позитивных межгрупповых отношений. Некоторые исследования показывают, что в ряде сфер (в образовании, на работе, в общественной жизни) мультикультурные практики встречают сопротивление со стороны представителей этнического большинства (Citrin et al., 2001; Schofield, 2009; Thomas, Plaut, 2008; Verkuyten, 2009). Одной из причин, по

которой представители этнического большинства не принимают этнические меньшинства, является восприятие этнических меньшинств как угрозы национальной группе, ее интересам и существующему статусу (Kaiser, Pratt-Hyatt, 2009; Yogeewaran et al., 2016; Yogeewaran et al., 2011; Yogeewaran et al., 2012). Подобные тенденции в восприятии обнаружены и в США. Показано, что белые американцы воспринимают мультикультурализм как угрозу внутригрупповым ценностям и нации в целом (Ginges, Cairns, 2000; Morrison et al., 2010; Schlesinger, 1992; Schmidt, 1997; Verkuyten, 2009). С другой стороны, политика, направленная на обеспечение равноправного участия и ограничивающая выражения дискриминации словами и поведением, минимизирует негативные эффекты дискриминации (Berry, Ward, 2016).

В исследованиях поднимается вопрос о роли национальной идентификации и национальной идентичности в стремлении поддерживать или не поддерживать мультикультурализм. Так в исследовании, проведенном в Нидерландах на голландских подростках, обнаружено, что те, кто сильно идентифицировал себя с голландской нацией, чувствовали угрозу своим национальным интересам, убеждениям и ценностям, исходящую от иммигрантов и меньшинств, и как следствие, не стремились поддерживать мультикультурализм и права меньшинств (Verkuyten, 2009).

Политика мультикультурализма должна быть адаптирована к той социокультурной среде, в которой она реализуется, при этом должно быть учтены определенные факторы (которые различны в разных обществах), опосредующие связь между политикой мультикультурализма и ее последствиями. Простой

декларации принципов мультикультурализма недостаточно, это часто ведет к обратным процессам, провоцирует воспринимаемую угрозу и усиливает защитные реакции, как со стороны этнического большинства, так и со стороны меньшинств (Berry, 2012; Bianchi et al., 2012; Brewer, 1999; Koopmans, 2013; Lebedeva, Tatarko, 2013). Соответственно, при разработке мультикультурной политики, которая бы способствовала интеграции общества, необходим тщательный анализ культурной специфики и более широкого социального и политического контекста.

Проект «Эмпирическая проверка применимости политики мультикультурализма в России в контексте мирового опыта» по гранту РНФ 15-18-00029 направлен на разрешение вышеуказанного противоречия с использованием результатов эмпирических исследований авторов в регионах России и на постсоветском пространстве, а также материалов сравнительного анализа теории и практики мультикультурализма в разных странах (Канада, США, страны Европы).

События последнего десятилетия — референдум о независимости в Шотландии, конфликт в Украине, политический кризис в Бельгии, этнические столкновения в Киргизии, демонстрации в Германии, террористические атаки по всему миру, а также массовые протесты на межнациональной почве в России (например, события на Манежной площади или в Бирюлёво в Москве, события в Пугачеве и Кондопоге и др.) — подчеркивают необходимость всестороннего изучения и научно-обоснованного регулирования межэтнических отношений в рамках больших поликультурных сообществ.

Отправной точкой политики мультикультурализма выступает канадский опыт управления межэтни-

ческими отношениями, который является общепризнанной «историей успеха»: по сравнению с другими западными странами, в Канаде иммигранты чаще становятся гражданами (Bloemgaard, 2006), легче находят работу (Heath, 2007), дети иммигрантов достигают больших академических успехов (OECD, 2003), а этнические меньшинства реже подвергаются дискриминации (Bloemgaard, 2006). Канада первой из современных западных стран на официальном уровне начала проводить политику мультикультурализма и, на данный момент, остается единственной страной, в которой принципы мультикультурализма закреплены в конституции (Kymlicka, 2012).

Однако попытка перенести канадский опыт в европейские страны не принесла ожидаемого успеха. За последние годы ряд европейских политиков, в частности, в Великобритании, Германии, Франции и Нидерландах, заявили о «крахе мультикультурализма». Чаще всего критика мультикультурализма исходит из того, что, хотя сохранение культурного своеобразия является безусловным правом всех граждан, однако такое сохранение своеобразия происходит под давлением общин и вступает в противоречие с правами других людей, с принципом равноправия и с гражданской сущностью современного общества. Во многих странах мира возникли замкнутые моноэтнические, монорелигиозные или монорасовые кварталы и учебные заведения. Возникает парадокс: декларируемый мультикультурализм на уровне страны оборачивается монокультурализмом и сегрегацией на локальном уровне.

Известный канадский психолог Д. Берри, один из научных основателей канадского мультикультурализма, в ответ на заявления европейских лидеров

о провале политики мультикультурализма отметил, что эта политика в Европе даже и не начиналась. По его мнению, политика мультикультурализма начинается тогда, когда правительство принимающей страны не только позволяет сосуществование различных культур внутри одного общества, но и когда она создает условия для полноценной и равноправной интеграции людей из других культур в это общество, для чего создаются специальные социальные службы во всех сферах поликультурного общества: образование, здравоохранение, местное управление и других (Berry, 2012).

Вместе с тем, несмотря на публичную критику и отхождение от риторики мультикультурализма, мультикультурная политика в Европе продолжает проводиться: Индекс мультикультурной политики (МПИ) составлял в среднем по континенту: 0.7 — в 1980 году, 2.1 — в 2000 и 3.1 — в 2010 (Kymlica, 2012). Одним из наиболее серьезных факторов, объясняющих явное или неявное стремление к реализации политики мультикультурализма, выступает тот факт, что она является практически единственным способом мирного разрешения межгрупповых противоречий и напряженности, несмотря на возникающие сложности в ее реализации (Berry, 2012).

В современной России потребность в политике, регулирующей межкультурные отношения, чрезвычайно велика. Российская Федерация является поликультурным обществом: ее территория включает 21 национальную республику, в ней проживают представители около 194 этнических групп, кроме этого, согласно данным ООН на 2016 год (United Nations, 2016), Российская Федерация — третья в мире страна по количеству иммигрантов после США и Германии.

По мнению Э. Паина, российская версия политики мультикультурализма древнее и намного сложнее по своим последствиям, чем европейская (цит. по: Лебедева, 2014). В СССР мультикультурализм как форма поощрения групповой, общинной идентичности был неотъемлемой частью сталинской политики создания национальных республик (союзных и автономных), а также национальных округов и областей. В советское время дезинтеграционные последствия такой политики частично снимались имитационным характером всей системы автономий, за фасадом которой скрывалось единое территориально-партийное управление. Однако последствия такой политики обострились в постсоветское время, когда местные элиты попытались наполнить реальным содержанием формальный и мнимый суверенитет своих республик. Это приводило к попыткам сепаратизма, обострения межэтнических и межрелигиозных отношений, возникновению очагов религиозного фундаментализма и терроризма в ряде республик Северного Кавказа (Ольшанский, 2002; Савва, 2005).

Понимание социально-психологических основ мультикультурализма важно не только с точки зрения выяснения его возможностей и ограничений при реализации в различных странах. Если проявления конкретных форм поведения, таких как, например, дискриминация, можно ограничить на законодательном уровне, то выявление причин появления негативных установок в процессах межгруппового восприятия и взаимодействия требуют подхода, основанного на знаниях этнической и кросс-культурной психологии. В более широком смысле, межгрупповое восприятие и взаимодействие — это базовые

процессы, оказывающие влияние на аккультурацию, адаптацию и межкультурные отношения в целом. Так, для более глубокого понимания феномена аккультурации, необходимо выяснить, являются ли выявленные психологические закономерности универсальными, и в какой мере они могут зависеть от характеристик групп самих иммигрантов, стран их происхождения и поселения, то есть от контекста взаимодействия групп (Rohmann, Piontkowski, van Randenborgh, 2008; Crockett, Zamboanga, 2009).

Другим важным вопросом является изучение взаимосвязи между аккультурацией и адаптацией в разных контекстах. К числу наиболее «адаптивных» стратегий аккультурации, как правило, относят стратегию интеграции (Sam, Berry, 2010). По мнению Берри (2005), интеграция может быть достигнута только в мультикультурном обществе, которое характеризуется взаимным приспособлением, позитивным восприятием культурного многообразия и политикой поддержки сохранения культур и равноправного участия всех групп в жизни страны. В проведенных сравнительных исследованиях было установлено, что связь между интеграцией и адаптацией во Франции оказывается более слабой, чем в Канаде, что можно объяснить различиями проводимых в этих странах политик (Berry, Sabatier, 2010). В отличие от стран, образованных поселенцами, большинство европейских стран имеют давнюю историю и сложившуюся группу этнического большинства, поэтому процесс вхождения групп иммигрантов в новое общество в таких странах затруднен и вызывает серьезный протест групп населения, которые рассматривают себя как исконных жителей этих земель (Verkuuyten, 2007). Также к числу основных препят-

ствий позитивного взаимодействия разных культурных групп относят воспринимаемую угрозу (Lebedeva, Tatarko, 2013). Тщательное изучение условий, при которых восприятие угрозы будет снижаться, является актуальной и важной задачей для понимания процессов аккультурации и факторов, способствующих реализации политики мультикультурализма.

Таким образом, для разработки идеологии и политики мультикультурализма, которым нет серьезной альтернативы в современном мире по благотворности влияния на межгрупповые отношения, необходимо предпринимать специальные усилия с учетом культурно-религиозной специфики каждой страны, в том числе и России. Для этого необходимо изучить опыт зарубежных стран, сформированный в данном направлении, а также изучить специфику российского контекста с точки зрения возможности успешной реализации мультикультурной политики.

У научного коллектива проекта имеется серьезный задел в области изучения межкультурных отношений. Идейным вдохновителем и научным лидером проекта стал известный канадский ученый, профессор университета Кингстона в Канаде и НИУ ВШЭ в России Джон Берри. Являясь автором теории аккультурации, Д. Берри принимал активное участие в разработке политики мультикультурализма в Канаде, проведении многочисленных кросс-культурных исследований межкультурных отношений и аккультурации мигрантов в Канаде, Австралии, Новой Зеландии и странах Европы, а теперь и в России. Значительная часть результатов исследований Д. Берри нашла свое отражение в подготовленных им в соавторстве с коллегами научно-учебных руководствах: «Cross-Cultural Psychology: Research and

Applications» (2011) и «Cambridge Handbook of Acculturation Psychology» (2016), «Mutual Intercultural Relations» (2017), изданных Cambridge University Press. Разрабатываемые Д. Берри теории, методы, подходы и результаты многочисленных исследований используются им в консультационной деятельности. Так, начиная с 1971 года, Д. Берри консультирует различные региональные и национальные советы и комитеты Канады и ряда других стран по вопросам мультикультурализма, аккультурации, иммиграции, социокультурных изменений, положения и здоровья коренного населения Канады и по многим другим вопросам, относящимся к сфере межкультурного взаимодействия. Среди консультируемых им организаций — Консультативный Совет по управлению культурным плюрализмом в Европе, Министерство культуры и иммиграции Швеции, Всемирная организация здравоохранения в Женеве и другие международные организации. Участники научного коллектива также имеют долгую историю и опыт исследований межэтнических отношений в России и сопредельных странах.

В 2002–2004 годах участники проекта принимали участие в реализации научных и прикладных проектов в рамках федеральной программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в Российском обществе». За время реализации проекта было проведено крупномасштабное исследование межкультурного взаимодействия в Ростовской области, Ставропольском и Краснодарском краях. Полученные данные позволили разработать модель стратегий межкультурного взаимодействия различных этнических групп с опорой на состояние их этнической идентичности и

воспринимаемую дискриминацию. Эти разработки легли в основу тренинга межкультурного взаимодействия и этнической толерантности для школьников, который сейчас успешно реализуется в ряде школ Северокавказских республик.

В 2007–2009 годах участниками проекта под руководством Н. Лебедевой и при поддержке научного Фонда ГУ-ВШЭ, реализован 3-х летний проект в рамках программы «Учитель-Ученики». Тема проекта: «Стратегии взаимодействия инокультурных мигрантов и населения России в условиях трудовой миграции». В результате реализации проекта авторами был проведен социально-психологический опрос представителей 16-ти этнических групп в Москве, Пензе, Ставрополе, Кабардино-Балкарии и Чечне. Общий объем выборки составил 1920 респондентов. В процессе проведения исследования, на российских данных была адаптирована методология MIRIPS, разработанная Дж. Берри для изучения взаимодействия мигрантов и принимающего населения, и в 2009 в издательстве РУДН была опубликована монография «Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России» под ред. Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко.

В 2012 году в Москве З. Лепшоковой проведено исследование «Социальная идентичность и аккультурационные ожидания принимающего населения» в рамках проекта РГНФ. Обнаружено, что высокий уровень позитивной гражданской идентичности представителей принимающего населения (этнического большинства) связан с ожиданием мультикультурализма по отношению к мигрантам (этническим меньшинствам), тогда как высокий уровень этнической идентичности представителей принимающе-

го населения (этнического большинства) связан с установкой сегрегации по отношению к мигрантам (этническим меньшинствам) (Лепшокова, 2012). В 2014 году З. Лепшоковой совместно с М. Ефремовой проведено исследование о роли религиозности в аккультурационных стратегиях мигрантов и принимающего населения, в результате регрессионного анализа обнаружено, что высокий уровень религиозности представителей принимающего населения способствует аккультурационному ожиданию мультикультурализм, тогда как у мигрантов высокий уровень религиозности способствует выбору стратегии сепарации, что объясняется особенностями аккультурации этнического/религиозного меньшинства и большинства.

Т. Рябиченко и Н. Лебедевой было проведено сравнительное эмпирическое исследование взаимосвязи установок по отношению к иммиграции и субъективного благополучия граждан России, Германии, Великобритании и Израиля (N = 8583). В работе были использованы данные Европейского Социального Исследования 2010 года. Было показано, что негативно воспринимаемые последствия иммиграции снижают субъективное благополучие принимающего населения во всех четырех странах, в то время как установки на ограничение иммиграции способствуют его повышению (Рябиченко, Лебедева, 2014).

В исследовании Т. Рябиченко, проведенном в двух группах этнических меньшинств — русских и поляков в Литве, было показано, что в качестве предикторов выбора стратегий аккультурации могут выступать индивидуальные ценности. В обеих группах была выявлена позитивная взаимосвязь ценностей Открытости изменениям со стратегией интеграции

и негативная взаимосвязь этих ценностей со стратегией маргинализации. В группе русских ценности Самоутверждения способствуют выбору стратегии ассимиляции, в группе поляков — сепарации, что можно объяснить факторами контекста существования этих групп в Литве (Рябиченко, 2015).

В 2009–2010 годах под руководством В. Галяпиной осуществлялся проект, поддержанный Общественной палатой РФ, «Возвращение южных осетин на родину: культурно-психологические факторы выбора». Целью исследования являлось выявление социально-психологических и этнопсихологических факторов, влияющих на выбор аккультурационных стратегий осетинами — вынужденными переселенцами и беженцами из Южной Осетии, покинувшими свою родину в ходе вооруженных грузино-югоосетинских конфликтов 1989–1992 гг. и в августе 2008 г. В. Галяпина реализовала ряд проектов в республиках Северного Кавказа: «Творчество — основа межкультурного диалога» (2010–2014 г.), и «Развитие интерактивного образования на Северном Кавказе» (2013–2015 гг.), которые были поддержаны Ассоциацией Межкультурный Диалог (г. Будапешт). Проекты направлены на поиск эффективных механизмов межкультурного диалога в Северно-Кавказском регионе. В 2012–2014 годах В. Галяпина участвовала в реализации проектов, поддержанных Общественной палатой РФ, «Разработка моделей снижения конфликтности и содействие взаимной интеграции представителей разных культур в рамках повседневного взаимодействия» и «Правовое просвещение и гражданское образование молодежи различных этногрупп — важнейший ресурс профилактики распространения в молодежной среде идеологии экстремизма, радикализма и межэтнического противостояния».

В рамках проекта РНФ «Эмпирическая проверка применимости политики мультикультурализма в России в контексте мирового опыта» (№ 15-18-00029) коллективом авторов решалась основная конкретная задача, а именно — эмпирическая проверка трех гипотез в области межкультурных отношений (мультикультурализма, интеграции и контакта) в поликультурных регионах России (Москва, республики Северного Кавказа: Кабардино-Балкария, Северная Осетия — Алания и Дагестан) и ряде постсоветских стран с последующей выработкой научно-обоснованных рекомендаций для разработки миграционной и межкультурной политики и практики в современной России с учетом мирового опыта и российской специфики.

Основные результаты наших исследований представлены в данной монографии «Межкультурные отношения на постсоветском пространстве», которая состоит из введения, четырнадцати глав, заключения, списка литературы и примеров опросников, использованных в эмпирических исследованиях.

Во введении говорится о сути мультикультурализма, исследованиях, подтверждающих его эффективность в ряде стран, его критике, задачах проекта, его исполнителях и дается краткое содержание глав.

В первой главе «Взаимоотношения этнических групп в поликультурных обществах (Д. Берри) излагаются основные принципы сосуществования этнических групп в мультикультурных обществах, понимание мультикультурализма как принятия многообразия и равенства, как идеологии и политики. В этой же главе изложены три гипотезы межкультурного взаимодействия (мультикультурализма, контакта и интеграции), тестируемые в России и сопредельных странах.

Первый раздел книги посвящен исследованиям в центральной России и в Москве. В главе «Взаимная аккультурация мигрантов и принимающего населения в центральной России» (Т. Рябиченко, Н. Лебедева) представлены результаты исследования взаимной адаптации мигрантов из Средней Азии (N = 227), Южного Кавказа (N = 274) и русского этнического большинства (N = 261) в Центральном федеральном округе России. При помощи моделирования структурными уравнениями были проверены три гипотезы межкультурных отношений — мультикультурализма, контакта и интеграции — в двух группах мигрантов и группе русских. Гипотеза контакта не подтвердилась в группе мигрантов с Южного Кавказа и нашла частичное подтверждение в двух других группах. Гипотезы мультикультурализма и интеграции полностью или частично подтвердились. Проведен сравнительный анализ полученных в разных группах результатов.

Глава «Межгрупповые установки принимающего населения и дискриминация мигрантов в России» (Д. Григорьев) посвящена проблеме дискриминации мигрантов в социальноэкономической сфере. Объединив распространенные подходы к изучению предубеждений и дискриминации, на выборке из 576 россиян автор рассмотрел межгрупповые установки принимающего населения, а именно взаимосвязь социальных верований (вера в опасный и конкурентный мир), идеологических установок (авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, мультикультурная идеология) и готовности к межгрупповому контакту (социальная дистанция с поддержкой мультикультурной идеологии и готовностью к межгрупповому контакту, которые в свою

очередь, в некоторой степени, определяют поддержку дискриминации мигрантов в социоэкономической сфере.

Глава Н. Лебедевой и Д. Зубовой «Психологическая адаптация москвичей к культурному многообразию: опыт качественного исследования» представляет анализ результатов интервьюирования москвичей по проблемам миграционной политики, взаимодействия с мигрантами в повседневной жизни, образ мигранта и эмоции, связанные с межкультурным взаимодействием, а также — ощущения угроз и выгод культурного многообразия в поликультурном мегаполисе.

Второй раздел книги включает исследования межкультурных отношений на Северном Кавказе. Глава «Межкультурные отношения кабардинцев, балкарцев и русских в Кабардино-Балкарской Республике» (З. Лепшокова) посвящена изучению межкультурных отношений в Кабардино-Балкарской республике, путем проверки трех гипотез межкультурных отношений: мультикультурализма, интеграции и контакта. В выборку исследования вошли кабардинцы ($N = 155$), балкарцы ($N = 128$) и русские ($N = 335$). Согласно результатам, все три гипотезы, так или иначе, подтвердились у кабардинцев. У балкарцев не подтвердилась гипотеза контакта. У русских не подтвердились как гипотеза контакта, так и гипотеза интеграции. Результаты исследования продемонстрировали наличие проблем в межэтнических отношениях в республике, которые особенно остро воспринимаются русскими и балкарцами.

В главе «Межкультурные отношения осетин и русских в Республике Северная Осетия — Алания» (В. Галяпина) были протестированы гипотезы

мультикультурализма, интеграции, контакта и гипотеза угрозы/дискриминации. Выборка включала представителей этнического большинства — осетин ($N = 340$) и этнического меньшинства — этнических русских ($N = 344$). Результаты показали, что воспринимаемая безопасность у русских и осетин способствует поддержке мультикультурной идеологии, толерантности и взаимной интеграции. Интенсивность дружеских межкультурных контактов взаимосвязана с предпочтением интеграции как у осетин, так и у русских. Интеграционные установки способствуют самоуважению в обеих группах. Кроме этого высокий уровень воспринимаемой угрозы у осетин и воспринимаемой дискриминации у русских способствует предпочтению ими установок на ассимиляцию. В целом, результаты исследования подтвердили гипотезы мультикультурализма, интеграции и контакта.

Глава В. Галяпиной и З. Лепшоковой «Межэтнические отношения в современном Дагестане» посвящена проверке трех гипотез межкультурных отношений в поликультурном Дагестане. В выборку вошли аварцы ($N = 100$), даргинцы ($N = 116$), русские ($N = 101$) и представители других этнических групп: кумыки, лезгины, лакцы, табасараны, ногайцы и др. ($N = 121$). Результаты показали, что воспринимаемая безопасность способствовала поддержке мультикультурной идеологии, толерантности и интеграции на общей выборке. Гипотеза контакта не была подтверждена: количество и частота дружеских межкультурных контактов не оказали существенного влияния на толерантность и интеграцию на общей выборке Дагестана. Предпочтение стратегии интеграции способствовало удовлетворенности жизнью и

самоуважению на общей выборке. Стратегия сепарации была положительно связана с воспринимаемой безопасностью, удовлетворенностью жизнью и отрицательно связана с межкультурными дружескими контактами среди представителей отдельных этнических групп Дагестана.

Глава «Социальный капитал, стратегии межкультурного взаимодействия и субъективное благополучие этнических групп Дагестана» (А. Татарко) представляет результаты анализа медиативной роли аутгруппового социального капитала при проверке гипотезы интеграции. Эта гипотеза предполагает, что, когда индивиды и группы включены в жизнь принимающего общества и одновременно не теряют связи со своей культурой, они будут достигать большего успеха в жизни, в том числе, обладать более высоким субъективным благополучием. Рассматривая психологический механизм, лежащий в основе данной гипотезы, автор предположил, что в поликультурном регионе (на примере Дагестана) ориентация индивида на интеграцию позволяет ему сформировать аутгрупповой социальный капитал, который, в свою очередь, сопряжен с более высоким субъективным благополучием. В исследовании приняли участие аварцы ($N = 105$), даргинцы ($N = 121$) и русские ($N = 100$). Выдвинутое предположение полностью было подтверждено только в группе русских. В статье рассматриваются контекстуальные условия и характеристики этнических групп, которые приводят к таким результатам.

Глава «Роль межкультурных и монокультурных дружеских контактов во взаимодействии народов Дагестана» (З. Лепшкова) посвящена изучению роли межкультурных и монокультурных друже-

ских контактов в межкультурном взаимодействии представителей разных этнических групп в самом многонациональном регионе России — Республике Дагестан. Теоретико-методологическую основу исследования составили разработанная Г. Олпортом гипотеза межгруппового контакта и модель аккультурации Дж. Берри. В исследовании тестировалось предположение о взаимосвязи межкультурных и монокультурных дружеских контактов представителей народов Дагестана со стратегиями интеграции и сепарации в межкультурном взаимодействии. В выборку исследования вошли аварцы (N = 104), даргинцы (N = 121), кумыки (N = 45) и русские (N = 101), проживающие в Дагестане. Согласно результатам гипотеза контакта подтвердилась частично у групп со сравнительно высоким статусом, как в регионе (у аварцев и даргинцев), так и в стране (русских), и не подтвердилась в группе кумыков, которые воспринимают себя ущемленной группой в Дагестане по сравнению с аварцами и даргинцами. Гипотеза о позитивной связи монокультурных контактов со стратегиями интеграции и сепарации, подтвердилась полностью у групп безусловных этнических меньшинств региона (даргинцев и кумыков), тогда как у группы этнического большинства региона (аварцев) и страны (русских) данная гипотеза подтвердилась лишь в части позитивной связи монокультурных контактов со стратегией сепарации. Полученные результаты исследования обсуждаются с позиций социокультурного контекста межэтнических отношений в современном Дагестане.

Третий раздел книги посвящен межкультурным отношениям в Латвии, Литве и Азербайджане.

В главе Н. Лебедевой и А. Татарко «Межкультурные отношения латышей и русских в постсоветской Латвии» представлены результаты проверки трех гипотез межкультурных отношений (мультикультурализма, интеграции и контакта) в Латвии (г. Рига). Сопоставляются результаты, полученные на выборках представителей этнического большинства (латышей) и меньшинства, которое представляет собой вторую по численности этническую группу Латвии (русских). Выборка включала 699 взрослых респондентов: латышей ($N = 363$) и этнических русских ($N = 336$). Гипотеза мультикультурализма подтвердилась только в выборке латышей, гипотеза контакта — только в выборке русских Латвии, а гипотеза интеграции — частично в выборке латышей. Таким образом, ни одна гипотеза не была подтверждена сразу в обеих выборках. Мы предполагаем, что причина этого — особый контекст межкультурных отношений в Латвии, который анализируется в настоящей главе монографии.

В главе «Русские в литовском контексте: проверка трех гипотез межкультурных отношений» (Т. Рябиченко) представлены результаты проверки трех гипотез межкультурных отношений в группе русского этнического меньшинства в Литве. Участниками исследования стали 290 этнических русских в возрасте от 15 до 84 лет (средний возраст 27,3 года): 103 мужчины (35,5%) и 187 женщин (64,5%). В исследовании было выявлено, что ориентация на стратегию интеграции в данной группе является доминирующей. Гипотеза мультикультурализма не подтвердилась. Гипотеза контакта подтвердилась частично: найдены положительные взаимосвязи межкультурных контактов со стратегиями интеграции и асси-

миляции, но не обнаружено взаимосвязи контактов и этнической толерантности. Гипотеза интеграции также нашла лишь частичное подтверждение. Была обнаружена положительная взаимосвязь стратегии интеграции и самоуважения, однако взаимосвязи интеграции и удовлетворенности жизнью не обнаружено. Полученные результаты рассматриваются с точки зрения контекста аккультурации русских в Литве.

В главе «Ценности и межкультурные установки русских Литвы. Особенности поколений» (Т Рябиченко, Н. Лебедева) в качестве личностных предикторов аккультурационных установок рассматриваются индивидуальные ценности, что позволило выявить мотивацию, стоящую за выбором различных стратегий межкультурного взаимодействия членами этнического меньшинства. В исследовании приняли участие представители двух поколений русского этнического меньшинства в Литве. Старшее поколение было представлено респондентами, родившимися в советский период, младшее — родившимися после распада СССР. В выборку вошли 336 респондентов в возрасте от 15 до 84 лет: 122 мужчины и 214 женщин. К основным результатам исследования можно отнести выявленные положительные взаимосвязи ценностей Открытости изменениям с интеграцией и ценностей Самоутверждения с ассимиляцией, оказавшиеся универсальными для представителей разных поколений в литовском контексте.

Глава «Межкультурные отношения между азербайджанцами и русскими в постсоветском Азербайджане» (В. Галяпина, Н. Лебедева) посвящена изучению межкультурных отношений в Республике Азербайджан. В исследовании тестировались три гипотезы межкультурных отношений и использо-

вались шкалы, разработанные в проекте MIRIPS. В выборку вошли представители этнического большинства — азербайджанцы (N = 300), и представители этнического меньшинства — русские (N = 307). Результаты показали, что гипотеза мультикультурализма полностью доказана на обеих выборках: воспринимаемая безопасность способствовала поддержке мультикультурной идеологии, толерантности и интеграции, как среди азербайджанцев, так и среди русских. Гипотеза контакта подтверждена частично: интенсивность дружеских контактов русских с азербайджанцами взаимосвязана с их предпочтением стратегий интеграции и ассимиляции, а интенсивность дружеских контактов азербайджанцев с русскими взаимосвязана с их толерантностью. Гипотеза интеграции была подтверждена только на выборке русских: предпочтение ими стратегии интеграции взаимосвязано с их удовлетворенностью жизнью и самоуважением.

В главе «Мета-анализ результатов проверки трех гипотез межкультурного взаимодействия на постсоветском пространстве: роль контекста взаимодействия» (Н. Лебедева, А. Татарко) представлены результаты мета-анализа исследований, направленных на проверку трех гипотез межкультурных отношений (мультикультурализма, интеграции и контакта), в России и ее регионах (Москва, регионы Центрального федерального округа, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания, Дагестан), Латвии, Азербайджане, с участием респондентов 13-и выборок (N = 3940). Мета-анализ был направлен на то, чтобы определить, насколько универсально подтверждаются три гипотезы межкультурного взаимодействия в России, ее республиках и странах бывшего Совет-

ского Союза. Основываясь на результатах мета-анализа мы пришли к заключению, что все три гипотезы межкультурного взаимодействия подтверждаются, но с определёнными ограничениями, которые являются следствием особенностей сложившегося в рассматриваемых странах и республиках контекста, на фоне которого происходит межкультурное взаимодействие. Эти особенности социокультурного контекста обсуждаются в данной главе.

Заключительная глава 15 содержит практические рекомендации по гармонизации межэтнических отношений в Российской Федерации, основанные на результатах исследований, приведенных в этой книге.

В конце книги представлены: список литературы, приложения (примеры использованных опросников), абстракты глав на английском языке и краткая информация об авторах данной монографии.

1. Введение

В данной главе рассматриваются способы построения межкультурных отношений в культурно-плюралистических обществах и последствия, к которым они приводят. Так, исследуются четыре основных способа построения межкультурных отношений в контексте терминологии межкультурных стратегий. Далее утверждается, что две из этих стратегий приводят к более позитивным результатам: мультикультурализм и интеграция. Наконец, предполагается, что политика и программы, продвигающие данные стратегии, приведут к более позитивным межкультурным отношениям.

2. Межкультурные стратегии в мультикультурных обществах

Вопрос того, как в мультикультурных обществах группы и входящие в них люди участвуют в межкультурных отношениях, в данном исследовании рассматривается с точки зрения концепции межкультурных стратегий. Принимая во внимание два основных вопроса, встающих перед культурными группами в плюралистических обществах, были выявлены четыре способа участия в межкультурных отношениях. Они базируются на различии в ориентациях по

отношению к собственной группе и другим группам (Berry, 1970; 1974; 1980). Это различие выражается в том, чему отдается относительное предпочтение при ответе на следующие вопросы: (I) сохранять ли свое культурное наследие, самобытность и идентичность со своей группой; и/или (II) вступать ли в контакты с другими культурными группами и вместе с ними участвовать в жизни национального общества. Ответы на два этих вопроса (как предполагающих использование двух шкал) могут быть даны в качестве позитивных или негативных ориентаций, сочетание которых и определяет четыре стратегии, отраженные на рисунке 1.

Рис 1. Межкультурные стратегии этнокультурных групп и принимающего общества (Berry, 2003).

Слева представлены ориентации с точки зрения недоминирующего этнокультурного меньшинства (групп, и входящих в них людей). Таким образом, для этнокультурных групп четыре межкультурных стратегии — это ассимиляция, сепарация, интеграция и маргинализация. Ассимиляция означает, что люди не хотят сохранять свое культурное наследие и

идентичность, и в то же время стремятся взаимодействовать с другими культурами. В противовес этому, стратегия сепарации предполагает, что представители этнического меньшинства делают упор на сохранении своих культурных особенностей и стремятся избежать взаимодействия с другими группами. Когда же они одновременно заинтересованы и в сохранении самобытной культуры, и в частом взаимодействии с другими культурными группами, мы говорим об использовании стратегии интеграции. В этом случае, сохраняется некоторая степень культурной целостности и одновременно у членов этнокультурной группы есть желание быть неотъемлемой частью принимающего общества. Наконец, отсутствие возможности (и/или интереса) поддерживать культурную идентичность и отсутствие желания устанавливать отношения с принимающим обществом (из-за отвержения представителями доминирующей культуры или дискриминации) соответствуют стратегии маргинализации.

Однако, стоит учесть, что значимую роль, в том, каковы будут отношения представителей этнокультурных групп с обществом, играет доминирующее большинство (Berry, 1974; 1980), поэтому недопустимо рассматривать межкультурные стратегии только с точки зрения недоминирующих этнокультурных групп. Справа на рисунке 1 представлены взгляды доминирующего этнического большинства (или принимающего общества), отражаемые, например, в государственной политике или общественных отношениях. Используемая принимающим обществом стратегия плавильного котла содействует ассимиляции меньшинства. Стремление доминирующей группы поддерживать разделение этнокультурных

групп через стратегию сепарации приводит к сегрегации меньшинства. Исключение — это маргинализация, продиктованная большинством этнокультурной группе (Bourhis et al., 1997). Наконец, стратегия мультикультурализма — широкая поддержка обществом культурного многообразия и равноправного участия разных групп в его жизни — соответствует стратегии интеграции меньшинства. Важно подчеркнуть, что в интеграция предполагает взаимодействие обеих культур. Это не синоним ассимиляции, которая состоит в переключении только на культуру принимающего населения; напротив, сохранение и поддержание собственной культуры является ключевой частью стратегии интеграции. В равной степени и мультикультурализм не предполагает исключительно взаимодействие с представителями собственной группы (сегрегация). Таким образом, чтобы интеграция состоялась, представители разных групп должны не просто взаимодействовать с обществом, но и стать его частью.

Данная модель межкультурных стратегий в значительной степени развивалась на основе идей, опыта и научных исследований, проведенных в Канаде и Австралии, что могло бы привести к сложностям в её генерализации и, в целом, ограничить её полезность для понимания межкультурных отношений и аккультурации в других плюралистических обществах. Тем не менее, множество исследований, проведенных в других странах (Sam, Berry, 2016), подтвердили её валидность. А совсем недавно модель были валидизирована на выборке 17 стран (Россия, Австралия, Канада, Латвия, Эстония, Финляндия, Норвегия, Германия, Швейцария, Греция, Италия, Мальта, Португалия, Испания, Индия, Гонконг, Азер-

байджан) в исследовании взаимных межкультурных отношений (Berry et al., 2017).

Рассмотренные межкультурные стратегии связаны с целым рядом психологических и социальных факторов. Наиболее важным из них является опыт пережитой дискриминации на индивидуальном уровне; так, обычно те, кто предпочитают интеграцию или ассимиляцию, сообщают о меньшем опыте пережитой дискриминации, чем те, кто предпочитают сепарацию или маргинализацию. В международном исследовании иммигрантской молодежи тринадцати стран, дискриминация оказалась связана с маргинализацией и низким уровнем психологического и социального благополучия (Berry, Phinney, Sam, Vedder, 2006). Результаты проведенных исследований (Berry, 2006) демонстрируют взаимность в межкультурных отношениях: если люди (например, иммигранты или представители этнокультурных меньшинств) чувствуют себя отвергаемыми доминирующим большинством, они проявляют взаимность в этом отвержении, и, в свою очередь, тоже начинают избегать контактов за пределами своей группы. Совсем недавно исследования, проведенные Берри и Хоу (Berry, Hou, 2016; 2017) на больших репрезентативных двухпоколенных выборках в Канаде показали, что чувство принадлежности к одному культурному наследию и/или к принимающему обществу обеспечивает основу для идентификации людей, придерживающихся одной из четырех вышеописанных стратегий. Они также обнаружили негативное влияние опыта пережитой дискриминации на выбор стратегий интеграции или ассимиляции.

Кроме того, существуют связанные с этими стратегиями различия в том, насколько хорошо ин-

дивидуумы живут в плюралистических обществах. Многочисленные эмпирические исследования показали, что стратегия интеграции/мультикультурализма связана с более позитивными психологическими, социальными и межкультурными последствиями (Berry, 1997). Эта связь прослеживается в исследовании молодых иммигрантов (Berry et al., 2006; Abu Raaya, Sam, 2017), в недавних исследованиях иммигрантов в Канаде (Berry, Hou, 2016, 2017), и в исследовании, проведенном в семнадцати странах (Berry et al., 2017). Мета-анализ (Nguyen, Benet-Martinez, 2013) также подтвердил её надёжность и устойчивость.

3. Мультикультурализм: многообразие и равенство

Фундаментальными составляющими мультикультурализма являются равенство и многообразие. И хотя за последние 40 лет в различных обществах этот термин определялся по-разному, эти два элемента остаются центральными. Еще в 70-х гг. XX века мультикультурализм был определен через два важных компонента: (I) наличие этнокультурного многообразия в обществе, и (II) равноправное участие всех культурных групп в жизни общества (Berry, Kalin, Taylor, 1977). При этом стоит отметить соотносимость этих двух компонентов с ключевыми вопросами, определяющими межкультурные стратегии.

С точки зрения этнокультурного многообразия, существует три возможных понимания термина мультикультурализм. Во-первых, мультикультурализм можно рассматривать как демографический факт: в настоящее время большинство стран мира

являются культурно и этнически гетерогенными. Во-вторых, мультикультурализм — это идеология: степень принятия этнокультурного многообразия различается на индивидуальном и групповом уровнях. И, в-третьих, мультикультурализм — это политика, включающая в себя разработку государственных программ, нацеленных на принятие и поощрение этнического и культурного многообразия. Эти три аспекта тесно взаимосвязаны: в условиях культурной гомогенности нет поводов беспокоиться о мнении населения относительно культурного многообразия, и, соответственно, нет необходимости инициировать какие бы то ни было действия со стороны правительства.

Хотя мультикультурализм иногда рассматривается только как наличие культурного многообразия в обществе, его второй основной компонент (равноправное участие в жизни общества) не менее важен. Рассмотрение мультикультурализма исключительно в терминах культурного многообразия может привести к возникновению сегрегированных культурных групп и анклавизации этнических меньшинств. То есть, поддержание многообразия без равноправного участия приведет к сепарации или сегрегации; обеспечение равноправного участия без сохранения культурного многообразия приведет к ассимиляционной политике плавильного котла; а в отсутствии и многообразия, и равенства, вероятно, произойдут маргинализация и исключение; однако, когда сочетаются оба компонента, поддерживаются и культурное многообразие, и равенство, это верный путь для формирования интеграции и политики мультикультурализма.

3.1. Мультикультурализм как многообразие

Этническое, культурное, религиозное и лингвистическое многообразие характерно для большинства стран. Чтобы проиллюстрировать степень этого многообразия, на основе данных Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР) был создан индекс этнического многообразия (Alesina, Arnaud, Easterly, Kurlat, Wacziarg, 2003). Он базируется на вероятности, что два любых случайно выбранных человека в обществе будут принадлежать к одной и той же этнической группе. Среди промышленно развитых стран значение данного индекса наиболее высоко в Канаде, Бельгии и Швейцарии; имеет среднее значение во Франции, Швеции и Великобритании; низкие баллы по нему демонстрируют Япония и Дания. Позже, в 2015 году на основании данных 195 стран был разработан индекс многообразия населения (Alesina, Harnos, Rapoport, 2015), состоящий из двух компонентов: доли населения, рождённого за рубежом, и разнообразия происхождения иммигрантов. Измерения по этому новому индексу во многом подтверждают различия в уровне культурного разнообразия разных стран, выявленные предыдущими исследованиями. Так, подобным образом Ферон (Fearon, 2013) рассмотрел 822 этнические группы в 160-ти странах мира, которые далее проранжировал в соответствии со значением индекса этнического разнообразия.

В дополнение к исследованиям, отражающим фактическую степень этнического и культурного разнообразия в разных обществах, существуют еще два подхода к его описанию. Первый, рассматривающий степень интеграции мигрантов на примере

обществ 37 государств, называется Индексом Политики Интеграции Мигрантов (MIREX, 2010 — <http://www.mirex.eu/countries>). Он включает в себя оценку интеграции мигрантов в ряде областей, таких как мобильность рабочей силы, воссоединение семей, образование, участие в политической жизни, долгосрочность проживания, возможность получить гражданство и антидискриминационное законодательство. Наиболее высокие показатели интеграции характерны для Швеции, Португалии и Канады; средние — для Германии, Великобритании и Франции; и самые низкие — для Кипра, Латвии и Турции.

3.2. Мультикультурализм как политика

Другой подход заключается в описании и количественной оценке ответных мер на такое многообразие при помощи Индекса Мультикультурной Политики (MPI; Banting, Kymlicka, 2006-2012; <http://www.queensu.ca/mcsp/>). Данный индекс оценивает степень реализации политики мультикультурализма в ряде стран Западной Европы, Австралии, Канаде, Новой Зеландии, США и Японии, и оценивает степень реализации мультикультурной политики в этих странах в 1980-м, 2000-м, и 2010-м годах, данные представлены в виде, удобном для межстранового сравнения. Индекс включает в себя набор из девяти критериев для оценки степени реализации политики мультикультурализма в плюралистическом государстве: государственная политика развития мультикультурализма; наличие министерства или секретариата по делам меньшинств; отражение и учет мультикультурализма в школьных программах; представленность этнического многообразия в средствах массовой информации; освобождение членов этнокультур-

ных меньшинств от культурных кодов доминантной группы (например, запрет на работу магазинов в воскресенье); возможность двойного гражданства; финансирование организаций в сфере культуры; финансирование двуязычного обучения или обучения на родном языке для представителей этнокультурных групп. Наиболее высокие показатели по Индексу Мультикультурной Политики в 2010 году были у Австралии, Канады, Бельгии и Швеции; средние — у Великобритании, США и Нидерландов; низкие — у Швейцарии, Японии и Дании.

Данный индекс используется в докладах И. Бломраад (Bloemraad, 2011; Wright, Bloemraad, 2012). В исследовании 2011 года она провела анализ политики и практики мультикультурализма в различных странах, а также их изменений в 1980–2010 годах с использованием индекса MPI. В рейтинге по данному показателю на первых местах оказались Канада и Австралия, далее разместились Швеция, Новая Зеландия, Бельгия и Великобритания. Средние значения индекса продемонстрировали Испания, Португалия и Соединенные Штаты Америки. В самом низу рейтинга оказались Франция, Германия, Италия, Швейцария и Дания. Особенно интересными оказались результаты Нидерландов: индекс MPI там был достаточно высок в 2000 году в связи с долгосрочной политикой «пилларизации» (Fleras, 2009) (устойчивое вертикальное деление общества, властных структур, политических, профсоюзных и иных общественных организаций в стране по религиозному или национальному признаку), но сильно упал в 2010 году, что может отражать провал политики мультикультурализма в этой стране (Vertovec, Wessendorf, 2010).

3.3. Мультикультурализм как идеология

Установка индивида относительно этнокультурного многообразия и равноправного участия этнокультурных групп в общественной жизни называется мультикультурной идеологией. Мультикультурная идеология определяется как признание культурного многообразия и понимание необходимости взаимного приспособления, способствующие справедливому равноправному участию в жизни общества (Berry et al., 1977). В некоторых обществах, тем не менее, распространено ошибочное мнение, что термин мультикультурализм относится только к культурному многообразию (т.е. наличию множества независимых культурных сообществ). Как было сказано ранее, культурное многообразие вне межкультурного взаимодействия и равноправного участия разных культурных групп и их представителей в жизни общества может существовать только в форме сепарации или сегрегации. Более того, в отсутствие равноправия (равного участия), многообразие, как правило, ведет к формированию социальной разобщенности.

Мультикультурные идеологии разных стран заметно различаются. Это демонстрирует, например, исследование К. Уорд и А.-М. Масгорет (Ward, Masgoret, 2008), в котором они обобщили данные по мультикультурной идеологии ряда стран. Так, согласно полученным результатам, такие страны, как Новая Зеландия, Австралия и Швеция наиболее склонны к принятию данной идеологии, в то время как Греция, Австрия и Германия — наименее. Несмотря на то, что Канада не была включена в этот обзор, необходимо отметить высокий уровень рас-

пространенности мультикультурной идеологии среди её населения: в настоящее время 85% канадцев поддерживают её идеи (Environics Institute, 2015). А опрос общественного мнения в 27 европейских странах (Eurobarometer, 2007), показал, что процент населения, согласного с общей предпосылкой о том, что этническое многообразие обогащает национальную культуру (элемент многообразия), варьируется от 32% на Мальте до 86% в Швеции. В то же время, меньшее количество людей согласно с тем, что должно быть больше представителей этнических меньшинств среди членов парламента (межкультурный элемент): их доля варьируется от 17% в Болгарии и на Кипре, до 66% — в Швеции и Франции. Этот поведенческий паттерн объясняется разрывом в принципе реализации, означающем, что люди более склонны поддерживать абстрактные принципы, чем конкретные меры, направленные на достижение целей. Кроме того, имеются убедительные доказательства того, что мультикультурализм получает большую поддержку, когда он рассматривается в качестве абстрактного принципа, однако более конкретные и приближённые к практике толкования мультикультурализма рассматриваются как угроза для членов доминирующей группы (Yogeeswaran, Dasgupta, 2014).

4. Политика и практика мультикультурализма в культурно-многообразном обществе

Как уже было отмечено выше, политики и практики мультикультурализма разных плюралистических обществ имеют ряд различий. Рассмотрим два показательных примера: Канаду и Европейский союз.

Канада

Впервые политика мультикультурализма была заявлена в Канаде в 1971 году. Цель и основная идея данной политики была сформулирована следующим образом:

«Политика мультикультурализма в условиях билингвизма [...] (это) наиболее подходящий способ обеспечить культурную свободу всех канадцев. Такая политика должна способствовать искоренению дискриминации и межкультурного соперничества. Национальное единство, как нечто, имеющее очень глубокое личностное значение, должно быть основано на уверенности в собственной индивидуальной идентичности, из него может вырасти уважение к другим, и желание делиться идеями, мнениями и предположениями [...]. Правительство будет поддерживать различные культурные и этнические группы, которые структурируют и обогащают наше общество; поощрять их разделять свои духовные и материальные культурные ценности с другими канадцами, тем самым делая полнее жизнь каждого». Правительство Канады (1971).

В данном тексте можно выявить три краеугольных камня политики мультикультурализма в Канаде. Первый, направленный на укрепление взаимного принятия культурными группами друг друга — это цель искоренить дискриминацию и межэтническое соперничество. Осуществление этой цели предполагается через реализацию двух оставшихся элементов, одним из которых является культурный компонент, реализуемый через поддержку и поощрение сохранения и развития культур и культурного насле-

дия в различных культурных группах; в качестве другого же выступает социальный или межкультурный компонент, способствующий культурному самовыражению через предоставление возможностей для межгруппового общения и устранение барьеров для полного и равноправного участия групп в повседневной жизни общества. С точки зрения третьего компонента, особую важность имеет изучения общего языка (-ов) для обеспечения возможности межкультурного общения/взаимодействия среди всех групп.

На протяжении многих лет автор данной главы проводил теоретические и эмпирические исследования канадской политики мультикультурализма с точки зрения психологии (Berry, 2013; 2014). Именно им была произведена оценка результатов канадской политики мультикультурализма спустя десять лет после начала её осуществления (Berry, 1984). Потом еще раз, спустя двадцать лет (Berry, Laponce, 1994), были исследованы рассмотренные выше ключевые элементы политики мультикультурализма и взаимосвязи между ними. В результате было выдвинуто предположение о том, что данные элементы образуют согласованный набор психологических концептов и принципов, и могут служить в качестве основы для разработки проверяемых гипотез.

На рисунке 2 представлены ключевые элементы политики мультикультурализма и их взаимосвязи (цит. по: Berry, 1984). Фундаментальной целью политики является увеличение уровня взаимного принятия среди всех этнокультурных групп (правый верхний угол). В левом верхнем углу представлен культурный компонент, который реализуется посредством предоставления поддержки и поощрения куль-

турного развития всех этнокультурных групп. В левом нижнем углу располагается второй компонент — социальный (или межкультурный) — который реализуется путем предоставления возможностей для межгрупповых контактов, культурного самовыражения и снятия межкультурных барьеров для полного и равноправного участия членов всех этнокультурных групп в жизни общества. Последний элемент модели, представленный в правом нижнем углу, это компонент межкультурной коммуникации, отражающий билингвизм, как характерную черту жизни канадского общества, и признание необходимости изучения членами этнокультурных групп одного из двух «официальных языков» (английского или французского) для достижения взаимопонимания и возможности полноценно участвовать в жизни общества.

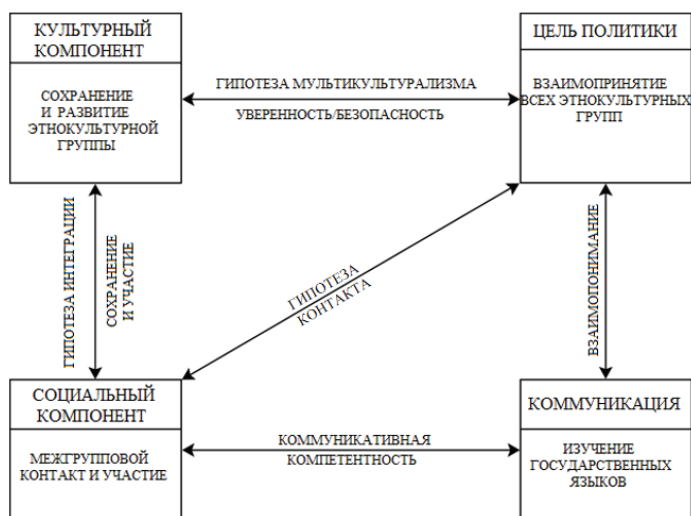

Рис 2. Канадская политика мультикультурализма: цель, компоненты и их взаимосвязи (по Бегу, 1984).

Важно отметить, что в канадском подходе к мультикультурализму и политике мультикультурализма, акцент делается на два, в равной степени важных, фактора: на сохранение культуры и идентичности (культурный компонент); и на полное и равноправное участие всех этнокультурных групп в жизни общества (социальный или межкультурный компонент).

Помимо рассмотренных выше компонентов, модель также отражает взаимосвязи между ними. Так, стрелка, представленная в верхней части модели, представляет собой гипотезу мультикультурализма, утверждающую, что отсутствие угроз своей идентичности приводит к принимающему участию, уважению к другим и снижению уровня дискриминации. Данная гипотеза базируется на психологических предпосылках и может быть подвергнута эмпирической проверке (Berry et al., 1977).

Вторая стрелка, представленная в левой части рисунка 2, представляет собой гипотезу интеграции — предположение о том, что «двойная вовлеченность» (то есть одновременно и желание сохранять собственную культуру, и стремление участвовать в жизни общества) этнокультурных групп и их членов способствует большему успеху в жизни, выражающемуся в более высоких уровнях психологического и социального благополучия. Иными словами, данная гипотеза утверждает, что вовлеченность сразу в два культурных сообщества и связанные с этим уверенность и компетентность обеспечивают людей социальным капиталом, необходимым для преуспевания в межкультурной среде.

Различия, существующие в том, насколько хорошо люди уживаются друг с другом в мультикуль-

турных обществах, связаны с рассмотренными выше стратегиями аккультурации. Как уже отмечалось выше, многочисленные эмпирические исследования показали, что стратегии интеграции и мультикультурализма приводят к более позитивным психологическими, социальным и межкультурным последствиям (Berry, 1997), а мета-анализ (Nguyen, Benet-Martinez, 2013) подтвердил, что данная связь является устойчивой.

Третья стрелка, идущая по диагонали из левого нижнего в правый верхний угол, представляет собой гипотезу контакта, в соответствии с которой в определенных условиях (важнейшими являются добровольность контакта и равенство участников) межкультурный контакт и вовлеченность способствуют взаимному принятию.

Учёт всех компонентов модели и соблюдение баланса между ними делает возможным достижение основной цели политики мультикультурализма в Канаде, то есть такого улучшения межкультурных отношений, чтобы все этнокультурные группы и их представители вписывались как в собственную культурную среду, так и в общество в целом. Таким образом, мультикультурализм затрагивает всех без исключения, а не только недоминирующие группы, и в итоге все группы и их представители оказываются вовлечены в процесс культурных и психологических изменений.

Евросоюз

В 2005 году Европейский Союз принял директиву, продвигавшую основные элементы политики мультикультурализма в рамках «Общих основных принципов политики по интеграции иммигрантов в Европейском Союзе». Основная идея мультикульту-

рализма (интеграции) была сформулирована следующим образом:

«Интеграция представляет собой динамичный, двусторонний процесс взаимного приспособления всех иммигрантов и жителей государств-участников ЕС. Интеграция представляет собой динамичный, долгосрочный и непрерывный двусторонний процесс взаимного приспособления без постоянного статичного результата. Этот процесс требует участия не только иммигрантов и их потомков, но и каждого жителя. Процесс интеграции включает в себя адаптацию иммигрантов, как мужчин, так и женщин, у каждого из которых есть права и обязанности по отношению к своей новой стране проживания. Интеграция также включает в себя принимающее (доминантное) общество, которое должно создавать все возможности для полного экономического, социального, культурного и политического участия иммигрантов в жизни общества. Соответственно, государствам-участникам ЕС рекомендуется принимать во внимание и вовлекать в процесс интеграции как иммигрантов, так и местное население, а также четко информировать их об их взаимных правах и обязанностях.»

Одна из статей в этих 11 основных принципах признает право на сохранение культурной самобытности: «Право на свободу выбора и следования различным культурным и религиозным нормам гарантировано Хартией по правам человека, должно соблюдаться и защищаться во всех случаях, кроме тех, когда оно вступает в конфликт с другими неприкосновенными европейскими правами или национальным законодательством». Другая статья

делает акцент на право в полной мере участвовать в жизни общества: «Частые взаимодействия между иммигрантами и гражданами принимающего государства является фундаментальным механизмом интеграции. Общие собрания, межкультурный диалог, культурное обучение, а также обеспечение комфортных условий для совместного проживания в городах представителей разных культур способствуют благоприятному взаимодействию между иммигрантами и гражданами государств-участников ЕС». И далее: «Обеспечение иммигрантам равного с гражданами государств-участников ЕС доступа к институтам, товарам и услугам на недискриминационной основе является важной базой для более тесной интеграции». Наконец, еще одна статья отмечает важность изучения официального государственного языка: «Базовые знания языка принимающего общества, его истории и институтов необходимы в процессе интеграции; поэтому помощь иммигрантам в приобретении этих базовых знаний имеет важное значение для успешной интеграции». Что касается самого процесса интеграции, данная директива определяет интеграцию мигрантов и их культурных сообществ, как «...динамичный, двусторонний процесс взаимного приспособления всех иммигрантов и жителей государств-участников ЕС. Интеграция представляет собой динамичный, долгосрочный и непрерывный двусторонний процесс взаимного приспособления без постоянного статичного результата. Этот процесс требует участия не только иммигрантов и их потомков, но и каждого жителя».

В отличие от этой общей политики Евросоюза, учитывающей и культурное многообразие, и равноправное участие всех групп в жизни общества, в не-

которых европейских странах, например, таких как Германия, Нидерланды и Великобритания, взгляд на мультикультурализм исключительно как на культурное многообразие, послужил основой для утверждений, что «мультикультурализм потерпел неудачу» (Berry, Sam, 2013).

Например, премьер-министр Великобритании в ноябре 2011 года заявил, что мультикультурализм на государственном уровне стимулировал различные культуры жить разобщённо и что «для того, чтобы предотвратить радикализацию своих граждан, Великобритании требовалась более сильная национальная идентичность». Если делать акцент только на терпимость к существованию множественных культурных групп в обществе, без одновременного их включения в жизнь общества через программы элиминации барьеров на пути равноправного участия, то, правильнее будет назвать такие политики, практики и идеологию не мультикультурализмом, а сегрегацией. Именно о ней и говорил премьер-министр Кэмерон. Тем не менее, решением проблемы сегрегации будет скорее обеспечение культурной гомогенности, чем «двойная вовлеченность» культурных групп, постулируемая в нашем видении мультикультурализма.

Другая неоднозначность, связанная с мультикультурализмом в Европейском Союзе, состоит в том, что в соответствии с исследованиями (van de Vijver, Breugelmans, Schalk-Soekar, 2008), европейцы делают четкое различие между правом иммигрантов сохранять свою культуру в частном порядке (то есть, в их семьях и общинах) и правом ожидать каких-то симметричных изменений в культуре принимающего общества. То есть, иммигранты могут выражать

свою культурную самобытность в своих семьях и сообществах, однако в публичных ситуациях (например, в учебных заведениях или на работе) это неприемлемо. Такая точка зрения прямо противоречит основным принципам, изложенным в директиве Европейского Союза, в которой упор делается на взаимное приспособление.

5. Эмпирическое исследование межкультурных отношений

Уже упомянутое выше исследование межкультурных отношений на выборке 17 стран (Berry et al., 2017) базировалось на идее, что для достижения социальной стабильности и сплоченности необходимо научно-обоснованное понимание исторических, политических, экономических, религиозных и психологических особенностей контактирующих групп. Международная команда исследователей реализовала проект, призванный ответить на вопрос «Как все мы будем жить вместе?» через проверку трёх ключевых психологических гипотез.

- Гипотеза мультикультурализма связывает ощущение безопасности собственной культуры и идентичности с принятием представителей других этнокультурных групп. Когда же существует угроза их культуре или идентичности, люди отвергают тех, кто от них отличается.

- Гипотеза контакта состоит в том, что межкультурный контакт будет способствовать взаимному принятию при соблюдении определенных условий, таких как равный социально-экономический статус контактирующих индивидов или групп; до-

бровольность контакта; поддержка межкультурных контактов со стороны политики, социальных норм и законов, запрещающих дискриминацию.

- Гипотеза интеграции состоит в том, что двойная вовлеченность групп и их членов (в поддержание своих самобытных культур, и в жизнь общества в целом) способствует достижению большего психологического и социального благополучия, чем участие в жизни только одной культурной группы.

Основной целью проекта была проверка гипотез в разных обществах для выявления базовых психологических предпосылок успешности межкультурных отношений. Конечной же целью являлось формулирование на базе полученных результатов рекомендаций для национальной политики государств, а также разработки специальных программ по улучшению межкультурных отношений на глобальном уровне.

В целом результаты, полученные на выборках, как доминирующего/принимающего населения, так и недоминирующих/этнокультурных групп, подтвердили валидность трёх выдвинутых гипотез. Примерно для 80 процентов измерений доверие/безопасность (в противовес угрозе/дискриминации), контакт/принимающее участие (в противовес исключению); и использование стратегии интеграции (но не ассимиляции, сепарации или маргинализации) способствовали благополучию и позитивным межкультурным отношениям.

Очевидна практическая применимость полученных результатов для формулирования рекомендаций по разработке политики и программ, касающихся иммигрантов. Необходимо, во-первых, обеспечить культурное пространство для всех групп и их чле-

нов, так, чтобы они чувствовали себя в безопасности; во-вторых, предоставить возможности для межкультурного взаимодействия; и, в-третьих, поощрять сохранение множественных идентичностей и способов приспособления друг к другу в плюралистических обществах.

6. Пути улучшения межкультурных отношений в мультикультурных обществах

Мультикультурное видение должно отвечать двум требованиям: сохранение самобытности различных культур и равноправное участие всех этнокультурных групп в жизни общества. Некоторые политики мультикультурализма учитывают оба этих фактора, способствуют их развитию и даже закреплению на законодательном уровне, другие, однако, ограничиваются лишь стимулированием культурного многообразия. С точки зрения мультикультурного видения общества культурное многообразие — это общественное благо, которое нужно приспособить к доминирующему обществу, и оно в результате должно приводить к позитивным последствиям для разных групп и их членов. Но как же обеспечить эти позитивные последствия устойчивого межкультурного контакта?

Во-первых, мультикультурализм, как политика и её воплощение на практике, должен принимать во внимание не только культурное многообразие, но и обязательное равноправное участие всех групп в жизни общества. Именно отсутствие последнего пункта и привело некоторые страны и их лидеров к мнению, что политика мультикультурализма у них

провалилась. Однако это не соответствует действительности, так как применяемая ими политика не являлась политикой мультикультурализма. Наиболее важным в этом неравноправном включении групп в жизнь общества являются опыт дискриминации, который может быть представлен на трех уровнях: на системном уровне (в обществе); на групповом уровне (исключение людей по признаку группового членства); и на личностном уровне (ограничение возможностей участия в жизни общества качестве полноправного члена культурного сообщества). Большинство исследований, упомянутых в данной главе, показали, что такая дискриминация является наиболее важным фактором взаимной враждебности (имеет негативный взаимный эффект), а также приводит к низким уровням психологической и социально-культурной адаптации. Поэтому, чтобы минимизировать подобные негативные эффекты, требуется на уровне государственного законодательства стимулировать равное участие разных групп в жизни общества и ограничивать проявления отторжения (и на словах, и в поступках).

Во-вторых, государством должно быть организовано доступное всем членам общества обучение, разъясняющее, что мультикультурализм состоит и в принятии культурного многообразия, и в равноправном участии меньшинств в жизни общества, чтобы все могли разобраться в этом важном подходе. Необходимо продемонстрировать преимущества культурного многообразия и равенства (Berry, 1998) во всех сферах жизни общества: образовании, здравоохранении, юстиции, СМИ и политической жизни. Конечно, иммиграция и культурная разнородность предполагают некоторые затраты на них, однако, последние

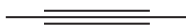
исследования доказывают, что все они окупаются в экономическом и культурном в плане в долгосрочной перспективе. Так, например, канадская реклама, основанная на лозунге «Мультикультурализм работает!», продвигает идею того, что общество, члены которого являются носителями многих языков, обычаев и ценностей, может использовать это в своих целях в мировой торговле и в дипломатии. Равно как и широкая представленность искусства разных народов мира: кино, театров, музыки и литературы — обогащает культурную жизнь общества.

В-третьих, гипотеза контакта была многократно проверена и доказала свою высокую валидность (Gropp, Pettigrew, 2011). В большинстве случаев (особенно в условиях равного статуса участников контакта) высокая частота межкультурных контактов связана с более позитивными результатами. Межкультурный контакт является необходимой предпосылкой компонента вовлеченности мультикультурализма, в то время как позитивные межкультурные установки и их воплощение в поведении приводят к равноправию в этой вовлеченности. Политические программы, поощряющие диалог культур и межкультурные взаимодействия, например, в области искусства, спорте и политике, могут соответствовать требованиям могут способствовать улучшению межкультурных отношений.

7. Заключение

Мультикультурализм — явление широко распространенное и быстро развивающееся во всех современных обществах. Культурно-разнородная среда является тем контекстом, который обеспечивает меж-

культурные взаимодействия, из-за чего каждый человек так или иначе оказывается вовлечен в процесс аккультурации. Стоит подчеркнуть, что в подобных условиях мультикультурализм означает одновременное присутствие культурного многообразия и равноправие всех этнокультурных групп в их социальной жизни. Такое «мультикультурное видение» является эффективным способом регулирования межкультурных отношений в плюралистических обществах.

Раздел I

Межкультурные отношения в центральной России

Взаимная аккультурация мигрантов и принимающего населения в центральной России

Т. Рябиченко, Н. Лебедева

Введение

По оценкам Организации объединенных наций, 51% всех международных мигрантов проживают всего в десяти странах. На первом месте среди них в 2015 году оказались США, где живут 19 миллионов мигрантов, за ними следуют Германия и Россия, принявшие по 12 миллионов каждая (United Nations..., 2016).

Что касается неоспоримых преимуществ такого положения для России, то свидетельством его пользы является отмеченная в 2009–2012 гг. положительная динамика прироста населения России, которая обеспечивается, в основном, за счет иммиграции, в то время как естественный прирост, начавшийся только в 2013 г., является незначительным (Вишневский и др., 2015). При этом основными донорами миграции в Россию являются страны СНГ. Так, в 2013 г., миграция из этих стран составила 87,6% всего миграционного потока, а основными донорами России в течение всего предшествующего десятилетия выступали страны Средней Азии (Вишневский и др., 2015; Зайончковская и др., 2015). К следствиям происходящих в результате миграции процессов можно отнести не только наблюдаемое и, следует отметить, исторически присущее России культурное многообразие, но

и возникновение проблем, связанных с взаимной аккультурацией и адаптацией отличающихся друг от друга групп мигрантов и принимающего населения (Lebedeva, Tatarko, 2013).

Миграция в Россию

Привлекательность России для мигрантов из стран, ранее входивших в состав СССР, по большей части, обусловлена общностью истории этих стран, использованием русского языка в качестве языка межнационального общения в советский период, а также сохранявшимся до недавнего времени безвизовым режимом между Россией и большинством этих стран. В течение постсоветского периода российской истории можно выделить три основных миграционных потока (Genov, Savvidis, 2011). В первом из них, который начался непосредственно после распада СССР и образования новых независимых государств в 90-ых годах XX века, участвовали этнические русские или представители других этнических групп, для которых русский язык выступал в качестве родного. Для них миграция в Россию была возвращением на историческую родину или в страну, которую они считали своей.

С конца 90-х годов этнический состав и социальная структура потоков мигрантов стали меняться. Вторую волну миграции составили «экономические мигранты» из Украины, Молдовы и Южного Кавказа — Армении, Грузии, Азербайджана. Проведенные в Москве исследования показали, что большинство мигрантов из Грузии и Армении обладают профессиональной квалификацией. Они заняты в промышленности, торговле, транспорте, сфере услуг, систе-

ме образования и здравоохранения. И сейчас для молодых мигрантов из этих стран основной причиной миграции является поиск лучших возможностей для получения образования и трудоустройства (Poghosyan, 2011; Badurashvili, 2011). Сходная картина наблюдается для азербайджанцев, которые заняты в оптовой и розничной торговле, промышленности, строительстве, сфере услуг и на транспорте (Yunusov, 2013).

Участниками третьей волны, продолжающейся до сих пор, по большей части, являются мигранты из стран Средней Азии. Основными причинами миграции для них являются высокие уровни безработицы и низкие зарплаты в странах исхода, что особенно характерно для сельского населения. Для таких мигрантов миграция выступает в качестве стратегии достижения жизненного успеха, а принятие решения о миграции подкрепляется отмеченным ростом материального достатка тех семей, в которых уже кто-то эмигрировал. Молодые мигранты из этих стран плохо владеют русским языком, более половины из них вообще не имеют профессионального образования и не обладают профессиональными навыками, и поэтому часто воспринимаются принимающим населением как наиболее социально и культурно далекие (Миграция и демографический кризис..., 2010; Чудиновских и др., 2013; Di Bartolomeo et al., 2014). В долгосрочной перспективе многие мигранты ориентированы на возвращение в страну исхода, считая, что это станет возможным либо тогда, когда будут реализованы краткосрочные планы, касающиеся заработка в России, либо когда улучшится ситуация на их родине. С одной стороны, это снижает уровень их притязаний к существующим жизненным услови-

ям, с другой — может служить препятствием для их интеграции в российское общество (Максименкова, Сорокина, 2014).

Как вторая, так и третья волны миграции в наибольшей степени обусловлены существующим значительным разрывом в экономическом развитии стран происхождения мигрантов и России, а также высоким уровнем безработицы в выступающих донорами странах (Миграция и демографический кризис..., 2010; Genov, Savvidis, 2011; Di Bartolomeo et al., 2014). По официальной статистике, учитывающей лишь тех, кто работает, имея официальное разрешение на работу (следует отметить, что многие мигранты работают, не имея трудового договора), каждый пятый работник из СНГ в России занят неквалифицированным трудом. Учет тех, кто не имеет такого разрешения, только увеличит данное соотношение (Вишне夫斯基 и др., 2015).

Однако несмотря на необходимость для российского рынка труда в присутствии на нем трудовых мигрантов, снижение еще недавно наблюдавшихся темпов прироста населения в России, неблагоприятные изменения возрастного состава населения, установки русских в отношении миграции и мигрантов являются преимущественно негативными. Среди россиян термин «мигранты» ассоциируется в основном с мигрантами из Средней Азии и Кавказа, которые рассматриваются в качестве источника культурной угрозы и дополнительного экономического бремени (Genov, Savvidis, 2011; Зайончковская и др., 2014). Исследователями отмечается решающая роль воспринимаемой культурной и социальной дистанции в формировании негативных установок принимающего населения по отношению к мигрантам из

Средней Азии. Среди причин часто называют несоответствующие местным культурным нормам наблюдаемые модели поведения мигрантов, опасения за ухудшение эпидемиологической ситуации, криминогенной обстановки, условий на рынке труда, снижение качества образования в школах, где обучаются плохо владеющие русским языком дети мигрантов (Abashin, 2013; Зайончковская и др., 2014). В свою очередь, мигранты сталкиваются с проблемами, связанными с регистрацией, поиском жилья и легального трудоустройства, обращением за медицинской помощью, зачислением детей в школы, мошенничеством работодателей и вымогательством со стороны работников правоохранительных органов (Зайончковская и др., 2014; Максименкова, Сорокина, 2014).

По статистике, порядка 43% всех официально трудоустроенных в России мигрантов, проживают в Центральном федеральном округе России, 30% таких иммигрантов — в Москве (Di Bartolomeo et al., 2014). Этим фактом и обусловлен выбор нами данного региона для проведения исследования взаимной аккультурации мигрантов и принимающего населения в российском контексте.

Аккультурация и адаптация

Аккультурация включает в себя изменения, возникающие при продолжительном контакте представителей различных этнических групп (Redfield et al., 1936). Эти изменения касаются как самих культур вовлеченных в контакт групп, так и изменений индивидуальных паттернов поведения участников аккультурационного процесса. Джон Берри предложил рассматривать процесс аккультурации мигрантов с

точки зрения их ориентации на сохранение собственной культуры и участия в контактах с принимающим обществом. По этим двум измерениям были выделены четыре возможных стратегии: интеграция, ассимиляция, сепарация и маргинализация (Berry, 1990). С точки зрения межкультурных отношений в обществе и по своим адаптационным результатам на индивидуальном уровне наиболее успешной является интеграция, наименее успешной — маргинализация (Berry, Sabatier, 2011; Nguyen, Benet-Martínez, 2013; Ward, Kennedy, 1994). Для представителей принимающего общества (или группы большинства) выделяют соответствующие аккультурационные ожидания: мультикультурализм (интеграция), плавильный котел (ассимиляция), сегрегация (сепарация) и исключение (маргинализация). По своим адаптационным последствиям для представителей группы большинства, также как и для мигрантов, мультикультурализм (интеграция) является наиболее успешной стратегией, связанной с позитивными межкультурными установками (Berry, 1990).

Однако на характер взаимосвязи стратегий аккультурации с психологической и социокультурной адаптацией мигрантов и развитие межкультурных отношений в целом могут оказывать влияние многие факторы. Это могут быть аккультурационные ожидания группы большинства, обладающей большими ресурсами и влиянием (Geshke et al., 2010), а также совпадение или несовпадение аккультурационных ожиданий большинства и установок самих мигрантов (Bourghis et al., 1997; Pfafferott, Brown, 2006; Piontkowski et al., 2002), социально-политический контекст общества (в наибольшей степени — воспринимаемая дискриминация (Berry, Sabatier, 2010;

Jasinskaja-Lahti et al., 2003; Kus-Harbord, Ward, 2015), время проживания мигрантов в стране (Jasinskaja-Lahti et al., 2011)). Кроме того, существуют различия в том, как стратегии аккультурации связаны с видами адаптации. Например, интеграция, в большей степени, может способствовать лучшей психологической адаптации, а ассимиляция — социокультурной (Ward, Rana-Deuba, 1999), при этом, в начале аккультурационного процесса социокультурной адаптации мигрантов могут способствовать обе эти стратегии (Jasinskaja-Lahti et al., 2011). Для уточнения специфики взаимосвязей стратегий аккультурации с разными типами адаптации и выявления оптимальных условий межкультурного взаимодействия необходимы дальнейшие исследования, включающие разные культурные группы и контексты.

Эмпирическая проверка трех гипотез межкультурных отношений

Целью нашего исследования была проверка трех гипотез межкультурных отношений в Центральном Федеральном округе России. Были проверены гипотезы мультикультурализма, контакта и интеграции (Berry, 2013; Lebedeva et al., 2016).

В соответствии с гипотезой мультикультурализма, чем выше чувство безопасности личности, тем выше готовность к принятию представителей других культур. В нашем исследовании мы проверяли взаимосвязи воспринимаемой безопасности с этнической толерантностью и выраженностью мультикультурной идеологии.

В соответствии с гипотезой контакта, межкультурные контакты способствуют взаимному при-

нятию (при выполнении определенных условий, в частности, равенства). Здесь мы проверяли взаимосвязи межкультурных контактов с этнической толерантностью, стратегией интеграции и стратегией ассимиляции.

В соответствии с гипотезой интеграции, предпочтение стратегии интеграции способствует психологической и социокультурной адаптации. Были проверены взаимосвязи стратегии интеграции с самоуважением, удовлетворенностью жизнью и социокультурной адаптацией (последняя взаимосвязь проверялась только в группах мигрантов).

В дополнение к гипотезе интеграции нами были проверены взаимосвязи стратегии ассимиляции с показателями адаптации мигрантов и принимающего населения. Включение стратегии ассимиляции в проверяемые модели обусловлено тем фактом, что предыдущие исследования показали важную роль этой стратегии во взаимной адаптации мигрантов и представителей принимающего общества и, в целом, в межкультурных отношениях (Jasinskaja-Lahti et al., 2011, Kus-Harbord, Ward, 2015; Lebedeva et al., 2016).

Выборку составили представители двух групп мигрантов: одна — мигранты из стран Южного Кавказа (преимущественно представители второй волны миграции в Россию), вторая — мигранты из стран Средней Азии (представители третьей волны миграции), а также представители принимающего населения — этнические русские.

Методология

В исследовании использовался метод социально-психологического опроса. Мигранты опраши-

вались преимущественно в Москве: в отделениях УФМС, на рынках или рабочих местах, в общественных организациях мигрантов, на рабочих местах и в университетах. Участие в исследовании было добровольным и анонимным.

В опросе приняли участие 227 мигрантов из Средней Азии (из них — 123 узбека и 104 таджика), 274 мигранта из стран Южного Кавказа (179 армян, 48 азербайджанцев и 47 грузин). Также были опрошены представители принимающего населения (русские) — всего 261 респондент. Характеристики выборки представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Характеристики выборки

Группа	N	Пол				Возраст			
		мужчины	%	женщины	%	Min	Max	M	SD
Мигранты из Средней Азии	227	143	63.0	84	37.0	19	66	31.55	8.70
Мигранты с Южного Кавказа	274	120	43.8	154	56.2	17	74	34.39	12.36
Русские	261	130	49.8	131	50.2	18	69	36.28	14.87
Всего	762	393	51.6	369	48.4	17	74	34.19	12.51

Примечание. Min — минимум, Max — максимум, M — среднее, SD — стандартное отклонение.

Шкалы

В исследовании использовались шкалы из русской версии опросника MIRIPS (проект «Mutual

Intercultural Relations in Plural Societies», оригинальная версия опросника находится на сайте <http://www.victoria.ac.nz/cact/research/mirips>), переведенного и адаптированного для использования в России (Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009). Для опроса таджиков и узбеков опросник был переведен на таджикский и узбекский языки и адаптирован нашей коллегой Ж. Хожиевым.

Ответы респондентов варьировались от 1 до 5, где «1» соответствовал ответ «абсолютно не согласен», «5» — «абсолютно согласен». Используемые шкалы:

Воспринимаемая безопасность. Шкала включала пять вопросов, касающихся восприятия угрозы (или безопасности) в различных областях жизни: культуре — «Мы должны принять меры для защиты наших культурных традиций от влияния извне» (обратный), экономике — «Высокий уровень безработицы — серьезная причина для беспокойства» (обратный), безопасности жизни в целом — «Сегодня шансы человека прожить более безопасную жизнь выше, чем когда-либо прежде».

Межкультурные контакты. Для оценки уровня межкультурных контактов вычислялось среднее по двум вопросам. Первый вопрос: «Сколько у вас близких друзей — русских?» для мигрантов, «Сколько у вас близких друзей — представителей другой национальности?» для русских. Здесь ответы оценивались от 1 до 5, где «1» соответствовал ответ «ни одного», «5» — «много». Второй вопрос: «Как часто вы встречаетесь с близкими друзьями — русскими?» для мигрантов, «Как часто вы встречаетесь с близкими друзьями другой национальности?» для русских. «1» соответствовал ответ «никогда», «5» — «каждый день».

Этническая толерантность. Шкала включала в себя три вопроса и измеряла степень принятия представителей групп, имеющих культурные отличия от собственной. Например, «Если работодатели хотят принимать на работу только людей определенной национальности — это их дело» (обратный).

Мультикультурная идеология. В шкалу были включены четыре вопроса, измеряющие степень принятия культурного многообразия и мультикультурализма. Например, «Общество, в котором существуют многообразные этнические и культурные группы, более способно к решению новых, постоянно возникающих проблем».

Стратегии аккультурации: интеграция и ассимиляция. Каждая шкала включала в себя по четыре вопроса. Например, для стратегии интеграции использовались вопросы «Для меня важно владеть в совершенстве и русским, и родным языками» для мигрантов, «Для мигрантов важно владеть и русским, и родным языками» для русских. Соответственно, для стратегии ассимиляции использовались вопросы: «Для меня важнее владеть в совершенстве русским языком, чем родным» для мигрантов, «Для мигрантов важнее владеть в совершенстве русским языком, чем родным» для русских.

Удовлетворенность жизнью (Diener et al., 1985). Использовались четыре вопроса. Например, «У меня есть все, что мне необходимо в жизни».

Самоуважение (Rosenberg, 1965). Были использованы четыре вопроса. Например, «Я могу многое делать так же хорошо, как и большинство других людей».

Социокультурная адаптация (SCA-R — Revised Sociocultural Adaptation Scale, шкала использовалась

только для групп мигрантов) (Wilson, 2013). Шкала включала десять вопросов. Респондентам предлагалось отметить, в какой мере они испытывают в России трудности в различных областях жизни, таких как: «установление и поддержание отношений с людьми», «понимание и владение местным языком», «выражение своих идей принятым в местной культуре способом». Все вопросы шкалы обратные.

Демографические переменные: пол, возраст, этническая принадлежность, продолжительность пребывания в России (для мигрантов).

Обработка данных

При проверке гипотез использовался метод моделирования структурными уравнениями (Kline, 1998). В приложении SPSS AMOS 20 (Arbuckle, 2011) были построены три путевые модели, по отдельности для двух групп мигрантов (из Средней Азии и Южного Кавказа) и группы русских. Сравнение средних по шкалам в трех исследуемых группах проводилось при помощи многомерного дисперсионного анализа (MANOVA).

Результаты

Сначала мы сравнили длительность пребывания в России в двух исследуемых группах мигрантов. Средняя продолжительность пребывания мигрантов с Южного Кавказа оказалась равной 11.92 года (SD = 6.78). Средняя продолжительность пребывания мигрантов из Средней Азии составила 5.70 года (SD = 4.99), что ниже, чем для мигрантов с Южного Кавказа. При этом большинство мигрантов из второй группы (62.9%) проживают в России не более пяти лет, многие — не более 3 лет (39.9%).

Результаты сравнения средних в трех группах и α -Кронбаха для использованных в исследовании шкал приведены в таблице 2.

Таблица 2

Средние, стандартные отклонения и α -Кронбаха для групп мигрантов с Южного Кавказа, Средней Азии и группы русских

Шкалы	Мигранты с Южного Кавказа			Мигранты из Средней Азии			Русские			F (2, 759)
	M	SD	α	M	SD	α	M	SD	α	
Безопасность	3.14 ^a	0.80	0.50	4.07 ^b	0.74	0.61	3.50 ^c	0.70	0.58	96.04***
Контакты	3.55 ^a	1.15	0.82	3.05 ^b	1.05	0.70	2.30 ^c	1.25	0.91	79.08***
Толерантность	3.02 ^a	1.17	0.63	3.29 ^b	1.08	0.52	3.03 ^a	1.07	0.69	4.60**
Мультикультурная идеология	4.03 ^a	0.76	0.63	4.15 ^b	0.73	0.63	3.78 ^a	0.76	0.64	15.33***
Интеграция	4.40 ^a	0.72	0.71	4.39 ^a	0.74	0.65	3.91 ^b	0.73	0.68	38.57***
Ассимиляция	1.79 ^a	0.74	0.58	2.01 ^b	0.96	0.70	2.09 ^b	0.75	0.70	9.62***
Удовлетворенность жизнью	3.09 ^a	0.92	0.86	3.35 ^b	1.01	0.74	3.26 ^b	0.79	0.81	8.14***
Самоуважение	4.13 ^a	0.59	0.60	4.36 ^a	0.70	0.76	4.14 ^b	0.52	0.71	11.18***
Социокультурная адаптация	4.17 ^a	0.62	0.81	2.44 ^b	1.07	0.94	-	-	-	508.37***

Примечания: M — среднее, SD — стандартное отклонение. Различия между группами проверялись при помощи MANOVA и попарных сравнений при помощи критерия достоверно значимой разности Тьюки (Tukey's HSD). Значения в строках с различающимися индексами статистически значимо различаются ($p < .05$). F — F-критерий Фишера. ** — $p < .01$, *** — $p < .001$.

Как видно из представленной таблицы, в наименьшей безопасности себя ощущают мигранты с Южного Кавказа, в то время как уровень участия в межкультурных контактах в этой группе оказался

самым высоким. Не обнаружено значимых различий между русскими и мигрантами с Южного Кавказа в уровне этнической толерантности и выраженности мультикультурной идеологии. Мигранты из Средней Азии демонстрируют чуть более высокие показатели по этим двум параметрам.

Что касается стратегий аккультурации, то из представленных в Таблице 2 результатов видно, что наиболее предпочитаемой во всех трех группах является стратегия интеграции. Во всех группах получены низкие значения по шкале ассимиляции, однако мигранты из Средней Азии демонстрируют более высокий уровень ориентации на ассимиляцию, чем мигранты с Кавказа. Если сравнивать эти две группы по показателям адаптации, то можно видеть, что мигранты с Южного Кавказа более социально адаптированы, в то время как уровень удовлетворенности жизнью выше у мигрантов из Средней Азии.

Результаты путевого анализа

Далее нами были проверены три гипотезы межкультурных отношений в Центральном федеральном округе в двух группах мигрантов и в группе большинства.

Мигранты

Путевая модель, построенная для группы мигрантов из Южного Кавказа, показана на рисунке 1. Характеристики путевой модели указывают на ее хорошее соответствие эмпирическим данным: $\chi^2/df = 1.66$; $RMSEA = .05$; $CFI = .96$; $PCLOSE = .46$ (Hu, Bentler, 1999).

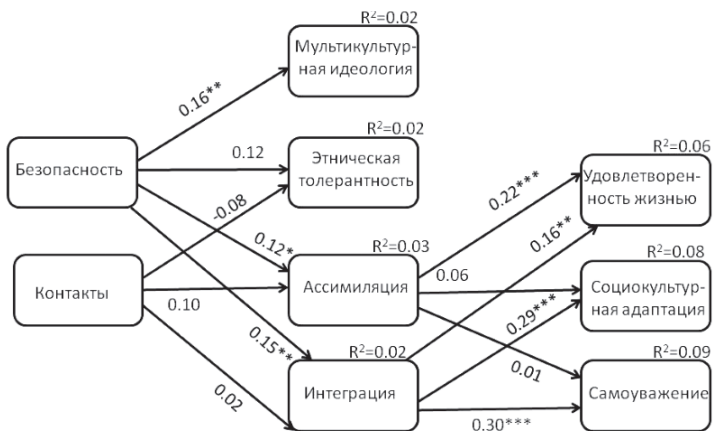

Рис. 1. Путьевая модель для группы мигрантов с Южного Кавказа.

Примечание. Показаны стандартизированные коэффициенты регрессионных связей; * — $p < .05$; ** — $p < .01$; *** — $p < .001$; R^2 — коэффициент детерминации.

Рассмотрим результаты, полученные при проверке данной модели.

Гипотеза мультикультурализма. Уровень воспринимаемой безопасности оказался позитивно взаимосвязанным с мультикультурной идеологией ($\beta = .16$, $p < .01$) и стратегией интеграции ($\beta = .12$, $p < .05$). Кроме того, была обнаружена позитивная взаимосвязь воспринимаемой безопасности и стратегии ассимиляции ($\beta = .12$, $p < .05$). Взаимосвязи воспринимаемой безопасности и этнической толерантности обнаружено не было.

Гипотеза контакта. Статистически значимых взаимосвязей межкультурных контактов со стратегиями аккультурации и этнической толерантностью в данной группе мигрантов мы не обнаружили.

Гипотеза интеграции. Были обнаружены позитивные взаимосвязи стратегии интеграции со всеми показателями адаптации: социокультурной ($\beta = .29$,

$p < .001$) и психологической: самоуважением ($\beta = .30$, $p < .001$) и удовлетворенностью жизнью ($\beta = .16$, $p < .01$).

Также в данной группе мигрантов была обнаружена позитивная взаимосвязь стратегии ассимиляции с удовлетворенностью жизнью ($\beta = .22$, $p < .001$).

Кроме того, были обнаружены значимые корреляционные связи между мультикультурной идеологией и стратегией интеграции ($r = .34$, $p < .001$), мультикультурной идеологией и стратегией ассимиляции ($r = -.25$, $p < .01$), стратегией интеграции и стратегией ассимиляции ($r = -.25$, $p < .001$).

Далее для проверки трех гипотез межкультурных отношений нами была построена путевая модель для группы мигрантов из Средней Азии. Модель приведена на рис. 2. Характеристики модели также соответствуют требованиям, предъявляемым к моделям при структурном моделировании: $\chi^2/df = 2.12$, $RMSEA = .07$, $CFI = .93$, $PCLOSE = .19$ (Hu, Bentler, 1999).

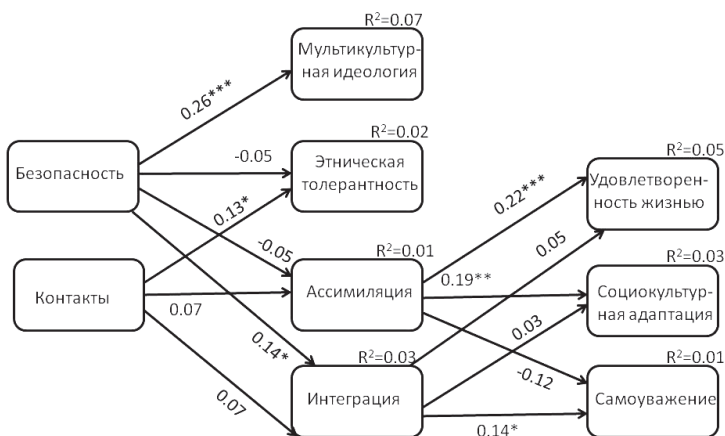

Рис. 2. Путевая модель для группы мигрантов из Средней Азии.

Примечание. Показаны стандартизированные коэффициенты регрессионных связей; * — $p < .05$; ** — $p < .01$; *** — $p < .001$; R² — коэффициент детерминации.

Рассмотрим результаты, полученные в модели для группы мигрантов из Средней Азии.

Гипотеза мультикультурализма. Также, как и в группе мигрантов с Южного Кавказа, уровень воспринимаемой безопасности позитивно взаимосвязан с мультикультурной идеологией ($\beta = .26, p < .01$) и стратегией интеграции ($\beta = .14, p < .05$). Статистически значимой взаимосвязи воспринимаемой безопасности с этнической толерантностью и стратегией ассимиляции обнаружено не было.

Гипотеза контакта. Межкультурные контакты в группе мигрантов из Средней Азии оказались позитивно взаимосвязанными с уровнем этнической толерантности ($\beta = .13, p < .05$). Однако, так же, как и в первой группе мигрантов, межкультурные контакты с мультикультурной идеологией не взаимосвязаны.

Гипотеза интеграции. Стратегия интеграции в группе мигрантов из Средней Азии позитивно взаимосвязана с самоуважением ($\beta = .14, p < .05$). С другими показателями адаптации значимых взаимосвязей не найдено.

Для стратегии ассимиляции найдены позитивные взаимосвязи с удовлетворенностью жизнью ($\beta = .22, p < .001$) и социокультурной адаптацией ($\beta = .19, p < .01$).

В данной группе также найдены значимые корреляционные связи между мультикультурной идеологией и стратегией интеграции ($r = .13, p < .05$), мультикультурной идеологией и стратегией ассимиляции ($r = .29, p < .01$), мультикультурной идеологией и самоуважением ($r = .23, p < .001$), стратегией интеграции и стратегией ассимиляции ($r = -.18, p < .05$), воспринимаемой безопасностью и удовлетворенностью жизнью ($r = .16, p < .01$).

Результаты путевого анализа для двух групп мигрантов приведены в таблице 3.

**Стандартизированные коэффициенты
регрессионных связей для групп мигрантов
с Южного Кавказа / Средней Азии**

Предикторы	Мульти-культурная идеология	Толерантность	Интеграция	Ассимиляция	Социокультурная адаптация	Самоуважение	Удовлетворенность жизнью
Безопасность	.16** / .26***	.12 / -.05	.15** / .14*	.12* / -.05/	-	-	
Контакты	-	-.08 / .13*	.02 / .07	.10 / .07	-	-	-
Интеграция	-	-	-		.29*** / .03	.30*** / .14*	.16** / .05
Ассимиляция	-	-	-	-	.06 / .19**	.01 / -.12/	.22*** / .22***
R ²	.02/.07	.02/.02	.02/.03	.03/.01	.08/.03	.09/.04	.06/.05

Примечание. * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$. R² — коэффициент детерминации. Результаты для группы мигрантов из Средней Азии приведены после знака «/».

Русское большинство

Далее нами была проверена модель в группе большинства — русских. Результаты проверки трех гипотез межкультурных отношений показаны на рис. 3 и приведены в таблице 4. Характеристики путевой модели указывают на ее хорошее соответствие эмпирическим данным: $\chi^2/df = 1.46$; $RMSEA = .04$; $CFI = .98$; $PCLOSE = .54$ (Hu, Bentler, 1999).

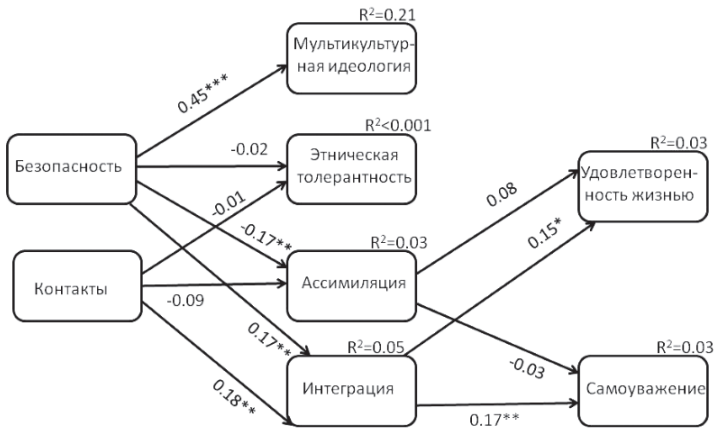

Рис. 3. Путевая модель для группы русских

Примечание. Показаны стандартизированные коэффициенты регрессионных связей; * — $p < .05$; ** — $p < .01$; *** — $p < .001$; R^2 — коэффициент детерминации.

Таблица 4

**Стандартизированные коэффициенты
регрессионных связей для группы русского большинства**

Предикторы	Мультикультурная идеология	Толерантность	Интеграция	Ассимиляция	Самоуважение	Удовлетворенность жизнью
Безопасность	.45***	-.02	.17**	-.17**	-	
Контакты	-	-.01	.18**	-.09	-	-
Интеграция	-	-	-		.17**	.15*
Ассимиляция	-	-	-	-	-.03	.08
R ²	.21	< .001	.05	.03	.03	.03

Примечание. * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$.
R² — коэффициент детерминации.

Гипотеза мультикультурализма. Результаты показывают, что в группе большинства воспринимаемая безопасность позитивно взаимосвязана с мультикультурной идеологией ($\beta = .45$, $p < .001$), в то же время взаимосвязи безопасности с этнической толерантностью не обнаружено. Кроме того, были обнаружены взаимосвязи воспринимаемой безопасности с аккультурационными ожиданиями русских: позитивная — с интеграцией ($\beta = .17$, $p < .01$) и негативная — с ассимиляцией ($\beta = -.17$, $p < .01$).

Гипотеза контакта. Межкультурные контакты позитивно взаимосвязаны с интеграцией ($\beta = .18$, $p < .01$), но не связаны с этнической толерантностью в этой группе.

Гипотеза интеграции. Для аккультурационного ожидания интеграции найдены позитивные взаимосвязи с обоими показателями психологической адаптации: удовлетворенностью жизнью ($\beta = .15$, $p < .05$) и самоуважением ($\beta = .17$, $p < .01$).

Для ассимиляции статистически значимых взаимосвязей с показателями психологической адаптации русских не обнаружено.

Найдены значимые корреляционные связи между мультикультурной идеологией и этнической толерантностью ($r = .18$, $p < .01$), мультикультурной идеологией и интеграцией ($r = .35$, $p < .001$), мультикультурной идеологией и ассимиляцией ($r = -.34$, $p < .001$).

Обсуждение результатов и выводы

Участниками нашего исследования были представители русского принимающего населения и двух групп мигрантов из разных регионов: Южного Кавказа и Средней Азии. Несмотря на существующие культурные различия между представителями этих групп, а также различия во времени проживания в России и уровне социокультурной адаптации, нами были обнаружены некоторые сходства в паттернах аккультурации как большинства и меньшинства, так и обеих групп мигрантов. В частности, результаты исследования выявили реципрокный характер аккультурационных установок русских и мигрантов. Было обнаружено, что во всех трех группах преобладающей является ориентация на интеграцию, а не на ассимиляцию. Схожие результаты были получены ранее в исследованиях в России (Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009; Lebedeva et al., 2016) и многих других странах (см., например, Berry, Sabatier, 2011). В свою очередь, интеграция способствует самоуважению всех участников исследования.

К числу сходств можно отнести и тот факт, что во всех трех группах воспринимаемая безопасность

оказалась предиктором мультикультурной идеологии (для этнической толерантности подобного не обнаружено) и стратегии интеграции. Можно сделать вывод, что *гипотеза мультикультурализма* частично подтвердилась. Данный результат свидетельствует о важности воспринимаемой безопасности (культурной, экономической, физической) для позитивного развития межкультурных отношений.

Также были обнаружены и групповые различия. Так, для воспринимаемой безопасности в группе мигрантов с Южного Кавказа была обнаружена позитивная взаимосвязь со стратегией ассимиляции, в то время как в группе русских эта связь имеет противоположный знак.

Гипотеза контакта подтвердилась частично в группе русских и мигрантов из Средней Азии, но не нашла подтверждения в группе мигрантов с Южного Кавказа. Объяснением может служить то, что мигранты с Кавказа, длительное время проживая в стране, являются хорошо адаптированными, поэтому наличие близких друзей среди русских и частые контакты с ними являются вполне естественным фактом, не сказываясь ни на их стратегиях аккультурации, ни на уровне этнической толерантности, который достаточно высок.

Гипотеза интеграции полностью подтвердилась в группах русских и мигрантов с Южного Кавказа и частично — в группе мигрантов из Средней Азии. В группе мигрантов из Средней Азии, большинство из которых приехали в Россию недавно, с социокультурной адаптацией оказалась позитивно взаимосвязана стратегия ассимиляции. Сходные результаты для ассимиляции на начальных периодах аккультурационного процесса мигрантов были получены и в исследованиях в других странах (Jasinskaja-Lahti et al., 2011). Однако в полной мере преимущества страте-

гии интеграции могут быть достигнуты тогда, когда мигранты в достаточной степени будут обладать необходимыми для адаптации навыками (уровнем образования, знанием русского языка, профессиональными навыками). Но, как показывают исследования, для участников последней волны миграции в Россию эти условия не всегда выполняются (Миграция и демографический кризис..., 2010; Di Bartolomeo et al., 2014), особенно в первые годы жизни в России.

Стратегия ассимиляции в обеих группах мигрантов позитивно взаимосвязана с удовлетворенностью жизнью. Мы предполагаем, что данный результат может быть объяснен тем, что мигрантами стратегия ассимиляции может восприниматься как одна из возможностей снижения воспринимаемых культурных и социальных различий, а также избегания отрицательных установок со стороны принимающего населения. В то же время взаимосвязи ассимиляции с удовлетворенностью жизнью в группе русского большинства мы не обнаружили. В группе русских только ориентация на интеграцию обеспечивает хорошую психологическую адаптацию, о чем говорят обнаруженные позитивные взаимосвязи интеграции с самоуважением и удовлетворенностью жизнью.

В группе мигрантов из Средней Азии уровень удовлетворенности жизнью оказался самым высоким. В то же время только в этой группе обнаружена позитивная корреляционная связь воспринимаемой безопасности с удовлетворенностью жизнью. Мы считаем, что объяснением может служить ориентация представителей данной группы на кратковременную перспективу при аккультурации в России, выявленная в предыдущих исследованиях (Максименкова, Сорокина, 2014), относительно низкий статус и социальная уязвимость представителей группы.

В то же время только в этой группе обнаружена позитивная корреляция мультикультурной идеологии и самоуважения. Данный результат соответствует результатам проведенного в Нидерландах исследования в группах мигрантов из Турции и Марокко, социальный статус которых в государстве является очень низким, и представители этих групп в наибольшей степени подвергаются дискриминации и социальному отторжению (Verkuuyten, 2009). Различия в стратегиях интеграции и ассимиляции обусловлены различными ориентациями на сохранение культуры своей этнической группы. В нашем исследовании только для стратегии интеграции были обнаружены позитивные взаимосвязи с самоуважением во всех группах. Это позволяет говорить о том, что ориентация на сохранение собственной культуры может способствовать повышению самоуважения всех участников аккультурационного процесса.

Обобщенные результаты проверки трех гипотез межкультурных отношений представлены в таблице 5.

Таблица 5

Результаты проверки трех гипотез межкультурных отношений в Центральном федеральном округе России

Группы/ Гипотезы	Мигранты с Южного Кавказа	Мигранты из Средней Азии	Русское большинство
Гипотеза мультикульту- рализма	Подтвердилась частично	Подтвердилась частично	Подтвердилась частично
Гипотеза контакта	Не подтвердилась	Подтвердилась частично	Подтвердилась частично
Гипотеза интеграции	Подтвердилась полностью	Подтвердилась частично	Подтвердилась полностью

К основным ограничениям нашего исследования можно отнести использование нерепрезентативных и небольших выборок. Однако, несмотря на это, исследование позволило получить новые и интересные данные о сходствах и различиях в установках групп в процессе взаимной аккультурации. Мы можем видеть, что принимающее большинство демонстрирует готовность к принятию инокультурных мигрантов и не требует от них отказа от собственной культуры в процессе их адаптации. Это — свидетельство благоприятной атмосферы для межкультурного взаимодействия, сложившейся в центральной России и прежде всего в Москве. Результаты показывают, что только интеграция дает всем участникам межкультурного взаимодействия ощущение психологического благополучия, прежде всего — самоуважения. Это опровергает частые мифы и стереотипы о ксенофобии и негативных установках россиян и прежде всего москвичей по отношению к инокультурным мигрантам. Как показывают исследования, это не совсем так, а чаще всего, совсем не так. Более того, установки принимающего населения предоставляют мигрантам замечательную возможность для сохранения своей этнической культуры, что может и должно быть использовано при разработке социальных программ адаптации мигрантов в России.

Межгрупповые установки принимающего населения и дискриминация мигрантов в России¹

Д. Григорьев

Введение

Успешная адаптация мигрантов зависит от готовности к этому принимающего общества, так например, установки принимающего населения по отношению к культурному многообразию могут иметь прямые последствия для доступных мигрантам аккультурационных стратегий (van de Vijver et al., 2008), а этнические группы, имеющие большую социальную дистанцию по отношению к принимающему большинству, рискуют быть воспринятыми в качестве конкурентов (Bobo, Hutchings, 1996). Конкуренция же между этническими группами, как правило, способствует отношению к мигрантам как к культурной или экономической угрозе (Raaijman, Semyonov, 2004), что ограничивает, путем повышения уровня дискриминации, перспективы их экономического обустройства и мобильности в принимающей стране (Portes, Rumbaut, 2006).

Дискриминация является главным препятствием на пути к полной интеграции мигрантов на рынке труда и в общество в целом, при этом фактическую распространенность дискриминации трудно оце-

¹ Автор данной главы благодарит профессора Фонса ван де Вайвера (Университет Тилбурга, Нидерланды) за его ценный вклад в работу над частью данного исследования.

нить (OECD, 2013). Исследования, основанные на личностном восприятии, указывают, что дискриминация сопровождает мигрантов на всех этапах цикла занятости, например, прием на работу, для которой они являются сверхквалифицированными, дискриминация непосредственно на рабочем месте, высокий риск более низкой оплаты труда, отсутствие перспектив карьерного роста и т. п. (Mallender et al., 2014; Dancygier, Laitin, 2014). Существуют также свидетельства дискриминации на рынке жилья и в системе образования (OECD, 2013).

Дискриминация в социоэкономической сфере достаточно тесно связана с другими формами дискриминации и неравенства, поэтому является одним из самых сложных и разрушительных видов неравенства в обществе (OECD, 2013), вследствие чего дискриминацию мигрантов в социоэкономической сфере можно считать основным препятствием со стороны принимающего населения для социоэкономической адаптации мигрантов.

Со времени выпуска знаковой книги Г. Олпорта (1954) психологи проявили колоссальный интерес к пониманию предубеждений и дискриминации, а также значительно расширили подходы к их объяснению (Dovidio et al., 2010). Многочисленные исследования показали, что более глубокое понимание межгрупповых отношений, дискриминационных установок и поведения могут быть получены путем изучения идеологических установок, таких как авторитаризм правого толка и ориентация на социальное доминирование (Rosenthal, Levy, 2012; Kauff et al., 2013), которые отражают сразу множество факторов, могущих объяснить дискриминацию

мигрантов. Наибольшее свое развитие идеи связи авторитаризма правого толка и ориентации на социальное доминирование с предубеждениями и дискриминацией получили в рамках двухкомпонентной модели Дж. Даккита (см. Duckitt, 2001). Однако, дополняя модель Дж. Даккита, при рассмотрении межгрупповых установок принимающего населения важно также обратить внимание на другие аспекты отношения принимающего населения к мигрантам, которые затрагивают аккультурационный процесс и идею межгруппового контакта (Hindriks et al., 2014; Григорьев, 2016), а именно, отношение к культурному многообразию (мультикультурная идеология), аккультурационные ожидания и готовность к межгрупповому контакту (социальная дистанция). Все упомянутые выше модели способны предсказывать предубеждения и дискриминацию, однако неясно, насколько они отличаются друг от друга, и в какой степени каждая модель добавляет уникальный компонент к предсказанию. Например, какова доля уникальной дисперсии одобрения дискриминации в отношении мигрантов, которая объясняется авторитарными установками, мультикультурной идеологией и готовностью участвовать в межгрупповых контактах?

Таким образом, в данной главе будут рассмотрены наиболее важные психологические antecedенты дискриминации: три идеологические установки (авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, мультикультурализм), аккультурационные ожидания и желательность контакта с аутгруппой. Сравнение, т. е. примирение или противопоставление, этих подходов в российском

контексте позволит расширить наши знания о психологических механизмах поддержки предубеждений и дискриминации и, возможно, о мерах по их уменьшению и предупреждению.

Двухкомпонентная модель Дж. Даккита

Двухкомпонентная модель Дж. Даккита (см. Duckitt, 2001) содержит два относительно независимых мотивационных измерения, отражающих установки на поддержание (1) социальной сплоченности, порядка, стабильности и коллективной безопасности («авторитаризм правого толка»); (2) группового доминирования и превосходства («ориентация на социальное доминирование»). Поддержание этих мотивационных целей, по мнению автора, зависит от представлений о социальном мире как об (1) опасном и угрожающем («вера в опасный мир»), и как об (2) конкурентном и ожесточенном («вера в конкурентный мир»), которые в свою очередь являются результатом личностных различий, происходящих из индивидуального опыта социализации, а также воздействия определенной социальной среды (см. Таблица 1) (Duckitt, 2001; Sibley, Duckitt, 2013; Perry et al., 2013). Эти представления можно рассматривать как согласованные социальные верования, содержащие относительно устойчивые интерпретации или представления о социальном мире и других людях в этом мире (Ross, 1993).

Два набора психологических аспектов, лежащих в основе преубеждений и этноцентризма, с причинно-следственной связью слева направо (см. оригинал Duckitt, 2001)

Социализация	Личность	Социальный мир	Мотивационные цели	Идеологические установки
Карательная и строгая / толерантная	Конформная / Автономная	Опасный и угрожающий / Безопасный	Социальный контроль / Личная свобода	Авторитаризм и консерватизм / Автономия и открытость
Отчуждённая / Любящая	Расчётливая и циничная / Сентиментальная и сострадающая	Конкурентный / Сотрудничающий	Превосходство и доминирование / Альтруистическая забота	Социальное доминирование / Эгалитарный гуманизм

Согласно мета-анализу 46 исследований (см. Perry et al., 2013) вера в опасный мир надежно предсказывает авторитаризм правого толка, а вера в конкурентный мир — ориентацию на социальное доминирование, данный вид отношений носит причинно-следственный характер (Satherley, Sibley, 2016). При этом многочисленные исследования в течение последних нескольких десятилетий показали, что авторитаризм правого толка и ориентация на социальное доминирование, являются мощными предикторами обобщенных предрассудков и этноцентризма (Sibley, Duckitt, 2013). Также предполагается, что ориентация на социальное доминирование, прежде всего, связана с экономическими, а авторитаризм правого толка с социальными аспектами консерватизма (Perry et al. 2013).

Учитывая неразрешимый и, казалось бы, фундаментальный характер современных идеологических споров, исследователи из области социальных наук всё чаще ищут более глубокие психологические корни различных политических взглядов людей, подчеркивая, что идеологическая близость или разногласия не являются психологически случайными, даже среди тех, кто слабо разбирается в политике. Наиболее общими психологическими основами (т.н. «преполитические психологические переменные») отражающие предрасположенность людей к принятию определенных явных идеологических предпочтений) левых и правых политических взглядов являются два взаимосвязанных аспекта: (1) эгалитаризм и антиэгалитаризма; (2) открытость и сопротивление изменениям, которые также хорошо объясняются компонентами модели Дж. Даккита.

Данная двухкомпонентная модель Дж. Даккита была подробно описана в исследовании Satherley, Sibley (2016). Модель хорошо объясняет межгрупповую угрозу, неравенство и конкуренцию, которые и определяют межгрупповые предрассудки, именно эти факторы активизируют и направляют мотивационные цели, выраженные в авторитаризме правого толка и ориентации на социальное доминирование (Duckitt, Sibley, 2010). Также модель имеет широкое применение при оценке отношения к мигрантам, вероятно, потому что они обычно воспринимаются как социально угрожающая, конкурентная и подчиненная группа (Satherley, Sibley, 2016).

Авторитаризм правого толка и ориентация на социальное доминирование

Согласно Дж. Даккиту и К. Сибли (2010), изначально исследователи считали, что социально-политические установки имеют одномерную структуру (F-шкала, разработанная Т. Адорно и его коллегами (1950) в рамках теории авторитарной личности), однако последующие эмпирические исследования показали, что они имеют как минимум два относительно самостоятельных компонента. Данные компоненты носили в разное время разные названия, тем не менее, первый отражал авторитаризм, традиционализм или социальный консерватизм на одном полюсе, и открытость, автономию, либерализм или личную свободу на другом. Второй же отражал экономический консерватизм, власть, иерархию и неравенство на одном, и эгалитаризм, гуманизм, социальное обеспечение и заботу на другом. Так, в дальнейшем Б. Алтемейером (см. Altemeyer, 1981) была составлена шкала авторитаризма правого тол-

ка, которая содержала 3 из 9 оригинальных кластеров F-шкалы: конвенционализм, авторитарное подчинение и авторитарную агрессию, а Ф. Пратто с коллегами (см. Pratto et al., 1994), в рамках теории социального доминирования, была предложена шкала ориентации на социальное доминирование, охватывающая еще 3 кластера F-шкалы: деструктивность и цинизм, власть и доминантность, антиинтроцепцию (Duckitt, Sibley, 2010). С момента своего появления два десятилетия назад ориентация на социальное доминирование оказалась одним из самых универсальных и полезных для понимания социально-политических идеологий, психологии предрассудков и межгруппового поведения в социальной психологии конструктом (Ho et al., 2012), а теория социального доминирования выделяется как основная альтернатива теории социальной идентичности и как средство для объяснения наблюдаемых закономерностей в межгрупповом поведении и верованиях, связанных с иерархическими структурами в разных культурах (Huddy, 2004). При этом существуют некоторые вопросы и споры касательно ориентации на социальное доминирование, например, одномерный это или двухмерный конструкт (доминирование и антиэгалитаризм), актуален ли он для современных межгрупповых отношений, направлен ли он на групповую иерархию вообще или же на предпочтение доминирования только ингруппы (тогда чем это отличается от ингруппового фаворитизма?) (см. Ho et al., 2015).

Также первое время считалось, что авторитаризм правого толка и ориентация на социальное доминирование являются чертами личности, однако потом стало понятно, что это социально-политические или идеологические установки (Duckitt, Wagner, du Plessis, Birum, 2002; Duckitt, Sibley, 2010). Тем не менее,

по мнению Т. Петтигрю (2016), тот факт, что ситуативные и социальные факторы влияют на авторитаризм, не означает, что мы не можем рассматривать его как личностную черту, т. к. другие черты личности также подвержены социальному влиянию. Также эти позиции не являются взаимоисключающими, так, авторитаризм может изначально представлять собой определенную личностную черту (интегрируя в себя: неуверенность, конформность и подчинение, ориентацию на силу, закрытость и устойчивость к новому опыту), которая впоследствии, как правило, приводит к соответствующей политической идеологии. Исследования близнецов показали значительный уровень наследуемости авторитаризма, также была обнаружена сильная корреляция между уровнем авторитарности детей и их родителей (Pettigrew, 2016).

Тот факт, что негативное отношение к одним аутгруппам, по большей части, связано с негативным отношением и к другим аутгруппам (Duckitt, Sibley, 2007) продолжает мотивировать исследователей на поиск какого-то одного фактора, который бы это объяснял. Так, в недавнем исследовании на данных двух мета-анализов было показано, что авторитаризм правого толка и ориентацию на социальное доминирование можно рассматривать как два измерения одного конструкта — обобщенного авторитаризма (*generalized authoritarianism*) (см. Hodson, MacInnis, Busseri, 2017), таким образом можно говорить о некотором возврате к идее F-шкалы Т. Адорно и его коллег, но уже на качественно ином уровне.

Дополнительно, важно отметить, что рассматриваемые идеологические установки связаны с другими ключевыми конструктами, определяющими мотивацию и установки личности, например, с цен-

ностными ориентациями. Так ценностные блоки, выделенные Ш. Шварцем (1994), ценности Открытости изменениям и Сохранения воспроизводят два полюса для авторитаризма правого толка, а ценности Самопреодоления и Самоутверждения — два полюса для ориентации на социальное доминирование (Duckitt, 2001; Feather, McKee, 2012; Kuşdil, Akoğlu, 2014; Radkiewicz, 2016). Культурные измерения индивидуализм-коллективизм и низкая и высокая дистанция власти, предложенные Г. Хофстедом (1980), также связаны с авторитаризмом правого толка и ориентацией на социальное доминирование (Duckitt, 2001).

Согласно теории моральных оснований, можно выделить этику автономии (дихотомия моральных оснований: забота — причинение вреда, честность — обман) и этику сообщества (дихотомия моральных оснований: верность группе — предательство, уважение к авторитетам — подрыв устоев). Недавно проведенное исследование показало, что авторитаризм правого толка положительно связан с этикой сообщества и отрицательно с этикой автономии, а ориентация на социальное доминирование связана отрицательно только с этикой автономии (Radkiewicz, 2016). Если принять во внимание три основные ориентации в ситуациях межличностного взаимодействия: (1) кооперативную (или просоциальную), которая направлена на повышение собственных результатов и результатов другого человека, а также их равенство; (2) индивидуалистическую ориентацию, которая стремится улучшить собственные результаты и в значительной степени безразлична к результатам для другого человека; и (3) конкурентная ориентация, которая направлена на повышение разницы между собственными результатами

и результатами другого человека в свою пользу, то ориентация в свою сторону (индивидуалистическая и конкурентная) положительно связана с авторитаризмом правого толка и ориентацией на социальное доминирование (Chirumbolo, Leone, Desimoni, 2016).

Люди с высоким уровнем авторитаризма правого толка, как ожидается, будут особенно негативно относиться к аутгруппам, поскольку последние угрожают социальному порядку, в то время как люди с высокой ориентацией на социальное доминирование будут негативно относиться к конкурентным и низко статусным группам (Duckitt, Sibley, 2010). Этноцентристская тенденция воспринимать культурные нормы и практики мигрантов как неправильные или угрожающие устоявшемуся социальному порядку характерна для лиц с высоким авторитаризмом правого толка (Oyamot et al., 2012), также для них характерно восприятие мигрантов как угрозы коллективной безопасности, или как субъектов, отклоняющихся от установленного общественного порядка и от существующих ценностей, касающихся единообразного функционирования общества (Cohrs, Stelzl, 2010).

Согласно теории социального доминирования, обеспечение морального и интеллектуального оправдания дискриминации в обществе осуществляется посредством личной и нормативной поддержки легитимационных мифов двух различных функциональных типов: усиливающих иерархию (способствует социальному неравенству) и ослабляющих иерархию (способствует социальному равенству) (Sidanius, Pratto, 2001; Levin et al., 2012); мультикультурная идеология является идеологией иерархически-ослабляющего типа (Levin et al., 2012; Kauff et al., 2013). В контексте миграции и культурного плюрализма низкая ориентация на социальное домини-

рование и позитивное отношение к многообразию являются ключевыми компонентами мультикультурализма (Ward, Masgoret, 2006). Отрицательная связь между ориентацией на социальное доминирование и мультикультурной идеологией была обнаружена в нескольких ранних исследованиях (см., напр., Levin et al., 2012). Также можно предположить, что мультикультурная идеология представляет собой противоположный полюс для социальных верований об опасном и конкурентном мире (см. Duckitt, 2001), поэтому вера в опасный и вера в конкурентный мир должны быть отрицательно связаны с мультикультурной идеологией. Кроме того, мультикультурная идеология воспринимается как угроза культурным традициям и ценностям людей с высоким авторитаризмом правого толка (Kauff et al., 2013), также само этническое многообразие представляет угрозу для лиц с высоким авторитаризмом правого толка, поскольку это указывает на несоответствие групповым нормам и угрозу групповому соответствию (van Assche, Roets, Dhont, van Hiel, 2014; Asbrock, Kauff, 2015). В одном из исследований была показана отрицательная связь универсально-разнообразной ориентации (включающей интерес к культурному многообразию, его ценность для себя, высокую оценку комфортности жизни в многообразной культурной среде) с авторитаризмом правого толка и ориентацией на социальное доминирование (Rosenthal, Levy, 2012).

Также авторитаризм правого толка является барьером для позитивного межгруппового контакта, главным образом, путем ограничения желания участвовать в таких контактах (Pettigrew, 2016; Pettigrew, Hewstone, 2017; см. также Brune, Asbrock, Sibley, 2016). Люди с высоким уровнем авторитариз-

ма правого толка менее склонны проживать в районах, где проживают представители аутгруппы (Ron et al., 2017). Кроме того, вера в опасный мир, в которой большинство людей представляет угрозу, должна снизить готовность к межгрупповому контакту (см. также Sibley et al., 2013). Ранее была обнаружена отрицательная связь между готовностью к межгрупповому контакту и авторитаризмом правого толка и ориентацией на социальное доминирование (Rosenthal, Levy, 2012). Поэтому можно ожидать, что авторитаризм правого толка и ориентация на социальное доминирование, а также вера в опасный и конкурентный мир будут негативно связаны с готовностью к межгрупповому контакту.

Таким образом, на основании данного обзора можно говорить о том, что авторитаризм правого толка и ориентация на социальное доминирование воспроизводят в себе сразу множество факторов, которые могут объяснить дискриминацию мигрантов.

Мультикультурная идеология

Мультикультурализм является идеологией, поддерживающей культурное многообразие, равенство и положительную оценку различных культурных групп в рамках одного общества, которая была разработана в 1970-е годы в западных странах, чтобы справиться с растущим культурным и этническим многообразием, и как альтернатива политике ассимиляции и сегрегации, что была распространена ранее (Breugelmans, van de Vijver, 2004).

Мультикультурализм (мультикультурная идеология), как психологическое понятие, представляет собой установку на содействие политической идеоло-

гии принятия и поддержки культурно-гетерогенного состава общества (Berry, Kalin, 1995). Поддержка мультикультурной идеологии часто рассматривается в качестве предпосылки для установления гармоничных межгрупповых отношений в культурно многообразных обществах (van de Vijver et al., 2008). Мультикультурализм тесно связан с гораздо более старыми и часто изучаемыми понятиями, такими как этноцентризм и авторитаризм, однако в отличие от них предполагает особый контекст — культурную неоднородность и фактический или возможный межкультурный контакт (Schalk-Soekar, van de Vijver, 2008).

Два типа переменных могут быть связаны с поддержкой мультикультурной идеологии: демографические и психологические, наиболее важной демографической переменной является уровень образования, который положительно связан с поддержкой мультикультурной идеологии, также в некоторых исследованиях была найдена связь с полом (у женщин более высокий уровень поддержки) и возрастом (у молодежи более высокий уровень поддержки), однако размер этих эффектов, обычно, не велик (van de Vijver, Breugelmans, Schalk-Soekar, 2008).

Поддержка мультикультурной идеологии может уменьшить социальную дистанцию, поскольку такая поддержка влечет за собой позитивные стереотипы об этнических группах (Stupar et al., 2014), например, среди этнических меньшинств в Нидерландах поддержка мультикультурной идеологии была связана с меньшей социальной дистанцией по отношению ко всем этническим группам (Hindriks, Verkuyten, Coenders, 2014). Высокая ценность культурного многообразия у людей связана с повышенным ин-

тересом к межгрупповому контакту (Tropp, Bianchi, 2006). Поэтому готовность к межгрупповому контакту должна быть положительно связана с мультикультурной идеологией.

Также у мультикультурной идеологии есть высокий потенциал для снижения предубеждений, в том числе и в конфликтных ситуациях (Correll, Park, Smith, 2008). Будучи плюралистической идеологией, мультикультурализм направлен на содействие признанию и принятию различий, а также помогает обеспечить сосуществование различных культурных ориентаций и форм поведения в обществе (Morrison, Plaut, Ybarra, 2010). Кроме того, чем больше принимающее население поддерживают мультикультурализм, тем меньше вероятность того, что они продемонстрируют отрицательную оценку аутгрупп, например мультикультурализм модерирует связь между отрицательной оценкой аутгрупп и этнической идентификацией (Verkuyten, 2005) или неконгруэнтностью ценностей (Guan et al., 2011), ослабляя положительную взаимосвязь.

В исследованиях, связанных с мигрантами, крайне важно рассматривать также контекст аккультурационного процесса, поэтому поддержка мультикультурной идеологии должна рассматриваться как существенный фактор, препятствующий дискриминации мигрантов.

Готовность к межгрупповому контакту

По мнению многих исследователей межэтнических отношений, социальная дистанция, отражающая готовность к межгрупповому контакту, является общепринятой обобщенной мерой этнических

предубеждений (Weaver, 2008) и одним из основных инструментов в исследованиях межгрупповых отношений, особенно в социально-психологических исследованиях этнических групп или рас (Laumann, 1965), при этом она является еще и наиболее изученным проявлением предубеждений (Duckitt, 2003). Существует множество свидетельств, указывающих на потенциал межгрупповых контактов для снижения предубеждений и межгрупповой напряженности (см., напр., Pettigrew, Tropp, 2006), но он может быть реализован только когда представители групп готовы участвовать в межгрупповом контакте (Wang et al., 2014; Ron et al., 2017). Важно создавать условия, повышающие готовность людей участвовать в межгрупповых контактах, при этом эти контакты должны происходить так, что они не будут усиливать устоявшиеся предубеждения (Wang et al., 2014).

Понятие социальной дистанции, впервые рассмотренное американскими социологами Р. Парком (1924) и Э. Богардусом (1925) предполагает существование некоего социального «расстояния» между людьми, которое можно измерить как, например, физическое расстояние (Kim, Yoo, Chung, 2015), и определяется как степень, в которой люди хотели бы избежать тесного контакта между собой и членами различных социальных, расовых, этнических или национальных групп. Социальная дистанция отражает некое чувство готовности к общению с членом аутгруппы (Williams, 1964), она также свидетельствует, насколько приемлемо или, наоборот, нежелательно присутствие различных этнических групп в обществе (Marger, 1994). Часто увеличение социальной дистанции мотивировано чувством дискомфорта при контакте с членами аутгруппы, при этом само

по себе декларирование этнического неравенства не утверждается явно (Kleinpenning, Hagendoorn, 1993). Социальная дистанция является своего рода границей, по которой можно различать ингруппу и аутгруппу (Kim, Yoo, Chung, 2015).

Социальная дистанция, зависящая от социальной структуры, может быть измерена как объективный показатель (Simmel, 1950; Kadushin, 1962). Поэтому чтобы избежать путаницы, для выше описанного ее психологического понимания, некоторые исследователи используют термин «субъективная социальная дистанция» (Laumann, 1965) или просто «готовность к межгрупповому контакту».

Конкуренция, базирующаяся на политических, социальных, экономических или культурных основаниях, отмечается в большей части современных исследований как одна из основных причин негативных установок и социальной дистанции (напр. см. Sniderman, Hagendoorn, Prior, 2004), что в свою очередь связано с уровнем воспринимаемой угрозы, которая по мнению многих исследователей представляется, как самый надежный предиктор негативных установок в сфере межгрупповых отношений (Stephan, Stephan, 2001). Воспринимаемая угроза, прежде всего, выражается в когнитивной оценке аутгруппы как мешающей достижению ингрупповых или/и индивидуальных целей, что впоследствии может усилить социальную дистанцию или даже привести к насильственным действиям по отношению к представителям аутгруппы (Pettigrew, 2003).

При этом целесообразным также является поиск и индивидуальных черт личности, которыми можно объяснить негативное отношение к меньшинствам (Halperin, Canetti-Nisim, Pedahzur, 2007). Предыду-

щие исследования, которые изучали социальную дистанцию по отношению к группам меньшинств или мигрантов упоминают гражданскую идентичность, политическую ориентацию и ценности как факторы, которые влияют на социальную дистанцию, при этом связь с социально-демографическими переменными (пол, возраст, образование и пр.) является неоднозначной в различных исследованиях (Kim, Yoo, Chung, 2015).

Таким образом, рассматривая готовность к межгрупповому контакту (социальную дистанцию), можно лучше понять, как нежелательность контакта, или эта граница между ин- и аутгруппой, будет связана с дискриминацией мигрантов со стороны принимающего населения.

Далее будут представлены результаты эмпирического исследования межгрупповых установок принимающего населения и дискриминации мигрантов в России в российском контексте.

Эмпирическое исследование межгрупповых установок принимающего населения и дискриминация мигрантов в России

Метод исследования

Общая выборка из 576 россиян включала 212 женщин (39.6%) и 324 мужчин (60.4%) в возрасте от 15 до 79 лет ($M = 35.1$, $SD = 13.4$); 115 участников (21.5%) были студентами. Данные были собраны через социальные сети в интернете. Участникам опроса была предоставлена анкета, содержащая инструкции для заполнения, информацию об основных обсуждаемых в исследовании темах, политике конфиденциальности, и как связаться с исследовате-

лями, контролирующими проект. Анкета содержала адаптированный на русский язык инструментарий (см. также Григорьев, 2017), в который входили следующие шкалы:

1) *Социальные верования*. Шкала, содержащая 6 пунктов для веры в опасный мир и 6 пунктов для веры в конкурентный мир (Duckitt, 2001); примеры пунктов: «В нашем обществе есть много опасных людей, которые нападают на окружающих без всякой причины» и «Большинство людей хотят вас обмануть, лучше при всяком удобном случае сделать это первым».

2) *Авторитаризм правого толка*. Шкала авторитаризма правого толка, содержащая 6 пунктов (Altemeyer, 1996); примеры пунктов: «Самые мерзкие люди в нашей стране — это те, кто не уважает наших политиков, наш флаг и традиции» и «В наше сложное время нужно устанавливать строгие законы, особенно в отношении тех, кто выступает против сложившегося порядка и власти».

3) *Ориентация на социальное доминирование*. Шкала ориентация на социальное доминирование, содержащая 6 пунктов (Ho et al., 2012); примеры пунктов: «Это, вероятно, хорошо, когда одни социальные группы занимают высокое положение в обществе, а другие — низкое», и «Это несправедливо — стремиться сделать все группы равными».

4) *Мультикультурная идеология*. Шкала мультикультурной идеологии, содержащая 6 пунктов (Betu, Kalin, 1995); примеры пунктов: «Общество, в котором существуют разнообразные этнические и культурные группы, более способно к решению новых, постоянно возникающих проблем», «Нам следует признать, что культурное и расовое многообразие — фундаментальная характеристика Российского общества».

5) *Готовность к межгрупповому контакту.* Шкала социальной дистанции, содержащая 4 пункта (Halperin, Canetti-Nisim, Pedahzur, 2007); примеры пунктов: «Для меня приемлемо жить в одном районе с трудовым мигрантом», «Я готов пригласить трудового мигранта на какое-либо публичное событие (свадьба, вечеринка и т. п.) к себе домой».

6) *Поддержка дискриминации мигрантов в социально-экономической сфере.* Была использована специально разработанная шкала, содержащая 6 пунктов, требующих оценки уровня одобрения поведения, отражающего дискриминацию мигрантов на рабочем месте, на рынке труда, в сфере аренды жилья и в других областях соответствующих социально-экономической области согласно литературе (см. OECD, 2013; Dancygier, Laitin, 2014; Mallender et al., 2014); примеры пунктов: «Выплата мигрантам меньшей заработной платы, чем местным жителям, при условии равенства квалификации и уровня образования», «Отсутствие перспектив карьерного роста для мигрантов».

7) *Аккультурационные установки.* Шкала, содержащая пункты из методики Расширенной модели взаимной аккультурации (Relative Acculturation Extended Model, RAEM) (Navas et al., 2005). Были измерены аккультурационные ожидания по отношению к мигрантам (идеальная ситуация) и оценка их реальных аккультурационных стратегий (реальная ситуация), включая два аспекта аккультурации (принятие мигрантами культуры доминирующей группы и сохранение своей собственной культуры) как в публичной (например, работа, социальные отношения и дружба, использование языка), так и в частной сфере (например, потребительские привычки, семейные

отношения, религиозные верования и обычаи, ценности и принципы).

Эмпирическое исследование показало следующие результаты (см. также рисунок 2 и рисунок 3):

Двухкомпонентная модель Дж. Даккита

Ключевые связи между основными компонентами модели Дж. Даккита были подтверждены, за исключением связи между авторитаризмом правого толка и ориентацией на социальное доминирование. Отсутствие значимой корреляции между этими переменными несколько расходитсся со значением около .30, обнаруженным в мета-анализе (см. Perry, Sibley, Duckitt, 2013), что может быть связано с содержанием пунктов, включенных в шкалу (в разных исследованиях использовались разные пункты, что ставит под сомнение сравнимость результатов исследований, этот вопрос также обсуждался в этом мета-анализе). Тем не менее, эти результаты могут быть также специфичными для современной России, т. к. известно, что лица с высоким уровнем авторитаризма правого толка, склонны поддерживать только те нормы и ценности, которые считаются консервативными в их культуре. Однако социальные нормы, регулирующие иерархические отношения, справедливость, социальную сплоченность или распределение власти, могут быть разными в разных странах и могут быть весьма специфичными для России, например, такая норма справедливости как принцип равенства в распределении ресурсов была положительно связана с авторитаризмом правого толка среди россиян и отрицательно среди американцев (McFarland, Ageyev, Abalakina-Раар, 1992). Для объяснения этой положительной связи можно обратиться к советско-

му прошлому; советская идеология формально провозглашала всеобщее равенство и поддерживала интернационализм. Ранние исследования также показали некоторое влияние советского наследия на проявления авторитаризма правого толка в России (см. McFarland, Ageyev, Abalakina-Paap, 1992; McFarland, Ageyev, Djintcharadze, 1996).

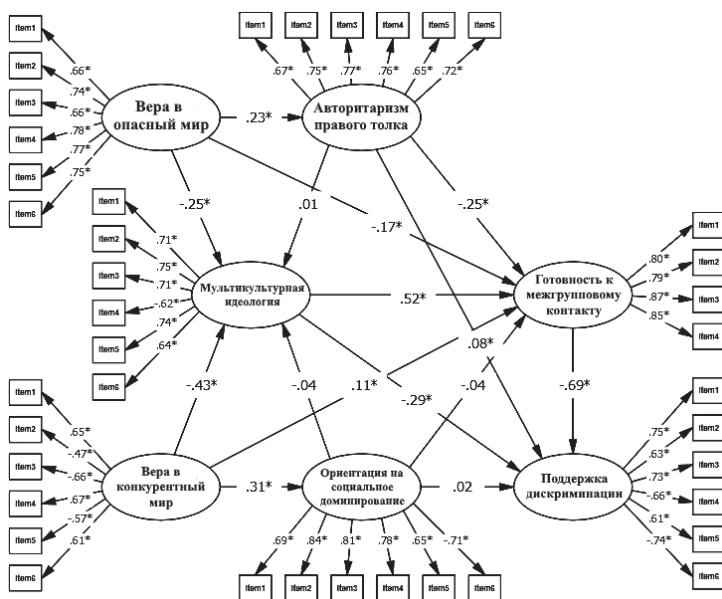

Рис. 2. Модель межгрупповых установок принимающего населения и дискриминации мигрантов в социоэкономической сфере.

Мультикультурная идеология

Поддержка мультикультурной идеологии была связана только с социальными верованиями, но не с авторитаризмом правого толка и ориентацией на социальное доминирование, что противоречит некоторым предыдущим исследованиям (напр., Levin et al.,

2012; Kauff et al., 2013). В соответствии с аргументацией предыдущего параграфа, можно считать, что отсутствие связи с авторитаризмом правого толка и ориентацией на социальное доминирование связано с культурной специфичностью этих конструктов в российском контексте. Утверждение, что основной предпосылкой авторитаризма является склонность людей к установкам и поведению, направленными на минимизацию многообразия (Stenner, 2005), не было поддержано полученными результатами.

Концептуально, отрицание мультикультурной идеологии — это частный случай поддержки ориентации на социальное доминирование, т. е. проявление культурного антиэгалитаризма, в связи с этим, возможно, рассмотрение ориентации на социальное доминирование как двухмерного конструкта (доминирование и антиэгалитаризм) могло бы как-то прояснить этот вопрос (см. Но et al., 2015). Также можно предположить, что хотя сильная прогностическая валидность ориентации на социальное доминирование и была доказана, тем не менее, этот конструкт не в состоянии охватить все аспекты общественной жизни и полностью не заменяет объяснительный потенциал других конструктов, например индивидуальных ценностей, социальных аксиом и верований (Kuşdil, Akoğlu, 2014). Либо мультикультурную идеологию и ориентацию на социальное доминирование можно считать идеологическими установками одного порядка, которые во многом определяются верой в опасный и конкурентный мир. Это обстоятельство требует внимания со стороны исследователей и должно быть учтено в будущих исследованиях.

Как можно заметить, мультикультурная идеология вносит положительный вклад в межгрупповые

отношения, т. к. имеет отрицательную связь с дискриминацией мигрантов в социоэкономической сфере, поэтому казалось бы с прикладной точки зрения в этом аспекте необходима спланированная институциональная поддержка мультикультурной идеологии, однако следует учесть, что в некоторых обстоятельствах мультикультурная идеология имеет также и негативные последствия для межгруппового поведения (Rosenthal, Levy, 2012; Kauff et al., 2013). Существуют исследования, которые показывают, что обучение мультикультурализму или мультикультурный прайминг может фактически увеличить межгрупповую категоризацию и стереотипы (Hodson, Dhont, 2015; Morrison, Plaut, Ybarra, 2010). Также в текущем политическом дискурсе мультикультурализм становится связанным с глобализацией, которая сильно критикуется популистскими движениями по всему миру (см., напр., Bertlet, 2011). Поэтому какая-либо институциональная поддержка мультикультурной идеологии в России с целью снижения уровня дискриминации мигрантов должна проводиться взвешенно и аккуратно. В этой связи перспективным для будущих исследований в России является рассмотрение других идеологий межкультурных отношений, например поликультурализма, ассимиляционизма и этнического дальтонизма, например, в некоторых исследованиях идеология поликультурализма имела более положительный результат для некоторых позитивных установок на культурное многообразие, чем мультикультурализм (см., напр., Rosenthal, Levy, 2012). Дело в том, что в основе идеологии межкультурных отношений могут лежать различные принципы категоризации. Так например, (1) ассимиляционизм, предполагает, что должна быть общая куль-

турная группа, а группы этнических меньшинств должны соответствовать основной части общества, приняв культуру большинства, отказавшись от своей собственной; (2) мультикультурализм предполагает признание различий между группами и поддержание этого многообразия; (3) этнический дальтонизм предполагает идею о том, что межгрупповые отношения могут быть улучшены путем игнорирования различий между группами; (4) поликультурализм, предполагает признание сильной связи между всеми группами и уделяет меньше внимания границам между ними, а также указывает на то, что все культуры не являются изолированными системами, а являются продуктом межгруппового взаимодействия (Pedersen, Paradies, Barndon, 2015). Предварительные исследования этих идеологий в России показали, что (1) ассимиляционизм был положительно связан с обобщенными предубеждениями и предубеждениями по отношению к чеченцам, узбекам и китайцам; (2) только этнический дальтонизм и поликультурализм, учитывая положительный опыт межэтнических контактов, были отрицательно связаны с обобщенными предубеждениями и предубеждениями по отношению к чеченцам, узбекам и китайцам, но не с предубеждениями по отношению к белорусам, которые были отрицательно связаны только с мультикультурализмом. Также в случае с белорусами мультикультурализм полностью разделял дисперсию поликультурализма и дополнительно объяснял уникальную дисперсию предубеждений, эта специфика результатов похожа на некоторые найденные ранее, как например в случае для одобрения празднования Дня Гармонии в Австралии (см. Pedersen, Paradies,

Barndon, 2015). Однако в отличие от шкалы мультикультурной идеологии Берри и Калина (1995), в основе которой лежит идея принятия культурного многообразия и эгалитаризма между группами, шкала Розенталь и Леви (2012) оценивает один из принципов категоризации. Это содержательное различие и тот факт, что все эти шкалы (этнический дальтонизм, мультикультурализм, и поликультурализм по Розенталь и Леви и мультикультурализм по Берри и Калину) умеренно коррелированы на текущем этапе делает проблематичным какое-либо сравнение. Однако можно заметить, похоже, что шкала Берри и Калина (1995) является более общей (объемлющей) и отражает более отдаленный от реальных межгрупповых отношений уровень установок, более абстрактный и социально желательный. Но по-видимому, улучшить межгрупповые отношения действительно возможно благодаря поликультурализму, т. е. признанию связей между группами через их совместное прошлое, а также текущие взаимодействия и обмены (Rosenthal, Levy, 2012), которые действительно относятся к рассмотренным группам (чеченцам, белорусам, узбекам и китайцам). Более того, кажется, что эти условия больше похожи на понимание мультикультурной идеологии Берри и Калином (1995) из-за того, что они создают основу для общей множественной идентичности, в отличие от простого признания и положительной оценки членства в группах, которые часто являются содержательным ядром мультикультурализма в других исследованиях (напр., Morrison, Plaut, Ybarra, 2010; Rosenthal, Levy, 2012).

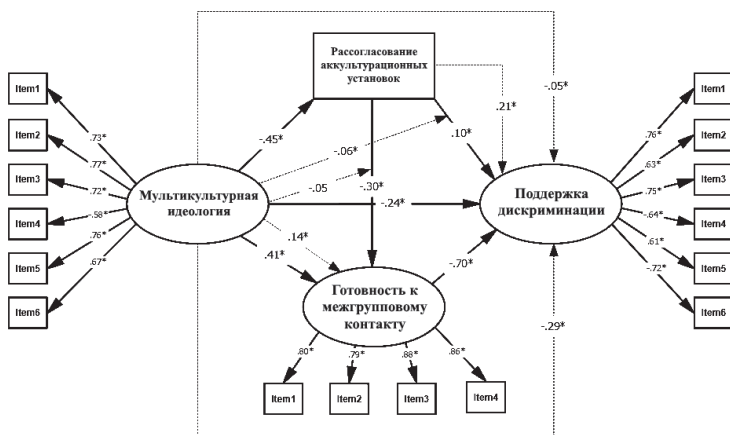

Рис. 3. Модель взаимосвязи рассогласования аккультурационных установок и дискриминации мигрантов в социоэкономической сфере.

Готовность к межгрупповому контакту

В соответствии с предыдущими исследованиями (см., напр., Hindriks, Verkuyten, Coenders, 2014) было обнаружено, что мультикультурная идеология является сильным положительным предиктором готовности к межгрупповому контакту. Кроме того, вера в опасный мир и авторитаризм правого толка снижают готовность к межгрупповым контактам, как прямо, так и косвенно, по-видимому, вследствие воспринимаемой угрозы со стороны группы мигрантов. Напротив, ожидания относительно роли веры в конкурентный мир и ориентация на социальное доминирование не были поддержаны. Отрицательная связь между верой в конкурентный мир и готовностью к межгрупповому контакту была найдена, но связь была слабой и проходила через мультикультурную идеологию, более проксимальную переменную. Можно предположить, что амбивалентный эффект веры в конкурентный мир можно объяснить двумя

составляющими этой установки. С одной стороны, конкурировать с мигрантами обычно проще, т. к. доминирующая группа имеет преимущества; с другой стороны, эффект может быть отличным в контексте культурного эгалитаризма (о последнем свидетельствовал отрицательный не прямой эффект веры в конкурентный мир через мультикультурную идеологию в проверяемой модели).

Аккультурационные ожидания

Преимущество использования аккультурационных профилей, по мнению многих исследователей (Brown, Gibbons, Hughes, 2013; Grigoryev, van de Vijver, 2017; Inguglia, Musso, 2015; Jang, Park, Chiriboga, Kim, 2017; Rojas, Navas, Sayans-Jiménez, Cuadrado, 2014; Rudmin, 2003; Schwartz, Zamboanga, 2008), заключается в том, что это позволяет в оценке аккультурации применять подход, ориентированный на человека (person-oriented) (см. Bergman, Trost, 2006), а не на переменные (variable-oriented), что обеспечивает лучшее понимание паттернов аккультурации. С этих позиций, использование методов группировки, таких как кластерный анализ или анализ латентных классов, можно рассматривать как наиболее подходящий способ изучения аккультурации, т. к. если принимающее население неоднородно в плане своих аккультурационных ожиданий по отношению к мигрантам, то подобные методы группировки позволяют это статистически достоверно выявить (см., напр., Inguglia, Musso, 2015; Mancini, Navas, Lopez-Rodríguez, Bottura, 2017). В этом исследовании применялся ориентированный на человека подход к аккультурации: (1) сначала использовался анализ латентных профилей (расширенная экспло-

раторная статистическая процедура, позволяющая идентифицировать группы принимающего населения, имеющие сходные аккультурационные характеристики), а (2) затем полученные профили сравнивались по переменным, указанным выше.

Были обнаружены три аккультурационных профиля: бикультурный, альтернативно-бикультурный и ассимиляционный. Бикультурный и ассимиляционный профили являются противоположными в плане предпочтений для аккультурации мигрантов в России, при этом альтернативно-бикультурный профиль единственный показал специфику в публичной (работа, социальные отношения и дружба, использование языка) и частной сфере (потребительские привычки, семейные отношения, религиозные верования и обычаи, ценности и принципы). В соответствии с выводами, основанными на подходе, ориентированном на переменные (Arends-Tóth, van de Vijver, 2003), в подходе, ориентированном на человека, было обнаружено, что специфика в публичной и частной сфере аккультурации заключается в большей терпимости к сохранению этнической культуры в частной сфере. Россияне с бикультурным профилем, ожидающие сохранения мигрантами собственной культуры, а также принятие культуры принимающего общества в обеих сферах могут быть классифицированы как поддерживающие идею мультикультурного общества (см. Venet-Martínez, Hong, 2014). Россияне с ассимиляционным профилем могут отрицательно относиться к культурному многообразию, потому что воспринимают угрозу своей безопасности (Lebedeva, Tatarko, Berry, 2016), о чем также свидетельствуют полученные результаты — высокая вера в опасный мир, поддержка дискриминации и низкая готов-

ность к межгрупповому контакту. Кроме того, среди некоторых россиян есть распространенные опасения, что численность этнически русского населения уменьшается, а количество мигрантов и этнических меньшинств увеличивается, и что эти демографические изменения в будущем позволят мигрантам навязать свою культуру и порядок этническим русским; таким образом ожидание от мигрантов ассимиляции подразумевает возвращение ощущения культурной безопасности. Это может быть хорошо понято в контексте гипотезы идеологической асимметрии, предложенной теорией социального доминирования, согласно которой мультикультурализм более выгоден для мигрантов, чем для группы принимающего населения, поскольку мультикультурализм позволяет мигрантам сохранять свою собственную культуру и получить более высокий социальный статус в обществе, в то время как принимающее население может воспринимать мигрантов и их желание сохранить свою культуру как угрозу своей идентичности и статусу (Schalk-Soekar, van de Vijver, 2008).

Не было выявлено никаких различий между публичной и частной сферой в ожиданиях россиян с ассимиляционным профилем, вероятно, они могут воспринимать поведение мигрантов в публичной сфере как следствие поддержания этнической культуры в частной сфере, поскольку обычаи, ценности и убеждения могут определять поведенческий репертуар в повседневной жизни. Несмотря на то, что во многих культурах не проводится различие между публичной и частной сферой жизни, в России могут быть особенно сильны эти позиции из-за советского прошлого с его коллективистскими чертами и склонностью влиять на идеи и убеждения в частной сфере

(Chatterjee, Ransel, Cavender, Petrone, 2015, см. также Weintraub, Kumar, 1997). Напротив, россияне с альтернативно-бикультурным профилем скорее различают публичную и частную сферу жизни, что косвенно подтверждается низким авторитаризмом правого толка (см. Duckitt, Sibley, 2017), и, вероятно, они больше внимания уделяют публичной сфере, где межгрупповой контакт собственно и может происходить.

Также можно говорить о том (см. рис. 4), что россияне в среднем имеют более ассимиляционистский фокус для аккультурации иммигрантов, что похоже на Германию (Kauff et al., 2015), при этом они считают, что мигранты предпочитают стратегию сепарации, подобное восприятие характерно также для жителей Нидерландов (van Oudenhoven, Prins, Buunk, 1998). При этом все эти оценки имеют довольно высокий уровень межличностного консенсуса, однако существуют и различия по сферам в этих предпочтениях. Россияне имеют несколько иное представление о стратегиях аккультурации мигрантов в сфере общения и дружбы, религиозных убеждений. Это может быть связано с различным опытом в результате межгрупповых контактов с мигрантами или потому, что россияне под мигрантами представляют разные группы, которые могут отличаться (Ryabichenko, Lebedeva, 2016). Например, мигранты из Армении, Украины и Беларуси в основном являются христианами, а мигранты из Узбекистана, Таджикистана и Азербайджана являются преимущественно мусульманами. В дополнение к мигрантам из бывших советских республик в России есть иммигранты из Китая. Все эти страны имеют различную культурную дистанцию по отношению к России, а также различные тенденции общения с принимающим населением.

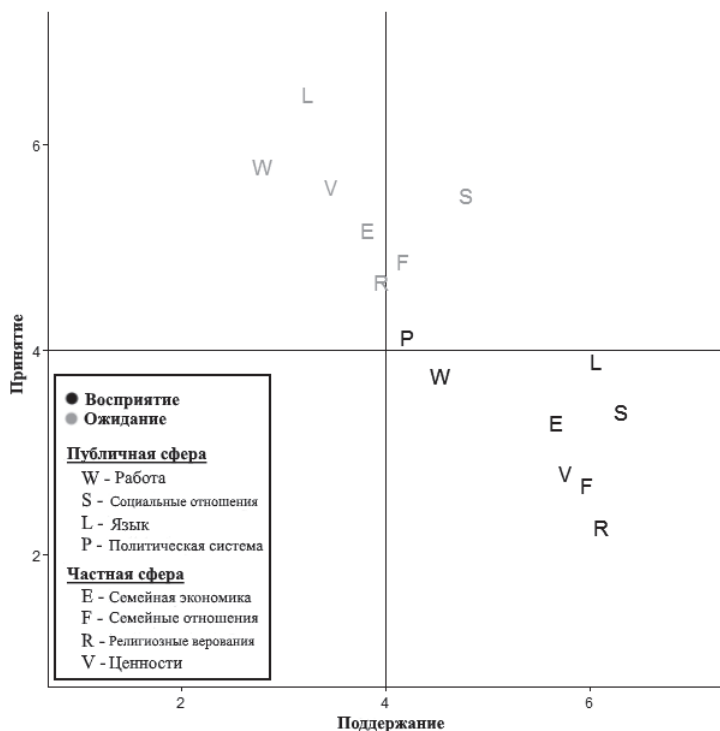

Рис. 4. Графическое представление распределения публичных и частных сфер аккультурации в рамках двухмерной модели, включающей принятие культуры принимающего населения и поддержание собственной культуры мигрантов.

Кроме того, наибольшие расхождения в ожиданиях россиян можно найти в языковой области. В правом политическом дискурсе в России подчеркивается слабое знание русского языка среди мигрантов; были даже инициативы правых политиков в парламенте, чтобы запретить использование любых иностранных языков в рабочее время на рабочем месте, чтобы мигранты не могли использовать свой родной язык на работе. Эти обсуждения привели к изменениям законодательства для иммигрантов.

Как и во многих других странах, мигранты, желающие получить разрешение на работу в России, должны пройти всестороннюю проверку своих знаний русского языка, основ права и истории России. Для получения разрешения на работу требуется сертификат, подтверждающий сдачу экзамена.

Кроме того, согласно Расширенной модели взаимной аккультурации (Relative Acculturation Extended Model, RAEM), существуют различия между реальной и идеальной ситуацией в аккультурационном процессе: (1) реальная ситуация относится к тому как принимающее население воспринимает аккультурационные стратегии мигрантов, используемые ими на практике, а (2) идеальная ситуация относится к тому какие аккультурационные ожидания принимающее население имеет относительно этого поведения, т. е. как они хотели бы, чтобы мигранты себя вели (Navas et al., 2005). Авторы этой модели утверждают, что обе группы не всегда имеют одинаковые предпочтения, и что большее несоответствие между предпочтениями мигрантов и принимающего населения несет более высокий потенциальный риск возникновения межличностного и межгруппового конфликта. Рассогласование между аккультурационными установками россиян было значимо связано с поддержкой дискриминации мигрантов в социоэкономической сфере; интересно, что непрямой эффект этого рассогласования через готовность к межгрупповому контакту в модели был более сильным, чем прямой. Этот результат может свидетельствовать о том, что отрицательная оценка аутгрупп и отсутствие готовности к межгрупповому контакту связаны с идеей о том, что мигранты отказываются соблюдать установленные правила, и что не соответствующее ожидани-

ям россиян поведение мигрантов расценивается ими как девиантное (Martinovic, Verkuyten, 2013), что и отражается в рассогласовании аккультурационных установок.

Кроме того, мультикультурная идеология выступает модератором, уменьшая положительную корреляцию между рассогласованием аккультурационных установок россиян и поддержкой дискриминации с их стороны. Однако позитивный эффект мультикультурной идеологии на уменьшение последствий рассогласования обнаружен только для поддержки дискриминации, но не для готовности к межгрупповому контакту, и можно наблюдать некоторую тенденцию ослабления позитивного эффекта для высоких уровней мультикультурной идеологии. Это позволяет сделать вывод, что только лишь поддержки мультикультурной идеологии недостаточно для того, чтобы получить низкий уровень одобрения дискриминации и что, в частности, важна готовность к межгрупповому контакту. Например, предыдущие исследования показали, что мультикультурализм может быть недостаточным условием позитивного отношения к иммигрантам; толерантность и воспринимаемые последствия миграции являются медиаторами взаимосвязи между мультикультурной идеологией и установками по отношению к мигрантам (Musso et al., 2016). Кроме того, исследователи, изучающие применимость мультикультурализма к России, сообщают, что основные условия для позитивных межкультурных отношений в России связаны с поддержкой толерантности, воспринимаемой безопасностью и принятием мультикультурализма как на уровне индивидуальных установок, так и на уровне государственной политики (Lebedeva, Galyapina,

2016; Lebedeva, Tatarko, Berry, 2016). Полученные результаты перекликаются с рекомендациями Лебедевой, Татарко и Берри (2016), которые указали на необходимость (1) продвижения политики мультикультурализма и интеграции; (2) повышение уровня культурной, экономической и личной безопасности; и (3) предоставление возможностей для межкультурного контакта.

Ограничения исследования

В данном исследовании связи имели как универсальный, так и культурно-специфический характер, что требует дальнейшего изучения, например, исследование, рассматривающее взаимодействие индивидуальных и социокультурных факторов, показало, что авторитаризм правого толка был особенно сильным предиктором антииммигрантских настроений в странах, где мигранты воспринимались как увеличивающие уровень преступности и не представляющие выгоды для экономики (напр., Германия и Италия); а ориентация на социальное доминирование была выявлена в странах с более высоким относительным уровнем безработицы среди мигрантов (напр., Бельгии и Швеции) (Cohrs, Stelzl, 2010). Необходимо рассматривать такие модераторы, специфичные для каждой страны, в зависимости от межгруппового контакта и предшествующих ему событий. Развитие рассматриваемых моделей можно оценивать как многообещающий шаг для объяснения позитивных и негативных установок по отношению к этническим меньшинствам и различным аспектам миграции в целом.

Также не были рассмотрены факторы, обеспечивающие позитивное отношение к культурному мно-

гообразию, поскольку только сам по себе низкий авторитаризм правого толка или низкая ориентация на социальное доминирование не способствуют позитивному отношению к миграции и мигрантам. Было бы также полезно учитывать специфику каждой конкретной группы мигрантов и их конкретный опыт адаптации, а не рассматривать как аутгруппу «абстрактных» мигрантов, поскольку степень, в которой авторитаризм правого толка и ориентация на социальное доминирование связаны с отношением к мигрантским группам, вероятно, будет отличаться в зависимости от конкретной изучаемой группы, и изучение отношения к мигрантам в целом может скрыть некоторые важные детали (Satherley, Sibley, 2016). Это же является основным ограничением и для рассмотрения аккультурационных профилей, в России есть несколько групп мигрантов (напр., украинцы, узбеки, таджики, азербайджанцы, молдаване, казахи, армяне, белорусы, китайцы и др.), которые имеют различную культурную дистанцию по отношению к россиянам. Более того, россияне скорее классифицируют иммигрантов из Закавказья и Центральной Азии в общую внешнюю группу с внутренними мигрантами из российских регионов Северного Кавказа, чем с иммигрантами из Украины или Белоруссии. Поэтому очевидно, что рассмотрение таких групп в отдельности может обеспечить более богатую информацию об особенностях специфики аккультурационных ожиданий и межгрупповых установок россиян в публичной и частной сфере. Этот факт полезно учитывать в исследованиях аккультурации в России.

Представленные в исследовании модели охватывали только индивидуальные различия, но не учи-

тывалось влияние ситуационных факторов, которые могут также иметь значение. Оба подхода имеют свою собственную цель: модели индивидуальных различий могут объяснить, почему некоторые люди более склонны проявлять предубеждения и дискриминацию, тогда как модели ситуационных факторов могут объяснить, почему некоторые контексты вызывают массовые и относительно однородные изменения поведения (Hodson, Dhont, 2015). Будущие исследования могли бы получить дополнительную объяснительную силу рассматриваемых моделей путем объединения индивидуальных и ситуационных вариаций.

Заключение

По результатам исследования можно сказать, что впервые была сделана попытка воспроизвести двухкомпонентную модель Дж. Даккита на российской выборке, а также проверить взаимосвязь трех наиболее релевантных для межкультурных отношений идеологических установок (мультикультурализм, авторитаризм правого толка и ориентация на социальное доминирование), желательности контакта (социальная дистанция) и дискриминации мигрантов в социоэкономической сфере.

Перевод и адаптацию на русский язык шкал, используемых в данном исследовании, в целом можно назвать успешными, после некоторой модификации шкалы имели удовлетворительные показатели надежности и валидности.

Проверка модели поддержки дискриминации мигрантов в социоэкономической сфере, которая интегрировала компоненты модели Дж. Даккита, уста-

новки к культурному многообразию, и готовность к межгрупповому контакту на российской выборке подтвердила наиболее ожидаемые связи. Готовность к межгрупповым контактам и мультикультурная идеология объяснили поддержку дискриминации мигрантов лучше, чем авторитаризм правого толка и ориентация на социальное доминирование. Существуют сходные результаты, сравнение размеров эффекта показало, что готовность к межгрупповому контакту (социальная дистанция по отношению к мусульманам) имела наибольший эффект (и в т. ч. больше, чем авторитаризм и восприятие мигрантов как угрозы) для объяснения голосования за радикальные правые партии (Lubbers, Coenders, 2017). Учитывая богатые теоретические предпосылки для связи между авторитаризмом и предубеждениями, можно предположить, что это может быть доказательством того, что авторитаризм правого толка и ориентация на социальное доминирование, вероятно, являются более дистальными факторами, а их влияние на предубеждения и дискриминацию может быть обусловлено прежде всего более проксимальными факторами. В отличие от авторитаризма правого толка и ориентации на социальное доминирование, готовность к межгрупповым контактам и мультикультурная идеология являются такими проксимальными факторами для последствий межэтнических отношений (в нашем случае, поддержки дискриминации мигрантов со стороны россиян). Модель продемонстрировала, что восприятие угрозы личной и экономической безопасности из-за опасной и конкурентной социальной среды связано с более сильным, негативным отношением к культурному многообразию и увеличением дистанции между ин-

группой и аутгруппой. В целом, этот паттерн похож на консервативный ответ на социальные изменения, когда чувство безопасности и социального контроля среди людей с консервативной ориентацией могут быть усилены негативными взглядами на многообразие и строгие границы между ингруппой и аутгруппой (см., напр., Crawford et al., 2017; Jost et al., 2003; Napier et al., 2017).

Также в этом исследовании с использованием подхода, ориентированного на человека, внимание было обращено на аккультурационные профили принимающего населения в России и исследовались отношения между этими профилями и межгрупповыми установками. Были определены три профиля: бикультурный, альтернативно-бикультурный и ассимиляционный. Результаты показали, что эмпирическая классификация на базе анализа латентных профилей может дать более полную информацию, чем подход, который основан на теоретической таксономии, как например модель Дж. Берри (1997), которая включает четыре аккультурационных ожидания (мультикультурализм, плавильный котел, сегрегация и исключение). Таким образом, особенно в культурно гетерогенных популяциях, анализ латентных профилей позволяет идентифицировать подгруппы с уникальными наборами аккультурационных характеристик.

Подводя итог, полученные результаты можно считать полезными для понимания некоторых аспектов межкультурных отношений и для проведения будущих исследований по данной теме.

**Психологическая адаптация
москвичей к культурному
многообразию: опыт качествен-
ного исследования**

Н. Лебедева, Д. Зубова

На данный момент миграция стала неотъемлемым способом существования человека в меняющейся действительности. По последним подсчетам, если доля международных мигрантов в составе всего населения останется неизменной, к 2050 году общее число мигрантов достигнет 321 млн. человек (UN General Assembly, 2016). В связи с ростом миграции, количество контактов принимающего населения и мигрантов увеличивается.

Безусловно, интегративный процесс не происходит в социальном вакууме, он во многом зависит от ожиданий и отношения принимающего населения к мигрантам в силу их доминирующего положения в принимающем обществе. Без адаптации большинства к новым жителям, последние не интегрируются в общество, не получают необходимую поддержку, от которой они зависят, особенно на ранних стадиях адаптации, что является препятствием также и для экономического, политического развития общества (Stewart et al., 2008). На данный момент эта область является сравнительно новой и мало разработанной, однако, существует ряд работ и моделей, рассматривающих факторы, которые связаны с успешностью адаптации большинства. Ниже приведем ряд из них.

Аккультурационные ожидания и безопасность

Аккультурация определяется как процесс двунаправленного изменения, который происходит, когда две этнокультурные группы находятся в устойчивом контакте друг с другом (Redfield, Linton, Herskovits, 1936). Известной концепцией в данной области стала концепция аккультурационных ожиданий Дж. Берри. Было установлено, что этническое большинство чаще всего ожидает стратегии интеграции или ассимиляции от мигрантов (Barrette, Bourhis, Personnaz, Personnaz, 2004; Jasinskaja-Lahti, Liebkind, Horenczyk, Schmitz, 2003; Ljujic, Vedder, Dekker, van Geel, 2010). Одной из гипотез Берри, проверяемой в русле международного проекта MIRIPS, стала *гипотеза мультикультурализма*, согласно которой безопасность является предпосылкой для принятия представителей других культур. И, наоборот, индивиды, испытывающие чувство незащищенности, угрозы, будут отвергать других (Berry, 1977). Это подтверждается исследованием, выявившим, что мигранты, выбравшие стратегии ассимиляции или интеграции, подвергаются дискриминации значительно реже, чем выбравшие стратегии сепарации или маргинализации, что может быть связано с восприятием данных стратегий как менее угрожающих для принимающего общества (Berry, Phinney, Sam, Vedder, 2006; Kosis, Mannetti, Lackland Sam, 2005).

Дж. Берри в своей теории аккультурации выделяет три вида воспринимаемых угроз: физическая (угроза жизни и здоровью), экономическая (конкуренция за рабочие места) и культурная (угроза культуре и языку принимающего общества) (Sam, Berry, 2006).

Феномен воспринимаемой угрозы также рассмотрен в теории интегральной воспринимаемой угрозы Stephan и Stephan, объединившей четыре вида угроз, которые могут возникать при контакте с представителями других культурных групп: реалистическая угроза; символическая угроза; межгрупповая тревожность и негативные стереотипы (Stephan, Stephan, 2000).

Угрозы и выгоды культурного многообразия

Подвергнув критике однонаправленность теории Stephan исключительно на негативное восприятие мигрантов, Е.Тартаковский и С.Волш предложили теорию угроз и выгод (Tartakovsky, Walsh, 2016), опираясь на теорию ценностей Ш. Шварца (Sagiv, Schwartz, 2000; Schwartz, Sagiv, Boehke, 2000). Ш. Шварц предположил, что позитивному отношению к этническим меньшинствам способствуют некоторые ценности и противоречат другие (Schwartz, 1992; 2006; Schwartz et al., 2012). Например, было подтверждено, что ценности Самопреодоления (более всего *универсализм*) и Открытости изменениям (более всего *самостоятельность*) связаны с позитивным отношением к мигрантам и уменьшением антимиграционных предубеждений, а ценности Самоутверждения (особенно *власть*) и Сохранения (особенно *безопасность* и *традиция*), наоборот, связаны с негативным отношением к мигрантам и ростом предубеждений (Schwartz, 2006; Feather, McKee, 2008; Leong, 2008; Vecchione et al., 2012).

Основываясь на этих данных, авторы предложили свою *теорию угроз и выгод*, получившую эмпирическое подтверждение в исследовании отношения

социальных работников к иммигрантам в Израиле, целью которой является объединение ценностных предпочтений принимающего населения с их оценкой различных групп иммигрантов. Базовым положением этой концепции является восприятие принимающего общества мигрантов как выгодных или угрожающих ему (Tartakovsky, Walsh, 2016).

Среди угроз рассматриваются: физическая угроза: мигранты воспринимаются как физически угрожающие (ценность *безопасности*) (Huddy, Feldman, Taber, Lahav, 2005); экономическая угроза (ценности *власти* и *безопасности*) (McLaren, 2003; Schneider, 2008); угроза социальной сплоченности (ценности *традиции* и *конформности*) (Huddy, Sears, 1995), угроза современности (ценности *безопасности* и *достижения*) (Lucassen, 2005).

Среди выгод рассматриваются: физическая выгода (ценности *гедонизма*, *стимуляции* и *самостоятельности*) (Fiske, Cuddy, Glick, 2007); экономическая выгода (ценности *универсализма*, *благожелательности*, *самостоятельности*) (Leong, 2008); преимущество культурного многообразия (ценности *гедонизма*, *самостоятельности*, *стимуляции*) (Leong, 2008); гуманитарная выгода (ценность *универсализма*) (Leong, Ward, 2006).

Роль межкультурных контактов

Ещё одной гипотезой Д. Берри, направленной на изучение межкультурного принятия и улучшение качества межкультурных взаимодействий, стала *гипотеза контакта*: межкультурный контакт способствует взаимному принятию при соблюдении определенных условий, особенно — равноправия (Allport,

1954). Среди других условий Г. Олпорт выделил общие цели, институциональную поддержку и понимание «общей человеческой природы» (Allport, 1954). В 2006 году Т. Петтигрю и Л. Тропп проанализировали более 500 исследований по данной теме и выявили значимую корреляцию между контактом и ослаблением этнических стереотипов (Pettigrew, Tropp, 2006). Данная связь объясняется учёными через механизмы снижения тревожности, развитие эмпатии и увеличение знаний о другой группе (Blascovich et al., 2001; Mallett et al., 2008). Однако, контакт имеет валентность, следовательно, важно рассмотреть влияние негативного контакта. Т. Петтигрю и Л. Тропп утверждают, что позитивный контакт способствует ослаблению предубеждений, в то время как негативный укореняет их (Pettigrew, Tropp, 2006). Были получены результаты об ассоциации неэффективной коммуникации с реалистичной и символичной угрозой (Spencer-Rodgers, McGovern, 2002).

Информированность и образование

Информированность о другой этнической группе рассматривается как один из ключевых факторов успешной адаптации (Ward, Kennedy, 1999). Действительно, исследования подтверждают, что недостаточность знаний способствует формированию стереотипов, а также связана с националистскими установками (Stephan, Stephan, 1984). В теории интегральной воспринимаемой угрозы Стефанов знания о другой группе и эффективное общение описаны как ключевые положения для воспринимаемых угроз (Stephan et al., 2009). Помимо знаний об этнических группах важен общий уровень образования индивида (Bardi,

Goodwin, 2011; Biesta, 2010). На данный момент есть результаты, что более высокое образование связано с более низким авторитаризмом и меньшей ориентацией на социальное доминирование (Sidanius, Pratto, Bobo, 1996). Среди причин — влияние образовательной системы на развитие социальных отношений, базовых норм равенства и толерантности, лежащих в основе демократической культуры (Bobo, Licari, 1989; Vogt, 1997). Также, образование вносит вклад в развитие когнитивных способностей и гибкости человека, который позволяет распространить данные нормы не только на свою группу, но и на группы меньшинств (Gaasholt, Togeby, 1995). Вторая причина заключается в экономической системе и распределении благ, что мы рассмотрим далее.

Экономика и дистанция между культурами

Экономические последствия глобализации могут усиливать чувство неопределенности и восприниматься как угроза этническим большинством по нескольким причинам. Во-первых, глобализация подразумевает высокие темпы движения и приток людей из-за рубежа, что усиливает конкуренцию на рынке труда среди менее образованных слоев населения, потому что рынок низкоквалифицированных рабочих мест более насыщен (Coenders, Scheepers, 2008), тогда как для высокообразованных людей глобализация является возможностью (Bekhuis, Lubbers, Verkuyten, 2014). Во-вторых, исходя из политического строя страны, иммигранты могут быть получателями выгод, предоставляемых системами социального обеспечения. В этом случае, у слоев населения, разделяющих с ними социальные блага, мо-

жет сформироваться отрицательное отношение к иммиграции (Huber, Oberdabernig, 2016). Социальное обеспечение может влиять на замедление процесса интеграции и по причине уменьшения мотивации мигрантов нахождения работы и получения большего заработка (Коопmans, 2013). Правда, последнее характерно для экономически развитых стран Запада с их высокими пособиями для иммигрантов и не является типичным для России. Тем не менее, важно оценивать соотношение экономического благополучия этнического большинства и мигрантов. Их неравенство может нанести вред межгрупповым отношениям, увеличивая дистанцию между этническими группами (Wilkinson, Pickett, 2010).

Отечественные исследования адаптации большинства к этническому многообразию

Разработка темы адаптации большинства к этническому многообразию в России имеет особую актуальность. Россия — исторически многоэтническая страна, долгое время находившаяся в тесной взаимосвязи с бывшими республиками СССР. Однако, после его распада, возникла новая геополитическая конфигурация, начался депопуляционный этап демографического развития, изменилась миграционная ситуация (Зайончковская, Тюрюканова, 2009). Все эти события актуализируют необходимость активного приспособления этнического большинства к новым условиям жизни и дают толчок развитию исследований адаптации большинства к культурному многообразию в новой социокультурной реальности в России.

Новый век характеризуется либерализацией миграционной политики РФ. В 2007 году в силу вступили изменения, заключающиеся в сильном упрощении правил регистрации иностранных граждан по месту пребывания, а также порядке их трудоустройства — основных проблем легализации мигрантов (Цит. по: Кобылинская, Усенко, 2014). Эти упрощения сделали Россию еще более привлекательной принимающей страной, особенно для мигрантов стран СНГ (Тюменцева, 2014). Россия находится среди стран, лидирующих по количеству мигрантов, занимая 3 место после США и Германии (Цит. по: Lebedeva, Tatarko, Berry, 2016). При этом по данным за 2003–2009 гг. Москва и Московская область аккумулируют практически весь миграционный прирост — 93% (Флоринская, Тюрюканова, Зайончковская, 2011).

Опираясь на социологические исследования этого периода, можно говорить о том, что граждане России страдают мигрантофобией (Бадыштова, 2005). В 2008 году 75% опрошенных в Москве и Санкт-Петербурге сказали, что рассматривают большое количество мигрантов в Россию как отрицательное явление (Цит. по: Зайончковская, Тюрюканова, 2009). С другой стороны, в социально-психологических исследованиях, проверяющих гипотезы Берри, были получены результаты на выборке российского большинства и мигрантов из Центральной Азии, которые свидетельствуют об интеграции как о предпочтительном способе взаимодействия мигрантов из Центральной Азии и русских (Ryabichenko, Lebedeva, 2016). Другое исследование, проверявшее данные

гипотезы на выборке москвичей и мигрантов с Кавказа, показало, что среди мигрантов больше выражена стратегия интеграции, нежели ожидание «мультикультурализм» среди русских москвичей, которые предпочитают ассимиляцию мигрантов по принципу «плавильного котла» в большей мере, чем сами мигранты хотят быть ассимилированными, но интеграция, тем не менее, больше предпочитается как мигрантами, так и русским большинством (Lebedeva, Tatarko, Berry, 2016). А. Татарко в своём исследовании тоже пришёл к выводу, что этническое большинство Москвы поддерживает мультикультурализм, однако, остальные три аккультурационных ожидания вместе получили более половины предпочтений респондентов. Данный результат может быть связан с восприятием угрозы: самые низкие баллы было выявлены в областях физической и экономической безопасности, менее критично москвичи оценили культурную безопасность (Татарко, 2009). Это согласуется с результатами Левада-Центра, утверждающих что 30% – 40% населения отмечают негативные экономические последствия миграции, до трети населения обращают внимание на культурную отчужденность мигрантов, а 60% опрошенных жителей уверены, что мигранты повышают опасность терроризма (Левада-Центр, 2008). Однако, по официальным данным МВД РФ, в 2007 г. преступления, совершенные иностранными гражданами, составляют только 1,4% от общего числа зарегистрированных преступлений в России (цит. по: Зайончковская, Тюрюканова, 2009). То есть говорить о действительной физической угрозе мы не можем. С другой стороны, помимо полу-

ченных результатов о мигрантофобии, также был выявлен высокий уровень этнической толерантности среди москвичей (Татарко, 2009).

Подводя итог, можно сказать, что отношение русского этнического большинства к мигрантам неоднозначно. С одной стороны, мы имеем результаты исследований, говорящих о предубеждённом и стереотипизированном отношении к мигрантам. Русские испытывают тревогу в сферах физической и экономической безопасности. Данное беспокойство влияет на предпочтение большинством ожидания мультикультурализма по сравнению с другими тремя аккультурационными ожиданиями (ассимиляцией, сегрегацией и исключением).

Неоднозначность данной ситуации ставит перед нами следующие исследовательские вопросы: в каких областях повседневной жизни этническое многообразие беспокоит представителей этнического большинства, вызывает их беспокойство и негативное отношение? Каковы основные опасения этнического большинства, которые они связывают с этническим многообразием? Какие эмоции вызывают мигранты у этнического большинства в процессе взаимодействия в разных сферах повседневной жизни? Видят ли москвичи выгоды культурного многообразия наряду с угрозами?

Эмпирическое исследование адаптации москвичей к культурному многообразию

Для достижения цели этой работы — изучения адаптации этнического большинства к культурному многообразию, было принято решение использовать

качественный метод анализа, а именно полуструктурированное интервью, что оправдывается открытым характером исследования на начальном этапе.

Выборка. В исследовании приняли участие 26 респондентов старше 18 лет, родившихся и проживающих в Москве. Всего было проинтервьюировано 15 женщин и 11 мужчин.

Процедура исследования. Каждый респондент был проинтервьюирован лично с помощью списка утверждений, составленного на основе моделей и теорий, рассмотренных выше, а именно: теория интегральной воспринимаемой угрозы У. Стефан и К. Стефан и теория угроз и выгод Е. Тартаковский и С. Уолш.

Результаты эмпирического качественного исследования

Отношение москвичей к миграционной политике неоднозначно — данная политика способствует приезду мигрантов, но она не статична, есть позитивные изменения («политика способствует, у нас безвизовый режим», «сейчас стараются ограничить»). Многие респонденты выразили мнение, что миграционная политика РФ неэффективна, и они обеспокоены количеством нелегальных мигрантов на территории Москвы («мы первые по нелегальной миграции») — см. табл.1.

Способствует ли миграционная политика РФ въезду мигрантов?

Способствует въезду	Ограничивает въезд	Неэффективна
<p>1. Сейчас политика в сторону смешается: создаются какие-то меры, для того, чтобы им стало комфортнее.</p> <p>2. Политика способствует, потому что у нас безвизовый режим.</p> <p>3. Думаю, способствует. У меня много знакомых, которые переехали из других стран.</p> <p>4. Способствует, если смотреть на нынешний курс государства.</p> <p>5. Судя по количеству мигрантов на наших улицах, способствует.</p> <p>6. Есть определенные гранты, квоты, такое впечатление, что их все больше.</p> <p>7. Способствует.</p>	<p>1. Сейчас стали работать и пресекать всяких таджиков, киргизов и прочих.</p> <p>2. Ограничивают количество этих товарищей уже лет 5.</p> <p>3. Сейчас зарплаты стали меньше, политика усложнилась для мигрантов.</p> <p>4. Сейчас стараются ограничить.</p> <p>5. Политику никто не видит, но она есть, потому что начали сносить палатки, рынки.</p> <p>6. Запрещать не запрещает, но вводит привилегии.</p> <p>7. Были приняты законы, по которым многие из них вынуждены были уехать.</p>	<p>1. У кого граница с Россией, чуть ли не через забор пролезают сюда.</p> <p>2. Мы на первом месте по нелегальной миграции.</p> <p>3. Люди ехали в Москву, люди едут в Москву — ничего не меняется от политики.</p> <p>4. Сейчас нет вообще никакой регуляции въезда и выезда.</p> <p>5. Мигрантов могут депортировать, но они вернутся.</p> <p>6. Политика не способствует, реальность способствует.</p> <p>7. Миграционной политики нет, она пущена на самотёк.</p> <p>8. Они ездят, и их ничто не останавливает, нелегалов огромное количество.</p> <p>9. Меня не устраивает, что у нас со странами Азии политика открытых границ, может въехать, кто хочет.</p> <p>10. Нелегальных мигрантов всё больше.</p> <p>11. У нас проблема с нелегальной миграцией</p>

Ни один из респондентов не ответил, что число мигрантов недостаточно. Данная выборка москвичей считает, что их много или оптимально. Большинство ответов было получено о том, что число мигрантов только увеличивается. Однако, примерно пятая часть ответов связаны с восприятием уменьшения количества мигрантов в последнее время, особенно после экономического кризиса — см. табл. 2.

Таблица 2

**Оценка количества мигрантов
и динамики миграции в Москву**

Много, их число растёт	Много, но их число уменьшается	Оптимально
<ol style="list-style-type: none"> 1. В Москве их много, где-то четверть, сейчас равномерно увеличивается число. 2. У нас много мигрантов, больше, чем коренных жителей. 3. На данный момент их число неуклонно растёт. В Москве их слишком много. 4. Их уже достаточно много, они ассимилируются, и рожают детей в неограниченном количестве. 5. Поток мигрантов стабильно высок. Четверть населения. 6. Их сейчас много, и число их увеличивается. 7. Их число растёт растёт быстрее, чем говорят политики. Сейчас немного больше, чем могло быть. 8. Много, и едут много. 9. Много. И их число растёт, потому что они начинают здесь размножаться и укореняться. 10. Их слишком много, и их число увеличивается. 11. Их число растёт, их слишком много на данный момент. 12. Много едут, судя по стройкам, которые разворачиваются в огромном масштабе. Поток растёт до сих пор. 13. Их все больше, они все больше появляются в общественных местах. 14. За последние лет пять их стало больше. Их точно не оптимально. 15. На данный момент мне кажется, что число мигрантов держится на каком-то стабильно высоком уровне, их много. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Мигрантов, как мне кажется, стало меньше по сравнению с прошлыми годами. На данный момент их все равно слишком много. 2. С кризисом в Москве их число уменьшилось. Я думаю, что их все равно чересчур много. 3. Много, был период, когда также очень много приезжало, а сейчас меньше. 4. Их стало меньше, кризис наступил, но их до сих пор много. 5. Их стало гораздо меньше, когда кризис наступил. Их все равно много. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Растёт число мигрантов. На данный момент их оптимально. 2. Хватает. Их количество увеличивается 3. Растёт, конечно. Их нормальное количество. 4. Их число растёт. Раньше казалось, что слишком много, сейчас не так.

Образ мигранта не представлен единым мнением. Была выделена группа положительных представлений о мигрантах, а именно: «заинтересованный человек», «общительный и застенчивый», «активный человек, готовый к переменам». Однако, отрицательных и стереотипных представлений оказалось больше, чем положительных («грязный и вонючий человек», «нерешительный, чужеродный», «таджик в оранжевых штанах, синей кофте, такой «Джамшуд»). Нейтральных представлений получено примерно столько же, сколько и отрицательных («представитель Средней Азии», «мужчина с Кавказа лет 35 и старше, приехавший на заработки»). Отдельную небольшую группу составили ответы об отсутствии единого образа мигранта («все мигранты разные, какого-то единого образа у них нет») — см. табл. 3.

Где москвичи пересекаются с мигрантами? Среди сфер пересечения с мигрантами были упомянуты: транспорт (метро, маршрутки и т.п. — 8 ответов), магазины, рынки (4 ответа), в сфере услуг (уборщики, дворники, такси, ЖКХ и т.д. — 9 ответов), в учебных заведениях ((РУДН) — 3 ответа), на работе (3 ответа), на улице (4 ответа), в ночных заведениях — 1 ответ. Среди эмоций, сопровождающих контакты с мигрантами, были выделены в большинстве своем нейтральные и негативные эмоции («агрессия и нервозность», «равнодушна»). Несколько респондентов выделили позитивные эмоции, которые они связывают с мигрантами («радость от экзотики») — см. табл. 4.

Образ мигранта

Положительный	Отрицательный	Нейтральный	Отсутствие единого образа
<p>1. Заинтересованный человек, который имеет цель.</p> <p>2. Активный человек, иногда агрессивный, готовый к переменам.</p> <p>3. Общительный и застенчивый внутри.</p>	<p>1. Это чёрный, худощавый человек, который бедно одет, грязный и вонючий.</p> <p>2. Человек явно из неблагополучной страны (нет смысла переезжать, если там все хорошо), бедный, плохо образованный, с низким уровнем культуры.</p> <p>3. Плохо владеющий языком, небогатый, не располагающий жильем, ищущий работу.</p> <p>4. Таджик в оранжевых штанах, синей кофте, такой «Джамшуд».</p> <p>5. Нерешительный, чужеродный</p> <p>6. «Мамука» какой-нибудь, который копает асфальт. Небритый, в оранжевом, таджик такой.</p> <p>7. Люди с низкой квалификацией, кто хочет работать на низкооплачиваемых работах.</p> <p>8. Малообразованный, плохо говорящий по-русски (или вообще не говорящий) человек, приехал с целью выжить и отправить побольше денег в свою страну, работает «принеси-подай».</p>	<p>1. Люди, которые переехали из бедных и не очень развитых стран. Им трудно с адаптацией, финансами, языком, стараются селиться с людьми из своих стран.</p> <p>2. Мой дворник.</p> <p>3. Человек, который не говорит по-русски и укладывает плитку.</p> <p>4. Представитель Средней Азии.</p> <p>5. Мужчина с Кавказа лет 35 и старше, приехавший на заработки.</p> <p>6. Самый обычный человек.</p> <p>7. Представители Средней Азии, которые работают на стройке.</p> <p>8. Киргиз или таджик, работник.</p>	<p>1. Одного образа мигранта нет, они все разные. Можно считать и дворян мигрантами, можно считать высокоставленных людей мигрантами.</p> <p>2. Едут разные люди. Часть — квалифицированные, вне зависимости от профессии. А часть — неквалифицированные.</p> <p>3. Бывают разные люди.</p> <p>4. Все мигранты разные, какого-то единого образа у них нет.</p>

Таблица 4

Эмоции, вызываемые мигрантами

Позитивные	Негативные	Нейтральные
1. Интерес. 2. Радость от экзотики. 3. Интерес.	1. Меня это может раздражать. 2. Агрессия и нервозность. 3. Чувство разочарования. 4. Отвращение. 5. Напряженность. 6. Настороженность. 7. Обеспокоенность. 8. Неприязнь. 9. Страх и отвращение.	1. Никаких чувств не вызывает. 2. Не вызывают. 3. Нейтрально. 4. Абсолютно нейтральное. 5. Никаких чувств. 6. Равнодушна. 7. Спокойствие. 8. Никаких чувств. 9. Нет чувств. 10. Никакие не вызывают. 11. Нейтральные.

Таблица 5

Коммуникация москвичей с мигрантами

«Не взаимодействую»	Позитивная оценка	Негативная оценка
1. Я с ними не контактирую. 2. У меня нет желания узнавать их ближе. 3. У меня недостаточно данных, чтобы говорить о большинстве. 4. Не приходилось мне с ними долго общаться. 5. Мало с ними общаюсь. 6. Мало приходится с ними взаимодействовать	1. В принципе, от них много интересного можно узнать про культуру как от ее носителей. 2. Мне интересно, я постоянно болтаю, спрашиваю, откуда они. 3. Мне вообще приятно общаться с людьми. 4. Да, приятно, это факт. 5. В целом, интересно. 6. Все люди интересны, с ними интересно общаться, потому что у них информация с другой стороны.	1. Мне неприятно любое взаимодействие. 2. С таджиком, который мою улицу убирает — мне неприятно.

При оценке коммуникации с мигрантами, среди ответов преобладают: положительная коммуникация («с ними интересно общаться») и отсутствие коммуникации с мигрантами («я с ними не контактирую») — см. табл. 5.

При оценке последствий контактов с мигрантами, мнения выборки разделились между нейтральными/амбивалентными последствиями контакта («в большинстве случаев — это совершенно нейтральный контакт») и положительными («они могут работать хорошо, дружить»). Мнение о преобладающих отрицательных последствиях контакта не было выявлено — см. табл. 6.

Таблица 6

Последствия контактов с мигрантами

Нейтральные/амбивалентные	Положительные
<ol style="list-style-type: none"> 1. Непонятно, что после контакта будет. 2. Наверняка есть процент, с которыми потом негатив, но абсолютно всегда — нет. 3. Мигрант мигранту рознь. 4. Люди разные, все от людей зависит. 5. В большинстве случаев — это совершенно нейтральный контакт. Это редкие случаи, когда выходит какой-то негатив. 6. Не всегда к негативному ведёт. 7. Все зависит от того, какой человек, как он уважает законы и культуру. 8. Нет, от случая к случаю. 9. Нельзя говорить, что всегда всё заканчивается конфликтом. 10. Обычно контакт не ведёт ни к чему. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. У моего крестного жил наемный работник из Грузии. Жил долго, работал честно, сейчас вернулся в свою страну. 2. Когда я покупаю в палатке шаурму — это не приводит к неприятным последствиям. 3. Они могут работать хорошо, дружить. 4. Приезжают порой учителя, которые работают здесь рабочим персоналом, а они очень образованные и духовные люди, и если с ними есть поговорить — то они много чего тебе расскажут.

Однако, говоря о раздражающих ситуациях, связанных с мигрантами, нами была выделена отдельная категория «попытки взаимодействия», которая представлена одним мнением («раздражает, когда они пытаются познакомиться или спросить у меня что-то»). Помимо попыток взаимодействия, москвичей беспокоит неподобающее поведение мигрантов — 10 ответов («когда таксисты не дают тебе пройти вечером возле метро»), их большое количество, а также — создание анклавов — 6 ответов («большие концентрации устрашают в районах»), а также нарушение порядка в городе — 6 ответов («когда мигрант позволяет себе мусорить на улице») — см. табл. 7.

Довольно показательной является тенденция разрешения москвичами взаимодействия своим детям с детьми мигрантов («дети ничем не виноваты, буду позволять»), а также разрешение общения при определённых условиях, среди которых — достойное поведение мигрантов, достаточный уровень образования, культуры, воспитания, а также отсутствие угрозы с их стороны («если из культурной и образованной семьи — то не запрещу»). Однако, существуют и обратные мнения («я против такого общения», «он сам не будет дружить, потому что уровень другой») — см. табл. 8.

Раздражающие ситуации, связанные с мигрантами

Неподобающее поведение	Большое количество мигрантов, создание анклавов	Нарушение порядка в городе	Навязчивые попытки взаимодействия
<ol style="list-style-type: none"> 1. Когда ведут себя агрессивно. 2. Когда напрямую угрожают мне. 3. Если они враждебно начинают относиться, выразить недовольство. 4. Если они агрессивны. 5. Пренебрежительное отношение к жителям страны, оскорбления. 6. Когда теряют самоконтроль, когда их этническая черта — горячность начинает работать. 7. Когда женщина идёт по улице, а ребята начинают улюлюкать, смеяться. 8. Когда им делают замечание, они не воспринимают. 9. Когда таксисты не дают тебе пройти вечером возле метро. 10. Когда они не понимают, что ты им сказал, начинают галдеть. 11. Они считают нормальным приставать к девушкам, свистеть, свою лезгинку выплясывать, где надо и не надо, проповедовать свои нормы морали, где их не просят. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Когда их много — это напрягает. 2. Большие концентрации устрасают в районах. 3. В толпе. 4. Когда по вечерам они ходят стаями. 5. Они заняли уже некоторые районы — это недопустимо. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Толпы мигрантов вечно живут вместе и ломаются в твой дом. 2. Когда они разбрасывают мусор. 3. Когда они ведут в городе, как у себя дома. 4. Административные нарушения. 5. Когда мигрант позволяет себе мусорить на улице. 6. Могут намусорить, испортить что-то. Коренное население более щепетильно относится к городу. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Раздражает, когда они пытаются познакомиться или спросить у меня что-то.

Взаимодействие детей москвичей с детьми мигрантов

Запрещается	Разрешается при определённых условиях	Разрешается
<p>1. Я против такого общения, они окажут плохое влияние на моих детей.</p> <p>2. Он сам не будет дружить, потому что уровень другой.</p>	<p>1. Если рядом с моим ребенком будут мигранты, я хочу убедиться в том, что они принадлежат к той части населения, которая хорошо себя ведёт.</p> <p>2. Не возражаю, у меня нет проблем с мигрантами, если они законопослушны.</p> <p>3. Если из культурной и образованной семьи, то не запрещаю.</p> <p>4. Если их уровень образования будет адекватным, то почему бы и нет.</p> <p>5. Если у них порядочные семьи, то нет.</p> <p>6. Я не могу запретить общаться с кем-то, но расскажу детям, что мигранты представляют угрозу, будьте осторожны.</p> <p>7. Если родители хорошие люди и хорошо воспитывают, то какая разница.</p> <p>8. Если достойный человек, то ради Бога.</p> <p>9. Я стараюсь непредвзято относиться к людям, но я буду против, если я обнаружу какое-то плохое воздействие.</p> <p>10. Если с обеих сторон это будет одобряться.</p>	<p>1. Безусловно, разрешу.</p> <p>2. Воспитание моих детей позволит им дружить с хорошими людьми.</p> <p>3. Уже дружат.</p> <p>4. Дети ничем не виноваты, они не несут в себе заряженности, они нейтральны, буду позволять.</p> <p>5. От ненависти, от ограничений не будет никакой пользы.</p> <p>6. Я к этому спокойно отношусь.</p> <p>7. Конечно, не возражаю.</p> <p>8. Почему бы и не дружить.</p> <p>9. Разрешу, безусловно.</p>

Далее, в соответствии с теориями, изложенными в первой части работы, мы проанализировали воспринимаемые угрозы, испытываемые москвичами по отношению к мигрантам. Обратимся сначала к физической угрозе (жизни или здоровью). Большое количество ответов было получено о возможной

криминогенности мигрантов. Сферы преступности, в которых могут быть задействованы мигранты, по мнению москвичей, варьируют. В них входят административные, убийства, терроризм, продажа и употребление наркотиков. Лишь небольшая часть выборки согласна с тем, что мигранты не криминогенны («если бы не было мигрантов — была бы преступность ниже? Не думаю») — см. табл. 9.

Таблица 9

Физическая угроза (криминогенность)

Повышают преступность	Не влияют на преступность
<ol style="list-style-type: none"> 1. Повышают. Статистика, которую я слышала, говорит, что много определённых преступлений совершается мигрантами: грабежи, изнасилования, убийства. 2. Избавляться сейчас стали от них для избегания терактов. 3. Это официальные данные, что повышают. Я это вижу сама. 4. Они приезжают из неблагополучных семей, поэтому они — склонные к насилию люди. 5. Когда другая культура вливается в новую, то нарушаются порядки за счёт нарушения привычных рамок и норм. 6. рочная потребность где-то взять деньги толкает их на то, чтобы идти на преступления. 7. Терроризм и мигранты могут быть очень связаны. 8. Я знаю, что есть кварталы, где мигранты пьют и спокойно потом насилуют женщин. 9. Не то, чтобы повышают уровень преступности, но повышают уровень административных нарушений. 10. Административные правонарушения — это по их части. 11. Денег не хватает, на работе нагрузка большая, что вынуждает их заниматься криминальным бизнесом — наркотиками, незаконным оборотом товаров. 12. Они воруют очень много в диаспоры свои. 13. Они могут и террористически, и националистически выражать себя. Так как они в тяжёлом положении, их легко привлечь куда-то. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Если бы не было мигрантов — была бы преступность ниже? Не думаю. 2. Не думаю, что именно преступники могут доехать. Люди с криминальным мышлением склонны добиваться чего-то очень быстро, а не переждать. 3. Только если больше людей — больше преступности. 4. Мне не кажется, что прямо много приезжает криминальных людей. 5. Сами по себе не повышают.

<p>14. Определенно, так как они сами достаточно вспыльчивые люди.</p> <p>15. Мигранты связаны с наркотиками.</p> <p>16. Отбирают сумки ночью они.</p> <p>17. Преступность растёт и это факт, они из Азии везут героин и гашиш. Плюс уличная преступность.</p>	
---	--

Помимо криминогенности, москвичей волнует и угроза здоровью, которую несут в себе мигранты. Около 2/3 респондентов ответили, что мигранты могут быть переносчиками разных болезней из-за плохих условий их жизни и неудовлетворительной медицинской помощи на их родине («у них хуже медицинское обслуживание»). Лишь треть выборки согласна, что мигранты не влияют на эпидемиологическую ситуацию в Москве («угрозу москвичам несёт московская политика здравоохранения, а не мигранты») — см. табл. 10.

Обратимся к воспринимаемой москвичами экономической угрозе. Анализируя тему конкуренции на рынке труда, москвичи выразили мнение, что мигранты конкуренты, но для других граждан Москвы («в моей области не ощущаю. В других областях, наверное, есть конкуренция»). Данный результат может быть связан с тем, что выборка в большинстве своем состоит из респондентов с высшим образованием и студентов. Немного ответов получили категории «мигранты — не конкуренты никому» («гражданам России, особенно жителям Москвы, работодатель отдаёт больше предпочтений, нежели мигрантам»), а также «мигранты — косвенные конкуренты» («они могут вытеснить компанию, в которой я, возможно, буду работать»). Несколько ответов было получено о конкуренции среди студентов за места в университетах, а также будущей конкуренции с теми, кто получает сейчас образование в Москве («китайцы у нас учатся — это реальные конкуренты») — см. табл. 11.

Физическая угроза (угроза здоровью)

Несут угрозу	Не несут угрозы
<ol style="list-style-type: none"> 1. Так как они живут в антисанитарных условиях и у них нет денег на лечение, поэтому они могут переносить инфекционные болезни. 2. Многие из них ведут беспорядочный половой образ жизни, и я думаю, что большая часть населения заразна, переносит различные вирусы, поэтому их нужно отсюда депортировать. 3. Как правило, мигранты из бедных стран приезжают сюда, а там у них худшее медицинское обслуживание. 4. Какие-то болезни они переносят. 5. По здравому смыслу, из южных стран всегда что-то приезжает — там полно всяких болезней. 6. Смотря на вопрос болезней, например, на те, которые передаются половым путем — у меня есть понимание, что с людьми с определенным цветом кожи я бы спать не стал. 7. Да, с точки зрения гигиены они могут быть опасны. Они могут иметь больше болезней и передавать их. 8. На подсознательном уровне есть такое чувство, что они более заразные. 9. Бедная страна, где плохо со здравоохранением, больницами и лечением — то да, может быть, оттуда все пойдет. 10. Мигранты действительно инфицированы и заражны. 11. Приезжают с детьми — привитыми, не привитыми — неизвестно. Плюс проживают непонятно где. 12. Если мы говорим о нелегалах, то возможно все. 13. Ближняя Азия никогда не славилась здоровьем. 14. Кто-то из Африки привозил что-то. 15. В поликлиниках часто говорили, что они туберкулезные, я слышала об этом. 16. Я бы их руками не трогал. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Кто-то болеет, кто-то нет, как и все другие люди. 2. Есть такая страшилка, но у меня своё понимание — мигранты тут не играют роль. 3. В мегаполисе и так гуляет много вирусов, паразитов. Они гуляют, потому что людей очень много, и они много куда перемещаются. 4. Нет такой закономерности. Те же иммигранты из Африки имеют риск заболеть от какой-то болезни, которой нет у нас, но они такие же люди. 5. Все так же относятся к русским людям в других странах, как мы к мигрантам. 6. Я не думаю, что они заражны. 7. Угрозу москвичам несёт московская политика здравоохранения, а не сами по себе мигранты.

**Экономическая угроза
(мигрант как конкурент на рынке труда)**

Не конкурент ни для кого	Не конкурент для меня (Разные сферы занятости)	Конкурент
<p>1. Нет, я не думаю. Потому что они хуже изначально.</p> <p>2. Вообще не конкуренты из-за плохого знания языка и культуры.</p> <p>3. Гражданам России, особенно Москве, работодатель отдаст больше предпочтений, нежели мигрантам.</p> <p>4. Нет, эту проблему разделяют неудачники, которые не могут устроиться на работу, и все сваливают на мигрантов.</p> <p>5. В России не иммигрируют люди с высшим образованием.</p>	<p>1. В той сфере, в которой я хочу быть задействована, я с ними не должна буду сталкиваться.</p> <p>2. Нет, потому что они не занимаются тем, чем я, и на том же уровне.</p> <p>3. Мигрантам не нужна моя специальность.</p> <p>4. Я занята в очень сложной сфере.</p> <p>5. У нас с ними разные сферы.</p> <p>6. Не мои конкуренты, так как у меня специфическая профессия. А, вообще, безусловно.</p> <p>7. Они не мои конкуренты, но для всех, кто живет за МКАДом — конкуренты.</p> <p>8. Они занимают достаточно низкие должности, в моей специальности нет их.</p> <p>9. В моей сфере вряд ли. Так как им тяжело получить образование.</p> <p>10. На рынке труда мы занимаем разные сферы.</p> <p>11. Нет, в моей профессии нет. Мигранты занимают низкоквалифицированные места.</p> <p>12. В моей области не ощущаю. В других областях, наоборот, есть конкуренция.</p> <p>13. У нас разные ниши.</p>	<p>1. Конечно, потому что приезжают дизайнеры из Казахстана, Италии, Англии, Украины и т.п.</p> <p>2. В какой-то степени да. Даже когда я поступала в университет, некоторые места были выделены для ребят из Крыма, хотя они сейчас уже не мигранты. И в будущем будет то же самое на работе.</p> <p>3. На рынке труда у нас большая конкуренция.</p> <p>4. Они могут вытеснить компанию, в которой я, возможно, буду работать.</p> <p>5. Есть переполнение рынка труда, все конкуренты.</p> <p>6. Кигайцы у нас участв — это реальные конкуренты.</p>

Восприятие влияния мигрантов на экономику Москвы варьируется. Чуть больше ответов было получено о торможении развития экономики Москвы мигрантами: среди негативного влияния: воровство денег путём получения льготных условий и неуплаты налогов («они воруют из бюджета»), отправка денег за границу («отправляют деньги своим семьям») и вред бизнесу («миграция вредит бизнесу»). Далее по количеству ответов следует категория, связанная с развитием экономики благодаря мигрантам. Ответы про положительное влияние связаны с тем, что мигранты выполняют низкоквалифицированные работы, на которые не соглашаются москвичи, а также повышают покупательскую активность («они занимают те рабочие места, которые пустуют без них», «они повышают покупательскую активность и вкладываются в экономику города»). Ещё меньше мнений образовали категорию «отсутствие влияния мигрантов на экономику» («от мигрантов особого влияния нет»). Самой малочисленной группой ответов стала категория, связанная с амбивалентностью влияния мигрантов на экономику («несмотря на все свои заработки, большая часть которых уходит к ним домой, какую-то часть выплачивают государству») — см. табл. 12.

Экономическая угроза (Влияние мигрантов на экономику Москвы)

Развивают	Амбивалентная оценка	Тормозят	Нет влияния
<p>1. Экономика Москвы развивается более интенсивно благодаря мигрантам, так как они занимают те рабочие места, которые пустуют без них.</p> <p>2. Дешевая рабочая сила, закрывающая неудобные места, должна хоть что-то двигать.</p> <p>3. Они повышают покупательскую активность и вкладываются в экономику города.</p> <p>4. Да, так как они дешевая рабочая сила.</p> <p>5. Экономика встанет в яму, если мигрантов не будет, потому что я не представляю, кто согласится на такие работы.</p> <p>6. Наверное, да. Стройка точно развивается.</p>	<p>1. Несмотря на все свои заработки, большая часть которых уходит к ним домой, какую-то часть выплачивают государству. Но это только те, кто официально зарегистрирован.</p> <p>2. Все зависит от целей мигрантов. Есть те, которые усердно работают и учатся, а есть те, кто живет за счёт них.</p> <p>3. Много из них на стройке задействованы — Москва очень сильно строится. Но их эффективность стоило бы ещё проанализировать.</p>	<p>1. Нет, миграция вредит бизнесу.</p> <p>2. Экономика менее развивается из-за них.</p> <p>3. Нет, мигранты же не платят налоги.</p> <p>4. В основном деньги уходят, они отправляют их за рубеж, чтобы обеспечить свою семью.</p> <p>5. Они постоянно отправляют деньги отсюда своим семьям.</p> <p>6. Скорее в убыток идет — для них льготные условия, а налоги они не платят.</p> <p>7. Нет, благодаря мигрантам интенсивнее развивается воровство денег из бюджета.</p>	<p>1. Развитие экономики зависит от политики нашей страны, а мигранты мало влияют.</p> <p>2. У нас экономика в стагнации и так находится.</p> <p>3. От мигрантов особого влияния нет.</p> <p>4. Не думаю, что экономика вообще развивается.</p> <p>5. Для меня экономика — это что-то глобальное. Я просто не знаю, какое место человека в этой машине.</p>

Говоря о культурной угрозе, респонденты упомянули снижение уровня образования в школах («идут в школу неподготовленные. Дети коренного населения в проигрыше»), отношение к женщинам («насаждают свой менталитет, например, в области отношения к женщине»), понижение общего уровня толерантности («вопросы равноправия, роли религии в светской жизни, общий уровень толерантности, готовность россиян к выезду за границу и межнациональной коммуникации ухудшаются»). Также, получены утверждения об отсутствии влияния на культуру («никакого обмена нет»). Небольшое количество ответов составили категорию «нет сформированной культуры москвичей» («нельзя выделить какую-то целостную культуру Москвы») — см. табл. 13.

Опираясь на теорию Е. Тартаковского и С. Уолш, обратимся к воспринимаемым москвичами выгодам, связанными с мигрантами. В кластере «преимущества культурного многообразия» две категории получили большую представленность: личностный рост («это расширяет кругозор человека») и получение знаний и опыта («помогает москвичу быть более образованным»). Немного респондентов упомянули развитие города («решают вопросы содержания города»), а также возможность переезда самих москвичей за границу («когда приезжают мигранты к нам — и у нас появляется представление, что мы можем поехать в другие страны»). Отдельную категорию получило мнение об отсутствии преимуществ культурного многообразия («мигранты вообще не несут никакой выгоды») — см. табл. 14.

Культурная угроза (оценка влияния мигрантов на культуру москвичей)

Влияют	Не влияют	Нет сформированной культуры москвичей
<ol style="list-style-type: none"> 1. Они могут навязывать свои традиции, которые неуместны здесь в России. 2. У них низкий уровень культуры, они грязные, пачкают всё вокруг. 3. Они неправильно себя ведут, так как они часто не воспитаны. Могут вести себя аморально, плохо пахнут в общественных местах, что влияет. 4. Вопросы равноправия, роли религии в светской жизни, общий уровень толерантности, готовность россиян к выезду за границу и к межнациональной коммуникации ухудшаются. 5. Из-за них образование становится хуже. 6. Когда ты отдаешь детей в класс с высоким уровнем образования, то ребенок подтягивается. А когда ребенок с такими людьми, он регрессирует. 7. Идут в школу неподготовленные. Учителя вынуждены на них ориентироваться. Дети коренного населения в проигрыше. 8. Плохое отношение к женщинам, потребительское отношение. 9. Очень часто приезжают люди со своим менталитетом, и они не пытаются адаптироваться, а наоборот насаждают свой менталитет, и это довольно неприятно. Например, отношение к женщине. 10. До какого-то момента было приемлемо, но теперь это стало в ущерб нашим ценностям. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Они живут каким-то отдельным пластом. 2. Не влияют, потому что ценностей у них мало. 3. Я не сказал бы, что культура москвичей реально меняется от того, что привносят мигранты. 4. Основная их цель — это заработать, привнесение их ценностей — им не на руку. 5. У нас культуры не пересекаются, ценности не привносятся. 6. Никак не влияют в основном. 7. Они довольно сепаратистски себя ведут, никакого обмена нет, их влияние минимально. 8. Не замечала, чтобы они как-то влияли на нас. 9. Свою культуру мы вполне успешно ухульшаем сами. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Нельзя выделить какую-то целостную культуру Москвы, когда тут огромное сочетание всего. 2. У меня нет единого понимания, кто такой москвич.

Преимущества культурного многообразия

Личностное обогащение	Получение знаний и опыта	Развитие города	Представление о возможности своего перемещения	Нет преимуществ
<p>1. Плюсы — для развития всех людей необходимо культурное многообразие, потому что это всех обогащает, учит быть более толерантными.</p> <p>2. Главная функция — сделать коренных жителей терпимее.</p> <p>3. Это расширяет кругозор человека</p> <p>4. Многообразие расширяет наш кругозор.</p> <p>5. Развивает лояльность.</p> <p>6. Культура обогащается, культурное многообразие — это прекрасно. Любое упрощение — это неправда, человек и мир многообразны.</p> <p>7. Заставляет быть более толерантным.</p> <p>8. Чем больше мы видим вокруг себя, тем богаче становится наш внутренний мир.</p>	<p>1. Узнаем их традиции — религиозные, культурные.</p> <p>2. Помогает москвичу быть образованным.</p> <p>3. У них есть прекрасные ковры, можно перенять, опыт в посадке растений, например.</p> <p>4. Можно узнать какая у них кухня.</p> <p>5. Спасибо Казахстану за музыку Скриптонита¹, который здесь выступает.</p> <p>6. Это позволяет увидеть гораздо больше взглядов, ценностей, действий.</p> <p>7. Они обогащают нашу культуру, это как свежая кровь, которая помогает находить новые веяния, тенденции в культуре</p> <p>8. Пouchиться жизнестойкости у них</p>	<p>1. Решают вопросы содержания города</p> <p>2. Они хорошо убираются.</p>	<p>1. Там можно хорошо отдохнуть, и все радужные.</p> <p>2. Когда приезжают мигранты к нам — и у нас появляется представление, что мы можем поехать в другие страны.</p>	<p>1. Мигранты вообще не несут никакой выгоды. Зачем они нам здесь нужны?</p> <p>2. Преимуществ нет, у них совсем другое отношение к работе и планка намного ниже.</p> <p>3. Не знаю, очень сложно найти что-то абсолютно хорошее.</p> <p>4. У нас и так много национальная культура, все уже очень давно развито.</p>

¹ Скриптонит — Казахстанский рэп-исполнитель

Оценивая свои знания о мигрантах, москвичи разделились во мнениях на две категории: знаний нет («Ничего не знаю про них») и знаний недостаточно («Общие принципы я понимаю, углубляться в их культуру я не буду») — см. табл.15.

Таблица 15

Знания москвичей о культуре мигрантов

Нет знаний	Недостаточно знаний
1. Я практически ничего знаю, потому что стараюсь дистанцироваться.	1. Конечно, я читал Коран, Ветхий завет, Новый завет. Другое дело, что этого все равно недостаточно.
2. Нет, я никогда не была погружена в культуру.	2. Я не могу утверждать, что хорошо.
3. Нет, вообще.	3. На определенном уровне. Не думаю, что хорошо.
4. Вообще не разбираюсь.	4. Общие принципы я понимаю, углубляться в их культуру я не буду.
5. Я не особо интересовался их культурой, поэтому нет.	5. Не сказала бы. Так, кое-что.
6. Очень-очень мало знаю.	6. Не очень много знаю, только отдельно.
7. Ничего не знаю про них.	
8. Не знаю их.	
9. Не знаю, как они живут.	

Подводя итог, можно утверждать, что тема миграции и мигрантов для москвичей действительно актуальна. Результаты данного исследования показали, что москвичи во многом обеспокоены большим объемом и продолжающимся притоком мигрантов, часто нелегальных, видя в этом неэффективность миграционной политики РФ. Наибольшие опасения вызывает физическая угроза, что согласуется с более ранними исследованиями (Татарко, 2009; Зайончковская и др., 2014). В неё вошли и представления о преступности мигрантов, и восприятие мигрантов как переносчиков заболеваний. Данные результаты подтверждают результаты МОМ за 2005 год

(по: Зайончковская, Тюрюканова, 2009). Беспокойство поддерживается также страхом возникновения анклавов и больших скоплений мигрантов в городах. Полученный результат резонирует с высокой выраженностью ценности «безопасность» у россиян (Магун, Руднев, 2010).

Говоря об экономической угрозе, важно отметить, что мы не выявили тревогу москвичей, связанную с конкуренцией за рабочие места, что, возможно, связано с ограничениями выборки, состоящей из респондентов с высшим и незаконченным высшим образованием. Однако, среди мнений о конкуренции с мигрантами выделилось восприятие соперничества в студенческой среде. Что касается общего влияния на экономику Москвы, то результаты не показали единого сформированного мнения: москвичи видят и отрицательные, и положительные стороны миграции. Отрицательному отношению данной выборки образованных москвичей могут способствовать ценности «самоутверждение» и «безопасность», выраженные среди россиян, положительному — существующая ситуация на рынке труда, а именно использование дешёвого рабочего труда на низкоквалифицированных местах, на которые претендуют в основном мигранты (Магун, Руднев, 2010).

Москвичи выразили мнение о разном влиянии мигрантов на культуру. С одной стороны, есть опасения о снижении уровня образования в школах, ухудшении отношения к женщинам и понижении общего уровня толерантности. С другой стороны, порадовало многообразие различных точек зрения о преиму-

щества культурного многообразия — личностное обогащение, получение знаний и опыта, формирование представлений о возможности своего перемещения, развитие Москвы и т.д.

Образ мигранта в большинстве своём не является физически привлекательным, варьируется от негативного и стереотипизированного до нейтрального. Это согласуется с негативными и нейтральными эмоциями, испытываемыми москвичами в отношении мигрантов. Кажется показательным, что, сталкиваясь с мигрантами в различных сферах своей жизни, только чуть больше половины интервьюированных респондентов вступают с ними в контакт. Однако, абсолютно все полученные ответы свидетельствуют о том, что оценки последствий контакта различаются от нейтральных до положительных и негативных оценок очень мало. Показательна тенденция разрешения москвичами взаимодействия своим детям с детьми мигрантов, а также разрешение общения при определённых условиях, что говорит об общем позитивном настрое и открытости москвичей к инокультурным мигрантам, хотя и с определёнными оговорками. Как показал анализ, москвичи видят преимущества культурного многообразия, вклад мигрантов в развитие экономики Москвы, не препятствуют общению своих детей с детьми мигрантов. Данный результат согласуется с результатами поддержки мультикультурализма этническим большинством Москвы (Татарко, 2009).

Таким образом, опираясь на теорию интегральной воспринимаемой угрозы У. Стефана и К. Стефан (2001), а также теорию угроз и выгод Е. Тартаковско-

го и С.Уолш (2016), мы можем говорить о том, что на данный момент москвичи во многом обеспокоены сложившейся миграционной ситуацией, воспринимают мигрантов как несущих, прежде всего, физическую угрозу. Стереотипному негативному образу способствует то, что многие из них не вступают в контакт с мигрантами. Важным препятствием является отсутствие знаний и слабая информированность москвичей о культуре мигрантов, хотя информированность о другой этнической группе рассматривается как один из ключевых факторов успешной адаптации (Ward, Kennedy, 1999), а недостаточность знаний способствует формированию стереотипов и связана с националистскими установками (Stephan, Stephan, 1984). Знания черпаются из контактов, которые также очень ограничены у москвичей с мигрантами, а также из СМИ. СМИ необходимо уделить особое внимание как наиболее эффективному способу противодействия предубеждениям. Достаточно успешным опытом можно признать прошедший на первом канале и ставший популярным у москвичей сериал «А у нас во дворе», показавший жизнь мигрантов в Москве «изнутри». Помимо знаний об этнических группах важен общий уровень образования индивида (Bardi, Goodwin, 2011; Biesta, 2010). На данный момент есть результаты, что более высокое образование связано с более низким авторитаризмом и меньшей ориентацией на социальное доминирование (Sidanius, Pratto, Bobo, 1996). Выборка нашего пилотажного исследования является очень маленькой и состоит преимущественно из людей с высоким уровнем образования, что, возможно, и обусловило

преобладающий позитивный настрой по отношению к мигрантам и росту культурного многообразия. В то же время результаты данного исследования не противоречат результатам количественных исследований проверки трех гипотез межкультурных отношений, представленных в данной книге, а скорее дополняют и иллюстрируют общий настрой доминирующего русского большинства в Москве и ЦФО на принятие и интеграцию мигрантов.

Раздел II

Межкультурные отношения на Северном Кавказе

**Межкультурные отношения
кабардинцев, балкарцев
и русских в Кабардино-
Балкарской Республике**

З. Лепшокова

Введение

Кабардино-Балкарская Республика (КБР) является одним из тех регионов Российской Федерации, где исторически сложилась мультикультурная, полиэтническая среда. Кабардинцы, русские и балкарцы составляют более 90% населения республики. Кроме них здесь проживают немцы, турки-месхетинцы, осетины, ингуши, чеченцы, азербайджанцы, армяне, грузины, татары, евреи и другие народы. Но, несмотря на обилие разных этнических групп, основное влияние в разной степени, на социально-политические и социокультурные процессы в республике оказывают два титульных народа — кабардинцы и балкарцы, а также русские. Русские по численности находятся на втором месте после самого многочисленного народа республики — кабардинцев.

Народы, проживающие на территории КБР, говорят на языках различных лингвистических семей: кабардинский язык принадлежит к абхазо-адыгской группе северокавказской семьи языков, русский язык принадлежит к восточной подгруппе славянских языков индоевропейской семьи языков, балкарский язык принадлежит к половецко-кыпчакской группе тюркской семьи языков. Государственными языками

на всей территории республики являются кабардинский, балкарский и русский.

В Кабардино-Балкарии в основном проживают последователи двух мировых религий, из них 72% мусульман, в основном это кабардинцы и балкарцы, и 27.8% христиан, в основном русские (Демографические и этнические проблемы Северного Кавказа..., 2012). В последние два десятилетия в Кабардино-Балкарии, как и на всем Северном Кавказе, идет бурное возрождение ислама (Аккиева, 2009). Произошла актуализация исламских ценностей у кабардинцев и балкарцев в общественно-бытовой жизни, как духовного порядка (исламская мифология и история), так и ментально-поведенческого (Аккиева, 2009).

Межэтнические отношения в республике характеризуются определенной степенью напряженности. Кабардино-Балкария относится к так называемым искусственным двунациональным государственным образованиям, в которых титульные народы — кабардинцы и балкарцы не находятся в этнолингвистическом родстве (Аккиева, 2002). Поэтому и по многим другим причинам в начале 90-х годов кабардинское и балкарское национальные движения решили разделить республику на Кабарду и Балкарию. Но руководству республики целостность субъекта удалось сохранить. Однако межэтническая напряженность не понизилась, так как ее стали провоцировать проблемы «межселенных территорий», в которые попали 80% исконно балкарских земель; «черкесский вопрос», посвященный репатриации адыгов на места их бывшего проживания на Западном Кавказе; споры, касающиеся несправедливого распределения ключевых постов между титульными народами рес-

публики: при юридически декларированном паритете существует разностатусность титульных народов в этом вопросе.

Теперь перейдем к проблемам русского населения в КБР. До распада Советского Союза русские в Кабардино-Балкарии занимали наиболее престижные позиции в промышленном и сельскохозяйственном секторах республики. Из русских состояла довольно весомая часть партийной и научной элиты КБР. После распада Советского Союза статус русского населения как творческого, научного и политического большинства был нивелирован (Атаев, 2013). Рост национального самосознания титульных этнических групп республики (Кобахидзе, 2005) и появление национальных кабардинских и балкарских организаций стал способствовать развитию у русских самоощущения притесняемого меньшинства (Атаев, 2013).

Говоря о межэтнических отношениях в Кабардино-Балкарии, как и на всем Северном Кавказе, нельзя не затронуть и проблему нерегулируемого оттока русских. В республике в 2002 г. проживало 226 тыс. русских, а в 2010 г. — 193 тыс., то есть доля русского населения сократилась на 14.7% (Демографические и этнические проблемы Северного Кавказа..., 2012). Основными причинами своего отъезда из республики русские называют невозможность в силу ряда причин конкурировать с титульными этносами в условиях новых, рыночных отношений, низкий уровень представленности во властных структурах и престижных сферах занятости, отсутствие перспектив социального роста и улучшения материального благосостояния (Аккиева, 2013).

Теперь обратимся к результатам социально-психологических и этносоциологических исследований

межкультурных отношений в Кабардино-Балкарии. В результате социально-психологического исследования особенностей эмоционального отношения представителей кабардинской, балкарской и русской молодежи по отношению друг к другу установлено, что кабардинцы более эмоционально положительно оценивают свой этнос, чем балкарцев и русских, и более положительно относятся к балкарцам, чем к русским. У балкарцев положительная эмоциональная оценка своего этноса выше, чем кабардинского. Балкарцы более эмоционально положительно относятся к русским, менее — к кабардинцам. Свой этнос русские воспринимают более положительно, чем кабардинский. Русские более эмоционально положительно направлены к балкарцам, чем к кабардинцам (Склярова, 2008). Как мы видим, высокая степень взаимности в эмоциональных отношениях присуща кабардинцам и русским, характеризующаяся «холодностью», а также балкарцам и русским, характеризующаяся «теплотой». Между кабардинцами и балкарцами взаимность в эмоциональных отношениях отсутствует.

В результате этносоциологического исследования, направленного на изучение интеграционных и дезинтеграционных процессов в межэтническом взаимодействии на Северном Кавказе (на примере Республики Северной Осетии-Алании и Кабардино-Балкарской Республики), установлено, что у кабардинцев и балкарцев есть тенденция к этнической гиперидентичности (преувеличенной значимости принадлежности к группе), тогда как у русских к этнической гипоидентичности (крайне слабая значимость идентификации с группой) (Кобахидзе, 2005). При этом тенденция к гиперидентичности у пред-

ставителей титульного населения идет через идею ретрадиционализации. Реализуется она посредством возрождения традиционных механизмов общественной саморегуляции, оживления универсальных принципов социальной самоорганизации, повышения роли и значимости в общественных отношениях традиционных этикетных норм, реанимации на уровне этнического самосознания традиционных «ценностных» шкал.

В исследовании Кобахидзе (2005) также проанализированы стратегии межэтнического взаимодействия русских, кабардинцев и балкарцев. Выяснено, что интегративные установки в большей мере характеризуют русских, чем кабардинцев и балкарцев. У кабардинцев и балкарцев отмечена тенденция к дискриминации при построении отношений с представителями других этнических групп, проявляющаяся при ответах на вопросы, касающиеся гражданско-правовых аспектов межэтнического взаимодействия, и по мнению автора исследования, является серьезным основанием для усиления дезинтеграционных процессов на Северном Кавказе.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что уникальность Кабардино-Балкарской республики для исследований межэтнических отношений заключается в ее этнической композиции и статусе этнических групп, проживающих в ней. В республике есть этническое большинство — кабардинцы и множество этнических меньшинств, но самые крупные из них — русские и балкарцы, при этом кабардинцы и балкарцы образуют титульное население и религиозное большинство республики, оказывая основное влияние на социально-экономические и социально-политические процессы в республике.

Русские, после распада СССР потеряли статус творческого, научного и политического большинства в республике, теперь будучи этническим и религиозным большинством в России и второй после кабардинцев по численности группой в республике, они образуют этническое меньшинство в КБР. Непростой этнический статус именно этих групп определяет фон межэтнических отношений в республике. Поэтому нам представляется актуальным провести социально-психологическое исследование межэтнических отношений в данной республике путем тестирования трех гипотез межкультурных отношений: мультикультурализма, контакта и интеграции на кабардинцах, балкарцах и русских. Данные гипотезы межкультурных отношений подробно представлены в первой главе данной монографии.

Эмпирические гипотезы исследования

В настоящем исследовании мы операционализировали три теоретические гипотезы межкультурных отношений следующим образом:

H1. *Гипотеза мультикультурализма*: чем выше уровень воспринимаемой безопасности и чем меньше уровень воспринимаемой угрозы, тем выше уровень поддержки мультикультурной идеологии, этнической толерантности и ожидания интеграции русских у представителей титульных этнических групп (кабардинцев, балкарцев)/стратегии интеграции у русских.

H1.1. Дополнительная гипотеза о связи воспринимаемой безопасности и воспринимаемой угрозы с ожиданием ассимиляции русских у представителей титульных этнических групп (кабардинцев, балкар-

цев): чем меньше воспринимаемая безопасность и чем больше воспринимаемая угроза, тем больше выражено ожидание ассимиляции.

Н1.2. Дополнительная гипотеза о связи воспринимаемой безопасности и воспринимаемой дискриминации со стратегией ассимиляции у представителей русских: чем меньше воспринимаемая безопасность и чем больше воспринимаемая дискриминация, тем меньше выражена стратегия ассимиляции.

Н2. *Гипотеза контакта*: чем больше межкультурных дружеских контактов, тем выше уровень этнической толерантности и ожидания интеграции русских у представителей титульных этнических групп (кабардинцев, балкарцев)/стратегии интеграции у русских.

Н2.1. Дополнительная гипотеза о связи межкультурных дружеских контактов и ожидания ассимиляции русских у представителей титульных этнических групп (кабардинцев, балкарцев): чем больше межкультурных дружеских контактов, тем меньше выражено ожидание ассимиляции русских.

Н2.2. Дополнительная гипотеза о связи межкультурных дружеских контактов и стратегии ассимиляции русских: чем больше межкультурных дружеских контактов, тем больше выражена стратегия ассимиляции

Н3. *Гипотеза интеграции*: чем больше выражено ожидание интеграции, тем выше уровень удовлетворенности жизнью и самоуважения.

Н3.1. Дополнительная гипотеза о связи ожидания ассимиляции русских у представителей титульных этнических групп (кабардинцев, балкарцев)/стратегии ассимиляции русских с удовлетворенностью жизнью и самоуважением: чем больше выражено

ожидание ассимиляции/стратегия ассимиляции, тем больше удовлетворенность жизнью и меньше самоуважение.

Выборка исследования

В выборку исследования вошли кабардинцы и балкарцы как представители титульных этнических групп КБР и русские, проживающие в республике, как представители нетитульной этнической группы КБР. В таблице 1 представлены гендерные и возрастные характеристики выборок. Социально-психологический опрос проведен среди жителей столицы КБР, в городе Нальчике.

Таблица 1

Гендерные и возрастные характеристики выборки

Этнические группы	Кол-во N = 618	Возраст			Пол	
		М	Min.- Max.	SD	муж.	жен.
Кабардинцы	155	42.12	14-83	21.25	42	113
Балкарцы	128	46.22	14-88	23.50	47	81
Русские	335	40.69	13-90	19.61	125	210

Примечание. N — общий объем выборки; М — среднее значение; Min. — минимальный возраст; Max. — максимальный возраст; SD — стандартное отклонение.

Методы исследования

В данном исследовании были использованы шкалы из опросника MIRIPS (<http://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips>), которые были переведены на русский язык и адаптированы на российской

выборке (Лебедева, Татарко, 2009). Ответы почти на все шкалы заданы в форме 5-балльной шкалы Лайкерта от 1 — абсолютно не согласен до 5 — абсолютно согласен, кроме шкалы межкультурных дружеских контактов.

Воспринимаемая безопасность. Шкала включала в себя 3 вопроса, например, «В Кабардино-Балкарии есть место разнообразию языков и культур», α -Кронбаха = .63_{кабардинцы}; .61_{балкарцы}; .60_{русские}.

Воспринимаемая угроза. Шкала включала в себя 5 вопросов, например, «Я считаю, что люди других национальностей ведут себя несправедливо и недоброжелательно по отношению к кабардинцам/балкарцам», измерялась на выборках титульных этнических групп (кабардинцев, балкарцев), α -Кронбаха = .89_{кабардинцы}; .91_{балкарцы}.

Воспринимаемая дискриминация. Шкала включала в себя 5 вопросов, например, «Ко мне несправедливо относились на работе (продвижение, льготы) или во время учебы из-за моей национальности», измерялась на выборке не титульной этнической группы (русские), α -Кронбаха = .86_{русские}.

Мультикультурная идеология. Шкала включала в себя 6 вопросов, например, «Нам следует признать, что культурное многообразие — фундаментальная характеристика Кабардино-Балкарии» α -Кронбаха = .75_{кабардинцы}; .81_{балкарцы}; .70_{русские}.

Этническая толерантность. Шкала состояла из 3-х вопросов, например, «Мы должны стремиться к равенству всех групп независимо от расового или этнического происхождения» α -Кронбаха = .62_{кабардинцы}; .70_{балкарцы}; .71_{русские}.

Аккультурационные ожидания представителей титульных этнических групп (кабардинцев, балкарцев): интеграция — включала 4 вопроса, например, «Я считаю, что русские, проживающие в Кабардино-Балкарии, должны как сохранять свои культурные традиции, так и осваивать кабардинские/балкарские», α -Кронбаха = .60_{кабардинцы}; .62_{балкарцы}; *ассимиляция* включала также 4 вопроса, например, «Русским, проживающим в Кабардино-Балкарии, следует дружить только с кабардинцами/балкарцами», α -Кронбаха = .90_{кабардинцы}; .86_{балкарцы}.

Аккультурационные стратегии не титульной этнической группы (русских): интеграция — включала 4 вопроса, например, «Я считаю, что русские, проживающие в Кабардино-Балкарии, должны как поддерживать собственные культурные традиции, так и усваивать кабардинские/балкарские», α -Кронбаха = .73_{русские}; *ассимиляция* включала также 4 вопроса, например, «Я предпочитаю иметь только друзей-кабардинцев/балкарцев», α -Кронбаха = .84_{русские}.

Самоуважение. Была использована шкала Розенберга (Rosenberg, 1965), которая включала в себя 4 вопроса, например, «В целом, я удовлетворен собой», α -Кронбаха = .84_{кабардинцы}; .80_{балкарцы}; .84_{русские}.

Удовлетворенность жизнью. Шкала включала в себя 4 вопроса, например, «Во многом, моя жизнь близка к идеалу» (Diener, Emmons, Larsen, Griffin, 1985), α -Кронбаха = .78_{кабардинцы}; .81_{балкарцы}; .90_{русские}.

Межкультурные дружеские контакты с представителями народов Кабардино-Балкарии измерялись с помощью следующих двух вопросов: «Сколь-

ко у Вас близких друзей другой национальности?» и «Как часто Вы встречаетесь с близкими друзьями другой национальности?», α -Кронбаха = .86^{кабардинцы}; .87^{балкарцы}; .88^{русские}.

Ответы на вопросы о количестве друзей были заданы в форме 5-балльной шкалы: 1 — ни одного, 2 — только один, 3 — два-три, 4 — несколько, 5 — много. Ответы на вопросы о частоте встреч с друзьями также были заданы в форме 5-балльной шкалы: 1 — никогда, 2 — редко, 3 — иногда, 4 — часто, 5 — каждый день.

Социально-демографические характеристики. Респондентов просили указать их пол, возраст, уровень образования, национальность, религиозную принадлежность.

Математико-статистическая обработка данных. Для обработки данных использовался статистический пакет SPSS 22.0 с приложением AMOS 22.0. Применялись следующие методы: для измерения различий использовался многомерный дисперсионный анализ (MANOVA), для оценки надежности и согласованности шкал использовался показатель надёжности коэффициент α -Кронбаха, для проверки гипотез исследования использовался путевой анализ.

Результаты исследования

В таблице 2 представлены сравнения основных переменных исследования у кабардинцев, балкарцев и русских.

Таблица 2

**Сравнение основных переменных исследования
у кабардинцев, балкарцев и русских**

Контакты	Титульные этнические группы		Не титульная этническая группа	F	Partial η^2
	кабардинцы	балкарцы	русские		
	M (SD)	M (SD)	M (SD)		
Воспринимаемая безопасность	3.43(.80) _a	3.48(.95) _a	3.37(.81) _a	1.600	.004
Воспринимаемая угроза/дискриминация	1.89(.81) _a	2.56(1.30) _b	1.95(1.04) _a	18.403	.056***
Межкультурные дружеские контакты	2.92(1.20) _a	2.86(1.23) _a	3.31(1.09) _b	10.492	.033***
Мультикультурная идеология	3.88(.69) _a	3.86(.76) _a	3.81(.80) _a	1.658	.003
Этническая толерантность	3.76(.80) _a	3.86(0.93) _b	4.01(.92) _c	54.042	.149***
Интеграция	3.52(.84) _a	3.48(.96) _a	3.77(.79) _b	5.079	.016**
Ассимиляция	2.06(.98) _a	2.10(1.28) _a	1.86(.88) _a	1.702	.003
Самоуважение	4.22(.64) _a	4.19(.70) _a	4.11(.67) _a	1.528	.005
Удовлетворенность жизнью	3.75(.78) _a	4.01(.77) _b	3.44(1.00) _c	19.633	.060***

Примечание. M — среднее значение; SD — стандартное отклонение; F — F-критерий Фишера; Partial η^2 — частная эта в квадрате. * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$

Данные, представленные в таблице 2, свидетельствуют о том, что уровень воспринимаемой безопасности у кабардинцев и балкарцев не различается, так же, как и у кабардинцев и русских, однако у балкарцев уровень воспринимаемой безопасности значительно выше, чем у русских. Уровень воспринимаемой угрозы/дискриминации значительно выше у балкарцев, чем у кабардинцев и русских, между кабардинцами и русскими значимых различий не выявлено. У русских значительно больше межкультурных дружеских контактов, чем у кабардинцев и балкарцев, между кабардинцами и балкарцами различий в интенсивности межкультурных контактов не обнаружено. Установка на мультикультурную идеологию значительно выше у кабардинцев, чем у русских, между балкарцами и кабардинцами, а также между балкарцами и русскими различий значимых в выраженности установки на мультикультурную идеологию не обнаружено. Установка на этническую толерантность значительно выше выражена у кабардинцев, чем у балкарцев и русских, у балкарцев данная установка значительно меньше выражена, чем у кабардинцев, но значительно больше выражена, чем у русских, тогда как у русских установка на этническую толерантность значительно меньше выражена, чем у кабардинцев и балкарцев. Установка на интеграцию значительно меньше выражена у балкарцев, чем у кабардинцев и русских, между кабардинцами и русскими значимых различий не обнаружено. Установка на ассимиляцию значительно больше выражена у балкарцев, чем у кабардинцев и русских, между кабардинцами и русскими значимых различий не обнаружено. Различий в уровне самоуважения между кабардинцами, балкарцами и русскими не обнаружено. Значимо выше удовлетворенность жизнью у бал-

карцев, чем у кабардинцев и русских, при этом у кабардинцев она значимо выше, чем у русских.

Для проверки гипотез исследования применялся путьевой анализ. Показатели путьевых моделей всех исследуемых этнических групп, характеризуются удовлетворительными значениями индексов пригодности (Hu, Bentler, 1999) (табл. 3).

Таблица 3

Показатели индексов пригодности путьевых моделей

Модели	χ^2/df	CFI	RMSEA	PCLOSE
«Кабардинцы»	1.35	.99	.05	.453
«Балкарцы»	1.03	.99	.02	.644
«Русские»	1.82	.97	.05	.470

На рис. 1 представлена модель проверки трех гипотез межкультурных отношений на выборке кабардинцев.

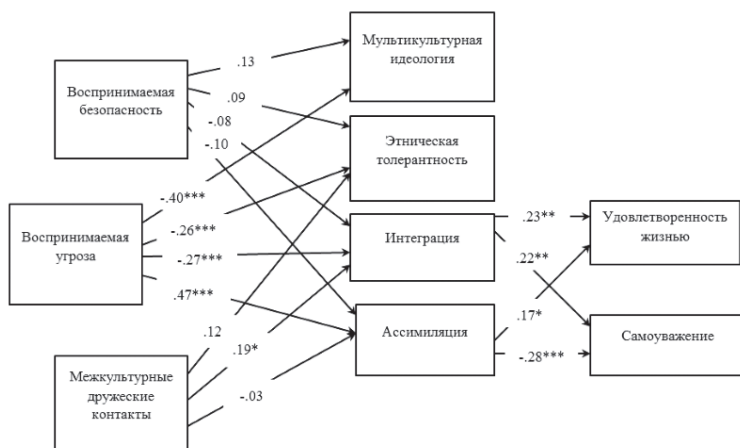

Рис 1. Путьевая модель проверки гипотез межкультурных отношений на выборке кабардинцев.

Примечание. * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$.

Путевой анализ показал, что у кабардинцев воспринимаемая безопасность не связана с установкой на мультикультурную идеологию, этническую толерантность и с ожиданием интеграции русских. При этом воспринимаемая угроза значимо негативно связана с установкой на мультикультурную идеологию, этническую толерантность и с ожиданием интеграции русских. Таким образом, гипотеза мультикультурализма Н1 на данной выборке подтвердилась частично.

Дополнительная гипотеза о связи воспринимаемой безопасности и воспринимаемой угрозы с ожиданием ассимиляции (Н1.2) подтвердилась частично: воспринимаемая угроза значимо позитивно связана с ожиданием ассимиляции русских, тогда как воспринимаемая безопасность не связана с ожиданием ассимиляции.

Межкультурные дружеские контакты у кабардинцев значимо позитивно связаны с ожиданием интеграции русских и не связаны с установкой на этническую толерантность. Таким образом гипотеза контакта Н2 подтвердилась частично.

Дополнительная гипотеза о связи межкультурных дружеских контактов и ожидания ассимиляции (Н2.1) не подтвердилась: межкультурные контакты оказались не связанными с ожиданием ассимиляции русских.

Ожидание интеграции значимо позитивно связано с удовлетворенностью жизнью и самоуважением. Таким образом, гипотеза интеграции Н3 подтвердилась полностью.

Дополнительная гипотеза (Н3.1) о связи ожидания ассимиляции русских с удовлетворенностью жизнью и самоуважением: чем больше выражено

ожидание ассимиляции, тем больше удовлетворенность жизнью и меньше самоуважение, на выборке кабардинцев подтвердилась полностью.

На рис. 2 представлена модель проверки трех гипотез межкультурных отношений на выборке балкарцев.

Путевой анализ показал, что у балкарцев воспринимаемая безопасность значимо позитивно связана с установкой на мультикультурную идеологию и этническую толерантность, при этом не связана с ожиданием интеграции русских. Воспринимаемая угроза не связана с установкой на мультикультурную идеологию, этническую толерантность и с ожиданием интеграции русских. Таким образом, гипотеза мультикультурализма H1 на данной выборке подтвердилась частично.

Дополнительная гипотеза о связи воспринимаемой безопасности и воспринимаемой угрозы с ожиданием ассимиляции (H1.1) подтвердилась частично, воспринимаемая угроза значимо позитивно связана с ожиданием ассимиляции русских, тогда как воспринимаемая безопасность не связана с ожиданием ассимиляции.

Межкультурные дружеские контакты у балкарцев не связаны с ожиданием интеграции русских и не связаны с установкой на этническую толерантность. Таким образом гипотеза контакта H2 не подтвердилась.

Дополнительная гипотеза о связи межкультурных дружеских контактов и ожидания ассимиляции русских (H2.1) не подтвердилась: межкультурные контакты оказались не связанными с ожиданием ассимиляции русских.

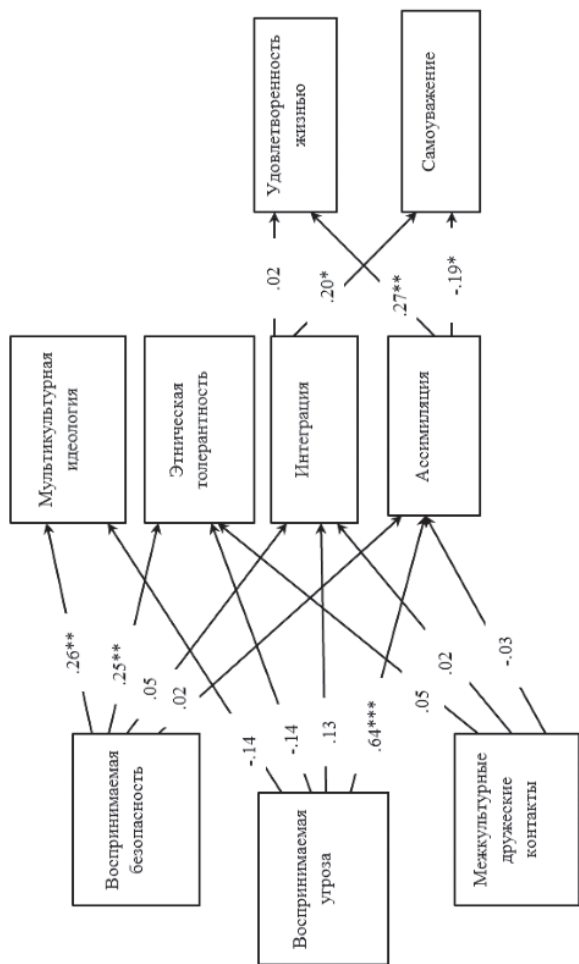

Рис. 2. Путьевая модель проверки гипотез межкультурных отношений на выборке балкарцев.

Примечание. * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$.

Ожидание интеграции русских значимо позитивно связано с самоуважением и не связано с удовлетворенностью жизнью. Таким образом, гипотеза интеграции Н3 подтвердилась частично.

Дополнительная гипотеза (Н3.1) о связи ожидания ассимиляции русских с удовлетворенностью жизнью и самоуважением: чем больше выражено ожидание ассимиляции, тем больше удовлетворенность жизнью и меньше самоуважение, на выборке балкарцев подтвердилась полностью.

На рис. 3 представлена модель проверки трех гипотез межкультурных отношений на выборке русских, проживающих в Кабардино-Балкарии.

Путевой анализ показал, что у русских воспринимаемая безопасность значимо позитивно связана с установкой на мультикультурную идеологию, при этом не связана с установкой на этническую толерантность и с предпочтением интеграции. Воспринимаемая угроза значимо негативно связана с установкой на мультикультурную идеологию, этническую толерантность и стратегией интеграции. Таким образом, гипотеза мультикультурализма Н1 на данной выборке подтвердилась частично.

Дополнительная гипотеза (Н1.2) о связи воспринимаемой безопасности и воспринимаемой дискриминации со стратегией ассимиляции: чем меньше воспринимаемая безопасность и чем больше воспринимаемая дискриминация, тем меньше выражена стратегия ассимиляции, не подтвердилась на выборке русских. Оказалось, что воспринимаемая дискриминация значимо позитивно связана со стратегией ассимиляции, тогда как воспринимаемая безопасность не связана со стратегией ассимиляции.

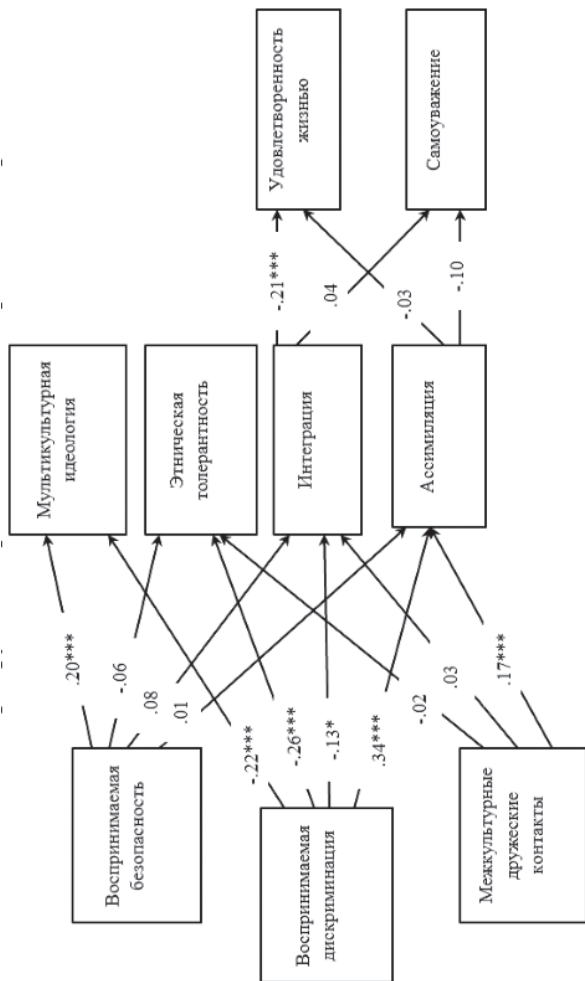

Рис. 3. Путьевая модель проверки гипотез межкультурных отношений на выборке русских.

Примечание. * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$.

Межкультурные дружеские контакты русских не связаны с установкой на этническую толерантность и со стратегией интеграции. Таким образом, гипотеза контакта Н1 на данной выборке не подтвердилась.

Дополнительная гипотеза (Н2.2) о связи межкультурных дружеских контактов и стратегии ассимиляции: чем больше межкультурных дружеских контактов, тем больше выражена стратегия ассимиляции, подтвердилась.

Стратегия интеграции у русских значимо негативно связана с удовлетворенностью жизнью и не связана с самоуважением. Таким образом, гипотеза интеграции Н3 не подтвердилась.

Дополнительная гипотеза (Н3.1) о связи стратегии ассимиляции с удовлетворенностью жизнью и самоуважением: чем больше выражена стратегия ассимиляции, тем больше удовлетворенность жизнью и меньше самоуважение, на выборке русских не подтвердилась.

Обсуждение результатов исследования

Цель настоящего исследования состояла в проверке трех гипотез межкультурных отношений Д. Берри на кабардинцах, балкарцах и русских, как на самых влиятельных и многочисленных группах Кабардино-Балкарской Республики, занимающих разный статус в республике и стране.

Перед началом обсуждения результатов исследования по проверке трех гипотез межкультурных отношений в Кабардино-Балкарии, мы проанализируем фон межкультурных отношений в республике, путем сравнения основных показателей данных отношений.

В результате сравнения выраженности уровня воспринимаемой безопасности у кабардинцев, балкарцев и русских, обнаружено, что он у них достаточно высок и одинаково выражен. Однако уровень воспринимаемой угрозы, заключающийся в воспринимаемой недоброжелательности и несправедливости по национальному признаку, значимо выше у балкарцев, чем у кабардинцев и русских. Вероятно, это связано с проблемами, которые возникли при реабилитации балкарского народа после депортации. Реабилитация оказалась неполной из-за приоритета экономических общереспубликанских вопросов над национальными балкарскими (этническими) (Аккева, 2015), что негативно сказывается на восприятии балкарцами межэтнических отношений в республике и распределении благ в ней. Кроме того остро стоящий вопрос отнесения руководством республики исконно балкарских земель к «межселенным территориям» порождает у балкарцев ощущение недоброжелательного и несправедливого отношения к ним. Накладываются сюда и психологические механизмы, которые могут лежать в основе высокого уровня воспринимаемой угрозы у балкарцев, здесь стоит отметить, что балкарцы несмотря на то, что являются титульным народом республики, по численности занимают третье место после кабардинцев и русских, то есть являются этническим меньшинством с присущей ему «психологией меньшинства», а представители меньшинств, согласно исследованиям, более склонны испытывать дискриминацию и угрозу со стороны членов большинства (Bergamaschi, 2013).

У русских значимо больше межэтнических дружеских контактов, чем у кабардинцев и балкарцев. В исследовании Склярской (2008) готовности кабар-

динской, балкарской и русской молодежи Кабардино-Балкарии к внутриэтническому и межэтническому взаимодействию, отмечается, что русские более склонны к межэтническому взаимодействию, тогда как кабардинцы и балкарцы — к внутриэтническому.

Установка на мультикультурную идеологию, заключающаяся в признании того, что культурное многообразие — фундаментальная характеристика Кабардино-Балкарии, выражена одинаково у представителей всех исследуемых этнических групп. Однако выраженность установки на этническую толерантность во всех группах различается, у русских она выше, чем у кабардинцев и балкарцев, а у балкарцев выше, чем у кабардинцев. Это подчеркивает то, что этническая толерантность является более значимым конструктом для этнических меньшинств, чем для представителей этнического большинства.

Установка на интеграцию у всех групп довольно выражена, тогда как установка на ассимиляцию у всех групп особо не выражена. Обращает на себя внимание, что установка на интеграцию значимо выше у русских, чем у кабардинцев и балкарцев. В этносоциологическом исследовании, проведенном в Кабардино-Балкарии, также отмечается, что интегративные установки в большей мере характеризуют русских, чем кабардинцев и балкарцев (Кобахидзе, 2005).

Относительно психологического благополучия исследуемых этнических групп, выявлено, что уровень самоуважения на достаточно высоком уровне и одинаково выражен у представителей всех групп, тогда как показатель удовлетворенности жизнью самый высокий у балкарцев и самый низкий у русских.

В целом стоит отметить, что уровень воспринимаемой угрозы самый высокий у балкарцев. У русских самый высокий уровень выраженности уста-

новок на этническую толерантность, интеграцию, также у них больше межкультурных дружеских контактов с представителями титульных этнических групп, при этом показатель удовлетворенности жизнью у них меньше всех.

Далее мы оценим степень подтверждения гипотез настоящего исследования. Для удобства ниже представлена таблица с информацией о том, какая гипотеза и на какой выборке подтвердилась или не подтвердилась (табл. 4).

Таблица 4

**Результаты проверки гипотез
межкультурных отношений**

Гипотезы	Этнические группы		
	кабардинцы	балкарцы	русские
Н1. Гипотеза мультикультурализма	частично подтвердилась	частично подтвердилась	частично подтвердилась
Н.1.1, 1.2. Дополнительные гипотезы о связи воспринимаемой безопасности и воспринимаемой угрозы/ дискриминации с ожиданием/ стратегией ассимиляции	частично подтвердилась	частично подтвердилась	не подтвердилась
Н2. Гипотеза контакта	частично подтвердилась	не подтвердилась	не подтвердилась
Н2.1, 2.2. Дополнительные гипотезы о связи межкультурных дружеских контактов и ожидания/ стратегии ассимиляции	не подтвердилась	не подтвердилась	подтвердилась полностью

НЗ. Гипотеза интеграции	подтвердилась полностью	частично подтвердилась	не подтвердилась
НЗ.1. Дополнительная гипотеза о связи ожидания/стратегии ассимиляции с удовлетворенностью жизнью и самоуважением	подтвердилась полностью	подтвердилась полностью	не подтвердилась

Гипотеза мультикультурализма подтвердилась частично во всех исследуемых этнических группах. Однако, в подтверждении данной гипотезы на отдельных группах есть свои нюансы. У кабардинцев основным предиктором установок на мультикультурную идеологию, этническую толерантность и интеграцию, оказался низкий уровень воспринимаемой угрозы. У балкарцев значимым предиктором установок на мультикультурную идеологию и этническую толерантность оказался высокий уровень воспринимаемой безопасности. Русские, проживающие в республике, готовы поддерживать мультикультурную идеологию, как в случае высокого уровня воспринимаемой безопасности, так и низкого уровня воспринимаемой угрозы со стороны других этнических групп. Низкий уровень воспринимаемой угрозы у русских также способствует как выбору стратегии интеграции в межкультурном взаимодействии с представителями титульных этнических групп, так и ориентации на этническую толерантность.

Далее обращает на себя внимание то, что высокий уровень воспринимаемой угрозы у кабардинцев и балкарцев оказался значимым предиктором ассимиляции русских в республике. Чем больше представители титульных этнических групп республики

ощущают угрозу, выражающуюся в воспринимаемой несправедливости и недоброжелательности по отношению к их этническим группам со стороны других этнических групп, тем больше они настроены на ассимиляцию русских в республике. Это явление можно объяснить теорией групповой угрозы (Bobo, 1999), в которой говорится, что когда группа меньшинства “бросает вызов” социальной позиции группы большинства, сохраняя свою собственную культуру, группа большинства начинает чувствовать угрозу и предпочитает ассимилировать такие меньшинства (Davies, Steele, Markus, 2008; Tip et al., 2012).

Зеркальные результаты получились и у русских: так высокий уровень воспринимаемой ими дискриминации, смежного с воспринимаемой угрозой конструкта, оказался значимым предиктором выбора стратегии ассимиляции в межкультурном взаимодействии с титульными этническими группами в республике. Исследователи в области межгрупповых отношений отмечают, что обычно так происходит тогда, когда представители меньшинств могут использовать пути социальной мобильности, переходя из группы с низким статусом в группу с высоким статусом (Wright, Taylor, Moghaddam, 1990), при условии относительной проницаемости границ группы с высоким статусом (Verkuyten, Reijerse, 2008). В нашем случае группы с высоким статусом это титульные этнические группы, так как они обладают основными экономическими и политическими привилегиями в республике.

Гипотеза контакта подтвердилась частично лишь в выборке этнического большинства республики, межэтнические дружеские контакты кабардинцев

способствуют их ориентации на интеграцию русских в республике. Но данная гипотеза не подтвердилась у балкарцев и русских. Здесь стоит отметить, что гипотеза контакта подтверждается при наличии следующих условий: контакт должен носить равно-статусный характер, группы должны сотрудничать, иметь общие цели и со стороны власти им должна оказываться поддержка (Allport, 1954). Балкарцы и русские в республике остро воспринимают неравно-статусность и ущемление своих прав, которые ощущаются ими в межкультурных отношениях (Ак-киева, 2002; Атаев, 2013). Поэтому, на наш взгляд, межкультурные контакты не стали предикторами этнической толерантности и интеграции у данных групп. Кроме того межэтнические контакты у русских стали предиктором их ориентации на ассимиляцию в республике. Иными словами межэтнические контакты русских с представителями титульных этнических групп ведут к отказу от своей культуры и культурной идентичности в пользу взаимодействия с представителями титульных этнических групп. У кабардинцев, как у титульной, самой влиятельной и многочисленной этнической группы, обладающей более высоким статусом, данная гипотеза частично подтвердилась, так как группы с высоким статусом менее чувствительны к статусным различиям или дискриминации в ситуации контакта, чем представители более малочисленных групп с более низким статусом (Dixon, Durrheim, Tredoux, 2005; Trop, Pettigrew, 2005).

Гипотеза интеграции полностью подтвердилась у кабардинцев и частично у балкарцев. Однако данная гипотеза не подтвердилась у русских, проживающих в республике, стратегия интеграции, оказалась

негативно связанной с удовлетворенностью жизнью. Получается, что сохранение русскими своей культуры, культурной идентичности и взаимодействие с представителями титульных этнических групп сказывается негативно на их удовлетворенности жизнью. В исследовании русских, проживающих в Эстонии, получены схожие результаты (Kus-Harbord, Ward, 2015): при условии сохранения русскими своей культуры, их участие в эстонской культуре связано с низким уровнем удовлетворенности жизнью. В Эстонии русские после распада Советского Союза утратили позицию политической элиты, кроме того русские стали относиться к обесцениваемому этническому меньшинству. В настоящее время в Эстонии на официальном уровне декларируется политика интеграции в отношении русского этнического меньшинства, однако по своему содержанию она раскрывается как политика ассимиляции. В КБР так же, как и в Эстонии, русские утратили статус политической элиты республики (Атаев, 2013), это место заняли представители титульных этнических групп. В целом, полученные результаты подчеркивают колоссальную роль контекста в межкультурных отношениях (Ward et al., 2010) и соответствуют Модели интерактивной аккультурации (Bourhis, Moïse, Perreault, Senécal, 1997) в которой утверждается, что совпадение и несовпадение аккультурационных предпочтений меньшинства и большинства ведут к согласованным, проблемным и конфликтным результатам межкультурного взаимодействия. Если мы обратимся к результатам сравнительного анализа, который приведен выше, то мы увидим, что русские в большей степени настроены на интеграцию, чем кабардинцы и балкарцы. Подобные рассогласования

в аккультурационных предпочтениях меньшинства и большинства отрицательно сказываются как на удовлетворенности жизнью, так и на межгрупповых отношениях (Pfafferott, Brown, 2006; Piontkowski, Rohmann, Florack, 2002; Ward, 2009; Zagefka, Brown, 2002).

Гипотеза о том, что ожидание ассимиляции русских позитивно связано с удовлетворённостью жизнью и негативно с самоуважением подтвердилась у кабардинцев и балкарцев. Получается, чем больше они настроены на ассимиляцию русских в республике, тем больше они удовлетворены жизнью, но тем ниже их самоуважение. В исследованиях отмечается, что ожидание ассимиляции является индикатором интолерантного поведения по отношению к этническим меньшинствам (Gieling, Thijs, Verkuyten, 2014), на наш взгляд, подобное поведение не может способствовать самоуважению, что и продемонстрировали, полученные нами результаты. У русских стратегия ассимиляции не связана как с удовлетворенностью жизнью, так и с самоуважением.

Заключение

В целом, следует отметить, что настоящее социально-психологическое исследование пролило свет на характер межэтнических отношений между кабардинцами, балкарцами и русскими в Кабардино-Балкарской Республике.

Результаты, полученные в результате проверки трех гипотез межкультурных отношений, ярко демонстрируют статус исследуемых этнических групп в межкультурных отношениях, сам характер межкультурных отношений и социокультурный контекст

республики. Итак, подведем основные итоги настоящего исследования:

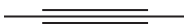
– Гипотеза мультикультурализма подтвердилась частично во всех исследуемых этнических группах. Дополнительно мы выяснили, что воспринимаемая кабардинцами и балкарцами угроза способствует предпочтению ассимиляции русских, тогда как у русских высокий уровень дискриминации также способствует выбору ассимиляции в межкультурном взаимодействии с представителями титульных этнических групп.

– Гипотеза контакта подтвердилась полностью лишь у кабардинцев. У балкарцев и русских данная гипотеза не подтвердилась, что свидетельствует о воспринимаемой ими неравностатусности в таких контактах. Кроме того у русских межэтнические контакты с представителями титульных этнических групп позитивно связаны с выбором стратегии ассимиляции, которая предполагает отказ от сохранения своей культурной идентичности в пользу взаимодействия с титульным населением.

– Гипотеза интеграции полностью подтвердилась у кабардинцев, частично у балкарцев и не подтвердилась у русских. Ситуация с русскими обличает острые проблемы в межкультурных отношениях в республике, получается, что сохранение своей культуры и взаимодействие с титульным населением республики не способствует психологическому благополучию русских. Данные результаты свидетельствуют о наличии в республике социально-политического контекста, не предполагающего интеграцию русских. Кроме того, в исследовании выяснено, что ориентация кабардинцев и балкарцев на ассимиля-

цию русских способствует их удовлетворенности жизнью, но не способствует их самоуважению.

В целом стоит отметить, что все три гипотезы так или иначе подтвердились у кабардинцев, у балкарцев не подтвердилась гипотеза контакта, тогда как у русских не подтвердились как гипотеза контакта, так и гипотеза интеграции. Результаты настоящего исследования ярко демонстрируют наличие в республике проблем в межэтнических отношениях, которые особенно остро воспринимаются русскими и балкарцами.

**Социокультурный контекст
Республики Северная Осетия-Алания**

Северная Осетия-Алания (РСО-А) является одной из поликультурных республик РФ. На ее территории проживают представители около 100 этнических групп (Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года, 2011). Осетины — доминирующая этническая группа — составляют 64.47% всего населения республики, русские являются второй по численности этнической группой и составляют 20.63%, далее идут ингуши, их численность равна 3.97%, далее армяне — 2.28%, затем кумыки — 2.22%, грузины — 1%. Численность остальных этнических групп ниже .5% (Итоги, 2012).

РСО-А является поликонфессиональной республикой, большинство ее жителей исповедуют православие и ислам (Итоги, 2012). Среди осетин есть представители, как православного (около 60%), так и мусульманского вероисповедания (около 10%). Помимо этого, в осетинском этносе сохранились традиционные национальные верования (около 30% осетин) (Дзеранов, Олейникова, 2011).

Этнические русские проживают на территории Осетии уже более 200 лет. Исследования показывают, что их роль в развитии РСО-А, встраивании ее в российское экономическое и социокультурное про-

странство велика (Патракова, Черноус, 2001; Дзадзиев, 2008 и др.). До 80-х годов XX века представители русского этноса занимали доминирующие позиции в политическом, экономическом, культурном, образовательном полях. Однако с конца 80-х годов русские вытесняются представителями доминирующего этноса как с занимаемых ранее позиций, так и вообще из республики (Миграция русских: причины оттока с Северного Кавказа... 2013; Северный Кавказ: модернизационный вызов, 2011; Денисова, Уланов, 2003).

Анализ динамики этнического состава населения РСО-А свидетельствует об интенсивном оттоке русского населения (Всесоюзная, 2015; Итоги, 2004; Итоги, 2012). Русские составляли около 50% населения в 1940–70-е годы, около 30% в 1970–1990-е годы и 20% в 2010 году в РСО-А.

Исследователи также отмечают, что в 90-е годы происходит трансформация этнического самосознания русских, живущих в РСО-А, они начинают осознавать себя этническим меньшинством (Солдатова, 1998; Воробьев, 2001; Белозеров, 2001), хотя в масштабах России остаются этническим большинством.

Как показал анализ литературы, межэтнические отношения в РСО-А являются стабильными и достаточно благоприятными. По данным исследований 63% русских удовлетворены межэтническими отношениями в республике (Денисова, Уланов, 2003). Факторами, способствующими поддержанию межнациональной стабильности в республике, бесконфликтному взаимодействию этнических групп, являются: позитивная историческая память и долгий опыт совместного проживания на одной территории (Баликоев, 2011). Также большое значение

имеет использование русского языка: 97,5% осетин говорят по-русски (Итоги, 2012), около 60% осетин используют русский язык в повседневном общении (Гуцунаева, 2010). Гармоничным межэтническим отношениям между русскими и осетинами также способствует принадлежность к одной религиозной конфессии — православному христианству (Баликов, 2011).

Как показывают результаты исследований, большинство осетин имеют высокую степень эмоционального восприятия русских, их автостереотип имеет много общих характеристик с гетеростереотипом русских (Гуриева, 1997, 2010; Гуцунаева, 2010). Возможно, что долгое совместное проживание, использование общего языка, принадлежность к одной религии снижают культурную дистанцию, способствуют признанию межгруппового сходства (Allport, 1954; Pettigrew, 1997). Также этому способствуют личные и деловые межэтнические контакты. В ряде исследований (Voci Hewstone, 2003; Van Oudenhoven, Groenewoud, Hewstone, 1996) было установлено, что в результате межкультурного контакта значительно улучшилось отношение принимающего населения к мигрантам. Важно, по мнению исследователей, чтобы взаимодействие происходило между людьми с равным статусом, и чтобы власти поддерживали такой контакт. Межкультурные контакты в РСО-А, как показывают исследования, соответствуют этим условиям, поскольку и русские, и осетины предпочитают равностатусное взаимодействие, особенно в деловых отношениях (Гуцунаева, 2010).

Кроме этого, в исследовании Е. Кобахидзе отмечается, что и русские, и осетины ориентированы на интеграцию в межэтнических отношениях (Ко-

бахидзе, 2005). Согласно мировым исследованиям, такая стратегия является наиболее эффективной для психологического благополучия как этнического меньшинства и мигрантов, так и этнического большинства (Nguyen, Benet-Martinez, 2013; Hui, Chen, Leung, Berry, 2015).

Однако также есть исследования, которые выявили позитивную взаимосвязь стратегии ассимиляции с социокультурной и психологической адаптацией (Kosic, 2002), стратегии ассимиляции с удовлетворенностью жизнью (Greenman, Xie, 2008; Verkuyten, 2010). Но в рамках нашего исследования более релевантны результаты, полученные в исследовании аккультурации молодых мигрантов в разных странах мира, показавшие, что молодые люди, предпочитающие ассимиляцию, имели психологическую и социокультурную адаптацию ниже среднего (Berry, Phinney, Sam, and Vedder, 2006). Мы полагаем, что социокультурный контекст РСО-А создает условия для взаимной интеграции русских и осетин, что, в свою очередь, способствует их психологическому благополучию.

Однако в некоторых исследованиях отмечается, что в межэтнических отношениях между русскими и осетинами существует ряд проблем. Например, в исследовании А.Б. Дзадзиева (2008) отмечается, что ввиду кланового устройства североосетинского общества инкорпорация русских в региональную политическую и бизнес элиты затруднительна. Иерархическая система неравенства (социальная стратификация) способствует формированию различных слоев общества по этническому признаку. Так, в парламенте Республики Северная Осетия – Ала-

ния преобладают депутаты — осетины. По данным 2008 года в Парламенте индекс представленности осетин составлял 1,38%, русских — 0,43%. В правительстве индекс представленности осетин — 1,23%, русских — 0,71% (Дзадзиев, 2008).

На современном этапе отток русского населения из РСО-А имеет предпосылки к росту. Уезжает русская молодежь, которая ориентирована на поступление в вузы крупных российских городов. По данным опроса, проведенного в 2006 году, 62% русских респондентов посчитали непосильным для себя оплату поступления и обучения своих детей в медицинском институте и на престижных факультетах других высших учебных заведений республики (у опрошенного осетинского населения этот показатель оказался значительно ниже и составил 39%) (Дзадзиев, 2008). В республике, как прогнозируется, останутся представители старшего поколения русских.

Кроме этого, как отмечает Гуцунаева (2010), русские предпочитают равенство во взаимоотношениях больше, чем осетины. Они, в отличие от осетин, более открыты для совместной деятельности с осетинами (Гуриева, 1997, 2010) и демонстрируют более высокую готовность к сотрудничеству на групповом и межличностном уровнях (Гуцунарова, 2010). Осетины чаще демонстрируют изоляционистские взгляды, у них доминирует ориентация на моноэтнические браки, они менее готовы принять человека из другой этнической группы в качестве друга или члена семьи (Кобахидзе, 2005). Кроме этого можно отметить, что социально-экономические проблемы в республике, наличие большого количества беженцев из Южной Осетии после событий 2008 года, память

о бесланских событиях способствуют повышению чувства тревоги и угрозы у осетин (Дзуцев, 2012).

Анализируя взаимосвязь воспринимаемой угрозы и межкультурных отношений, исследователи (Rohmann, Florack, Piontowski, 2006) выявили, что угроза предсказывает негативное отношение принимающего населения к мигрантам и мигрантов к принимающему населению. Воспринимаемая угроза ориентирует принимающее общество на выбор стратегий, которые сводят к минимуму любую конкуренцию (культурную, экономическую и др.) со стороны мигрантов и этнических меньшинств (Esses, Dovidio, Jackson, Armstrong, 2001).

Исследования также показывают, что воспринимаемая этническим меньшинством и мигрантами дискриминация способствует снижению предпочтения стратегии ассимиляции и снижению ориентации на принимающее общество (Berry et al., 2006). Молодые мигранты, считающие себя дискриминируемыми, имеют низкий уровень психологического благополучия (Greene, Way, & Pahl, 2006; Virta, Sam, & Westin, 2004).

Таким образом, проведенный анализ показал, что с одной стороны социокультурный контекст в РСО-А является интеграционным, с другой — существуют проблемы (воспринимаемая угроза, воспринимаемая дискриминация), которые могут влиять на межкультурные отношения между русскими и осетинами в республике.

Гипотезы исследования

В нашем исследовании мы опирались на теорию аккультурации Дж. Берри (Berry, 1997), основные

положения и гипотезы которой подробно представлены в первой главе данной монографии.

Исходя из социокультурного контекста РСО-А, мы операционализировали гипотезы межкультурных отношений следующим образом:

Гипотеза мультикультурализма:

1а. Чем выше среди русских (этнического меньшинства) воспринимаемая безопасность, тем выше поддержка мультикультурной идеологии, этнической толерантности, выше предпочтение стратегии интеграции и тем ниже предпочтение стратегии ассимиляции.

1б. Чем выше среди осетин (этнического большинства) воспринимаемая безопасность, тем выше поддержка мультикультурной идеологии, этнической толерантности, выше предпочтение ожидания интеграции и тем ниже предпочтение ожидания ассимиляции.

Гипотеза контакта:

2а. Чем выше интенсивность дружеских межкультурных контактов русских с осетинами, тем выше их уровень этнической толерантности, выше их предпочтение стратегии интеграции и тем ниже предпочтение стратегии ассимиляции.

2б. Чем выше интенсивность дружеских межкультурных контактов осетин с русскими, тем выше их уровень этнической толерантности, выше их предпочтение ожидания интеграции и тем ниже предпочтение ожидания ассимиляции.

Гипотеза интеграции:

3а. Чем выше среди русских предпочтение аккультурационной стратегии интеграции, тем выше их удовлетворенность жизнью, самоуважение и социокультурная адаптация.

3б. Чем выше среди осетин предпочтение ожидания интеграции, тем выше их удовлетворенность жизнью и самоуважение.

Анализ литературы и социокультурного контекста позволил нам сформулировать *дополнительные гипотезы*:

4а. Чем выше уровень воспринимаемой дискриминации среди русских, тем ниже предпочтение ими стратегий ассимиляции и интеграции.

4б. Чем выше уровень воспринимаемой угрозы среди осетин, тем выше предпочтение ожидания ассимиляции и тем ниже предпочтение ожидания интеграции.

5а. Чем выше среди русских аккультурационное ожидание ассимиляции, тем ниже их психологическое благополучие (самоуважение и удовлетворенность жизнью).

5б. Чем выше среди осетин аккультурационное ожидание ассимиляции, тем ниже их психологическое благополучие (самоуважение и удовлетворенность жизнью).

Методика исследования

Выборка

Данное исследование проводилось в РСО-А. Выборка включала представителей этнического большинства — осетин (N=340) и представителей этнического меньшинства — русских (N=344). В таблице 1 представлены основные характеристики выборки.

Таблица 1

Гендерные и возрастные характеристики выборки

Респонденты	N	Гендерные характеристики		Возрастные характеристики			
		Муж (N, %)	Жен (N, %)	Min.	Max.	M	SD
Русские	344	101 (30%)	243 (70%)	15	91	43.4	21.9
Осетины	340	105 (31%)	235 (69%)	15	87	42.6	22.8

Примечание. N — общий объем выборки; M — среднее значение; Min. — минимальный возраст; Max. — максимальный возраст; SD — стандартное отклонение.

Методы

В данном исследовании были использованы шкалы из опросника MIRIPS (<http://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips>), которые были переведены на русский язык и адаптированы на российской выборке (Лебедева, Татарко, 2009).

Межкультурные дружеские контакты. Данная шкала включала 2 вопроса: «Сколько у Вас близких друзей осетин (русских)?» и «Как часто Вы встречаетесь с друзьями осетинами (русскими) (для русских $\alpha = .72$, для осетин $\alpha = .77$).

Тестирование согласованности ниже приведенных шкал проводилось нами с использованием конфирматорного факторного анализа (CFA), результаты которого представлены в таблице 2.

Воспринимаемая безопасность (3 вопроса, например, «В Северной Осетии есть место разнообразию языков и культур»).

Воспринимаемая угроза (4 вопроса, например, «Я чувствую, что люди других национальностей что-то имеют против меня»).

Воспринимаемая дискриминация (5 вопросов, например, «Меня дразнили или оскорбляли из-за моей национальности»).

Мультикультурная идеология (5 вопросов, например, «Нам следует признать, что культурное многообразие — фундаментальная характеристика Северной Осетии»).

Этническая толерантность (3 вопроса, например, «Представители этнических меньшинств имеют такое же право выбирать будущее Северной Осетии, как и осетины»).

Аккультурационные стратегии: интеграция (для русских) (3 вопроса, например, «Я считаю, что русские, живущие в Северной Осетии, должны как поддерживать собственные культурные традиции, так и усваивать осетинские»); *ассимиляция* (4 вопроса, например, «Я считаю, что русские, живущие в Северной Осетии, должны усваивать осетинские культурные традиции и не поддерживать собственные»).

Аккультурационные ожидания (для осетин): *интеграция* (3 вопроса, например, «Я считаю, что русские, проживающие в РСО -А, должны как сохранять свои культурные традиции, так и осваивать осетинские»); *ассимиляция* (4 вопроса, например, «Русским, проживающим в РСО-А, следует участвовать в тех видах деятельности, где участвуют только осетины»).

Самоуважение (4 вопроса, например, «Я могу многое делать так же хорошо, как и большинство других людей») (Rosenberg, 1965).

Удовлетворенность жизнью (4 вопроса, например, «У меня есть всё, что мне необходимо в жизни»). (Diener, Emmons, Larsen, Griffin, 1985).

Социокультурная адаптация (для русских). Мы использовали 7 вопросов из пересмотренной (переработанной) шкалы социокультурной адаптации — SCA-R (Wilson, 2013). Например, «В какой мере Вы испытываете в Северной Осетии трудности в выражении своих идей принятым в местной культуре способом?»

Для тестирования одномерности шкал был использован конфирматорный факторный анализ, результаты которого приведены в таблице 2.

Таблица 2

Характеристики моделей проверки согласованности шкал

Переменные	Русские					Осетины				
	χ^2 / df	<i>p</i>	SRMR	CFI	RMSEA	χ^2 / df	<i>p</i>	SRMR	CFI	RMSEA
Воспринимаемая безопасность	1	.96	.01	1.0	.00	1.2	.47	.02	.99	.02
Воспринимаемая угроза	-	-	-	-	-	3	.05	.01	.99	.09
Воспринимаемая дискриминация	1.5	.20	.01	.99	.04	-	-	-	-	-
Мультикультурная идеология	2	.03	.03	.98	.06	1.1	.73	.02	1.0	.01
Этническая толерантность	1	.86	.01	.99	.01	1.3	.44	.01	1.0	.01
Интеграция	1.4	.22	.02	.99	.04	1.2	.65	.01	1.0	.00
Ассимиляция	1.1	.14	.01	.99	.06	1.1	.52	.01	1.0	.00
Самоуважение	1.5	.22	.04	.99	.04	1.2	.82	.01	.99	.03
Удовлетворенность жизнью	1	.74	.02	1.0	.00	1.2	.33	.01	1.0	.02
Социокультурная адаптация	2	.03	.03	.99	.05	-	-	-	-	-

Показатели всех моделей соответствуют рекомендованным характеристикам (Hu, Bentler, 1999).

Социально-демографические характеристики. В опросник были включены также пол, возраст, образование и этническая принадлежность респондентов.

Анализ данных. Мы использовали метод моделирования структурными уравнениями (SEM) (Kline, 1998). Также нами был использован путь-анализ отдельно для осетин и русских с помощью SPSS 22.00 и AMOS 22.00 (Arbuckle, 2011). Кроме этого мы использовали многомерный анализ дисперсии (MANOVA) для выявления различий между показателями используемых шкал в двух группах. Метод Cronbach's α , и конфирматорный факторный анализ (CFA) применялись для тестирования одномерности шкал.

Процедура исследования

Первоначально опрос был проведен среди старшеклассников и студентов университетов PCO-A на классных часах. Затем мы попросили школьников и студентов распространить данный опросник среди своих родителей, дедушек и бабушек. Все респонденты заполняли опросник безвозмездно, вознаграждение не выплачивалось.

Результаты исследования

На первом этапе мы сравнили средние значения всех исследуемых переменных, используя MANOVA (этническая принадлежность являлась независимой переменной, воспринимаемая безопасность, межкультурные дружеские контакты, мультикультурная идеология, этническая толерантность, интеграция,

ассимиляция, самоуважение и удовлетворенность жизнью являлись зависимыми переменными). Результаты показали, что между русскими и осетинами существуют значимые различия: Wilks' $\Lambda = .880$, $F(8, 675) = 11.48$, $p < .001$, $\eta_p^2 = .120$. Результаты сравнения по отдельным измерениям (ANOVA) также показали значимые различия (см. таблицу 3).

Таблица 3

Сравнение средних значений исследуемых переменных русских и осетин в РСО-А

Переменные	Осетины	Русские	F (8, 429)	Partial η^2
	M (SD)	M (SD)		
Воспринимаемая безопасность	3.38 (.89) _a	3.79(.92) _b	35.46***	.049
Межкультурные дружеские контакты	3.21 (1.11) _a	3.63 (1.03) _b	24.15***	.034
Мультикультурная идеология	3.87 (.71) _a	4.03(.75) _b	8.04**	.012
Этническая толерантность	3.91 (.85) _a	4.15(.93) _b	12.55***	.018
Интеграция	3.91 (.94) _a	4.07(.93) _b	5.05*	.007
Ассимиляция	2.05(.95) _a	1.80(.86) _b	13.78***	.020
Самоуважение	3.92 (.88) _a	4.09(.72) _b	77.47**	.011
Удовлетворенность жизнью	3.39 (.88) _a	3.23(.86) _b	5.43*	.008
Воспринимаемая угроза	2.11(.87)	-	-	-
Воспринимаемая дискриминация	-	1.87(.91)	-	-
Социокультурная адаптация	3.62 (.80)	-	-	-

Примечание. F — F-критерий Фишера; Partial η^2 — частный эта-квадрат — корреляционное отношение или коэффициент нелинейной корреляции; * — эффекты значимы на уровне $p < .05$; ** — эффекты значимы на уровне $p < .01$; *** — эффекты значимы на уровне $p < .001$.

Результаты, представленные в таблице, показывают, что воспринимаемая безопасность, интенсивность межкультурных дружеских контактов, мультикультурная идеология, этническая толерантность установки на интеграцию и самоуважение выше у русских, чем у осетин, а установки на ассимиляцию и удовлетворенность жизнью, напротив, выше у осетин, чем у русских.

Далее мы проверили наши гипотезы отдельно для осетин и русских, используя моделирование структурными уравнениями (путевой анализ). На рис. 1 представлены результаты, полученные на выборке осетин.

Результаты показывают, что у осетин воспринимаемая безопасность позитивно связана с мультикультурной идеологией, толерантностью и ожиданием интеграции русских. Кроме этого мы обнаружили, что чем выше у осетин уровень воспринимаемой угрозы, тем выше у них ожидание ассимиляции русских. Интенсивные дружеские контакты осетин с русскими взаимосвязаны с предпочтением ими интеграции русских. Также результаты показали, что предпочтение осетинами аккультурационного ожидания интеграции взаимосвязано с их психологическим благополучием (самоуважением и удовлетворенностью жизнью), в то время как предпочтение ассимиляции отрицательно взаимосвязано с самоуважением. Интересной, на наш взгляд, является положительная взаимосвязь между воспринимаемой осетинами угрозой и интенсивностью их межкультурных дружеских контактов с русскими.

Кроме этого мы выявили положительные корреляции между мультикультурной идеологией, толерантностью и аккультурационным ожиданием инте-

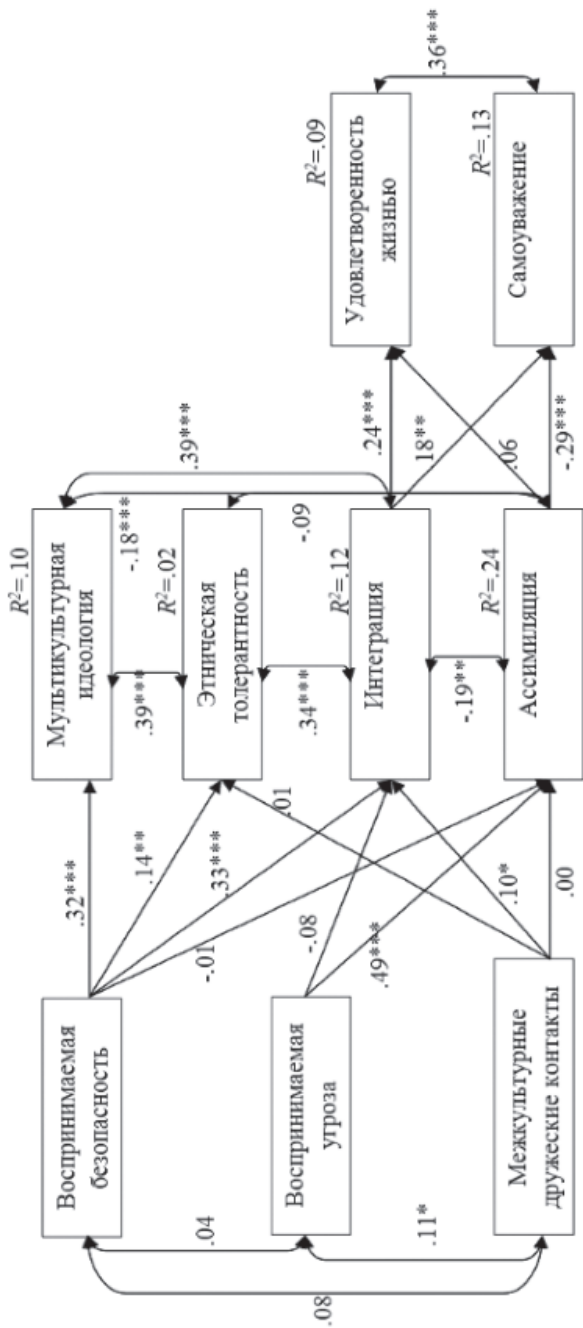

Рис. 1. Путьевая модель проверки гипотез межкультурных отношений на выборке осетин в РСО-А

$\chi^2=23$, $df=11$, $\chi^2/df=2$, $p = .015$, $SRMR=.04$, $CFI=.976$, $RMSEA=.058$, $PCLOSE=.302$

грации и отрицательные взаимосвязи между мультикультурной идеологией и ассимиляцией, между интеграцией и ассимиляцией. Также выявлена положительная корреляция между самоуважением осетин и их удовлетворенностью жизнью.

На рис. 2 представлены результаты проверки наших гипотез на выборке русских.

Результаты показали, что воспринимаемая безопасность у русских положительно связана с мультикультурной идеологией, этнической толерантностью, интеграцией и отрицательно связана с ассимиляцией. Высокий уровень воспринимаемой дискриминации положительно связан со стратегией ассимиляции и отрицательно связан с интеграцией. Межкультурные дружеские контакты русских с осетинами способствуют выбору ими стратегии интеграции и препятствуют выбору стратегии ассимиляции. Предпочтение интеграции способствует самоуважению русских и их социокультурной адаптации. Предпочтение русскими стратегии ассимиляции позитивно связано с их удовлетворенностью жизнью и негативно — с их социокультурной адаптацией и самоуважением.

Чем интенсивнее межкультурные дружеские контакты русских с осетинами, тем ниже уровень воспринимаемой дискриминации и выше уровень воспринимаемой безопасности русских.

Также исследование показало наличие положительных корреляций между мультикультурной идеологией, толерантностью и аккультурационной стратегией интеграции и отрицательные корреляции между мультикультурной идеологией, толерантностью и ассимиляцией, а также между интеграцией и ассимиляцией. Дополнительно выявлена положительная взаимосвязь между самоуважением русских и их удовлетворенностью жизнью.

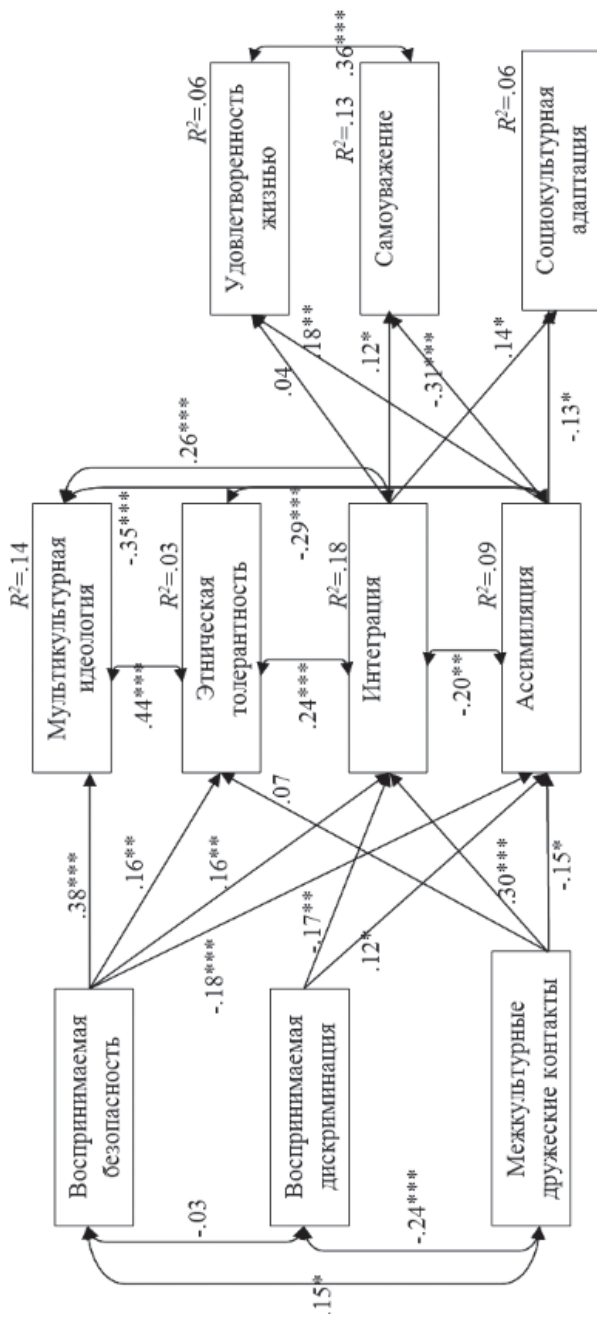

Рис. 2. Путьевая модель проверки гипотез межкультурных отношений на выборке русских в РСО-А

$\chi^2 = 28$, $df = 9$, $\chi^2/df = 3$, $p = .001$, $SRMR = .05$, $CFI = .971$, $RMSEA = .078$, $PCLOSE = .062$

Обсуждение результатов и выводы

Результаты нашего исследования в РСО-А подтвердили все три гипотезы межкультурных отношений, дополнительные гипотезы о роли воспринимаемой дискриминации и воспринимаемой угрозы во взаимной аккультурации осетин и русских, а также — о взаимосвязи ассимиляции и психологического благополучия.

Гипотеза мультикультурализма была доказана в обеих группах: и среди осетин, и среди русских воспринимаемая безопасность предсказывала мультикультурную идеологию, толерантность и предпочтение интеграции. Можно сказать, что чем в большей безопасности ощущают себя осетины и русские, тем более они ориентированы на поддержание культурного многообразия, тем более у них выражена толерантность и взаимные интеграционные установки. Эти результаты согласуются с данными, полученными в других странах (Веппу, 2006): уровень безопасности положительно коррелирует с позитивными межкультурными отношениями и мультикультурной идеологией.

Кроме этого, в нашем исследовании мы выявили, что воспринимаемая безопасность отрицательно взаимосвязана со стратегией ассимиляции среди русских и не имеет значимой взаимосвязи с ассимиляцией у осетин. Очевидно, что интеграционный контекст РСО-А не создает условий, при которых высокий уровень воспринимаемой безопасности способствует предпочтению ассимиляции. Полученные нами результаты демонстрируют очень важную роль воспринимаемой безопасности в отношениях между осетинами и русскими: чем в большей безопасности

они себя ощущают, тем больше они ориентированы на взаимную интеграцию.

Гипотеза контакта нашла частичное подтверждение в нашем исследовании на обеих выборках: интенсивные дружеские контакты осетин с русскими и русских с осетинами взаимосвязаны с предпочтением интеграции, кроме того, интенсивные дружеские контакты русских с осетинами отрицательно связаны со стратегией ассимиляции. Можно сказать, что осетины готовы принять русских, не требуя от них отказа от своего культурного наследия. Наличие осетинских друзей и частые контакты с ними способствуют ориентации русских на интеграцию. Эти данные частично подтверждают результаты, полученные ранее в РСО-А Гуцунаевой (2010), которая отмечает, что межкультурные контакты значимо положительно коррелируют с интеграцией.

Кроме того, мы обнаружили, что межкультурные дружеские контакты русских с осетинами отрицательно связаны со стратегией ассимиляции, а межкультурные контакты осетин с русскими не способствовали их ожиданию ассимиляции русских. Эти результаты также подтверждают гипотезу контакта. Можно предположить, что в целом социокультурный контекст РСО-А не является ассимиляционным, и поэтому даже интенсивные межкультурные дружеские контакты русских с осетинами не способствуют их ориентации на ассимиляцию.

В соответствии с гипотезой интеграции предпочтение стратегии интеграции среди русских способствовало их удовлетворенности жизнью и социокультурной адаптации, среди осетин ожидание интеграции русских способствовало их удовлетворенности жизнью и самоуважению. Таким образом, гипотеза

интеграции была полностью доказана на осетинской выборке и частично подтверждена на выборке русских. Наши результаты отчасти согласуются с исследованием других ученых (Ward, Kennedy, 1994), которые отмечают, что мигранты, предпочитавшие интеграцию, испытывали меньший психологический стресс, чем мигранты, предпочитавшие ассимиляцию. Предыдущие исследования также показали, что ожидания интеграции определяют как успешное преодоление стрессовых ситуаций, так и высокий уровень эмоционального интеллекта у членов доминирующей группы (Schmitz, Berry, 2009). Jasinskaja-Lahti, Нorenczyk, Kinunen (2011) выявили, что в Финляндии интеграционное отношение положительно предсказывало психологическую адаптацию иммигрантов из России и бывшего Советского Союза. Hui, Chen, Leung, Berry (2015) выявили, что среди членов доминирующей группы в Гонконге ожидания интеграции прогнозировали их психологическую адаптацию. Однако влияние интеграции на удовлетворенность жизнью не было выявлено в нашем исследовании среди русских.

Наша дополнительная гипотеза о роли воспринимаемой угрозы в предпочтении аккультурационных ожиданий среди осетин подтвердилась: высокий уровень воспринимаемой угрозы взаимосвязан с предпочтением осетинами аккультурационного ожидания ассимиляции русских. Взаимосвязи между воспринимаемой угрозой и интеграцией выявлено не было. Проведенные ранее исследования частично подтверждают наши результаты. Rohmann, Flogack и Piontowski (2006) обнаружили, что воспринимаемая угроза предсказывала негативное отношение к группам меньшинств (итальянцам и туркам) со стороны

этнического большинства (немцев). В целом можно сказать, что повышение угрозы приводит к тому, что осетины стремятся ассимилировать русских, сделать их «похожими на себя». Логичной в данной ситуации является и положительная взаимосвязь между воспринимаемой угрозой и межкультурными контактами: чем выше воспринимаемая ими угроза, тем интенсивнее их межкультурные контакты с русскими (и наоборот, интенсивные контакты с русскими могут восприниматься как угроза размыванию культуры осетин).

Что касается гипотезы о взаимосвязи воспринимаемой дискриминации и аккультурационных стратегий, то здесь наши предположения подтвердились только частично. Результаты показали, что чем больше русские ощущают себя дискриминируемыми, тем больше они предпочитают стратегию ассимиляции и тем меньше предпочитают стратегию интеграции. В предыдущих исследованиях отмечается, что высокий уровень дискриминации снижает предпочтение стратегии ассимиляции и ориентацию на принимающее общество (Berry et al., 2006), в условиях большей воспринимаемой дискриминации выбор стратегий сепарации и маргинализации более вероятен, чем выбор ассимиляции (Barry, Grilo, 2003). Возможно, что при всем благополучии межкультурных отношений в РСО-А, существуют определенные сложности в аккультурации русских. Наличие дискриминации в определенных сферах (власть, бизнес) (Дзадзиев, 2008), с одной стороны, и достаточно большая гибкость русских во взаимоотношениях и способность налаживать контакты в сложных условиях (Шубарт, 2000), а также ощущение, что в масштабах России они все же являются большинством (своеобразная

психологическая защита), с другой стороны, способствовали тому, что в случае дискриминации, русские начинают в большей степени ориентироваться на принимающее осетинское общество. Например, реализуют, особенно в публичном поведении, осетинские традиции (приготовление традиционных блюд, проведение свадеб, похорон и др.), нормы общения и правила поведения (с соседями, с противоположным полом и пр.).

Важным, на наш взгляд, является тот факт, что воспринимаемая дискриминация отрицательно взаимосвязана с межкультурными дружескими контактами, то есть интенсивные дружеские контакты русских с осетинами не способствуют ощущению русскими дискриминации. Это согласуется с результатами ранее проведенных исследований, где показано, что снижению воспринимаемой дискриминации способствуют межкультурные контакты (Pettigrew, Tropp, 2006).

Мы также обнаружили, что среди русских межкультурные дружеские контакты были значимо положительно взаимосвязаны с воспринимаемой безопасностью, тогда как для осетин эта взаимосвязь была незначимой. Наши данные отличаются от результатов некоторых других исследований. Например, Lebedeva, Tatarko, Berry (2016) выявили, что у русских в Латвии воспринимаемая безопасность и контакты не были связаны друг с другом. Возможно, это связано с различиями социокультурного контекста: в Латвии русские, имеющие дружеские контакты с латышами, не всегда чувствуют себя в безопасности, а в РСО-А русские, имеющие интенсивные дружеские контакты с осетинами, ощущают себя в большей безопасности. Наши дополнитель-

ные гипотезы о связи ассимиляции с психологическим благополучием были частично подтверждены. И для осетин, и для русских установки на ассимиляцию отрицательно предсказывали их самоуважение. Причина может заключаться в том, что в поликультурном обществе РСО-А для русских отказ от сохранения собственного культурного наследия не способствует повышению их самоуважения. Наши результаты согласуются с данными, полученными Kus-Harbord и Ward (2015) в исследовании этнических русских в Эстонии. Осетины, ориентированные на ассимиляцию русских, также не испытывают чувства самоуважения. Возможно, с одной стороны, это связано с тем, что у осетин предпочтение ожидания ассимиляции русских обуславливается их воспринимаемой угрозой, что, скорее будет связано с негативными эмоциями и снижать самоуважение. С другой стороны, осетины не требуют от русских отказаться от своего культурного наследия, чтобы быть принятыми в осетинское общество, поэтому их ожидание ассимиляции русских отрицательно связано с их самоуважением.

В нашем исследовании мы обнаружили, что среди русских предпочтение стратегии ассимиляции предсказывает удовлетворенность жизнью, но не предсказывает социокультурную адаптацию. Эти данные частично согласуются с результатами исследований, в которых выявлено, что стратегия интеграции является наиболее благоприятной для социокультурной адаптации недоминирующих групп (Berry, 1997; Nguyen, Benet-Martínez, 2013), с результатами Ward и Kennedy (1994), которые отметили, что мигранты, предпочитающие стратегии интеграции и ассимиляции, сталкиваются с меньшими

социальными трудностями. Частично наши результаты отличаются от результатов Ward и Rana-Deuba (1999), которые отметили, что интеграция способствует лучшему психологическому благополучию, а ассимиляция способствует лучшей социокультурной адаптации.

Выводы

1. Гипотеза мультикультурализма была полностью подтверждена как на выборке осетин (этническое большинство), так и на выборке русских (этническое меньшинство): воспринимаемая безопасность положительно взаимосвязана с мультикультурной идеологией, этнической толерантностью и интеграционными ожиданиями / стратегией, а также имеет отрицательную взаимосвязь со стратегией ассимиляции среди русских и не имеет значимой связи с ожиданием ассимиляции среди осетин.

2. Гипотеза контакта была частично подтверждена на обеих выборках: дружеские контакты между осетинами и русскими предсказывают их предпочтение интеграции. Также среди русских интенсивные межкультурные контакты отрицательно взаимосвязаны со стратегией ассимиляции, среди осетин эта связь незначимая.

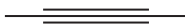
3. На выборке осетин была полностью подтверждена гипотеза интеграции. Ожидание интеграции было положительно взаимосвязано с удовлетворенностью жизнью и самоуважением осетин. Гипотеза интеграции частично подтвердилась на выборке русских: стратегия интеграции была положительно взаимосвязана с их самоуважением и социокультурной адаптацией.

4. Воспринимаемая угроза у осетин была взаимосвязана с их предпочтением ожидания ассимиляции русских и не имела значимой взаимосвязи с ожиданием их интеграции.

5. Воспринимаемая русскими дискриминация положительно взаимосвязана со стратегией ассимиляции и отрицательно — со стратегией интеграции.

6. Стратегия ассимиляции у русских положительно связана с их удовлетворенностью жизнью и негативно связана с их социокультурной адаптацией и самоуважением. У осетин взаимосвязь ассимиляционных ожиданий с удовлетворенностью жизнью и самооценкой была отрицательной.

В целом наше исследование показало, что большое значение для межкультурных отношений имеют воспринимаемая безопасность и межкультурные контакты. Снижение воспринимаемой угрозы и воспринимаемой дискриминации (например, посредством межкультурных дружеских контактов) будет способствовать усилению интеграционных и снижению ассимиляционных тенденций в межкультурных отношениях в РСО-А.

**Социокультурный контекст
Республики Дагестан**

Дагестан — самая полиэтничная республика Российской Федерации. В ней проживают представители 102 этносов, наиболее многочисленные из них — аварцы — 29.4 %, даргинцы — 17.0%, кумыки — 14.9%, лезгины — 13.3%, лакцы — 5.6%, азербайджанцы — 4.5% табасараны — 4.1%, русские — 3.6% (Предварительные итоги всероссийской переписи населения 2010, 2011). Согласно Конституции Республики Дагестан все этнические группы Дагестана имеют равный статус. В Дагестане нет титульной и безусловно доминирующей этнической группы.

Дагестан является полилингвистичной республикой, население которой принадлежит, по меньшей мере, к трём языковым семьям. В переписи 2010 года для регистрации были указаны лишь 36 языков народов Дагестана. Согласно Конституции Республики Дагестан, государственными языками являются русский язык и языки народов Дагестана (Предварительные итоги всероссийской переписи населения 2010, 2011). Сегодня русский язык является и языком межкультурного общения (до 1930-х годов таким языком был кумыкский язык).

Население Дагестана исповедует три мировые религии, однако последователей ислама большинство, более 90% населения, христиан — 5% и иудеев — менее 1%. В настоящее время Дагестан считается самой исламизированной республикой Северного Кавказа (Демографические и этнические проблемы Северного Кавказа..., 2012). В Конституции Республики Дагестан закреплено, что Дагестан — это светская республика. Однако в последнее время исследователи отмечают тенденцию бурного возрождения ислама в сторону его политизации и радикализации, особенно среди молодежи (Ярлыкапов, 2000). В этой связи ученые отмечают, что идеи радикального ислама в Дагестане приводят к утрате собственной этнокультурной идентичности и к «арабизации» населения (Бойков, 2010).

В отношении межэтнических отношений Дагестан представляет собой уникальную исследовательскую площадку, на которой веками реализуется модель этнопсихологической совместимости многочисленных народов (Агаев, Магомедов, 1994). Во многом это возможно благодаря формирующейся и занимающей важное место в самосознании жителей Дагестана общедагестанской идентичности — «дагестанец», которая основана на опыте совместного проживания в рамках одной административной единицы представителей разных этнических групп, на наличии языка межэтнического общения — русского, на комбинации кавказских и общероссийских культурных черт (Ярлыкапов, 2012). Объединению дагестанцев также способствует общая мусульманская идентичность. В недавно проведенных исследованиях отмечается, что значимость религиозной мусульманской идентичности в Дагестане повышается,

у многих дагестанцев она занимает доминирующее положение в структуре их социальной идентичности (Асланбекова, 2012). Но в последнее время не все так просто с ролью религиозной мусульманской идентичности в межэтнических отношениях, в связи с тем, что население Дагестана делится на две группы: тех, кто ориентируется на европейские ценности (в основном это равнинное население) и тех, кто ориентируется на Восток, прежде всего на религиозные нормы ислама (в основном горцы) (Арухов, 2003). Так по данным опросов, проведенных в республике, более 50% респондентов считают, что рост религиозности населения не способствует гармонизации межнациональных отношений в Дагестане (Муртазалиев, 2007).

Национальная российская идентичность в структуре социальной идентичности коренных народов Дагестана занимает последнее место (Асланбекова, 2012), тогда как в структуре идентичности русских, проживающих в республиках Северного Кавказа, она занимает первое место, поэтому объединяющий потенциал данной идентичности не очень «работает» в республике.

Межэтнические отношения в Дагестане определяются не только выраженностью определенных идентичностей, но и межэтническими спорами, которые ведутся за власть и представленность в ней своей этнической группы между тремя самыми многочисленными этническими группами Дагестана: аварцами, даргинцами и кумыками. Конституция Республики Дагестан предусматривает обязательный учет представительства всех народов Дагестана и их пропорции в органах государственной власти (Конституция Республики Дагестан, <http://docs.cntd>.

ru/document/748300070). В этой связи более значимый и авторитетный в политическом отношении этнос проявляет заинтересованность «присоединить» к своей этнической группе или языку как можно больше этносов. Простой народ до недавнего времени не оказывал сопротивления быть «этнически причащенным» к наиболее близкой им и многочисленной (следовательно, политически более значимой) этнической группе (Мехтиханов, 2002; Гаджихмедов, 2002). Однако в настоящее время появилась тенденция среди представителей малочисленных этнических групп, входящих в состав наиболее крупных дагестанских народов, выделиться из их состава и приобрести самостоятельный этнический статус, развивать свой родной язык и культуру (Гаджихмедов, 2002), что, безусловно, служит основой для межэтнических противоречий в республике.

Среди многочисленных социально-политических проблем в республике Дагестан актуальность представляет нерегулируемый отток русскоязычного населения. В Дагестане в 2002 г. было сосредоточено 120 тыс. русских, а в 2010 г. их численность сократилась до 104 тыс., то есть уменьшилась на 13.9% (Демографические и этнические проблемы Северного Кавказа..., 2012). Русские из Дагестана основными причинами своего отъезда называют опасения, возникающие из-за возможных этнических и религиозных конфликтов и из-за ликвидации промышленности, в которой они были заняты, то есть из-за безработицы (Шахбанова, Лысенко, Мамараев, 2015).

Таким образом, межэтнические отношения в Республике Дагестан характеризуются высокой степенью динамики и напряженности. В связи с этим нам представляется актуальным провести социаль-

но-психологическое исследование межэтнических отношений в Дагестане путем тестирования трех гипотез межкультурных отношений: мультикультурализма, контакта и интеграции на представителях почти всех народов, населяющих Дагестан. Данные гипотезы межкультурных отношений подробно представлены в первой главе данной монографии.

Гипотезы эмпирического исследования

В исследовании межкультурных отношений в Дагестане мы операционализировали данные теоретические гипотезы следующим образом:

1. *Гипотеза мультикультурализма*: чем выше воспринимаемая безопасность среди этнических групп Дагестана, тем выше поддержка мультикультурной идеологии, толерантности, предпочтение стратегии интеграции и тем ниже предпочтение стратегии сепарации.

2. *Гипотеза контакта*: чем выше интенсивность дружеских межкультурных контактов представителей этнических групп Дагестана, тем выше уровень их толерантности, предпочтение стратегии интеграции и тем ниже предпочтение стратегии сепарации.

3. *Гипотеза интеграции*: чем выше предпочтение стратегии интеграции представителями этнических групп Дагестана, тем выше их самоуважение и удовлетворенность жизнью.

Кроме этого мы предположили, что в Дагестане, который является полиэтничной, полилингвистичной и поликонфессиональной республикой со сложным этническим составом населения и фоном

межэтнических отношений, значимую роль может играть стратегия сепарации в межкультурных отношениях. Как показывает анализ исследований (Jansinkaja-Lahti et al., 2011; Kus-Harbord, Ward, 2015), выбор стратегии сепарации может предсказывать как позитивный результат аккультурации, так и негативный. Наибольшую роль в этом процессе играет контекст, в котором происходит взаимная аккультурация этнических групп. Учитывая особенности социокультурного контекста Дагестана, мы сформулировали дополнительную гипотезу о взаимосвязи между сепарацией и показателями психологического благополучия.

4. *Дополнительная гипотеза:* чем выше предпочтение стратегии сепарации среди этнических групп Дагестана, тем выше их самоуважение и удовлетворенность жизнью.

Методика исследования

Выборка исследования

В выборку нашего исследования вошли представители следующих этнических групп Дагестана: аварцы, даргинцы, русские, лезгины, кумыки, лакцы, табасараны, ногайцы, армяне, азербайджанцы, рутульцы, агулы, андийцы, евреи. Так как представленность каждой этнической группы в общей выборке варьировалась, мы выделили отдельно те группы, численность которых в данной выборке была ≥ 100 , а остальные этнические группы объединили в общую группу, что позволило нам в дальнейшем сделать сравнительный анализ выделенных групп. В таблице 1 представлены основные характеристики выборки.

Таблица 1

Гендерные и возрастные характеристики выборки

Этнические группы	N	Про-пуски	Гендерные характеристики		Возрастные характеристики			
			М (N, %)	Ж (N, %)	Min	Max	M	SD
Аварцы	100	1	29 (29)	70 (70)	14	68	28.02	14.40
Даргинцы	116	2	39 (33.6)	75(64.7)	13	65	25.02	14.41
Русские	101	-	19 (18.8)	82 (81.2)	13	62	34.50	12.62
Выборка, включающая другие этнические группы Дагестана	121	1	36 (29.8)	84 (69.4)	13	66	26.87	14.51
Общая выборка	438	4	123(28.1)	311(71.0)	13	68	28.44	14.43

Примечание. N — общий объем выборки; M — среднее значение; Min. — минимальный возраст; Max. — максимальный возраст; SD — стандартное отклонение.

Методы исследования

В данном исследовании были использованы шкалы из опросника MIRIPS (<http://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips>), которые были переведены на русский язык и адаптированы на российской выборке (Лебедева, Татарко, 2009).

Воспринимаемая безопасность. Шкала включала в себя 3 вопроса, например, «В Дагестане есть место разнообразию языков и культур» (все $\alpha \geq .49$).

Межкультурные дружеские контакты. Данная шкала включала 2 вопроса: «Сколько у Вас близких друзей, другой национальности (перечислите каких)?» и «Как часто Вы встречаетесь с друзьями другой национальности» (все $\alpha \geq .87$).

Мультикультурная идеология. Шкала включала в себя 4 вопроса, например, «Нам следует признать, что культурное многообразие — фундаментальная характеристика Дагестана» (все $\alpha \geq .63$).

Этническая толерантность. Шкала состояла из 3-х вопросов, например, «Мы должны стремиться к равенству всех групп независимо от расового или этнического происхождения» (все $\alpha \geq .52$).

Акультурационные стратегии: интеграция включала 3 вопроса, например, «Я считаю, что представители моего народа, живущие в Дагестане, должны как поддерживать собственные культурные традиции, так и усваивать другие» (все $\alpha \geq .64$); *сепарация* включала также 3 вопроса, например, «Я предпочитаю участвовать в таких мероприятиях, в которые включены только представители моего народа» (все $\alpha \geq .51$).

Самоуважение. Была использована шкала Розенберга (Rosenberg, 1965), которая включала в себя 3 вопроса, например, «Я могу многое делать так же хорошо, как и большинство других людей» (все $\alpha \geq .84$).

Удовлетворенность жизнью. Шкала включала в себя 3 вопроса, например, «У меня есть всё, что мне необходимо в жизни» (все $\alpha \geq .82$). (Diener, Emmons, Larsen, Griffin, 1985).

Социально-демографические характеристики. Мы фиксировали также пол, возраст, образование и этническую принадлежность респондентов.

Анализ данных. Для проверки гипотез исследования мы использовали моделирование структурными уравнениями (SEM) (Kline, 1998), используя SPSS 22.00 и AMOS 19.00 (Arbuckle, 2011). Путевой анализ проводился как на общей выборке, так и на выборках

отдельных этнических групп. Также мы использовали многомерный анализ дисперсии (MANOVA) для выявления различий между показателями используемых шкал в четырех группах. Подсчет Cronbach's α , и конфирматорный факторный анализ (CFA) были использованы для тестирования одномерности шкал. Кроме этого мы использовали мультигрупповой анализ для проверки одномерности шкал и для путевых моделей 4-х исследуемых групп.

Процедура исследования

Социально-психологический опрос был проведен среди жителей 4-х городов республики Дагестан: Махачкала, Кизляр, Избирбаш, Дербент. Для сбора данных был использован метод «снежного кома».

Результаты исследования

Результаты, полученные на общей выборке

На первом этапе мы проверили согласованность всех шкал на общей выборке Дагестана, используя CFA. В результате анализа из шкал были удалены пункты («воспринимаемая безопасность» — п. 2,3,6; «мультикультурная идеология» — п.2,4; «этническая толерантность» — п.1,2,3; «интеграция» — п.5; «сепарация» п. 8; «самоуважение» — п.4; «удовлетворенность жизнью» — п. 1) и показатели представленных моделей стали максимально соответствовать рекомендованным характеристикам (Hu, Bentler, 1999).

Таблица 2

**Результаты СФА и средние значения всех шкал
для общей выборки**

Переменные	χ^2/df	<i>p</i>	CFI	RMSEA	SRMR	PCLOSE	M(SD)
Воспринимаемая безопасность	.08	< .001	1.00	.00	.03	.61	3.79 (.83)
Мультикультурная идеология	2.6	.01	.97	.06	.03	.25	4.23 (.72)
Этническая толерантность	1.4	< .001	.99	.03	.04	.45	4.46 (.72)
Стратегия интеграции	3.77	.02	.98	.08	.03	.16	4.34 (.83)
Стратегия сепарации	10.88	< .001	.92	.15	.05	.01	2.33(1.00)
Самоуважение	6.96	.01	.99	.12	.02	.02	4.45 (.66)
Удовлетворенность жизнью	8.56	< .001	.98	.13	.03	.07	3.89 (.87)
Межкультурные дружеские контакты ¹							3.39(.83)

Примечание. N — общий объем выборки; M — среднее значение; SD — стандартное отклонение.

В дальнейшем анализе мы будем использовать средние значения исследуемых переменных, которые представлены в таблице 2. Анализ средних значений показывает, что у жителей Дагестана достаточно выражена толерантность и установки на социальное равенство, у них высокий уровень самоуважения. Менее всего у них выражены воспринимаемая безопасность, удовлетворенность жизнью и установки на сепарацию.

Для проверки выдвинутых нами гипотез мы использовали путевой анализ на общей выборке. На рис. 1 представлены его результаты.

¹ Поскольку шкала «Межкультурные дружеские контакты» включала всего 2 вопроса для нее применялся только метод Cronbach's α .

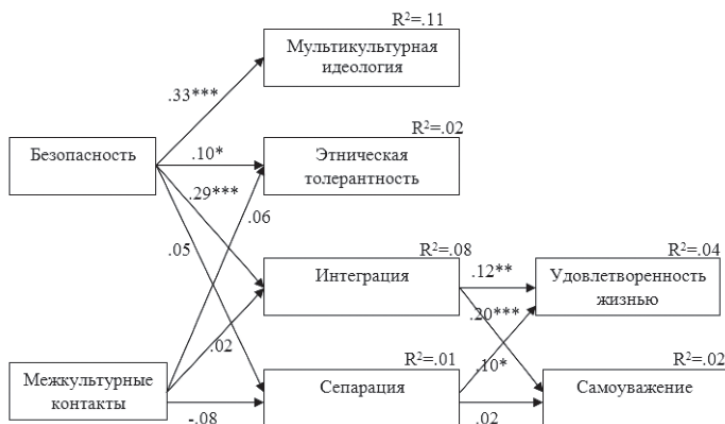

Рис. 1. Путьевая модель проверки гипотез межкультурных отношений на общей выборке Дагестана.

Показатели модели: $\chi^2=28.07$; $df=12$; $\chi^2/df=2.34$; $p=.01$; $SRMR=.05$; $CFI=.96$; $RMSEA=.06$; $PCLOSE=.34$

Примечание. * — эффекты значимы на уровне $p < .05$; ** — эффекты значимы на уровне $p < .01$; *** — эффекты значимы на уровне $p < .001$.

Результаты показывают, что для жителей Дагестана воспринимаемая безопасность значимо положительно взаимосвязана с мультикультурной идеологией, толерантностью и интеграцией и не имеет значимой взаимосвязи с сепарацией. Эти данные подтверждают нашу первую гипотезу и свидетельствуют о том, что чем более безопасной жители Дагестана воспринимают ситуацию в республике, тем они более поддерживают мультикультурную идеологию, у них более выражены толерантные установки и установки на социальное равенство, и тем более они предпочитают интеграцию в межкультурных отношениях, то есть, стремятся поддерживать как собственную этническую культуру, так и усваивать культуры других этнических групп.

Межкультурные дружеские контакты не имеют значимых взаимосвязей с этнической толерантностью и с аккультурационными стратегиями интеграции и сепарации. Эти данные свидетельствуют о том, что наша гипотеза контакта не подтвердилась.

Полученные результаты показывают, что стратегия интеграции значимо положительно взаимосвязана с удовлетворенностью жизнью и самоуважением. Это полностью подтверждает гипотезу интеграции о том, что установки на интеграцию предсказывают психологическое благополучие (самоуважение и удовлетворенность жизнью).

Также в ходе исследования мы выявили, что установки на сепарацию (то есть, на поддержание только своей этнической культуры) значимо положительно взаимосвязаны с удовлетворенностью жизнью и не имеют значимой взаимосвязи с самоуважением. Это частично подтверждает нашу дополнительную гипотезу: чем более жители Дагестана ориентированы на сепарацию, тем более они удовлетворены своей жизнью.

Также мы исследовали взаимосвязь между воспринимаемой безопасностью и межкультурными дружескими контактами: данная связь оказалась незначимой ($r = -.02$; $p = .359$).

В целом можно сказать, что гипотеза мультикультурализма подтвердилась частично, гипотеза интеграции подтвердилась полностью, дополнительная гипотеза о взаимосвязи стратегии сепарации с психологическим благополучием подтвердилась частично. Единственная гипотеза, которая не получила подтверждения на общей выборке — это гипотеза контакта.

Результаты, полученные на выборках отдельных этнических групп

Далее мы проверили наши гипотезы на группах аварцев, даргинцев, русских и группе, включающей представителей других этнических групп. На первом этапе, также как и на общей выборке, мы проверили одномерность всех шкал для данных групп, используя CFA (таблица 3).

Таблица 3

Результаты CFA всех шкал для четырех групп

Переменные	χ^2/df	p	CFI	RMSEA	SRMR	PCLOSE
Воспринимаемая безопасность	1.6/	.01/	.97/	.07/	.04/	.26/
	1.4/	.05/	.97/	.08/	.04/	.31/
	2.4/	.06/	.96/	.12/	.06/	.16/
	0.7	< .001	1.00	.00	.04	.76
Мультикультурная идеология	1.8/	.10/	.94/	.08/	.05/	.20/
	1.1/	.34/	.99/	.03/	.04/	.52/
	1.6/	.14/	.96/	.07/	.04/	.27/
	.04	< .001	1.00	.00	.06	.92
Этническая толерантность	.09/	.48/	1.00/	.00/	.04/	.41/
	2.5/	.23/	.98/	.08/	.06/	.16/
	.05/	.10/	1.00/	.00/	.07/	.69/
	.04	.04	1.00	.00	.07	.55
Стратегия интеграции	.12/	.89/	1.00/	.00/	.01/	.91/
	3.07/	.05/	.95/	.13/	.05/	.09/
	5.00/	.01/	.94/	.20/	.07/	.02/
	.26	.77	1.00	.00	.01	.82
Стратегия сепарации	3.12/	.04/	.91/	.15/	.06/	.08/
	3.07/	.05/	.86/	.15/	.07/	.08/
	1.61/	.20/	.98/	.07/	.04/	.29/
	10.88	< .001	.92	.15	.05	.01
Самоуважение	.95/	.39/	.99/	.00/	.02/	.47/
	4.01/	.02/	1.00/	.16/	.03/	.04/
	2.59/	.08/	.99/	.13/	.03/	.13/
	1.39	.25/	.99	.06	.02	.35
Удовлетворенность жизнью	3.56/	.03/	.97/	.16/	.06/	.06/
	1.73/	.18/	.99/	.08/	.03/	.26/
	2.60/	.08/	.98/	.13/	.03/	.13/
	2.81	.06	.98	.12	.03	.11

Примечание. Через слеш указаны показатели 4 групп: аварцы/даргинцы/русские/ выборка, включающая другие этнические группы Дагестана.

После удаление пунктов из шкал («воспринимаемая безопасность» — п. 2, 3, 6; «мультикультурная идеология» — п. 2, 4; «этническая толерантность» — п. 1, 2, 3; «интеграция» — п. 5; «сепарация» п. 8; «самоуважение» — п. 4; «удовлетворенность жизнью» — п. 1) показатели всех представленных моделей стали максимально соответствовать рекомендованным характеристикам (Hu, Bentler, 1999).

Далее, для сопоставления результатов по всем шкалам между 4-мя группами мы провели мультигрупповой конфирматорный факторный анализ (CFA) для всех шкал. Оценочная модель конфигураальной, метрической и скалярной инвариантностей всех шкал для четырех групп показала приемлемую глобальную подгонку к данным (все $\Delta CFI < .01$, все $\Delta RMSEA < .01$). Таким образом, результаты мультигруппового анализа для всех шкал показали, что инвариантность — количество факторов, факторные нагрузки и интерсепты — не различаются для четырех групп, что позволяет нам сравнивать данные.

Для сравнения средних значений мы использовали MANOVA, где воспринимаемая безопасность, межкультурные контакты, мультикультурная идеология, этническая толерантность, стратегия интеграции, стратегия сепарации, самоуважение, удовлетворенность жизнью являлись зависимыми переменными, а принадлежность к этнической группе — независимой переменной. Результаты показали, что группы значимо различаются между собой по данным переменным: Wilks' $\Lambda = .887$, $F(24, 1126) = 1.98$, $p < .01$, $\eta_p^2 = .039$. ANOVA по отдельным переменным также показал значимые различия в выраженности воспринимаемой безопасности (значимо выше у аварцев в сравнении с выборкой, включающей другие этнические группы Дагестана), межкультурных контактах (интенсивнее у русских в сравнении с даргинцами),

мультикультурной идеологии (значимо выше у аварцев в сравнении с даргинцами) и толерантности (значимо выше у русских и аварцев в сравнении с даргинцами) (см. таблицу 5).

Таблица 5

Результаты сравнения средних значений исследуемых переменных четырех групп (max. 5 баллов)

Переменные	Аварцы	Даргинцы	Русские	Выборка, включающая другие этнические группы Дагестана	F (8, 429)	Partial η^2
	M (SD)	M (SD)	M (SD)	M (SD)		
Воспринимаемая безопасность	3.98(.73) _a	3.84 (.83) _{ab}	3.71(.86) _{ab}	3.66 (.80) _b	2.81*	.021
Межкультурные дружеские контакты	3.36(.79) _{ab}	3.19 (.98) _a	3.61 (.65) _b	3.42 (81) _{ab}	4.13***	.030
Мультикультурная идеология	4.40(.73) _a	4.12 (.80) _b	4.23(.75) _{ab}	4.20(.66) _{ab}	2.04*	.015
Толерантность	4.57(.57) _a	4.28 (.87) _b	4.61(.60) _a	4.42 (.74) _{ab}	3.71**	.027
Стратегия интеграции	4.47(.71) _a	4.27 (.94) _a	4.33(.80) _a	4.33 (.84) _a	.81	.006
Стратегия сепарации	2.26(.94) _a	2.45(1.00) _a	2.15(.92) _a	2.42 (1.00) _a	1.58	.012
Самоуважение	3.92(.82) _a	3.96 (.95) _a	3.91(.97) _a	3.78 (.89) _a	2.05	.015
Удовлетворенность жизнью	4.38(.78) _a	4.51 (.79) _a	4.56 (.63) _a	4.35 (.67) _a	1.01	.008

Примечание. M — среднее значение; SD — стандартное отклонение; F — F-критерий Фишера; Partial η^2 — частный эта-квадрат — корреляционное отношение или коэффициент нелинейной корреляции; * — эффекты зна-

чимы на уровне $p < .05$; ** — эффекты значимы на уровне $p < .01$; *** — эффекты значимы на уровне $p < .001$.

Далее мы провели мультигрупповой анализ путей моделей четырех групп. Оцененная модель конфигуральной инвариантности для четырех групп не показала приемлемую глобальную подгонку к данным: $CFI = .937$, $RMSEA = .044$; метрическая инвариантность: $\Delta CFI = .089$, $\Delta RMSEA = .003$ и скалярная инвариантность: $\Delta CFI = .040$, $\Delta RMSEA = .003$. Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии инвариантности для четырех групп. Соответственно, можно сказать, что модели для каждой группы различаются, поэтому далее мы будем описывать каждую модель отдельно и затем сравнивать их.

Результаты проверки гипотез межкультурных отношений, полученные на выборке аварцев, представлены на рис. 2.

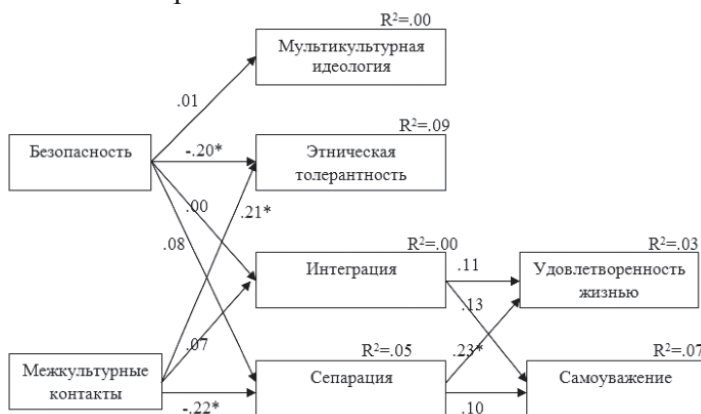

Рис 2. Путьевая модель проверки гипотез межкультурных отношений на выборке аварцев.

Показатели модели: $\chi^2 = 13.90$; $df = 11$; $\chi^2/df = 1.26$; $p = .24$; $SRMR = .06$; $CFI = .96$; $RMSEA = .05$; $PCLOSE = .44$

Примечание. * — эффекты значимы на уровне $p < .05$; ** — эффекты значимы на уровне $p < .01$; *** — эффекты значимы на уровне $p < .001$.

Как можно видеть на рис. 2, воспринимаемая аварцами безопасность значимо негативно взаимосвязана с этнической толерантностью и не имеет значимых связей с мультикультурной идеологией, стратегиями интеграции и сепарации. Можно сказать, что гипотеза мультикультурализма не подтвердилась, напротив, была выявлена неожиданная взаимосвязь: чем в большей безопасности ощущают себя аварцы, тем они менее толерантны и ориентированы на социальное равенство.

Гипотеза контакта подтвердилась частично: интенсивные межкультурные дружеские контакты значимо положительно взаимосвязаны с толерантностью и установками на социальное равенство и значимо отрицательно взаимосвязаны со стратегией сепарации, взаимосвязь со стратегией интеграции была незначимая.

Гипотеза интеграции не нашла подтверждения на выборке аварцев: стратегия интеграции не имеет значимых взаимосвязей с самоуважением и удовлетворенностью жизнью (имеющиеся взаимосвязи положительные, но на уровне тенденции).

Дополнительная гипотеза была частично подтверждена на выборке аварцев: предпочтение стратегии сепарации предсказывает высокий уровень удовлетворенности жизнью и не имеет значимых взаимосвязей с самоуважением.

Взаимосвязь между воспринимаемой безопасностью и межкультурными дружескими контактами аварцев была незначимой ($r = .05$; $p = .347$).

Далее рассмотрим результаты тестирования гипотез межкультурных отношений на выборке даргинцев. Результаты представлены на рисунке 3.

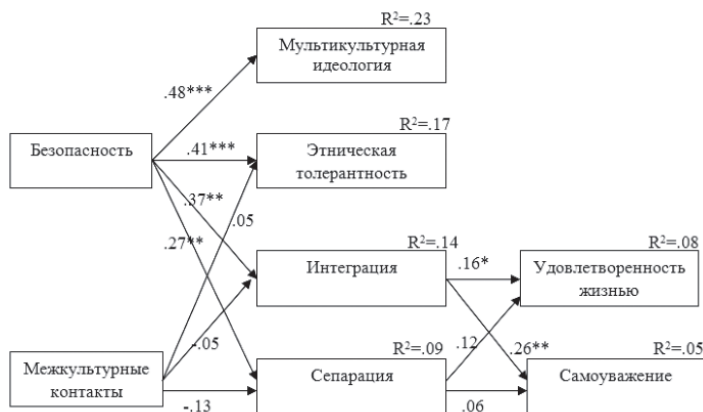

Рис. 3. Путьевая модель проверки гипотез межкультурных отношений на выборке даргинцев.

Показатели модели: $\chi^2=18.09$; $df=11$; $\chi^2/df=1.64$; $p=.08$; $SRMR=.08$; $CFI=.9$; $RMSEA=.07$; $PCLOSE=.23$

Примечание. * — эффекты значимы на уровне $p < .05$; ** — эффекты значимы на уровне $p < .01$; *** — эффекты значимы на уровне $p < .001$.

Результаты показывают, что воспринимаемая безопасность значимо положительно взаимосвязана с мультикультурной идеологией, толерантностью, стратегией интеграции. Это подтверждает гипотезу мультикультурализма. Однако мы получили неожиданный результат: воспринимаемая безопасность значимо положительно взаимосвязана со стратегией сепарации. Получается, что чем в большей безопасности ощущают себя даргинцы, тем в большей степени они предпочитают стратегию сепарации.

Межкультурные дружеские контакты не имели значимых взаимосвязей с толерантностью и стратегиями интеграции и сепарации. Таким образом, гипотеза контакта не нашла подтверждение на выборке даргинцев.

Гипотеза интеграции была полностью подтверждена: предпочтение стратегии интеграции значимо положительно взаимосвязано с самоуважением и удовлетворенностью жизнью.

Мы не выявили значимых взаимосвязей стратегии сепарации с самоуважением и удовлетворенностью жизнью. Таким образом, наша дополнительная гипотеза не была подтверждена на выборке даргинцев.

Взаимосвязь между воспринимаемой безопасностью и межкультурными дружескими контактами даргинцев была незначимой ($r = -.08$; $p = .302$).

Далее мы проанализировали результаты, полученные на выборке русских. На рис. 4 представлена путевая модель проверки гипотез межкультурных отношений.

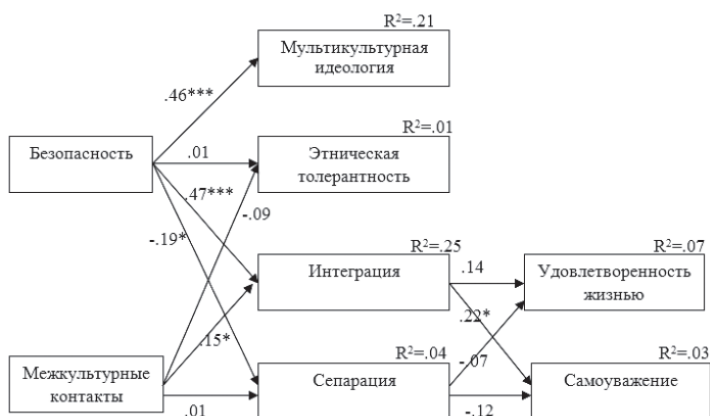

Рис 4. Путевая модель проверки гипотез межкультурных отношений на выборке русских.

Показатели модели: $\chi^2 = 13.19$; $df = 11$; $\chi^2/df = 1.20$; $p = .28$; $SRMR = .08$; $CFI = .97$; $RMSEA = .05$; $PCLOSE = .48$

Примечание. * — эффекты значимы на уровне $p < .05$; ** — эффекты значимы на уровне $p < .01$; *** — эффекты значимы на уровне $p < .001$.

Гипотеза мультикультурализма нашла подтверждение на выборке русских: воспринимаемая безопасность значимо положительно взаимосвязана с мультикультурной идеологией и стратегией интеграции и значимо отрицательно взаимосвязана со стратегией сепарации.

Также мы выявили, что интенсивные межкультурные дружеские контакты русских значимо положительно взаимосвязаны с предпочтением ими стратегии интеграции и не имеют значимой взаимосвязи со стратегией сепарации и толерантностью. Эти результаты частично подтверждают гипотезу контакта на выборке русских.

Также частично была подтверждена гипотеза интеграции: предпочтение русскими стратегии интеграции значимо положительно взаимосвязано с их самоуважением и не имеет значимой взаимосвязи с удовлетворенностью жизнью.

Результаты показали, что стратегия сепарации значимо не связана с самоуважением и удовлетворенностью жизнью (хотя на уровне тенденции выявлены отрицательные взаимосвязи). Таким образом, наша дополнительная гипотеза не получила подтверждения на выборке русских.

Мы не выявили значимой взаимосвязи между воспринимаемой безопасностью и межкультурными дружескими контактами ($r = .008$; $p = .883$).

Далее представлены результаты анализа проверки гипотез межкультурных отношений, полеченные на выборке, включающей другие этнические группы Дагестана (рис. 5).

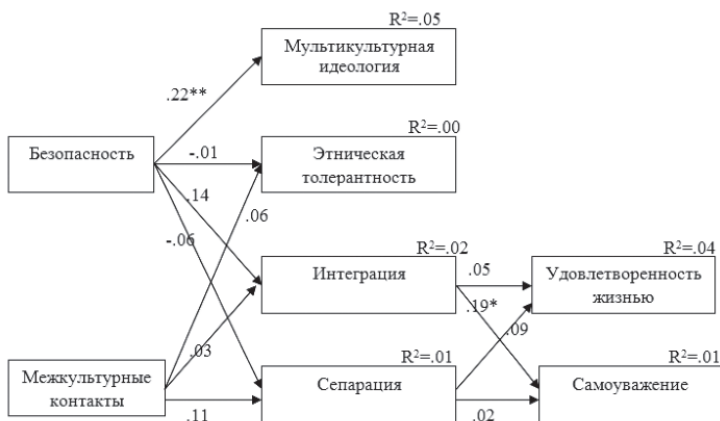

Рис. 5. Путьевая модель проверки гипотез межкультурных отношений на выборке, включающей другие этнические группы Дагестана.

Показатели модели: $\chi^2 = 18.24$; $df = 11$; $\chi^2/df = 1.66$; $p = .08$; $SRMR = 0.07$; $CFI = .90$; $RMSEA = .07$; $PCLOSE = .23$

Примечание. * — эффекты значимы на уровне $p < .05$; ** — эффекты значимы на уровне $p < .01$; *** — эффекты значимы на уровне $p < .001$.

На выборке, включающей другие этнические группы Дагестана, гипотеза мультикультурализма подтвердилась частично: воспринимаемая безопасность значимо положительно взаимосвязана с мультикультурной идеологией и не имеет значимых взаимосвязей с толерантностью, аккультурационными стратегиями интеграции и сепарации.

Гипотеза контакта не нашла подтверждения на данной выборке. Результаты показывают, что нет значимых взаимосвязей между межкультурными дружескими контактами и толерантностью, стратегиями интеграции и сепарации.

Полученные результаты также показали, что предпочтение стратегии интеграции предсказывает только самоуважение. Значимой взаимосвязи меж-

ду стратегией интеграции и удовлетворенностью жизнью не выявлено. Это частично подтверждает гипотезу интеграции.

Наша дополнительная гипотеза не нашла подтверждения на данной выборке: стратегия сепарации не имела значимых взаимосвязей с самоуважением и удовлетворенностью жизнью.

Взаимосвязь между воспринимаемой безопасностью и межкультурными дружескими контактами была незначимой ($r = -.03$; $p = .574$).

Обсуждение и выводы

Дагестан — уникальная республика РФ, ее высокая этническая мозаичность, поликонфессиональность и полилингвистичность актуализирует интерес исследователей к анализу взаимоотношений между различными этническими группами в данной республике. В своем исследовании мы тестировали три гипотезы межкультурных отношений, опираясь на теорию Д. Берри (Berry, 1997). Также, учитывая особенности социокультурного контекста республики, мы выдвинули гипотезу о взаимосвязи стратегии сепарации с психологическим благополучием и проверили ее в нашем исследовании. Все гипотезы были протестированы как на общей выборке, так и на выборках отдельных этнических групп.

Результаты показали, что гипотеза мультикультурализма была частично подтверждена на общей выборке Дагестана и на выборке трех групп: даргинцев, русских и выборке, включающей другие этнические группы. На общей выборке и выборке даргинцев результаты показали, что чем в большей безопасности ощущают себя в целом жители Дагестана

и представители даргинской этнической группы, тем больше они поддерживают мультикультурную идеологию, тем более у них выражены установки на толерантность и социальное равенство, и тем больше они предпочитают интеграцию в межкультурных отношениях.

На выборке русских данные показали, что чем в большей безопасности они себя ощущают, тем более у них выражены установки на мультикультурную идеологию, тем больше они предпочитают стратегию интеграции и меньше предпочитают стратегию сепарации. Также частично данная гипотеза получила подтверждение на выборке, включающей другие этнические группы, воспринимаемая безопасность для этой группы предсказывает высокий уровень мультикультурной идеологии. Однако в нашем исследовании не была подтверждена гипотеза мультикультурализма на выборке аварцев, более того, выявлена отрицательная взаимосвязь между воспринимаемой безопасностью и толерантностью. С одной стороны, это может быть связано с маленькой выборкой. С другой, возможно, что для данной группы (аварцы являются самой многочисленной этнической группой в Дагестане) безопасность ассоциируется не с социальным равенством, а напротив, с иерархией, поэтому, чем выше воспринимаемая безопасность, тем ниже установки на социальное равенство и толерантность.

Также неожиданным был результат положительной взаимосвязи между воспринимаемой безопасностью и предпочтением стратегии сепарации на выборке даргинцев. Даргинцы — вторая по численности группа Дагестана, возможно, между этническими группами существует латентная конкурен-

ция, желание выделить свой этнос, свою культуру, и это определяет стремление к сепарации: большая безопасность у даргинцев ассоциируется со стратегией сепарации в межкультурных отношениях.

Также в ходе нашего исследования мы проверяли гипотезу контакта. Мы полагали, что для такой поликультурной республики, как Дагестан, контакты между представителями различных этнических групп являются важной и необходимой составляющей повседневной жизни. Отсюда, мы полагали, что интенсивность межкультурных контактов будет способствовать интеграции различных этнических групп, толерантным межэтническим установкам. Однако гипотеза контакта в нашем исследовании подтвердилась только на двух группах: на выборке русских (интенсивные межкультурные дружеские контакты русских определяли их ориентацию на интеграцию) и на выборке аварцев (в данном случае, интенсивные межкультурные дружеские контакты аварцев не столько способствуют их интеграции, сколько препятствуют их сепарации и способствуют установкам на социальное равенство). К похожим выводам пришли Voci и Hewstone (2003) и Van Oudenhoven, Groenewoud и Hewstone (1996). Они установили, что межкультурные контакты значительно улучшали отношение принимающего населения к мигрантам.

На общей выборке и на выборках других групп данная гипотеза не нашла подтверждения. По мнению Г. Олпорта (1954), гипотеза контакта не подтверждается в том случае, когда не соблюдаются следующие условия: равностатусный характер контактов, межгрупповое сотрудничество, представители групп разделяют общие цели, существует институ-

циональная поддержка от властей, законов, норм, обычаев. Но в нашем случае мы, возможно, имеем дело с другой ситуацией, поскольку равный статус этнических групп определен законом, группы вынуждены вступать во взаимодействие для нормальной жизнедеятельности, поскольку их очень много, существует поддержка со стороны властей всех языков, культурных традиций и обычаев (Гаджихмедов, 2002; Мехтиханов, 2002).

Возможно, межэтнические контакты для этнических групп Дагестана — это настолько естественная часть их жизни, что они не вносят вклад в интеграцию этнических групп. Исключение составляют русские, которые не являются титульной этнической группой и численность которых равна 3,6% населения (Итоги всероссийской переписи населения 2010, 2011), которые массово расселились на территории Дагестана лишь в конце XIX века (Этническая демография русских Дагестана, 2011). Кроме этого, они живут не только в иноэтничной, но и в иноконфессиональной среде, отсюда, возможно, они в большей степени, чем представители других этнических групп ощущают потребность в межкультурных контактах, которые, в свою очередь, способствуют их установкам на интеграцию.

Гипотеза интеграции в Дагестане была полностью подтверждена на общей выборке и выборке даргинцев: предпочтение стратегии интеграции приводит к психологическому благополучию. Данная гипотеза была частично доказана на выборке русских и выборке, включающей другие этнические группы: чем более предпочитаемой является стратегия интеграции, тем выше самоуважение. Наши данные согласуются с результатами, полученными

Jasinskaja-Lahti и ее коллегами (2011) в Финляндии. Они выявили, что среди мигрантов из России и бывшего СССР установки на интеграцию предсказывают их успешную психологическую адаптацию. В других исследованиях также было выявлено, что выбор мигрантами стратегии интеграции имеет положительные последствия для их психологического благополучия (Berry, 1997; Berry et al., 2002; Phinney, Norenczyk, Liebkind, Vedder, 2001; Ward, 1996).

Интересным является факт, что данная гипотеза не подтвердилась на выборке аварцев, но на этой же выборке была доказана дополнительная гипотеза о позитивной взаимосвязи между стратегией сепарации с психологическим благополучием: чем более аварцы предпочитают стратегию сепарации в межкультурных отношениях, тем более они удовлетворены жизнью. Также дополнительная гипотеза была подтверждена на общей выборке Дагестана. Наши результаты несколько противоречат данным, полученным в Эстонии (Kus-Harbord, Ward, 2015). Результаты изучения аккультурации русских в этой стране показали, что стремление поддерживать русскую культуру отрицательно взаимосвязано с удовлетворенностью жизнью.

Мы полагаем, что культурное многообразие Дагестана может восприниматься этническими группами, особенно малочисленными, как опасность для сохранения собственной культуры. Этнические группы, скорее, не противопоставляют свою культуру другим, а стремятся «не раствориться» во множестве других культур. Возможно с этим связано то, что в нашем исследовании мы выявили, что предиктором психологического благополучия этнических групп Дагестана является не только стратегия интеграции, но и сепарации.

В целом, мы можем сказать, что для жителей Дагестана (общая выборка) большую роль в межкультурных отношениях играет воспринимаемая безопасность, которая предсказывает мультикультурную идеологию, установки на толерантность и социальное равенство, а также предпочтение стратегии интеграции. Психологическому благополучию этнических групп Дагестана способствует как предпочтение стратегии интеграции, так и предпочтение стратегии сепарации.

Для аварцев межкультурные контакты играют наибольшую роль, поскольку они связаны с установками на толерантность и социальное равенство и препятствуют выбору стратегии сепарации. При этом предпочтение стратегии сепарации связано с удовлетворенностью жизнью аварцев.

Для даргинцев очень большое значение имеет воспринимаемая безопасность, она связана с мультикультурной идеологией, толерантностью, стратегиями интеграции и сепарации. Психологическому благополучию даргинцев способствует предпочтение стратегии интеграции.

Для русских большое значение имеют и воспринимаемая безопасность, и межкультурные дружеские контакты: чем в большей безопасности ощущают себя русские, тем более они поддерживают мультикультурную идеологию, предпочитают интеграцию и не предпочитают сепарацию; интенсивные межкультурные дружеские контакты русских связаны с выбором ими стратегии интеграции. Эта стратегия является наиболее успешной для русских, поскольку связана с их самоуважением.

На выборке, включающей другие этнические группы Дагестана, выявлена также значимая роль

воспринимаемой безопасности, которая связана с мультикультурной идеологией. Самоуважение представителей этнических групп, входящих в данную выборку, определяется предпочтением ими стратегии интеграции.

Полученные нами результаты демонстрируют важность решения проблемы воспринимаемой безопасности для выстраивания эффективных межкультурных взаимоотношений в Дагестане. Как показывают исследования (Esses et al, 2002), негативные мультимедийные сообщения, националистическая риторика не способствуют воспринимаемой безопасности, а, напротив, ведут к усилению воспринимаемой угрозы. Исходя из этого, власти должны выстраивать свою национальную, экономическую и социальную политику с учетом возможных угроз.

Также значимую роль для эффективных взаимоотношений в Дагестане играют межкультурные контакты. Они, по крайней мере, частично (для русских и аварцев) обуславливают установки на интеграцию и социальное равенство. Важно, чтобы власти поддерживали межэтнические контакты. В этих условиях взаимоотношения будут становиться более позитивными, например, благодаря растущему признанию сходства (Pettigrew, 1997).

В выстраивании национальной политики властям следует быть осмотрительными в вопросах сохранения культурной самобытности различных этнических групп, поскольку, как показало наше исследование, выбор стратегии сепарации приводит только к удовлетворенности жизнью, а выбор стратегии интеграции связан как с удовлетворенностью жизнью, так и с самоуважением жителей Дагестана.

Социальный капитал, стратегии межкультурного взаимодействия и психологическое благополучие этнических групп Дагестана

А. Татарко

Введение

Межэтнические отношения в регионах России рассматриваются представителями социальных наук с различных сторон. Изучаются истоки межэтнических конфликтов в регионах России (Гуриева, 2008; Матвеева, Здравомыслов, 1996; Киреев, 2007), межэтническое и межкультурное взаимодействие (Лебедева, Татарко, Берри, 2016; Хухлаев, Миназова, Павлова, Зыков, 2015; Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009), отдельное внимание уделяется этнической толерантности и факторам, которые с ней связаны (Алфимцев, 2016; Этническая толерантность..., 2002). Между тем, меньшее внимание уделено тому, как выбираемые стратегии межэтнического взаимодействия влияют на адаптацию и субъективное благополучие представителей тех этнических групп, которые проживают в таких поликультурных регионах, как Дагестан.

Существуют теории, описывающие различные стратегии межэтнического и межкультурного взаимодействия (Berry, Sabatier, 2010; Berry, 2013; Moghaddam, 1988). Однако эти теории разрабатывались, прежде всего, для описания взаимодействия мигрантов и принимающего населения. В нашем

исследовании мы применили классическую теорию аккультурации Дж. Берри для изучения межэтнического взаимодействия в поликультурном регионе (на примере Республики Дагестан), в котором проживают представители различных этнических групп. Теория аккультурации Дж. Берри описывает 4 стратегии взаимодействия между мигрантами и принимающим населением — *интеграция, сепарация, ассимиляция и маргинализация* (Berry, 1984). Если речь идет об этнических группах, взаимодействующих в поликультурном регионе, где нет этнического большинства, то наиболее подходящими стратегиями, описывающими межкультурное взаимодействие в этом регионе, оказываются интеграция или сепарация, которые ставят перед индивидом вопрос — либо включаться в межкультурное взаимодействие, сохраняя свою культуру, либо взаимодействовать преимущественно с представителями собственной культуры.

Настоящая часть исследования направлена на изучение того, как связана предпочитаемая стратегия межкультурного взаимодействия (интеграция или сепарация) с индивидуальным социальным капиталом русских, проживающих в Дагестане и представителей двух наиболее значительных по численному составу этнических групп этой республики (аварцы и даргинцы). Также будет рассмотрено — приводит ли индивидуальный социальный капитал, формируемый при помощи разных источников (представители собственной группы и представители инокультурных групп), к благополучию и удовлетворенности жизнью в поликультурном регионе.

Индивидуальный социальный капитал представляет собой один из видов социального капитала, который рассматривается на микро-уровне (т.е. уровне

индивида). Ряд ученых (Coleman, 1990; Putnam, 1995) разрабатывали свои теории социального капитала применительно к макро-уровню анализа (уровень общества). На макро- и мезо-уровне социальный капитал представлен такими явлениями, как доверие, социальная сплоченность и готовность следовать общим нормам (Putnam, 1995). Другие исследователи (Lin, 2001) фокусировались на социальном капитале как источнике социальных ресурсов индивида, который позволяет ему достигать его цели. Социальный капитал на микро-уровне анализа называется «индивидуальный социальный капитал» и имеет непосредственное влияние на поведение индивида (Verhaeghe, Tampubolon, 2012). Концепт «индивидуальный социальный капитал» относительно недавно получил распространение в эмпирических исследованиях (Lamarca et al., 2014; Van Der Gaag, Snijders, 2004; Verhaeghe, Tampubolon, 2012; Yang, 2007). В рамках настоящего исследования мы определяем индивидуальный социальный капитал как *доступ индивида к различным ресурсам помощи и поддержки, который он получает, благодаря социальным отношениям*. Этот доступ он получает через близких друзей и родственников, которые могут оказать ему помощь и поддержку. Таким образом, индивидуальный социальный капитал — это социальные связи и отношения с окружающими, в конечном итоге, позволяющие личности более эффективно адаптироваться в окружающей социальной среде и достичь благополучия и удовлетворенности жизнью.

Мы предполагаем, что выбор представителями этнических групп, проживающими в поликультурном регионе, определенной стратегии межкультурного взаимодействия (интеграции или сепарации)

приводит к формированию определенного типа социального капитала, основанного преимущественно на связях с представителями различных этнических групп или только своей этнической группы. При этом, именно индивидуальный социальный капитал, основанный на отношениях с представителями различных этнических групп, ведет к более высокому благополучию и удовлетворенности жизнью среди представителей как коренных этнических групп региона (аварцы, даргинцы), так и среди инокультурного меньшинства. В Дагестане мы рассматриваем в качестве такого меньшинства русских.

Соответственно, основной вопрос исследования можно сформулировать следующим образом: если индивид в поликультурном регионе выбирает определенную стратегию межкультурного взаимодействия (интеграция или сепарация), то влияет ли этот выбор на уровень его социального капитала и, как следствие, субъективное благополучие и самооценку?

В целом мы предполагаем, что предпочтение стратегии интеграции позитивно связано с индивидуальным социальным капиталом, формируемым благодаря представителям иноэтнических групп и собственной этнической группы. В то же время, предпочтение стратегии сепарации в межэтническом взаимодействии позитивно связано с индивидуальным социальным капиталом, формируемым благодаря представителям собственной этнической группы и негативно — с индивидуальным социальным капиталом, формируемым благодаря представителям иноэтнических групп. При этом, индивидуальный социальный капитал, формируемый благодаря представителям иноэтнических групп (аутгрупповой),

позитивно связан с удовлетворенностью жизнью, а индивидуальный социальный капитал, формируемый благодаря представителям этнических интрупп (интрупповой), не связан с удовлетворенностью жизнью. Происходит это вследствие того, что более обширные связи (аутгрупповой социальный капитал), которые формируются благодаря ориентации на интеграцию и выход за пределы собственной группы при формировании собственных социальных связей и социальных ресурсов, позволяют индивиду более успешно преодолевать различные сложности, возникающие в повседневной жизни, а, следовательно, иметь более высокую удовлетворенность жизнью.

Мы предполагаем, что именно в этом заключается психологический механизм работы гипотезы интеграции. Интеграционные установки позволяют жителям поликультурного региона сформировать большее количество социальных связей, в т.ч. и за пределами собственной этнической группы. Следствием этого является более высокая удовлетворенность жизнью.

Методика

Участники исследования. В эмпирическом исследовании приняли участие представители двух наиболее многочисленных этнических групп Дагестана — аварцы и даргинцы, а также русские, которые являются в Дагестане одним из малочисленных этносов, в то время как в Российской Федерации в целом это государствообразующий этнос. В таблице 1 представлены данные о размере трех подвыборок, а также основные демографические характеристики респондентов (пол и возраст).

Таблица 1

Характеристики выборки исследования

Группы	N	Возраст		Пол
		М	SD	мужчины (%)
Аварцы	105	28.7	14.9	28.6
Даргинцы	121	25.4	14.8	33.1
Русские	100	34.2	12.4	19.0

В выборке аварцев большинство респондентов имели либо высшее образование (36.2%), либо среднее (32.4%); в выборке даргинцев высшее образование имели 33.9%, среднее — 23.5% и неполное среднее — 22.3%; в выборке русских большинство респондентов (61%) имели высшее образование.

Инструментарий исследования

Исследовательский инструментарий включал методики, направленные на оценку: а) оценку стратегий межкультурного взаимодействия (мы оценивали только 2 стратегии — сепарацию и интеграцию); б) удовлетворенности жизнью и удовлетворенности собой; в) индивидуального социального капитала (ресурсы помощи в быту и ресурсы профессиональной помощи); г) доверия представителям собственного народа и представителям аутгрупп.

а) Шкала *аккультурационных стратегий мигрантов*. В нее входило 8 вопросов, по 4 для каждой из двух следующих аккультурационных стратегий: *интеграция* (аварцы — $\alpha=.55$; даргинцы — $\alpha=.70$; русские — $\alpha=.72$) — «Для меня важно владеть в совершенстве родным языком и другими языками народов Дагестана»; «Я предпочитаю участвовать в

мероприятиях, в которые включены представители разных народов Дагестана»; *сепарация* (аварцы — $\alpha=.56$; даргинцы — $\alpha=.70$; русские — $\alpha=.58$) — «Я считаю, что представители моего народа, живущие в Дагестане, должны сохранять свои культурные традиции и не усваивать чужие»; «Я предпочитаю иметь в качестве друзей только представителей своей национальности».

б) *Удовлетворенность жизнью* (аварцы — $\alpha=.74$; даргинцы — $\alpha=.80$; русские — $\alpha=.78$) (Diener, Emmons, Larson, Griffin, 1985). Шкала включает 4 утверждения, например, «Я могу многое делать так же хорошо, как и большинство других людей». Высокие значения данной шкалы характеризуют высокий уровень удовлетворенности жизнью.

г) *Индивидуальный социальный капитал*. Для оценки индивидуального социального капитала мы использовали методику (в модифицированной версии), которая называется «генератор ресурсов». Данная методика описана в работе «Измерение индивидуального социального капитала: вопросы, инструменты и измерения» (Van der Gaag, Webber, 2008). Методика позволяет оценить 4 вида социальных ресурсов, составляющих индивидуальный социальный капитал: ресурсы помощи в быту (Domestic resources), ресурсы помощи в работе (профессии) (Professional resources), личные навыки знакомых (Personal skills), ресурсы помощи в трудных ситуациях («Sticky hole resources» — буквально ресурсы для «заклеивания дыр»). Суть генератора ресурсов состоит в том, что респондента просят указать какое количество его знакомых могут оказать ему определенные виды помощи.

Шкала «ресурсы помощи в быту» позволяет оценить социальные ресурсы индивида, которые могут быть мобилизованы для оказания ему помощи в повседневной жизни, либо для улучшения условий его жизни (например, оказать помощь в переезде, ремонте квартиры, дать денег взаймы и т.д.).

Шкала «ресурсы помощи в работе» (или профессии) включает оценку количества друзей респондента, обладающих определенными навыками, которые могут оказаться для него полезными при устройстве на работу или оказании ему помощи, связанной с его профессиональными интересами (например, смогут помочь найти работу, дать юридическую, финансовую консультации и т.д.).

Шкала «личные навыки знакомых» позволяет оценить количество людей, обладающих навыками, благодаря которым они могут быть наняты или стать партнерами по бизнесу для респондента, если он захочет открыть собственное дело.

Шкала «ресурсы помощи в трудных ситуациях». Данная шкала позволяет оценить количество знакомых, обладающих навыками и знаниями, позволяющими оказать помощь респонденту в нестандартных ситуациях, когда, например, требуется знание иностранного языка, особые компьютерные навыки или когда респонденту требуется оказать помощь во время его болезни.

В настоящем исследовании мы использовали только две шкалы, *«ресурсы помощи в быту»* и *«ресурсы помощи в работе»*, которые, как было показано в результате апробации шкалы в Голландии и в Англии, имеют наибольшую объяснительную силу (Van der Gaag, Webber, 2008). В две данные шкалы нами были внесены три модификации.

1) Перечни видов помощи, входящих в каждую из данных двух шкал были модифицированы таким образом, чтобы они более соответствовали тому контексту, в котором проводится исследование (поликультурная республика, входящая в состав России).

2) В оригинальной версии методики от респондента требуется указать конкретное количество знакомых, которые могут оказать каждый из видов помощи. В модифицированной версии методики, после обратной связи, полученной по результатам претеста, мы предпочли ввести 5-балльную шкалу, которая выглядела следующим образом: 1) *нет таких знакомых*; 2) *1–3 таких знакомых*; 3) *4–6 таких знакомых*; 4) *7–10 таких знакомых*; 5) *более 10 таких знакомых*. Респондентам было значительно легче давать ответы, используя шкалу, чем указывать точное количество знакомых, которые могут оказать тот или иной вид помощи.

3) Мы попросили респондентов разделить ответы на 2 категории: а) указать какое количество знакомых их собственной национальности и б) какое количество знакомых других национальностей, могут оказать перечисленные виды помощи.

Последняя модификация позволила нам определить, в какой мере социальный капитал респондентов формируется представителями их этнической группы и иноэтнических групп, т.е. насколько в поликультурном регионе люди выходят за пределы собственной этнической группы при формировании своего социального капитала. В дальнейшем это также позволило нам определить, с каким из этих двух видов индивидуального социального капитала связана предпочитаемая аккультурационная стратегия, и ка-

кой из этих двух видов индивидуального социального капитала влияет на удовлетворенность жизнью.

1. Оценка структуры и инвариантности шкал индивидуального социального капитала в 3-х группах

С целью верификации структуры шкал оценки двух измерений индивидуального социального капитала и выявления их внутренней надежности-согласованности, мы провели два вида факторного анализа — эксплораторный факторный анализ и мультигрупповой конфирматорный факторный анализ.

Эксплораторный факторный анализ проводился с целью проверки структуры шкал — действительно ли вопросы распределяются по двум шкалам (*ресурсы помощи в быту* и *ресурсы помощи в работе*) таким образом, как изначально предполагалось, или вопросы смешиваются, и шкалы не воспроизводятся. При выполнении эксплораторного факторного анализа мы использовали метод главных компонент с последующим вращением при помощи метода «прямой облимин». Факторный анализ проводился на всей выборке полностью — 441 респондент (помимо 3-х групп, которые мы анализируем по отдельности, выборка включала также небольшие группы представителей иных этнических групп. Однако мы не рассматриваем эти небольшие группы отдельно, поскольку их малый размер не позволяет производить более-менее статистически надежные сопоставления).

В таблице 1 представлена факторная структура индивидуального социального капитала респондентов, формируемого представителями собственной этнической группы.

Таблица 1

Факторная структура индивидуального социального капитала, формируемого представителями собственной этнической группы (ингрупповой социальный капитал)

Укажите примерно, сколько Ваших знакомых могут оказать Вам представленные ниже виды помощи:	Факторы	
	ресурсы помощи в быту (шкала 1)	ресурсы помощи в работе (шкала 2)
...смогут оказать помощь в поиске жилья? (шкала 1)	.922	
...могут помочь Вам с ремонтом квартиры или перевезти вещи при переезде на новую квартиру? (шкала 1)	.895	
...позволят Вам некоторое время (минимум 1 неделя) пожить в их доме, если у Вас возникнут проблемы с жильем (шкала 1)	.880	
...могут иногда, в случае необходимости, присмотреть за Вашими детьми, взять их на день к себе домой (шкала 1)	.817	
...могут дать вам в долг значительную сумму денег при необходимости? (шкала 1)	.638	
...смогут помочь Вам или другому члену Вашей семьи найти работу? (шкала 2)	.566	.344
...могут помочь при возникновении проблем с компьютером? (шкала 1)	.420	.367
...могут проконсультировать Вас при возникновении каких-либо юридических или бюрократических проблем? (шкала 2)		.956
...могут проконсультировать Вас по финансовым вопросам, таким как налоги, субсидии, социальная поддержка, пенсионное страхование? (шкала 2)		.913
...могут стать вашим партнером, если вы захотите открыть свой бизнес? (шкала 2)		.807
...могут бесплатно оказать какую-либо медицинскую помощь (шкала 2)		.616
Процент дисперсии, объясняемый каждым фактором	63.9	7.07

Критерий КМО=.943, таким образом, факторный анализ может быть применен к используемым данным. Процент дисперсии, объясненной факторной структурой, составляет 71.6%, что значительно больше половины. Таким образом, двухфакторное решение является подходящим для этих данных. Результаты факторного анализа, представленные в таблице 1, показывают, что в целом обе шкалы воспроизводятся, пункты имеют более высокие нагрузки каждый в своем факторе, но за одним исключением. Одно утверждение, входящее во вторую шкалу, имеет более высокую нагрузку в первой шкале. Поэтому мы дополнительно проверим, насколько оно хорошо вписывается в шкалу при помощи конфирматорного факторного анализа, а сейчас можно заключить, что в целом обе шкалы воспроизводятся на выборке жителей Дагестана.

В таблице 2 представлена факторная структура индивидуального социального капитала респондентов, формируемого представителями иноэтнических групп.

Таблица 2

**Факторная структура
индивидуального социального капитала,
формируемого представителями иноэтнических групп
(аутгрупповой социальный капитал)**

	Факторы	
	ресурсы помощи в быту (шкала 1)	ресурсы помощи в работе (шкала 2)
Укажите примерно, сколько Ваших знакомых могут оказать Вам представленные ниже виды помощи:		
...могут проконсультировать Вас по финансовым вопросам, таким как налоги, субсидии, социальная поддержка, пенсионное страхование? (шкала 2)		.968

... могут проконсультировать Вас при возникновении каких-либо юридических или бюрократических проблем? (шкала 2)		.948
... могут стать вашим партнером, если вы захотите открыть свой бизнес? (шкала 2)		.832
...могут помочь при возникновении проблем с компьютером? (шкала 1)		.704
... смогут помочь Вам или другому члену Вашей семьи найти работу? (шкала 2)	.344	.553
... могут бесплатно оказать какую-либо медицинскую помощь (шкала 2)	.310	.523
... могут помочь Вам с ремонтом квартиры или перевезти вещи при переезде на новую квартиру? (шкала 1)	.955	
... смогут оказать помощь в поиске жилья? (шкала 1)	.903	
...позволят Вам некоторое время (минимум 1 неделя) пожить в их доме, если у Вас возникнут проблемы с жильем (шкала 1)	.853	
...могут иногда, в случае необходимости, присмотреть за Вашими детьми, взять их на день к себе домой (шкала 1)	.721	
...могут дать вам в долг значительную сумму денег при необходимости? (шкала 1)	.646	
Процент дисперсии, объясняемый каждым фактором	7.4	66.3

Критерий КМО=.943, таким образом, факторный анализ также может быть применен к этим данным. Общий процент дисперсии, объясненной полученной факторной структурой, составляет 71,6%, что значительно больше половины. Таким образом, как и в предыдущем случае, двухфакторное решение является подходящим для этих данных. Результаты факторного анализа, представленные в таблице 2, показывают, что в обе шкалы в целом воспроизводятся, пункты имеют более высокие нагрузки каждый в своем факторе, но, как и в предыдущем случае есть одно исключение. Одно из утверждений, входя-

щих в первую шкалу, имеет более высокую нагрузку во второй шкале. Поэтому в дальнейшем мы еще раз при помощи конфирматорного факторного анализа дополнительно проверим, насколько данное утверждение хорошо вписывается в шкалу, в которую должно входить.

Таким образом, мы приходим к заключению, что обе шкалы (*ресурсы помощи в быту и ресурсы помощи в работе*) вполне удовлетворительно воспроизводятся на поликультурной выборке жителей Дагестана.

Таблица 3

Результаты мультигруппового конфирматорного факторного анализа структуры «бытового» социального капитала (ингруппа)

Укажите примерно, сколько Ваших знакомых могут оказать Вам представленные ниже виды помощи:	Аварцы β / R^2	Даргинцы β / R^2	Русские β / R^2
...могут помочь Вам с ремонтом квартиры или перевезти вещи при переезде на новую квартиру?	.88/.77	.86/.74	.86/.74
...смогут оказать помощь в поиске жилья?	.68/.46	.80/.63	.74/.55
...могут помочь при возникновении проблем с компьютером?	.64/.41	.65/.42	.66/.43
...могут дать вам в долг значительную сумму денег при необходимости?	.69/.48	.66/.44	.76/.58
...позволят Вам некоторое время (минимум 1 неделя) пожить в их доме, если у Вас возникнут проблемы с жильем?	.72/.52	.79/.63	.83/.70
...могут иногда, в случае необходимости, присмотреть за Вашими детьми, взять их на день к себе домой	.69/.47	.74/.55	.68/.44

Результаты мультигруппового конфирматорного факторного анализа, приведенные в таблице 3, показывают, что все пункты, входящие в данную шкалу, входят в нее с высокими стандартизированными регрессионными весами (по нормам они должны быть более 0,5, что наблюдается по всем вопросам во всех группах). Процент дисперсии каждого утверждения, объясняемый фактором, также высок во всех случаях. Поэтому можно сказать, что консистентность данной шкалы достаточно высокая.

Данные, приведенные в таблице 4, позволяют судить об инвариантности рассматриваемой шкалы.

Таблица 4

Статистики согласия моделей мультигруппового конфирматорного факторного анализа для структуры «бытового» социального капитала (ингруппа)

Модель инвариантности	CFI*	Δ CFI	**RMSEA	Хи-квадрат	Степени свободы
Конфигурационная	.966		.065	57.02	24
Метрическая	.960	.006	.059	71,99	34
Скалярная	.955	.005	.061	79.26	36

Примечание. *CFI — comparative fit index (сравнительный индекс согласия); **RMSEA — root mean square error of approximation (корень квадрата ошибки аппроксимации).

Из таблицы 4 мы можем видеть, что сравнительный индекс согласия CFI имеет довольно высокие значения. Корень квадрата ошибки аппроксимации RMSEA имеет хотя и низкие, но приемлемые значения. Δ CFI не превышает .01, что позволяет говорить о существовании метрической и скалярной инвариантности данной шкалы для трех рассматриваемых групп.

Таблица 5

Результаты мультигруппового конфирматорного факторного анализа структуры «бытового» социального капитала (аутгруппы)

Укажите примерно, сколько Ваших знакомых могут оказать Вам представленные ниже виды помощи:	Аварцы β / R^2	Даргинцы β / R^2	Русские β / R^2
...могут помочь Вам с ремонтом квартиры или перевезти вещи при переезде на новую квартиру?	.83/.69	.91/.83	.88/.78
...смогут оказать помощь в поиске жилья?	.68/.46	.80/.63	.78/.61
...могут помочь при возникновении проблем с компьютером?	.60/.36	.59/.35	.66/.44
...могут дать вам в долг значительную сумму денег при необходимости?	.77/.59	.70/.49	.80/.63
...позволят Вам некоторое время (минимум 1 неделя) пожить в их доме, если у Вас возникнут проблемы с жильем?	.82/.68	.88/.77	.90/.82
...могут иногда, в случае необходимости, ...присмотреть за Вашими детьми, взять их на день к себе домой	.77/.59	.76/.58	.79/.63

Рассмотрим результаты мультигруппового конфирматорного факторного анализа шкалы оценки бытового социального капитала, источником которого являются представители иноэтнических групп.

Данные, приведенные в таблице 5, показывают, что все пункты, входящие в данную шкалу, входят в нее с высокими стандартизированными регрессионными весами и процент дисперсии каждого утверждения, объясняемый фактором, также высок во всех случаях. Поэтому можно сказать, что надежность-согласованность данной шкалы достаточно высокая.

Таблица 6

Статистики согласия моделей мультигруппового конфирматорного факторного анализа для структуры «бытового» социального капитала (аутгруппы)

Модель инвариантности	CFI*	Δ CFI	**RMSEA	Хи-квадрат	Степени свободы
Конфигурационная	.964		.062	68.14	27
Метрическая	.961	.003	.135	82.37	37
Скалярная	.962	.001	.195	82.48	39

Примечание. *CFI — comparative fit index (сравнительный индекс согласия), **RMSEA — root mean square error of approximation (корень квадрата ошибки аппроксимации).

В таблице 6 мы можем видеть, что сравнительный индекс согласия CFI имеет довольно высокие значения. Корень квадрата ошибки аппроксимации RMSEA имеет приемлемое значение только для конфигурационной валидности. Δ CFA не превышает .01, что позволяет говорить о существовании метрической и скалярной инвариантностей данной шкалы для трех рассматриваемых групп.

Таблица 7

Результаты мультигруппового конфирматорного факторного анализа шкалы «профессионального» социального капитала (ингруппа)

Укажите примерно, сколько Ваших знакомых могут оказать Вам представленные ниже виды помощи:	Аварцы β/ R^2	Даргинцы β/ R^2	Русские β/ R^2
...смогут помочь Вам или другому члену Вашей семьи найти работу?	.72/.52	.68/.47	.64/.41
....могут стать вашим партнером, если вы захотите открыть свой бизнес?	.74/.54	.84/.71	.81/.65
....могут проконсультировать Вас при возникновении каких-либо юридических или бюрократических проблем?	.92/.84	.94/.89	.83/.68
....могут проконсультировать Вас по финансовым вопросам, таким как налоги, субсидии, социальная поддержка, пенсионное страхование?	.89/.78	.91/.84	.73/.53

Из таблицы 7 можно видеть, что все пункты, входящие в данную шкалу, входят в нее с высокими стандартизированными регрессионными весами, процент дисперсии каждого утверждения, объясняемый фактором, также достаточно высок для всех утверждений. Это позволяет говорить о высокой надежности-согласованности данной шкалы.

Таблица 8

**Статистики согласия моделей мультигруппового
конфирматорного факторного анализа для шкалы
«профессионального» социального капитала, (ингруппа)**

Модель инвариантности	CFI*	Δ CFI	**RMSEA	Хи-квадрат	Степени свободы
Конфигурационная	.988		.09	11.74	3
Метрическая	.983	.005	.06	21.0	9
Скалярная	.961	.022	.08	39.25	11

Примечание. *CFI — comparative fit index (сравнительный индекс согласия), **RMSEA — root mean square error of approximation (корень квадрата ошибки аппроксимации)

Статистики, приведенные в таблице 8, показывают, что сравнительный индекс согласия CFI имеет довольно высокие значения для всех видов инвариантности данной шкалы. Корень квадрата ошибки аппроксимации RMSEA имеет низкие, но приемлемые значения. Рассмотрение Δ CFI показывает, что данная шкала обладает конфигурационной и метрической инвариантностями. Скалярная инвариантность очень низкая, о ее наличии можно говорить весьма условно.

Таблица 9

**Результаты мультигруппового конфирматорного
факторного анализа шкалы «профессионального»
социального капитала (аутгруппы)**

Укажите примерно, сколько Ваших знакомых могут оказать Вам представленные ниже виды помощи:	Аварцы β / R^2	Даргинцы β / R^2	Русские β / R^2
...смогут помочь Вам или другому члену Вашей семьи найти работу?	.69/.47	.68.47	.72/.51

....могут стать вашим партнером, если вы захотите открыть свой бизнес?	.75/.56	.85/.73	.83/.68
....могут проконсультировать Вас при возникновении каких-либо юридических или бюрократических проблем?	.88/.77	.89/.80	.85/.73
....могут проконсультировать Вас по финансовым вопросам, таким как налоги, субсидии, социальная поддержка, пенсионное страхование?	.89/.78	.88/.78	.84/.70

Данные, приведенные в таблице 9, указывают на высокую надежность-согласованность шкалы «профессионального» (помощь в работе) индивидуального социального капитала. Все пункты, входящие в данную шкалу, входят в нее с высокими стандартизированными регрессионными весами, процент дисперсии каждого утверждения, объясняемый общим фактором, является также высоким.

Таблица 10

Статистики согласия моделей мультигруппового конфирматорного факторного анализа для структуры шкалы «профессионального» социального капитала (аутгруппы)

Модель инвариантности	CFI*	Δ CFI	**RMSEA	Хи-квадрат	Степени свободы
Конфигурационная	.984		.10	13.31	3
Метрическая	.972	.012	.08	30.79	9
Скалярная	.974	.002	.07	30.88	11

Примечание. *CFI — comparative fit index (сравнительный индекс согласия), **RMSEA — root mean square error of approximation (корень квадрата ошибки аппроксимации)

Статистики согласия, представленные в таблице 10, позволяют сказать, что сравнительный индекс согласия CFI имеет довольно высокие значения для всех видов инвариантности данной шкалы. Корень квадрата ошибки аппроксимации RMSEA имеет низкие значения для конфигурационной инвариантности, для остальных видов инвариантности эти значения также низки, но приемлемы. Рассмотрение Δ CFA показывает, что данная шкала обладает конфигурационной, метрической и скалярной инвариантностями.

Таблица 11

**Значения альфа для каждой из 4 шкал
в 3-х этнических группах**

Шкалы	аварцы	даргинцы	русские
	α	α	α
Ресурсы помощи в быту (ингруппа)	.88	.90	.89
Ресурсы помощи в работе (ингруппа)	.89	.91	.83
Ресурсы помощи в быту (иноэтнические группы)	.89	.91	.93
Ресурсы помощи в работе (иноэтнические группы)	.88	.90	.92

Дополнительное вычисление коэффициента надежности-согласованности «альфа Кронбаха» указывает на то, что все 4 шкалы, измеряющие ингрупповой и аутгрупповой индивидуальный социальный капитал, имеют очень высокую надежность-согласованность. Высокая надежность-согласованность всех шкал наблюдается во всех 3-х группах респондентов (табл. 11).

Таким образом, мы можем прийти к заключению, что все шкалы имеют высокую надежность и

приемлемую инвариантность, поэтому далее мы будем сравнивать индексы, полученные при помощи данных шкал в выборках представителей 3-х этнических групп.

2. Сравнительный анализ индивидуального социального капитала представителей некоторых этнических групп Дагестана

Далее было проведено сравнение двух показателей интрагруппового и аутгруппового индивидуального социального капитала представителей трех рассматриваемых групп. Сопоставление проводилось в 2-х направлениях: сначала мы провели межгрупповое сравнение всех показателей индивидуального социального капитала при помощи t-критерия Стьюдента, а затем сравнение интрагруппового и аутгруппового индивидуального социального капитала внутри каждой группы при помощи критерия W-Уилкоксона.

Таблица 12

Различия показателей индивидуального социального капитала в 3-х этнических группах

Шкала	аварцы		дагинцы		русские		t авар.- даг.	t авар.- русс.	t даг.- русс.
	M	SD	M	SD	M	SD			
Поддержка в быту (ингруппа)	2.87	1.05	2.79	1.09	2.39	.83	.55	3.44***	2.77***
Поддержка в работе (ингруппа)	2.48	1.12	2.52	1.19	2.06	.77	-.21	2.86**	2.98**
Поддержка в быту (аутгруппы)	2.66	.95	2.48	1.01	2.42	.95	1.26	1.74	.42
Поддержка в работе (аутгруппы)	2.41	1.01	2.31	1.08	2.17	1.01	.61	1.53	.87

W- критерий Уилкоксона для пок-ля " Поддержка в быту" (ингруппа- аутгруппа)	Z= 2.49**	Z= 3.21***	Z=.61	-
W-критерий Уилкоксона для пок-ля " Поддержка в работе" (ингруппа- аутгруппа)	Z= 1.76	Z= 2.40*	Z=.05	-

Примечание. * — $p \leq .05$, ** — $p \leq .01$, *** — $p \leq .001$.

Данные, приведенные в таблице 12, показывают, что индивидуальный социальный капитал даргинцев и аварцев не отличаются, причем это касается как ингрупповых, так и аутгрупповых ресурсов. У русских ингрупповой индивидуальный социальный капитал (помощь и в быту, и в работе) ниже, чем у аварцев и даргинцев. Вероятнее всего, это следствие того, что русских в Дагестане численно меньше, чем аварцев и даргинцев, поэтому ингрупповой социальный капитал в иноэтническом окружении у них объективно ниже. Аутгрупповой социальный капитал у русских не отличается значимо от аналогичных показателей даргинцев и аварцев. Это говорит о том, что в поликультурной среде помощь, получаемая от представителей аутгрупп примерно эквивалентна для представителей различных этногрупп.

Интересными являются различия в ингрупповом и аутгрупповом социальном капитале внутри этнических групп, то есть различия в индивидуальном

социальном капитале, который имеет разные источники (ингруппа — аутгруппы). У аварцев и даргинцев такие различия есть. «Бытовой» социальный капитал, источником которого является ингруппа, статистически значимо выше у аварцев и даргинцев по сравнению с аналогичным социальным капиталом, источником которого являются иноэтнические группы. У русских подобных различий не обнаружено. Возможно, причины данных различий кроются в культурных особенностях сопоставляемых групп. В частности, в разном уровне коллективизма русских и коренных народов Дагестана. Уровень коллективизма коренных народов Дагестана выше, соответственно, они, прежде всего, опираются на поддержку со стороны представителей ингруппы.

При сопоставлении размера «профессионального» индивидуального капитала, по критерию различных источников (игруппа-аутгруппы), рассмотренная выше тенденция сохраняется только у даргинцев, у аварцев различия не достигают значимости, а у русских, как и в предыдущем случае, значимости различий нет. Таким образом, обобщая эти результаты, можно сказать, что тенденция следующая: у коренных народов Дагестана индивидуальный социальный капитал выше, чем у русских, причем формируется он преимущественно за счет представителей собственной этнической группы. Различия в объеме и структуре индивидуального социального капитала представителей двух коренных народов Дагестана, рассмотренных в нашем исследовании (аварцы и даргинцы) — очень незначительны.

Итак, мы верифицировали шкалы измерения индивидуального социального капитала жителей

поликультурной республики Дагестан, который мы рассматриваем как ресурс, включающий в себя два компонента — индивидуальный социальный капитал, формируемый представителями собственной этнической группы и индивидуальный социальный капитал, формируемый представителями иноэтнических групп, а также провели его сравнительный анализ в 3-х этнических группах.

На следующем этапе анализа нами будут построены структурные модели, иллюстрирующие, каким образом выбираемая стратегия межкультурного взаимодействия влияет на соотношение двух данных видов индивидуального социального капитала, и как каждый из видов индивидуального социального капитала влияет на субъективное благополучие. Отдельный вопрос дальнейшей работы — насколько построенные модели будут универсальными.

3. Взаимосвязь предпочитаемых стратегий межкультурного взаимодействия, социального капитала и субъективного благополучия у представителей наиболее значительных по численности этнических групп Дагестана

Для того чтобы рассмотреть, то, каким образом индивидуальный социальный капитал связан с субъективным благополучием, которое в нашем исследовании является индикатором адаптированности и стратегиями межкультурного взаимодействия в поликультурном Дагестане, мы построили 3 модели. Модель 1 характеризует прямое влияние стратегий межкультурного взаимодействия (интеграции и се-

парадии) на субъективное благополучие. Модель 2 предполагает, что медиатором влияния стратегий аккультурации на субъективное благополучие является индивидуальный социальный капитал («бытовой» и «профессиональный»), источником которого является собственная этническая группа. Модель 3 предполагает, что медиатором влияния стратегий аккультурации на субъективное благополучие является индивидуальный социальный капитал («бытовой» и «профессиональный»), источником которого являются иноэтнические группы.

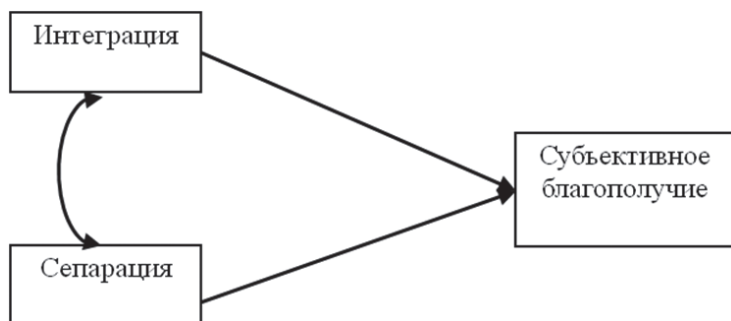

Рис. 1. Тестируемая модель связи стратегий межкультурного взаимодействия и субъективного благополучия (прямой эффект).

На рис.1 графически представлена модель, которую мы первоначально тестировали. Данная модель характеризует прямое влияние двух стратегий межкультурного взаимодействия (интеграции и сепарации) на субъективное благополучие, которое в нашем исследовании рассматривается в качестве индикатора адаптированности личности.

Таблица 13

**Статистики согласия моделей связи стратегий
межкультурного взаимодействия и субъективного
благополучия в 3-х группах (прямой эффект)**

Модель инвариантности	CFI*	Δ CFI	**RMSEA	Хи-квадрат	Степени свободы
Конфигурационная	1.0		.023	37.4	12
Метрическая	.972	.028	.083	4.65	4
Скалярная	.056	.916	.081	32.2	10

Примечание. *CFI — comparative fit index (сравнительный индекс согласия), **RMSEA — root mean square error of approximation (корень квадрата ошибки аппроксимации).

Первоначально тестировалась инвариантность данной модели для 3-х групп. Как можно видеть в таблице 13, данная модель имеет хорошие индексы пригодности, но не обладает инвариантностью. То есть, коэффициенты моделей в трех группах сравнивать мы не можем. Поэтому рассмотрим три данные модели отдельно (табл. 14).

Таблица 14

**Связь стратегий межкультурного взаимодействия
и субъективного благополучия в 3-х этнических группах
Дагестана (прямой эффект)**

Предикторы (ценности) и показатели качества моделей	Стандартизированные регрессионные веса		
	аварцы	даргинцы	русские
Интеграция	.14	.16+	.14
Сепарация	.22*	.11	-.06
R ²	.07	.04	.03

Примечание. + $p \leq .10$; * — $p \leq .05$, ** — $p \leq .01$, *** — $p \leq .001$

Результаты, приведенные в таблице 14, показывают, что в 2-х группах (даргинцы и русские) из трех, стратегии интеграции и сепарации статистически значимо не связаны с субъективным благополучием. В группе аварцев мы видим только позитивную связь стратегии сепарации с благополучием. Таким образом, мы можем заключить, что прямое влияние стратегий интеграции и сепарации (за исключением группы аварцев) на субъективное благополучие в рассматриваемых группах отсутствует.

Далее рассмотрим итоговые модели, в которых проанализируем роль индивидуального социального капитала в соотношении стратегий межкультурного взаимодействия с субъективным благополучием. Мы построили две модели — в первой рассматривается медиативная роль ингруппового индивидуального социального капитала (оба измерения — поддержка в быту и поддержка в работе), во второй модели рассматривается роль аутгруппового индивидуального социального капитала.

На рисунке 2 представлена структурная модель взаимосвязей между стратегиями межкультурного взаимодействия, ингрупповым социальным капиталом и субъективным благополучием. Тестирование инвариантности данной модели показало, что она обладает метрической инвариантностью (см. табл. 15), соответственно, мы можем использовать структурные веса (structural weights) которые отражают универсальные во всех 3 группах связи.

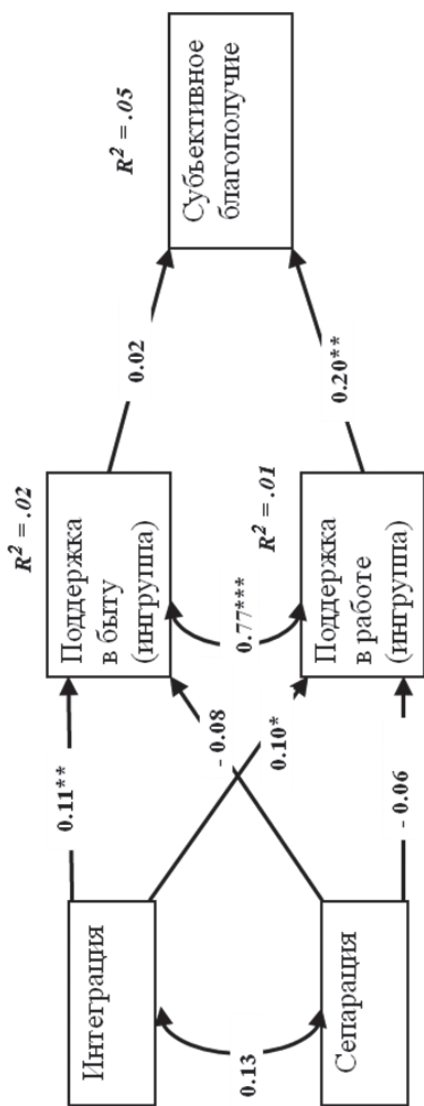

Рис. 2. Структурная модель взаимосвязей между стратегиями межкультурного взаимодействия, ингрупповым социальным капиталом и субъективным благополучием.

Таблица 15

**Статистики согласия структурной модели,
описывающей структуру связей между стратегиями
межкультурного взаимодействия, ингрупповым
социальным капиталом и субъективным благополучием**

Модель инвариантности	CFI*	Δ CFI	**RMSEA	Хи-квадрат	Степени свободы
Конфигурационная	.980		.059	12.65	6
Метрическая	.987	.007	.027	22.27	18
Скалярная	.926	.061	.056	48.67	24

Примечание. *CFI — comparative fit index (сравнительный индекс согласия), **RMSEA — root mean square error of approximation (корень квадрата ошибки аппроксимации).

Итак, структурное моделирование позволило выделить универсальные для всех 3-х групп связи и частично подтвердить гипотезы. Модель, представленная на рис. 2, показывает, что только предпочтительные стратегии интеграции позитивно влияют на оба компонента ингруппового социального капитала. Сепарация с ингрупповым социальным капиталом не связана, не снижает его, но и не препятствует его формированию. На субъективное благополучие значимо влияет только один компонент ингруппового социального капитала — поддержка в работе («профессиональный» социальный капитал).

Таблица 16

**Статистики согласия структурной модели,
описывающей структуру связей между стратегиями
межкультурного взаимодействия, аутгрупповым
социальным капиталом и субъективным благополучием**

Модель инвариантности	CFI*	Δ CFI	**RMSEA	Хи-квадрат	Степени свободы
Конфигурационная	.981		.060	12.98	6
Метрическая	.969	.012	.045	29.95	18
Скалярная	.912	.057	.064	57.51	24

Примечание. *CFI — comparative fit index (сравнительный индекс согласия), **RMSEA — root mean square error of approximation (корень квадрата ошибки аппроксимации).

Проведение мультигруппового анализа моделирования структурными уравнениями позволило оценить инвариантность модели, в которой мы рассматриваем влияние стратегий межкультурного взаимодействия на компоненты аутгруппового социального капитала и, в конечном счете, на субъективное благополучие. Как можно видеть из таблицы 16, модель обладает метрической инвариантностью, соответственно, мы можем использовать структурные веса (structural weights), которые отражают универсальные во всех 3-х группах связи.

Представленные на рис. 3 универсальные связи показывают, что обе стратегии оказывают влияние на оба вида аутгруппового социального капитала. Однако влияние стратегии сепарации отрицательное, т.к.

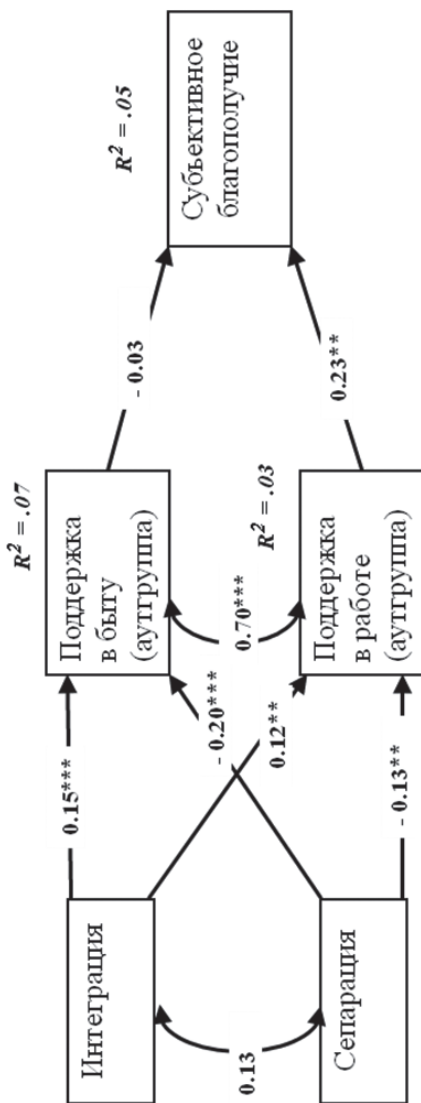

Рис. 3. Структурная модель взаимосвязей между стратегиями межкультурного взаимодействия, аутгрупповым социальным капиталом и субъективным благополучием.

она препятствует накоплению обоих видов аутгруппового социального капитала, а влияние стратегии интеграции — позитивно, то есть она способствует накоплению обоих видов индивидуального социального капитала. На субъективное благополучие, как и в предыдущем случае, оказывает влияние только «профессиональный» (поддержка в работе) индивидуальный аутгрупповой социальный капитал.

Дополнительно мы оценили непрямой эффект стратегий на субъективное благополучие, но не обнаружили его. Обращает на себя внимание то, что на аутгрупповой индивидуальный социальный капитал стратегии межкультурного взаимодействия влияют сильнее, чем на ингрупповой. Итак, мы можем заключить, что выбор определенной стратегии, в частности, стратегии интеграции способствует накоплению ингруппового и аутгруппового «профессионального» (помощь в работе) социального капитала, который в свою очередь уже имеет позитивный эффект на субъективное благополучие, которое в нашем исследовании является индикатором адаптированности личности в поликультурном регионе.

Заключение

По результатам проведенного исследования мы можем сделать следующие выводы.

1. Ингрупповой социальный капитал, источником которого является собственная этническая группа, коренных народов Дагестана (даргинцев и аварцев) выше, чем у русских. В отношении аутгруппового социального капитала, источником которого служат иноэтнические группы, таких различий не наблюдается, данный вид индивидуального

социального капитала у представителей всех трех групп, принявших участие в исследовании, — эквивалентен.

2. Сопоставление ингруппового и аутгруппового индивидуального социального капитала внутри этнических групп показывает, что у коренного населения (даргинцы, аварцы) ингрупповой социальный капитал в основном превалирует над аутгрупповым, т.е. внутригрупповые ресурсы поддержки в быту и в работе у представителей данных этнических групп выше, чем аутгрупповые ресурсы. У русских такого различия не наблюдается.

Таким образом, ингрупповой социальный капитал русских ниже, чем у коренных народов Дагестана, и при этом его величина не отличается значимо от аутгруппового социального капитала.

3. Ориентация на стратегию межкультурного взаимодействия «Интеграция» позитивно связана с величиной ингруппового и аутгруппового социального капитала и в быту, и в работе. Это явление универсальное, в трех рассматриваемых группах предпочтение интеграции позволяет формировать социальный капитал как внутри группы, так и во вне и в различных сферах (бытовая, профессиональная). Однако с благополучием связан только «профессиональный» индивидуальный социальный капитал. Это справедливо и в случае, когда источником данного вида социального капитала является как ингруппа, так и аутгруппа.

4. Стратегия сепарации отрицательно связана только с аутгрупповым индивидуальным социальным капиталом и не связана с ингрупповым, как мы изначально предполагали.

5. Таким образом, в данном исследовании мы получили подтверждение гипотезы интеграции и продвинулись в понимании того, каков психологический механизм ее функционирования. Ориентация на интеграцию в поликультурном регионе позволяет индивиду формировать ресурсы социальной поддержки в различных сферах (индивидуальный социальный капитал) как внутри собственной этнической группы, так и среди иноэтнических групп. Далее эти ресурсы (только «профессиональный» социальный капитал) позволяют индивиду лучше адаптироваться и достигать субъективного благополучия. Первоначально в наших гипотезах мы предполагали, что только аутгрупповой социальный капитал в поликультурном регионе будет позитивно связан с субъективным благополучием, но исследование показало, что «профессиональный» социальный капитал, источником которого служит и ингруппа, и аутгруппа, позитивно связан с субъективным благополучием. Эти результаты отчасти раскрывают социально-психологический смысл интеграции этнических групп в поликультурном регионе, который заключается во взаимопомощи и взаимоподдержке вне зависимости от этнических границ. Именно те индивиды, которые ориентированы на интеграцию, обладают более высоким социальным капиталом в различных сферах и, в конечном итоге, характеризуются более высоким уровнем субъективного благополучия.

Приложение 1

Укажите примерно сколько Ваших знакомых могут оказать Вам представленные ниже виды помощи.

При ответе используйте шкалу:

- 1 — нет таких знакомых
- 2 — 1–3 таких знакомых
- 3 — 4–6 таких знакомых
- 4 — 7–10 таких знакомых
- 5 — более 10 таких знакомых

	Знакомые вашей национальности	Знакомые других национальностей
... могут помочь Вам с ремонтом квартиры или перевезти вещи при переезде на новую квартиру?		
... смогут оказать помощь в поиске жилья?		
...могут помочь при возникновении проблем с компьютером?		
...могут дать вам в долг значительную сумму денег при необходимости?		
...позволят Вам некоторое время (минимум 1 неделя) пожить в их доме, если у Вас возникнут проблемы с жильем.		
...могут иногда, в случае необходимости, присмотреть за Вашими детьми, взять их на день к себе домой		
... смогут помочь Вам или другому члену Вашей семьи найти работу?		
... могут стать вашим партнером, если вы захотите открыть свой бизнес?		
... могут проконсультировать Вас при возникновении каких-либо юридических или бюрократических проблем?		
...могут проконсультировать Вас по финансовым вопросам, таким как налоги, субсидии, социальная поддержка, пенсионное страхование?		
... могут бесплатно оказать какую-либо медицинскую помощь.		

Введение

В настоящее время все больше стран и регионов становятся этнически многообразными, что приводит к необходимости поиска детерминант гармоничных межэтнических отношений (Munniksma, Verkuuyten, Flache, Stark, Veenstra, 2015). Большинство исследований межэтнических отношений проводится в обществах, в которых есть принимающее общество и мигранты. В данных исследованиях установлено, что важными детерминантами позитивных межгрупповых отношений являются межгрупповые дружеские контакты (Allport, 1954; Davies, Tropp, Aron, Pettigrew, Wright, 2011; Pettigrew, Tropp, 2006). Также выяснено, что межкультурные контакты улучшают межгрупповые отношения, так как расширяют знания об иной группе, снижают тревожность и повышают эмпатию (Pettigrew, Tropp, 2008). Согласно гипотезе контакта Олпорта (1954), межгрупповые контакты приводят к позитивным межгрупповым отношениям только в том случае, если соблюдается ряд следующих условий: контактирующие группы должны иметь одинаковый статус, общие цели, сотрудничать и не конкурировать между собой, и

контакт между группами должен поддерживаться властью (Allport, 1954; Pettigrew, Tropp, 2006). Таким образом, межгрупповая дружба очень подвержена влиянию контекста.

К сожалению, не существует исследований, посвященных роли межкультурных дружеских контактов в поликультурных обществах, где нет разделения на принимающее население и мигрантов, а есть лишь большое количество коренных народов с разной степенью численности: от многочисленных до очень малочисленных, которые на протяжении многих столетий проживают совместно и имеют уникальный опыт стабильных межэтнических отношений.

Настоящее исследование призвано устранить этот пробел и посвящено изучению роли межэтнических дружеских контактов в предпочтении стратегий межкультурного взаимодействия в самом поликультурном регионе нашей страны — Республике Дагестан, где нет титульной и безусловно доминирующей этнической группы. Кроме того, в данном исследовании изучалась и роль моноэтнических контактов народов Дагестана в их межкультурном взаимодействии. Дружба среди представителей одной группы — это самый распространенный вид дружбы в любом обществе, так как сходство является одним из основных принципов, лежащих в основе формирования социальных отношений (McPherson et al., 2001). Поэтому в настоящем исследовании довольно важным представляется изучение роли монокультурных дружеских контактов наравне с межкультурными дружескими контактами в межкультурном взаимодействии народов Дагестана.

Дагестан и межкультурное взаимодействие в нем

Республика Дагестан является самой многонациональной республикой не только Северного Кавказа (СК), но и Российской Федерации (РФ). Кроме того, как отмечалось выше, в Дагестане нет титульной и безусловно доминирующей этнической группы. Однако по численности этнические группы сильно различаются. Так, самым многочисленным народом Дагестана являются аварцы, затем следуют даргинцы, далее кумыки, за ними лезгины, лакцы, азербайджанцы, табасаранцы, русские и множество других этнических групп. Многонациональность Дагестана делает его и самым полилингвистичным регионом Северного Кавказа и Российской Федерации в целом. Согласно Конституции Республики Дагестан государственными языками являются русский и языки всех народов, населяющих республику (Конституция Республики Дагестан, 2003). Среди них наиболее распространены аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, рутульский, табасаранский, татский, цахурский и чеченский языки.

Дагестан является и поликонфессиональной республикой, где живут последователи трех мировых религий, из них 90% исповедует ислам, 5% христианство и менее 1% иудаизм (Демографические и этнические проблемы Северного Кавказа..., 2012). Дагестан является самым исламизированным регионом, как Северного Кавказа, так и всей Российской Федерации. По численности мечетей республика обогнала не только такие традиционно исламские субъекты РФ, как Татарстан или Башкортостан, но

даже несравнимо больший по численности Узбекистан (Искандарян, 2004). Исследователи отмечают, что интегрирующая роль ислама в республике понижается, так как в последнее время стала возрастать роль политического, порой довольно радикального ислама, распространителями которого в основном выступает молодое население республики и который во многом осложняет межэтнические отношения в ней (Арухов, 2003).

Межэтнические отношения между народами Дагестана складывались веками и характеризуются определенной степенью стабильности за счет осознания народами Дагестана уникальной дагестанской культурно-исторической общности (Ярлыкапов, 2012). Однако в последнее время на фоне сложного социально-экономического и социально-политического положения в республике большую остроту межэтническим отношениям стали придавать территориальные споры между народами Дагестана. В результате социологического исследования состояния межэтнических отношений и факторов усиления межэтнической напряженности в Республике Дагестан, выяснено, что по мнению аварцев, кумыков, лакцев межэтническая неприязнь между народами Дагестана связана с тем, что одни народы хотят заявить себя хозяевами на землях других народов, по мнению даргинцев — с конкуренцией за престижную работу, по мнению лезгин — с различием в поведении и образе жизни людей, по мнению русских — с неуважительным отношением к культуре местного населения и со стремлением представителей других народов навязать свои правила поведения и культурные ценности (Верещагина, Шахбанова, 2016).

Омрачает межэтнические отношения в Дагестане и довольно бурное недовольство представителей разных этнических групп Дагестана представленностью в высших эшелонах власти республики лишь членов трех этнических групп, хотя и самых многочисленных: аварцев, даргинцев и кумыков. Однако и между представителями данных этнических групп разворачивается серьезное соперничество, так, довольно явно борются за роль «первого» народа Дагестана аварцы и даргинцы, кумыки и лезгины — за роль «третьего» народа. В общественном дискурсе Дагестана часто обсуждают образовавшиеся аваро-лезгинский и даргино-кумыкский союзы, соперничающие за власть (Даргино-кумыкское и аваро-лезгинское противостояние..., 2017). Естественно, подобное положение дел свидетельствует о воспринимаемом неравенстве народов Дагестана, несмотря на то, что на официальном уровне за всеми народами Дагестана закреплён равный статус (Конституция Республики Дагестан, 2003). Особенно заметен синдром воспринимаемой несправедливости и неравенства у кумыков, так как до прихода советской власти это был один из самых влиятельных народов не только Дагестана, но и Северного Кавказа, на языке, которого говорили все народы Дагестана. В течение всего советского времени происходил процесс переселения горских народов Дагестана на равнину, где жили кумыки, поощряемый властями республики, в результате чего кумыки превратились в этническое меньшинство на своих этнических территориях (Кульчик, Джабраилов, 1993).

Теперь рассмотрим воспринимаемую этнокультурную близость между представителями народов Дагестана. В социологическом опросе, проведенном

в республике, у респондентов спрашивали, какие народы они считают близкими для себя по обычаям, традициям и поведению. Обнаружено, что аварцы близкими по этнической культуре считают даргинцев, кумыков и лакцев; даргинцы указывают на аварцев и кумыков; кумыки предпочтение отдают аварцам и даргинцам; лезгины — аварцам, лакцам и русским; лакцы выделяют аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин и русских; небольшая доля русских близкими для себя считают аварцев, кумыков и лезгин; азербайджанцы — даргинцев и русских; чеченцы — аварцев и кумыков (Шахбанова, 2015). В целом заметна высокая степень взаимности в оценке воспринимаемой этнокультурной близости между представителями разных народов Дагестана.

Говоря о межэтнических отношениях в Дагестане, нельзя не затронуть проблему нерегулируемого оттока русскоязычного населения из республики. В Дагестане в 2002 г. насчитывалось 120 тыс. русских, а в 2010 г. их численность сократилась до 104 тыс., то есть уменьшилась на 13,9% (Демографические и этнические проблемы Северного Кавказа..., 2012). В основном русские Дагестана основными причинами своего отъезда называют опасения, возникающие из-за возможных этнических и религиозных конфликтов и из-за ликвидации промышленности, в которой они были заняты, то есть из-за безработицы (Шахбанова, Лысенко, Мамараев, 2015). Представители же других народов Дагестана отмечают основной причиной отъезда русских из республики разность обычаев и культур, которая препятствует совместному проживанию русских и представителей других народов Дагестана (Шахбанова, 2015). Но, несмотря на это, большинство дагестанцев пред-

почитает проживать рядом с русскими (Шахбанова, 2015). В целом подытоживая проблему оттока русского населения из республики, важно сказать, что присутствие русского населения на Северном Кавказе стратегически важно для будущего страны, так как русские на Северном Кавказе обеспечивают формирование общероссийских культурных ценностей и установок, которые необходимы для поддержания общероссийского самосознания, патриотизма и единства страны.

Исходя из вышесказанного, мы видим, что, несмотря на многонациональность Дагестана, межэтнические отношения между его народами не достигают фаз открытых конфликтов, но определенная доля напряженности в межэтническом взаимодействии всегда присутствует. Цель настоящего социально-психологического исследования состоит в изучении роли межкультурных и монокультурных дружеских контактов в выборе и предпочтении таких стратегий межкультурного взаимодействия, как интеграция и сепарация в столь многонациональном регионе как Дагестан.

Учитывая содержание гипотезы контакта и особенности межкультурного взаимодействия в Дагестане выдвигаются следующие гипотезы исследования:

H1. Межкультурные дружеские контакты позитивно связаны с выбором стратегии интеграции и негативно с выбором стратегии сепарации в межкультурном взаимодействии

H2. Монокультурные дружеские контакты позитивно связаны с выбором стратегий интеграции и сепарации в межкультурном взаимодействии

На рис. 1 представлена тестируемая модель исследования.

Рис. 1. Тестируемая модель

Выборку исследования составили представители трех наиболее многочисленных этнических групп Республики Дагестан: аварцы, даргинцы и кумыки, а также русские, проживающие в Дагестане. В таблице 1 представлены гендерные и возрастные характеристики выборок. Социально-психологический опрос проведен среди жителей четырех городов Дагестана: Махачкала, Кизляр, Избирбаш, Дербент.

Таблица 1

Гендерные и возрастные характеристики выборки

Этнические группы	Кол-во N = 371	Возраст			Пол	
		М	Min.-Max.	SD	Муж.	Жен.
Аварцы	104	28.77	14-68	14.71	30	74
Даргинцы	121	25.27	13-65	14.56	40	81
Кумыки	45	25.41	13-65	14.78	4	41
Русские	101	34.77	13-62	12.55	19	82

Примечание. N — общий объем выборки; М — среднее значение; Min. — минимальный возраст; Max. — максимальный возраст; SD — стандартное отклонение.

Методы исследования

Межкультурные дружеские контакты с представителями народов Дагестана измерялись с помощью следующих двух вопросов: «*Сколько у Вас близких друзей другой национальности?*» и «*Как часто Вы встречаетесь с близкими друзьями другой национальности?*». α -Кронбаха = .83_{аварцы}; .76_{даргинцы}; .73_{кумыки}; .87_{русские}.

Монокультурные дружеские контакты измерялись с помощью следующих двух вопросов: «*Сколько у Вас близких друзей Вашей национальности?*» и «*Как часто Вы встречаетесь с близкими друзьями Вашей национальности?*». α -Кронбаха = .79_{аварцы}; .75_{даргинцы}; .76_{кумыки}; .81_{русские}.

Ответы на вопросы о количестве друзей были заданы в форме 5-балльной шкалы: 1 — ни одного, 2 — только один, 3 — два-три, 4 — несколько, 5 — много. Ответы на вопросы о частоте встреч с друзьями также были заданы в форме 5-балльной шкалы: 1 — никогда, 2 — редко, 3 — иногда, 4 — часто, 5 — каждый день.

В исследовании измерялись две стратегии межкультурного взаимодействия: стратегия интеграции и стратегия сепарации. Обе стратегии измерялись с помощью четырех вопросов из опросника MIRIPS, переведенного и адаптированного на русский язык (Лебедева, Татарко, 2009). Примеры вопросов: «*Я считаю, что представители моего народа, живущие в Дагестане, должны как поддерживать собственные культурные традиции, так и усваивать другие*» (интеграция), α -Кронбаха = .64_{аварцы}; .70_{даргин-}

цы; .63_{кумыки}; .71_{русские}; «Я считаю, что представители моего народа, живущие в Дагестане, должны сохранять свои культурные традиции и не усваивать чужие» (сепарация) α -Кронбаха = .60_{аварцы}; .70_{даргинцы}; .63_{кумыки}; .60_{русские}. Ответы заданы в форме 5-балльной шкалы Лайкерта от 1 — абсолютно не согласен до 5 — абсолютно согласен.

Математико-статистическая обработка данных. Для обработки данных использовался статистический пакет SPSS 22.0 с приложением AMOS 22.0. Применялись следующие методы: для измерения различий использовался многомерный дисперсионный анализ (MANOVA), для оценки надежности и согласованности шкал использовался показатель надёжности коэффициент α -Кронбаха, для проверки гипотез исследования использовался путевой анализ.

Результаты исследования

В таблице 2 представлены сравнения интенсивности межкультурных и монокультурных дружеских контактов у аварцев, даргинцев, кумыков и русских.

Данные, представленные в таблице 2, свидетельствуют о том, что во всех исследуемых группах уровень интенсивности межкультурных и монокультурных дружеских контактов достаточно высок, выше среднего значения шкалы. Однако стоит отметить, что у русских значимо выше интенсивность межкультурных дружеских контактов, чем у даргинцев, тогда как между представителями остальных групп значимых различий не выявлено. В отношении уровня монокультурных дружеских контактов выявляе-

**Сравнение выраженности межкультурных
и монокультурных дружеских контактов у аварцев,
даргинцев, кумыков и русских**

Контакты	Аварцы	Даргинцы	Кумыки	Русские	F	Partial η^2
	M (SD)	M (SD)	M (SD)	M (SD)		
Межкультурные дружеские контакты	3.38 (.77) ^{ab}	3.21(1.00) ^b	3.37(.74) ^{ab}	3.54(.66) ^a	3725.01	.025*
Монокультурные дружеские контакты	3.95(1.06) ^a	3.99(.96) ^a	3.27(1.12) ^b	3.89(1.04) ^a	5.105	.047**

Примечание. M — среднее значение; SD — стандартное отклонение; F — F-критерий Фишера; Partial η^2 — частная эта в квадрате. * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$

но, что он значимо ниже у кумыков по сравнению с аварцами, даргинцами и русскими. Между аварцами, даргинцами и русскими не выявлено значимых различий в уровне интенсивности монокультурных дружеских контактов.

Далее перейдем к сравнению степени выраженности стратегий интеграции и сепарации у аварцев, даргинцев, кумыков и русских (табл. 3).

Таблица 3

Сравнение выраженности в предпочтении стратегий интеграции и сепарации у аварцев, даргинцев, кумыков и русских

Стратегии	Аварцы	Даргинцы	Кумыки	Русские	F	Partial η^2
	M (SD)	M (SD)	M (SD)	M (SD)		
Интеграция	4.24(.64) _a	4.06(.89) _{ab}	4.08(.87) _{ab}	3.95(.78) _b	5049.94	.020*
Сепарация	2.64(.82) _a	2.77(1.01) _a	2.65(.92) _a	2.51(.87) _a	1.915	.012

Примечание. M — среднее значение; SD — стандартное отклонение; F — F-критерий Фишера; Partial η^2 — частная эта в квадрате. * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$

Данные, представленные в таблице 3, свидетельствуют о том, что во всех исследуемых группах довольно высок уровень предпочтения стратегии интеграции в межкультурном взаимодействии. Значимые различия в предпочтении стратегии интеграции обнаружены между аварцами и русскими, у аварцев значимо выше предпочтение стратегии интеграции в межкультурном взаимодействии, чем у русских. Между представителями остальных групп значимых различий не выявлено в предпочтении данной стратегии.

Невысокий уровень предпочтения стратегии сепарации наблюдается в межкультурном взаимодействии у представителей всех исследуемых этнических групп, он чуть выше срединного значения шкалы (2,5). Значимых различий не выявлено в предпочтении данной стратегии между представителями всех исследуемых этнических групп.

Для проверки гипотез исследования применялся путьевой анализ. Показатели путьевых моделей всех исследуемых этнических групп характеризуются удовлетворительными значениями индексов пригодности (табл. 4).

Таблица 4

**Показатели индексов пригодности
путьевых моделей**

Модели	χ^2/df	CFI	RMSEA	PCLOSE
«Аварцы»	1.31	.98	.05	.357
«Даргинцы»	1.52	.98	.06	.313
«Кумыки»	1.00	.99	.01	.860
«Русские»	1.56	.96	.07	.290

На рисунке 2 представлена модель взаимосвязи межкультурных и монокультурных дружеских контактов со стратегиями интеграции и сепарации.

Путьевой анализ показал, что межкультурные дружеские контакты с представителями народов Дагестана значимо позитивно связаны с предпочтением стратегии интеграции лишь у русских, тогда как у представителей остальных исследуемых этнических групп значимых связей не обнаружено. Межкуль-

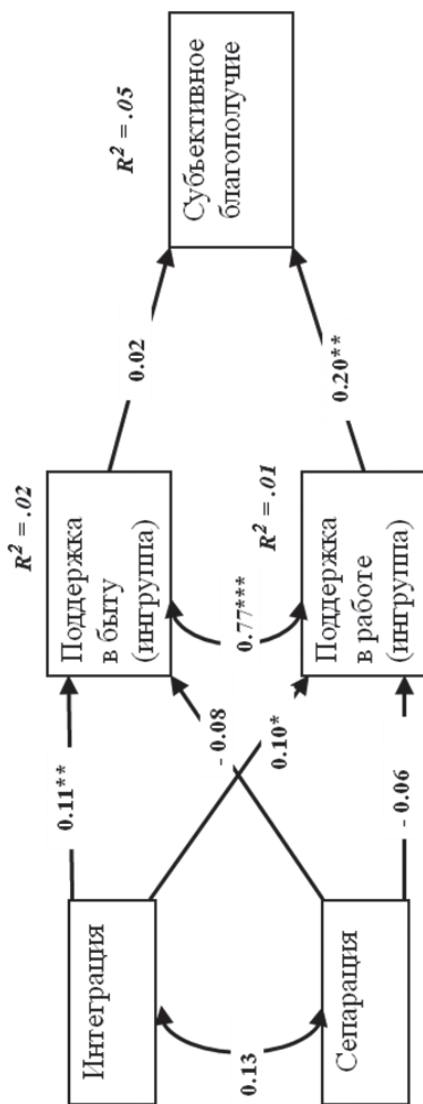

Рис. 2. Коэффициенты путей моделей взаимосвязи межкультурных и монокультурных дружеских контактов аварцев, даргинцев, кумыков и русских со стратегиями интеграции и сепарации.

Примечание. аварцы/даргинцы/кумыки/русские; * $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$.

турные дружеские контакты аварцев и даргинцев с представителями народов Дагестана значимо негативно связаны с их предпочтением стратегии сепарации. У кумыков и русских значимых связей не обнаружено.

В результате путевого анализа также обнаружено, что монокультурные дружеские контакты даргинцев и кумыков значимо позитивно связаны с их предпочтением стратегии интеграции, у аварцев и русских значимых связей не обнаружено. Монокультурные дружеские контакты значимо позитивно связаны с выбором стратегии сепарации во всех исследуемых этнических группах.

Дискуссия

Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы выявить роль межкультурных и монокультурных дружеских контактов в предпочтении стратегий межкультурного взаимодействия в самом многонациональном регионе нашей страны, где нет титульной и безусловно доминирующей этнической группы.

В начале обсуждения полученных результатов мы проанализируем уровень межкультурных и монокультурных дружеских контактов у представителей исследуемых этнических групп, а также выраженность предпочтения ими стратегий интеграции и сепарации в межкультурном взаимодействии. Далее перейдем к обсуждению результатов, полученных в результате проверки гипотез настоящего исследования.

В результате сравнения выраженности уровня межкультурных и монокультурных контактов у аварцев, даргинцев, кумыков и русских, обнаружено, что она у них достаточно высока, то есть, в среднем у представителя каждой этнической группы есть 2–3 друга, как из своей этнической группы, так и из других, с которыми он довольно часто встречается. Для столь многонационального региона как Дагестан это достаточно адекватный и высокий показатель межэтнической дружбы, так как этнически разнообразная среда к этому располагает. Относительно выраженности монокультурных контактов, стоит отметить, что у кумыков он значимо ниже, чем у аварцев, даргинцев и русских. Объясняется это тем, что кумыки гораздо малочисленнее, чем аварцы и даргинцы, что естественным образом приводит к преобладанию их контактов с представителями других народов Дагестана, особенно в городских поселениях, где этнический состав довольно смешан. Относительно того, почему у кумыков меньше выражен уровень монокультурных дружеских контактов, чем у русских, которые не относятся даже к пятерке самых многочисленных групп Дагестана, то это можно объяснить тем, что в Дагестане большинство населения — мусульмане (более 90%) и русские, будучи христианами образуют не только этническое, но религиозное меньшинство Дагестана с отличным мировоззрением и образом жизни, что ведет к высокому уровню моноэтнических контактов в группе русских.

Теперь перейдем к анализу сходств и различий, полученных при сравнении выраженности страте-

гий интеграции и сепарации у представителей исследуемых этнических групп. Различий в выраженности данных стратегий практически не выявлено. Есть единственное различие между аварцами и русскими в выраженности стратегии интеграции, у аварцев стратегия интеграции более выражена, чем у русских. Вероятно, это связано с тем, что русским, находящимся не только в иноэтничном, но и в инорелигиозном окружении не всегда просто сохранять свою культуру и адаптироваться к культуре доминирующего мусульманского общества.

Далее мы оценим степень подтверждения гипотез настоящего исследования. Для удобства ниже представлена таблица с информацией о том, какая гипотеза и на какой выборке подтвердилась или не подтвердилась (табл. 5).

Как видно из таблицы 5, выдвинутые гипотезы полностью подтвердились далеко не во всех группах. Так гипотеза H1 о том, что межкультурные дружеские контакты позитивно связаны с выбором стратегии интеграции и негативно с выбором стратегии сепарации в межкультурном взаимодействии подтвердилась частично у аварцев, даргинцев, русских и не подтвердилась у кумыков. У аварцев, даргинцев и кумыков данная гипотеза не подтвердилась в части наличия позитивной связи между межкультурными дружескими контактами и выбором стратегии интеграции, вероятно в связи с тем, что гипотеза контакта, как отмечалось выше, подтверждается при наличии следующих четырех условий: группы должны иметь равный статус, сотрудничать и не конкурировать, иметь общие цели

Таблица 5

**Результаты проверки гипотез о взаимосвязи
межкультурных и монокультурных дружеских
контактов со стратегиями интеграции и сепарации**

Гипотезы	Этнические группы			
	аварцы	даргинцы	кумыки	русские
Н1. Межкультурные дружеские контакты с представителями народов Дагестана позитивно связаны с выбором стратегии интеграции и негативно с выбором стратегии сепарации в межкультурном взаимодействии	частично подтвердилась	частично подтвердилась	не подтвердилась	частично подтвердилась
Н2. Монокультурные дружеские контакты позитивно связаны с выбором стратегий интеграции и сепарации в межкультурном взаимодействии	частично подтвердилась	подтвердилась	подтвердилась	частично подтвердилась

и поддержку со стороны власти (Allport, 1954). В ситуации с аварцами, даргинцами и кумыками данные условия не поддерживаются: аварцы имеют более высокий статус, чем даргинцы, тогда как даргинцы более высокий, чем кумыки в Дагестане; данные группы почти всегда явно конкурируют, особенно за власть; относительно наличия общих целей, то здесь можно констатировать, что они порой замещаются лобированием внутриэтнических и внутриклановых целей, особенно когда речь заходит о праве данных народов на те или иные тер-

ритории и земли Дагестана, высокие должности в государственных органах власти Дагестана и т.д. Таким образом, отсутствие перечисленных Олпортом условий в Дагестане является причиной того, что межкультурные дружеские контакты аварцев, даргинцев и кумыков не связаны с выбором стратегии интеграции в межкультурном взаимодействии. Однако данная гипотеза подтвердилась в части наличия негативной связи между межкультурными дружескими контактами и с выбором стратегии сепарации у аварцев и даргинцев и не подтвердилась у кумыков и русских. Иными словами дружба аварцев и даргинцев с представителями другой национальности не ведет к предпочтению стратегии сепарации в межкультурном взаимодействии, тогда как дружба кумыков и русских с представителями другой национальности вообще не связана с предпочтением данной стратегии. Резюмируя полученные результаты по первой гипотезе исследования, хотелось бы заострить внимание на том, что данная гипотеза полностью не подтвердилась лишь в группе кумыков. Вероятно, это связано с тем, что кумыки воспринимают себя как группу с более низким статусом, чем аварцы и даргинцы, а группы с низким статусом более чувствительны к тонким статусным различиям или дискриминации в ситуации контакта, чем представители более многочисленных групп с высоким статусом (Dixon, Durrheim, Tredoux, 2005; Trop, Pettigrew, 2005).

Гипотеза H2 о позитивной связи монокультурных дружеских контактов с выбором стратегий интеграции и сепарации в межкультурном взаимодей-

ствии подтвердилась полностью у даргинцев и кумыков и частично у аварцев и русских. Иными словами, монокультурные дружеские контакты аварцев и русских не связаны с выбором стратегии интеграции, то есть с предпочтением сохранять культуру своей этнической группы и принятием культуры других этнических групп, населяющих Дагестан. Монокультурные контакты данных двух этнических групп связаны позитивно лишь с выбором стратегии сепарации, предполагающей лишь сохранение культуры своей этнической группы. Вероятно, это связано с тем, что аварцы как самая многочисленная этническая группа в Дагестане, и русские как самая многочисленная этническая группа в Российской Федерации, имея друзей своей этнической группы, так остро, как более малочисленные народы, не чувствуют надобности в принятии и усвоении культуры других этнических групп, населяющих Дагестан. Как мы видим, у даргинцев и кумыков, как у безусловных этнических меньшинств Дагестана монокультурные контакты позитивно связаны как со стратегией интеграции, так и со стратегией сепарации. В целом стоит отметить, что монокультурные контакты у представителей всех исследуемых этнических групп связаны с выбором стратегии сепарации, то есть монокультурные контакты могут приводить к тому, что этническая группа может замкнуться на себе и на сохранении своего культурного наследия, что может довольно негативно сказываться на межэтническом взаимодействии, особенно в поликультурных регионах.

Выводы

1. Интенсивность межкультурных контактов способствует выбору стратегии интеграции в межкультурном взаимодействии и не способствует выбору стратегии сепарации у определенных этнических групп в поликультурном регионе.

Интенсивность монокультурных контактов способствует выбору, как стратегии интеграции, так и стратегии сепарации в межкультурном взаимодействии у определенных этнических групп в поликультурном регионе.

2. Выявлены межгрупповые различия влияния межкультурных и монокультурных дружеских контактов на выбор стратегий межкультурного взаимодействия:

2.1. У аварцев межкультурные и монокультурные дружеские контакты не являются значимыми предикторами стратегии интеграции. Однако межкультурные дружеские контакты данной этнической группы не способствуют предпочтению стратегии сепарации, тогда как монокультурные дружеские контакты способствуют выбору стратегии сепарации.

2.2. У даргинцев межкультурные дружеские контакты не являются значимыми предикторами стратегии интеграции, однако являются негативными предикторами стратегии сепарации. Монокультурные дружеские контакты даргинцев с представителями других народов являются позитивными предикторами как стратегии интеграции, так и стратегии сепарации.

2.3. У кумыков межкультурные дружеские контакты не являются значимыми предикторами стратегий интеграции и сепарации, тогда как монокультурные контакты кумыков являются значимыми позитивными предикторами стратегий интеграции и сепарации.

2.4. У русских, проживающих в Дагестане, межкультурные дружеские контакты являются значимыми позитивными предикторами стратегии интеграции и не являются предикторами стратегии сепарации. Монокультурные контакты русских являются позитивными предикторами стратегии сепарации и не являются предикторами стратегии интеграции.

Заключение

В целом, следует отметить, что настоящее исследование показало важную роль межкультурных и монокультурных дружеских контактов в выборе различных стратегий межкультурного взаимодействия представителями разных этнических групп в самом многонациональном регионе Российской Федерации — Республике Дагестан. Полученные результаты исследования ярко демонстрируют статус этнических групп в межкультурных отношениях и сам характер межкультурных отношений в республике. Так гипотеза контакта подтвердилась, пусть и частично у групп с довольно высоким статусом как в регионе (у аварцев и даргинцев), так и в стране (у русских), и не подтвердилась в группе кумыков, которые воспринимают себя довольно ущемленной группой в Дагестане по сравнению с аварцами и даргинцами.

Гипотеза о связи монокультурных контактов со стратегиями интеграции и сепарации подтвердилась полностью у групп безусловных этнических меньшинств региона (даргинцев и кумыков), тогда как у наиболее многочисленной группы региона (аварцев) и страны (русских) данная гипотеза подтвердилась лишь в части позитивной связи монокультурных контактов со стратегией сепарации.

Раздел III

Межкультурные отношения в Латвии, Литве и Азербайджане

В настоящем исследовании представлены результаты проверки трех гипотез межкультурных отношений (мультикультурализма, интеграции и контакта) в Латвии.

Латвию нельзя назвать этнически однородной страной. Отношения между доминирующей этнической группой (латыши) и другими этническими группами играют важную роль во внутренней политике Латвии (Ariņe, 2010). Этнические русские составляют вторую по величине этническую группу (26.0%) после самих латышей (61.4%) (The population of Latvia..., 2014). До распада СССР русские в Латвии составляли этническое большинство, но после этого они сразу стали этническим меньшинством.

Современные европейские стандарты демократии требуют от Латвии обеспечения равных прав как для доминирующей этнической группы, так и для этнических меньшинств, когда дело доходит до участия в политической жизни. Официальная политика Латвии в отношении этнических меньшинств — это интеграция при сохранении культурной и этнической идентичности (Integration politics in Latvia..., 2014). В Латвии этническими меньшинствами официально считаются граждане Латвии, которые отличаются от этнических латышей культурой, религией или языком, и которые традиционно жили в Латвии в

течение длительного времени и считают себя частью латвийского государства и общества. Люди, не являющиеся гражданами Латвии, не считаются представителями этнических меньшинств, но они пользуются теми же правами, как и этнические меньшинства, за исключением некоторых ограничений. По состоянию на 9 сентября 2016 года насчитывалось 247104 негражданина, проживающих в Латвии (12% от общего населения Латвии), по данным Министерства иностранных дел (Naturalisation, 2016). Для сравнения, граждане бывшего СССР, проживающие в России, после его распада получили автоматически российское гражданство.

Основное различие в правах заключается в том, что неграждане не могут голосовать или быть избранными, и не могут занимать государственные должности или должности, связанные с национальной безопасностью. 22 июля 1994 был принят официальный закон «О гражданстве», в котором описана процедура натурализации, начавшаяся в 1995 году. Натурализация — это процесс, в котором претенденту на гражданство присваивается латвийское гражданство после сдачи экзаменов по латышскому языку и истории Латвии, и принесения присяги Латвийской Республике. Но в реальности этот процесс представляет собой скорее ассимиляцию, чем интеграцию, поскольку целью подобной натурализации является постепенное изъятие русского языка из повседневного общения. Язык — одна из самых крепких связей людей с их культурой.

Второй шаг в проведении политики ассимиляции в отношении русских меньшинств в Латвии имеет свои корни в системе образования. В 1998 году вышел новый Образовательный закон (вступил в

силу с 10 июня 1999 года), что оказало значительное влияние на образование национальных меньшинств в Латвии (Educational law, 1998). До 1999 года обучение в школах этнических меньшинств велось на родном языке (т. е. в русских школах дети обучались на русском языке), и государственный язык (латышский) преподавался также в качестве специальной дисциплины. До этого времени в Латвии были и «латышские», и «русские» школы. Этот закон ввел новый термин: «школа с использованием национальных образовательных программ этнических меньшинств». Принятие нового закона об образовании означало, что некоторые предметы в школах национальных меньшинств теперь будут преподаваться на латышском языке. Педагоги разработали четыре модели билингвального образования, и предложили каждой школе вместе с родителями возможность выбрать наиболее подходящую. Эти модели отличаются, главным образом, числом предметов, преподаваемых на родном и латышском языках. В 2004 году законодатели добавили поправки к закону об образовании, согласно которым с 1 сентября 2004 года среднее образование в национальных школах должно было быть только на государственном (латышском) языке. Закон затронул все предметы, кроме родного языка и литературы. Эта реформа образовательной системы вызвала волну демонстраций протеста (Воронцов, 2010).

Таким образом, русский язык постепенно становился все менее актуальным в образовании и оказался вытесненным из всех государственных учреждений. Справедливости ради следует отметить, что русское население все же смогло сохранить свою культуру в отдельных сферах повседневной жизни. Например,

есть местное ТВ и радиоканалы, которые вещают исключительно на русском языке, а также СМИ, включая газеты и журналы, издающиеся на русском языке. Регионы также имеют доступ к местной печати, издающейся исключительно на русском языке. Некоторые из этих телеканалов и СМИ, которые используют русский язык, импортированы непосредственно из самой России. Различные культурные мероприятия также иногда проводятся на русском языке (если они организованы неправительственными организациями национальных меньшинств). Кроме того, некоторые театры ставят спектакли только на русском языке, и даже кинотеатры предлагают субтитры на латышском и русском языках. Существует много различных неправительственных организаций национальных меньшинств в Латвии, но русская культура и язык, тем не менее, постепенно вытесняются из повседневной жизни. Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на заявленную политику интеграции, Латвия фактически осуществляет постепенную политику ассимиляции в отношении этнических меньшинств.

Как уже отмечалось, в данном исследовании мы решили проверить справедливость трех гипотез межкультурного взаимодействия в контексте Латвии, который, судя по проводимой в отношении этнических меньшинств политике, характеризуется ориентацией на ассимиляцию.

Наши исследовательские гипотезы основаны на трех теоретических положениях Дж. Берри относительно межэтнических отношений в поликультурных обществах (Berry, 2013). Первая, *гипотеза мультикультурализма*, увязывает сохранение культуры с позитивными межкультурными отношения-

ми. Согласно этой гипотезе, когда люди не ощущают угрозы своей культуре и идентичности, они готовы принимать тех, кто отличен от них. Эта гипотеза вытекает из положения Канадской политики мультикультурализма о том, что уверенность в сохранении своей культурной и личной идентичности ведет к улучшению межкультурных отношений, включая готовность к межкультурным контактам, уважение «иных» и снижение дискриминации. И наоборот, ощущение угрозы ведет к формированию предрасположенностей и росту дискриминации (Stephan et al., 2005). Многочисленные эмпирические исследования подтвердили справедливость этой гипотезы в разных странах (Berry, Kalin, 2000; Berry, Kalin, Taylor, 1977; Kruusvall, Vetik, Berry, 2009; Ward, Masgoret, 2008). В наших предыдущих исследованиях взаимных установок русских москвичей и мигрантов с Северного Кавказа и Закавказья ощущение культурной безопасности способствовало толерантности, интеграции и установкам на социальное равенство в обеих группах, правда у большинства (москвичей) — в меньшей степени (Lebedeva, Tatarko, 2013).

Вторая теоретическая гипотеза — это *гипотеза контакта*. Согласно этой гипотезе, межкультурный контакт и взаимодействие способствуют взаимному принятию при определенных условиях, прежде всего — равенства (Allport, 1954). В национальных опросах в Канаде Калин и Берри (Kalin, Berry, 1982) обнаружили подтверждение этой гипотезы, особенно при контроле статуса групп. Pettigrew и Tropp (2006, 2008) провели мета-анализ многочисленных исследований проверки гипотезы контакта в разных странах и в разнообразных контекстах (школа, работа, а также в экспериментальных ситуациях). Его

результаты в целом подтвердили гипотезу контакта: межгрупповой контакт негативно связан с предубеждениями как в доминирующих, так и в недоминирующих группах.

Третья гипотеза — *гипотеза интеграции*. Эта гипотеза предполагает, что, когда индивиды и группы включены в жизнь принимающего общества и одновременно не теряют связи со своей культурой, они будут достигать большего успеха в жизни, в том числе обладать более высокой социокультурной компетентностью, субъективным благополучием и удовлетворенностью жизнью. В исследованиях, посвященных межкультурным отношениям и аккультурации, установлено, что стратегия интеграции чаще всего вела к лучшей адаптации мигрантов по сравнению с другими стратегиями (Berry, 1997). Возможное тому объяснение может быть следующим: люди, имеющие «двойные связи» (с собственной культурой и культурой принимающего общества), получают поддержку и ресурсы от двух культур, а также они компетентны во взаимодействии с членами обеих культур. Социальный капитал, приобретаемый благодаря таким множественным социальным и культурным связям, дает возможность достичь успеха, пользуясь ресурсами различных сообществ и групп. Результаты, подтверждающие связь интеграции с более успешной адаптацией, были также получены в других эмпирических исследованиях (Berry, Sabatier, 2010). Мета-анализ 83 исследований, в которых приняли участие более 20000 человек, показал, что интеграция («бикультурализм») имеет значимую и позитивную связь как с психологической адаптацией (например, удовлетворенностью жизнью, позитивным настроением, самооценкой), так и социокультурной

адаптацией (например, успехами в учебе, успехом в карьере, социальными навыками, отсутствием поведенческих проблем) (Nguyen, Venet-Martínez, 2013).

Идеи, лежащие в основе трех вышеуказанных гипотез межкультурного взаимодействия, способны облегчить достижение главной цели политики мультикультурализма: улучшение межкультурных отношений в полиэтничных обществах. Соответственно, основная цель нашего исследования: проверка и оценка применимости этих трех гипотез в контексте Латвии.

Гипотезы эмпирического исследования.

1 (а,б). Гипотеза мультикультурализма: чем в большей степени у индивида выражено чувство безопасности, тем выше уровень его готовности принимать тех, кто отличается по своим этнокультурным характеристикам, а именно: чем выше уровень воспринимаемой безопасности, тем в большей степени выражены поддержка мультикультурной идеологии и этническая толерантность (как у меньшинств, так и у членов принимающего общества).

2. Гипотеза контакта: межкультурные контакты и обмен обеспечивают взаимное принятие (особенно при наличии равенства), а именно:

2а. Чем выше частота дружеских контактов с представителями принимающего общества среди иммигрантов/ этнических меньшинств, тем выше их предпочтение стратегий «Ассимиляция», «Интеграция» и их этническая толерантность.

2б. Чем выше частота дружеских контактов членов принимающего общества с иммигрантами/ этническими меньшинствами, тем выше уровень

выраженности у них аккультурационных ожиданий «Интеграция» и «Ассимиляция» и выше уровень этнической толерантности.

3. Гипотеза интеграции: те, кто предпочитают стратегию интеграции, характеризуются более успешной психологической и социокультурной адаптацией, а именно:

3а. Чем выше предпочтение аккультурационной стратегии «Интеграция» у иммигрантов/этнических меньшинств, тем выше уровень их удовлетворенности жизнью и социокультурной адаптации.

3б. Чем выше предпочтение аккультурационного ожидания «Мультикультурализм» у членов принимающего общества, тем выше уровень их удовлетворенности жизнью.

Метод

Участники

Выборка (г. Рига) включала 699 взрослых респондентов: латышей ($N = 363$) и этнических русских ($N = 336$), более подробные социально-демографические характеристики выборки представлены в таблице 1.

Таблица 1

Характеристики выборки

Группы	N	Возраст		Пол
		M	SD	Мужчины (%)
Латыши (Рига)	363	42.6	20.7	12,1
Этнические русские (Рига)	336	42.8	21.5	14

Методики исследования.

В исследовании использовался опросник, созданный в рамках проекта *Mutual Intercultural Relations In Plural Societies (MIRIPS)* или «Взаимные межкультурные отношения в плюралистических обществах». Опросник для Латвии был переведен на латышский язык нашей коллегой И. Плоткой. В процессе исследования респонденты отвечали на вопросы анкеты, используя 5-балльную шкалу ответов: от 1 — «полностью не согласен» до 5 — «полностью согласен».

Опросник включал следующие шкалы.

Шкала воспринимаемой безопасности. Данный показатель подсчитывался как среднее значение согласия респондента с тремя утверждениями. Пример утверждения: «Мы должны принять меры для защиты наших культурных традиций от влияния извне» (культурная безопасность, обратный вопрос).

Межкультурные контакты. Межкультурные контакты оценивались параллельными вопросами, которые задавались мигрантам (меньшинствам) и членам принимающего общества. Вопросы для мигрантов: «Сколько у Вас близких друзей — русских?» (варианты ответов: 1 — Ни одного; 2 — Только один; 3 — Мало; 4 — Несколько; 5 — Много); «Как часто Вы встречаетесь со своими близкими друзьями — русскими?» (1 — Никогда; 2 — Редко; 3 — Иногда; 4 — Часто; 5 — Каждый день). Членам доминирующей группы (русским) задавались аналогичные вопросы об их друзьях из других этнических групп и о частоте контактов с ними.

Стратегии аккультурации и аккультурационные ожидания. В данном исследовании оценивались две аккультурационные стратегии русских (которые являются этническим меньшинством в Латвии) —

интеграция и ассимиляция. У представителей этнического большинства — латышей — оценивались соответствующие аккультурационные ожидания — интеграция и ассимиляция.

Мультикультурная идеология. Данный конструктор направлен на выявление степени поддержки мультикультурализма как идеологии и практики. Он оценивался также с помощью 4 вопросов, таких как: «Мы должны помогать этническим и расовым меньшинствам сохранять их культурное наследие в России» (прямой вопрос); «Если представители разных этнических или культурных групп желают сохранять свою культуру, им следует ее сохранять для себя» (обратный вопрос).

Этническая толерантность. Данная шкала имеет 4 вопроса, например: «Хорошо, когда люди разных рас и национальностей живут в одной стране».

*Удовлетворенность жизнью.*¹ Шкала включает 5 вопросов, например: «Я могу многое делать так же

¹ Мы не использовали шкалу социокультурной адаптации в качестве зависимой переменной при тестировании гипотезы интеграции в этом исследовании, хотя в наших предыдущих исследованиях в Латвии и России эта методика использовалась (Lebedeva, Tatarko, Berry, 2016 a,b). Взаимосвязи предпочтений интеграции с социокультурной адаптацией были значимы в группах мигрантов и незначимы в группах этнических меньшинств. Дело в том, что русские, проживающие в Латвии на протяжении нескольких поколений, довольно хорошо знакомы с культурой этой страны и имеют высокую социокультурную адаптацию. Таким образом, в данном исследовании мы сосредоточили внимание главным образом на психологической адаптации (самоуважение и удовлетворенность жизнью), которая представляет собой более точный индикатор психологического состояния и качества жизни представителей этнических меньшинств.

хорошо, как и большинство других людей» (Diener, Emmons, Larson, Griffin, 1985).

Шкала самоуважения Розенберга (RSES). Шкала включает 10 пунктов и позволяет получить обобщенный показатель самооценки индивида (Rosenberg, 1965).

Демографические переменные. В дополнение к методикам, направленным на оценку изучаемых психологических конструкторов, мы использовали ряд вопросов, направленных на оценку демографических характеристик респондентов — пол, возраст, уровень образования. Эти вопросы использовались во всех выборках.

Процедура

Опрос проводился нашими коллегами с использованием техники "снежного кома". Коллеги опрашивали студентов-русских и студентов-латышей и просили их провести аналогичный опрос среди знакомых, друзей, коллег, являющихся этническими латышами и русскими, а также среди родственников. Русские опрашивались на русском языке, латыши — на латышском.

Обработка данных. Для проверки трех гипотез, было использовано моделирование структурными уравнениями (*SEM*) с помощью программы *AMOS* версии 20.0 (Arbuckle, 2011). В процессе обработки данных мы строили отдельные модели для каждой из четырех выборок.

Результаты

Описательные статистики всех переменных исследования представлены в таблице 2.

Таблица 2

Описательные статистики и значения t-критерия

	M; SD		t
	русские Латвии	латыши	
SEC	2.70; 0.66	2.69; 0.66	-.48
IC	3.65; 0.96	3.63; 0.95	.26
MI	3.52; 0.81	3.36; 0.65	2.8**
INT	4.34; 0.64	4.33; 0.63	.08
AS	2.11; 0.74	2.09; 0.73	.40
TOL	3.73; 0.92	3.48; 0.83	3.7***
LS	3.23; 0.89	3.15; 0.77	.07
S-Est	4.05; 0.74	3.97; 0.58	.13

Примечание. *p < .05; **p < .01; ***p < .001.

SEC, Безопасность; IC, Межкультурные контакты; MI, Мультикультурная идеология; INT, Интеграция; AS, Ассимиляция; TOL, Этническая толерантность; SCA, социокультурная адаптация; LS, Удовлетворенность жизнью; S-Est, Самоуважение.

Подсчет описательных статистик и оценка значимости различий показывает, что показатели межкультурного взаимодействия в обеих группах отличаются мало.

Обе группы (русские Латвии и латыши) имеют срединные значения по показателю воспринимаемой безопасности. Эти показатели относительно невысоки, это говорит о том, что представители обе-

их групп не чувствуют себя в достаточной безопасности.

Показатели интенсивности межкультурных контактов выше средних значений и не отличаются статистически значимо в обеих группах. Это говорит о том, что контакты между латышами и русскими характеризуются относительно высокой интенсивностью и их частота одинакова с обеих сторон.

Что касается предпочитаемых аккультурационных стратегий/ожиданий, то обе группы в высокой степени предпочитают интеграцию и значительно меньше — ассимиляцию. При этом, статистически значимых различий в аккультурационных стратегиях/ожиданиях между русскими Латвии и латышами не обнаружено.

Также мы не обнаружили статистически значимых различий по показателям психологической адаптации — удовлетворенности жизнью и самоуважению. Они выше срединных значений шкалы (2,5 балла) в обеих группах (см. табл. 2)

Статистически значимые различия обнаружены только по двум показателям: по установке на поддержку мультикультурной идеологии и показателю этнической толерантности. Оба эти показателя выше у русских Латвии.

Далее мы протестировали все три гипотезы межкультурных отношений при помощи путевого анализа. Тестируемая модель, на которой проверяются все три гипотезы, представлена на рис. 1. Фактически связей было получено больше, чем мы изначально предполагали. Вся картина связей между переменными представлена в таблице 3.

Рис 1. Тестируемая модель.

В таблице 3 представлены результаты моделирования для выборок русских и латышей в Латвии. Данные для обеих выборок представлены в ячейках одной таблицы через слеш.

Таблица 3

Стандартизированные прямые регрессионные эффекты и корреляции (русские в Латвии / латыши)

Предикторы	IC	MI	TOL	AS	INT	S-Est	LS
SEC	.07/ -.18**	.05/ .21***	-.08/ .28***	.13*/ -.11**	.00/ .11**	.00/.00	.00/.00
IC	-	.00/.00	.03/.06	.22***/ .00	.25***/ .07	.00/.00	-.04*/ .00
MI	.00/.00	-	.35***/ .20**	-.15**/ -.14**	.29***/ .27**	.12*/.00	.11*/ -.07
TOL	.03/.06	.35***/ .20**	-	-.36***/ -.29***	.26**/ .10**	.00/.02	

INT	.25***/ .07	.29***/ .27**	.26** 10**	-.25***/ -.21***	-	.08/.14*	-.09/.00
ASS	.22***/ .00	-.15**/ -.14**	-.36***/ .29***	-	-.25***/ .21**	-.42***/ -.19***	.10/.00
R ²	-	< .01/.05	<.01/.07	.07/.01	.07/.02	.23/.07	.02/.02

Примечание: *p < .05; **p < .01; ***p < .001. Корреляции представлены курсивом

SEC, Безопасность; IC, Межкультурные контакты; MI, Мультикультурная идеология; INT, Интеграция; AS, Ассимиляция; TOL, Этническая толерантность; SCA, Социокультурная адаптация; LS, Удовлетворенность жизнью; S-Est, Самоуважение.

Рассматриваемые модели имеют приемлемые статистические показатели для обеих выборок (для русских: $\chi^2/df=2.2$; CFI=.97; RMSEA=.06; PCLOSE=.27; и для латышей: $\chi^2/df=2.6$; CFI=.98; RMSEA=.06; PCLOSE=.21).

Процент дисперсии, объясняемой демографическими характеристиками (пол и возраст) очень мал (1–3%). Таким образом, мы можем сказать, что пол и возраст не имеют для данной модели принципиальных значений. Далее рассмотрим основные результаты моделирования для обеих выборок.

Гипотеза мультикультурализма. Воспринимаемая безопасность положительно и статистически значимо предсказывает этническую толерантность ($\beta=.28$, $p<.001$) и мультикультурную идеологию ($\beta=.21$, $p<.001$) в выборке латышей, но она не оказывает существенного влияния на этническую толерантность и мультикультурную идеологию в выборке русских Латвии. Таким образом, гипотеза мульти-

культурализма была доказана на выборке латышей, но не получила подтверждения на выборке русских Латвии.

Гипотеза контакта. Межкультурные контакты значимо и позитивно предсказывают стратегию интеграции ($\beta = .25$, $p < .001$) русских в Латвии, но не оказывают существенного влияния на их этническую толерантность. В выборке латышей межкультурные контакты не связаны ни с толерантностью, ни с аккультурационным ожиданием «интеграция». Таким образом, гипотеза контакта была частично подтверждена в выборке русских Латвии, и не получила подтверждения среди латышей.

Гипотеза интеграции. Предпочтение стратегии интеграции русскими Латвии не имело статистически значимой связи с показателями психологической адаптации. Аккультурационное ожидание «интеграция» в выборке латышей продемонстрировало статистически значимую сильную позитивную связь с их самоуважением ($\beta = .14$, $p < .05$), но не оказало статистически значимого влияния на их удовлетворенность жизнью. Таким образом, гипотеза интеграции была частично доказана на выборке латышей и не доказана на выборке русских.

Кроме того, были получены дополнительные результаты, касающиеся роли ассимиляции во взаимной аккультурации русских в Латвии и латышей. Воспринимаемая безопасность имела статистически значимую позитивную связь с предпочтением ассимиляции в выборке русских Латвии ($\beta = .13$, $p < .05$) и значимую негативную связь с соответствующим аккультурационным ожиданием в выборке латышей ($\beta = -.13$, $p < .05$). Кроме того, межкультурные контакты русских Латвии с латышами также оказывают

существенное положительное влияние на их предпочтение ассимиляции ($\beta = .22$, $p < .001$). Но в то же время межкультурные контакты латышей с русскими не имели значимой связи с аккультурационным ожиданием «ассимиляция» в выборке латышей. Предпочтение ассимиляции имело статистически значимые негативные связи с самоуважением русских Латвии ($\beta = -.42$, $p < .001$), а также латышей ($\beta = -.19$, $p < .05$).

Кроме того, важно отметить, что мы обнаружили статистически значимую отрицательную корреляцию между межкультурными контактами и воспринимаемой безопасностью в выборке латышей ($r = -.18$; $p < .01$). Это позволяет предположить, что увеличение числа межкультурных контактов латышей сопряжено со снижением их воспринимаемой безопасности или наоборот.

Обсуждение результатов

В нашем исследовании мы проверяли взаимные межкультурные отношения русского этнического меньшинства и доминирующего населения в Латвии, используя три гипотезы межкультурных отношений: мультикультурализма, контакта и интеграции.

Согласно первой гипотезе (мультикультурализма), чем сильнее ощущение безопасности, тем больше выражены: поддержка мультикультурной идеологии и этническая толерантность (как для групп меньшинств, так и для членов доминирующего общества). Подтверждение этой гипотезе мы нашли только в группе большинства: в выборке латышей ощущение безопасности позитивно связано с более высоким уровнем этнической толерантности и с поддержкой мультикультурной идеологии. Таким обра-

зом, результаты исследования полностью подтверждают гипотезу мультикультурализма у этнического большинства в Латвии.

Гипотеза контакта постулирует положительное влияние дружеских межкультурных контактов на принятие «культурно иных». У русских Латвии дружеские контакты с латышами положительно и статистически значимо связаны с их аккультурационными стратегиями интеграции и ассимиляции. В то же время у латышей в Риге их межкультурные дружеские контакты статистически значимо не связаны с их аккультурационными ожиданиями или уровнем их этнической толерантности. Таким образом, в Латвии гипотеза контакта частично подтверждается только в группе меньшинства.

Согласно гипотезе интеграции, предпочтение стратегии интеграции способствует лучшей психологической адаптации. В нашем исследовании мы обнаружили только частичное подтверждение этой гипотезы — позитивную связь аккультурационного ожидания «интеграция» с самоуважением в группе латышей. В группе этнического меньшинства — русских — аналогичной связи обнаружено не было. Таким образом, гипотеза интеграции в Латвии подтверждена частично в выборке этнического большинства.

Таким образом, гипотеза мультикультурализма подтвердилась только в выборке латышей, гипотеза контакта — только в выборке русских Латвии, а гипотеза интеграции — частично в выборке латышей.

Почему гипотезы межкультурного взаимодействия относительно слабо подтверждаются в контексте Латвии? Полученные результаты требуют дополнительного анализа социально-политического

и исторического контекста в Латвии для того, чтобы понять психологические последствия взаимной аккультурации русского меньшинства и латышского большинства. Некоторые параллели в предыдущих исследованиях по межнациональным отношениям в Эстонии могли бы пролить свет на наши результаты. Согласно Берри (Berry, 1997), политика интеграции в эстонском варианте включает в себя только участие в жизни доминирующего общества; при этом поддержание культуры этнических меньшинств не предполагается. Таким образом, политическая терминология интеграции гораздо ближе по смыслу к аккультурационному ожиданию ассимиляции. Если аналогичные процессы протекают и в Латвии, то гипотезы мультикультурализма и интеграции теряют смысл. Адаптации русских как меньшинства будут способствовать только позитивные личные контакты с этническим большинством (что мы и видим по итогам исследования). Этнически-ориентированная модель национального государства приравнивает интеграцию к принудительной ассимиляции, и поскольку в большинстве своем русские Эстонии не хотят ассимилироваться, предлагаемая им интеграция для них означает «что-то, чего нужно избежать». Таким образом, сам термин «интеграция» имеет негативный смысл для этнических русских (Kruusvall et al., 2009). Аналогичным образом могут быть описаны латвийский контекст и политика: больше как поощрение ассимиляции, чем интеграции, несмотря на противоположную формулировку. Эта политика объясняет, почему «интеграция» по-латвийски не способствует положительным исходам адаптации для каждой из групп в Латвии.

Во-вторых, ощущение безопасности и частота межкультурных дружеских контактов имели значимую отрицательную связь у латышей (см. табл. 3), т.е. наличие межкультурных контактов может способствовать снижению субъективной безопасности латышей в Латвии. Впрочем, может быть и наоборот: низкий уровень безопасности препятствует межкультурным контактам. В любом случае, эта отрицательная связь говорит нам, что для латышей контакты с русскими в той или иной мере сопряжены со снижением безопасности.

Основной вопрос заключается в том, являются ли межкультурные контакты между латышами и русскими угрозой их безопасности? Есть ли положительные последствия частых дружеских контактов? Конечно есть. Они способствуют интеграции и ассимиляции русских в Латвии. Таким образом, вырисовываются основные направления роста национальной интеграции в Латвии: способствовать развитию дружеских межкультурных контактов между латышами и русскими, одновременно способствуя ощущению культурной безопасности (и уменьшению ощущения угрозы) в группе латышей и интеграции, а также ассимиляции русских.

Обратим внимание на то, что у русских Латвии помимо позитивной связи межкультурных дружеских контактов со стратегией «интеграция», наблюдается также позитивная связь со стратегией «ассимиляция». Эта связь позволяет высказать предположение, что специфика контекста межкультурного взаимодействия для русских в Латвии такова, что частые межкультурные контакты с латышами могут быть сопряжены не только с интеграцией (при которой сохраняется этническая культура меньшинств),

но и с ассимиляцией (при которой этническая культура меньшинств утрачивается). Это первый момент, в котором проявляет себя ассимиляционистский контекст межкультурного взаимодействия в Латвии. С нашей точки зрения, эта особенность контекста оказывает влияние на то, как складываются межкультурные отношения в Латвии, особенно между русскими и латышами. Хотя официально в Латвии декларируется политика интеграции (*Integration politics in Latvia...*, 2014; *Permanent Mission of the Republic of Latvia...*, 2016), фактически реализуется политика ассимиляции (Kronenfeld, 2002, p. 2), которая проявляется в частности в последовательном вытеснении русского языка из повседневной жизни, а, как известно, язык — это стержень этнической культуры. При утрате языка этническая группа фактически теряет связующую нить со всеми пластами своей культуры, т.е. ассимилируется. С нашей точки зрения именно ассимиляционистский контекст является причиной того, что гипотеза интеграции не подтверждается в выборке русских Латвии и только частично — в выборке латышей.

Также в Латвии на выборке этнического меньшинства (русские) не была подтверждена гипотеза мультикультурализма, в которой предиктором мультикультурализма является воспринимаемая безопасность. С нашей точки зрения, воспринимаемая угроза (или низкая безопасность) является еще одной существенной характеристикой контекста межкультурного взаимодействия в Латвии.

Эксперты оценивают межэтнические отношения в Латвии как потенциально конфликтные (Родин, 2013), а это означает, что воспринимаемая безопасность у населения будет невысокой. На низкую

безопасность, как характеристику контекста межкультурного взаимодействия в Латвии, косвенно указывает отрицательная связь этнических контактов и воспринимаемой безопасности у русских.

В целом, мы считаем, что ключевыми условиями позитивных межкультурных отношений в Латвии (как и повсюду) являются наличие чувства безопасности, дружеских межкультурных контактов и поддержка мультикультурализма доминирующим большинством, как на уровне установок населения, так и на уровне государственной политики.

Заключение

В рамках настоящего исследования, проведенного в Латвии (Рига), мы оценивали справедливость трех гипотез межкультурного взаимодействия для этнического большинства (латышей) и меньшинства, которое представляет собой вторую по численности этническую группу Латвии (русских). Гипотеза мультикультурализма подтвердилась только в выборке латышей, гипотеза контакта — только в выборке русских Латвии, а гипотеза интеграции — частично в выборке латышей. Таким образом, ни одна гипотеза не была подтверждена сразу в обеих выборках. Мы предполагаем, что причина этого — особый контекст межкультурных отношений в Латвии. В данном контексте, наряду с официально провозглашаемой политикой мультикультурализма и интеграции, фактически проводится политика ассимиляции этнических меньшинств и в большей мере это касается русских. Соответственно гипотезы мультикультурализма и интеграции абсолютно «не работают» в выборке русских. Таким образом, инте-

гироваться русским позволяет не столько политика государства, сколько личные контакты с латышами (гипотеза контакта подтверждена в выборке русских Латвии). У латышей же, напротив, гипотеза контакта не получила подтверждения, и, более того, частота контактов с русскими отрицательно связана с воспринимаемой безопасностью, то есть, латыши, скорее всего, стремятся к избеганию взаимодействия с русскими.

В заключительной главе к данной монографии мы проанализируем роль контекста Латвии при поддержке гипотез межкультурного взаимодействия в сопоставлении с контекстами других постсоветских республик России.

**Русские в Литве:
историко-демографическая справка**

Численность населения современной Литвы составляет чуть менее трех миллионов человек (Lietuvos statistikos departamentas, 2017). По данным последней всеобщей переписи населения 2011 г., в Литве проживают представители 154 национальностей. Наиболее многочисленным этническим меньшинством являются поляки (6,6%), за ними следуют русские (5,8%) (Lietuvos statistikos departamentas, 2011; 2013). Несмотря на достаточно высокую этническую гомогенность Литвы и существенное численное преобладание этнических литовцев (84,2% всего населения), вследствие исторически сложившейся неравномерности территориального распределения различных этнических групп, удельный вес этнических меньшинств в некоторых регионах страны является значительным. Большинство поляков компактно проживает в Вильнюсском уезде (эта группа численно доминирует в Вильнюсском (52% населения) и Шальчининкском районах (78%)), тогда как распределение русских носит дисперсный характер. Русское население преимущественно сконцентрировано в городах с разви-

той промышленностью: наибольшая часть живет в Вильнюсе (это примерно 12% населения столицы) и в Клайпеде (20%). Численным большинством русские являются только в Висагинасе — городе, в котором ранее действовала атомная электростанция (Матулионис, Фреюте-Ракаускене, 2014; Lietuvos statistikos departamentas, 2013).

Иммиграция русских на территорию Литвы происходила в разные периоды истории, и это сказывается на неоднородности русской общины. Наиболее ранние волны иммиграции были связаны еще с Великим княжеством Литовским, поселением укрывавшихся здесь от религиозных гонений и дискриминации старообрядцев в XVII веке, позже — притоком колонистов в XIX веке и белых эмигрантов в начале XX века (Касаткина, 1997; Марцинкявичюс, 2007; Матулионис, Фреюте-Ракаускене, 2014). Однако основной поток иммиграции русских пришелся на период интенсивной индустриализации Литвы после Второй мировой войны, когда Литва была в составе СССР. В течение этого периода в Литву переехало порядка 150 000 русских и представителей других национальностей, родной язык которых был русским (Kasatkina, Veresnevičiūtė, 2010). К 90-м годам XX века свыше 60% русских Литвы были заняты в промышленном секторе, и данный показатель был самым высоким по сравнению с остальными союзными республиками. При этом в структурах управления, в составе гуманитарной, научной и творческой интеллигенции представительство русских было чрезвычайно слабым. Несмотря на то, что этот факт вызывал недовольство у части русского населения, положение русских в «советский» период было до-

статочно стабильным. Русские занимали свою определенную нишу, и существующая неравномерность в отраслевом разделении труда в восприятии многих из них не была проявлением дискриминации (Касаткина, 2007).

После выхода Литвы из состава СССР и восстановления литовской государственности ситуация в стране существенно изменилась. Население Литвы сокращается, что вызвано как его естественной убылью, так и оттоком вследствие эмиграции. Больше всего (почти вдвое) за эти годы снизилось количество русских (*Матулионис, Фрейте-Ракаускаене, 2014*). Самой массовой была эмиграция русскоязычного населения в первые пять лет после восстановления государственности Литвы: тогда из страны выехало 96 000 человек, 58% из них были русскими (Касаткина, 2007). В последующие годы ситуация стабилизировалась, однако сильные эмиграционные тенденции существуют, особенно среди молодежи (*Beresnevičiūtė, 2011; Frėjūtė-Rakauskienė, Šliavaitė, 2012*). Чаще всего русскими высказываются пожелания уехать в Россию, Великобританию и США (*Beresnevičiūtė, 2011*). На интенсивность миграции также повлияло вступление Литвы в Евросоюз, которое повлекло за собой «утечку мозгов» и изменение направления вектора миграции в целом, переориентировав его на страны Западной Европы, США и Канаду (Касаткина, 2007). К дополнительным факторам снижения количества русских относят также сокращение рождаемости и ассимиляцию (*Leončikas, 2007*).

Политический и социальный контекст адаптации русских

После провозглашения независимости Литовского государства правовые проблемы, связанные с этническими меньшинствами, были решены положительно, что стало существенным отличием Литвы от соседних Латвии и Эстонии. В частности, в 1991 г. был принят «нулевой» вариант Закона о гражданстве, в соответствии с которым право на гражданство предоставлялось всем, кто тогда постоянно проживал и работал в Литве. Этим правом воспользовалось подавляющее большинство населения, и в настоящее время 99.3% постоянных жителей страны имеют литовское гражданство, что частично способствует увеличению возможностей интеграции русских в литовское общество (Матулионис, Фреюте-Ракаускене, 2014). В то же время распад СССР повлек за собой не только гражданскую ассимиляцию русских в Литве, но и изменение их культурной идентичности, проявившееся в частичной ее десоветизации, на смену которой пришли усиление этнического компонента идентичности и модернизация (Potashenko, 2010).

Права культурных меньшинств и защита от дискриминации, основанной на этнической принадлежности, гарантированы Конституцией Литвы (Budrytė, 2010). В 1997 году Европейская комиссия удовлетворительно оценила положение этнических меньшинств в Литве, указав на Закон о гражданстве 1991 года как основной источник вклада в эту оценку. Положительную оценку также заслужили возможность получения образования на родном языке в финансируемых за счет государства школах и право на использование родного языка для «официальной

коммуникации» в районах, где этнические меньшинства представляют численное большинство (Budrytė, 2010).

Однако уже на первом этапе становления обновленной литовской государственности основной акцент был сделан на возрождение лишь литовской культурной идентичности и развитие одного государственного языка — литовского. Поэтому социальные перемены, последовавшие за восстановлением литовской государственности, для представителей групп меньшинств оказались особенно болезненными. К числу таких перемен для русских можно отнести резкое изменение статуса, когда русские стали этническим меньшинством, и разрушение прежних социальных ниш в связи с переструктуризацией экономики, поставившие перед русскими вопросы выбора стратегии социальной и культурной адаптации (Касаткина, 2007).

Динамика уменьшения количества школ с литовским, русским и польским языками обучения с 2001 по 2011 г. показывает, что в наибольшей степени уменьшение количества школ коснулось русских школ: за 10 лет их количество уменьшилось почти на 60%. Польских школ стало меньше на 36%, литовских — на 25%. Эти различия свидетельствуют о том, что процесс вызван не только общим снижением численности населения в стране, но и другими факторами. Это, во-первых, реорганизация сети школ, которая большинством русских была воспринята как целенаправленное закрытие. Во-вторых, это переход учеников из русских школ в литовские как проявление социальной мобильности представителей данной группы (Leončikas, 2007; Petrušauskaitė, Pilinkaitė-Sotirovič, 2012). Уменьшение количества

школ с русским языком обучения не только снизило возможности получения образования на родном языке, но и ведет к снижению роли школы как социального института в воспроизводстве русской этнической идентичности (Petrušauskaitė, Pilinkaitė-Sotirovič, 2012).

В 2011 г. были приняты поправки к Закону об образовании, в соответствии с которыми были уравнены требования, предъявляемые к знанию государственного языка на выпускных экзаменах к ученикам всех школ Литвы, независимо от языка обучения. К числу обязательных требований относится и преподавание некоторых предметов (например, истории и географии Литвы) только на литовском языке. Эти изменения вызвали протесты со стороны некоторых представителей групп этнических меньшинств, в частности, поляков и русских, несмотря на то, что в повседневном взаимодействии большинство из них используют литовский язык в качестве основного (Glāvan, Andrievschi-Bartkiene, 2012; Muiznieks et al., 2013; Šliavaitė, 2015).

Во властных структурах Литвы русские практически не представлены (Kasatkina, Beresnevičiūtė, 2010), что снижает их возможности влиять на политику и принимаемые в государстве решения. В 2010 г. перестал действовать Закон о национальных меньшинствах, принятый в 1989 г. В настоящее время основные направления политики в отношении меньшинств определяются только подзаконными актами (программы интеграции, утверждаемые постановлениями правительства). В 2010 г. был реорганизован Департамент национальных меньшинств и эмигрантов, а большая часть полномочий по реализации политики интеграции меньшинств была пе-

редана Министерству культуры, для которого эти вопросы не являются первостепенными (Petrušauskaitė, Pilinkaitė-Sotirovič, 2012).

Как отмечает Д.Будрите, официальный исторический дискурс в Литве, как и в остальных постсоветских государствах, представляет память о политике «советского геноцида», которая рассматривается через призму депортаций и русификации в советское время, что стало источником возникновения опасений за сохранение титульными этносами своей культуры и языка. Автор также указывает на существование двух трендов в национальной политике Литвы. С одной стороны, для того чтобы стать «хорошими европейцами», литовское правительство принимает лояльные по отношению к меньшинствам законы и реализует различные программы. С другой — прилагаются постоянные усилия для укрепления именно «этнического ядра» государства, что в первую очередь вызвано воспоминаниями о советской национальной политике (Budrytė, 2010).

Что касается установок титульного населения по отношению к русским, то с точки зрения социальной дистанции, они являются достаточно благоприятными (Grėjutė-Rakauskienė, 2012). Однако в средствах массовой информации проблемы, связанные с русскими, такие как, например, образование на русском языке, трансляция российских телевизионных каналов, помощь России русским общественным организациям часто политизируются, что может стать основой для проявления интолерантных установок по отношению к данной группе. Несмотря на положительный потенциал, связанный с поликультурностью и многоязычностью территорий, на которых совместно проживают этнические меньшинства и титульное

население — литовцы, исследователи констатируют существование проблем межэтнического общения, которые проявляются и в повседневном взаимодействии, и в различных институциональных секторах, таких как, например, образование (Balžekienė et al., 2008).

Можно утверждать, что проблема адаптации этнических меньшинств в Литве до сих пор не решена до конца. Вследствие преимущественной «однополярности» общества возникают проблемы, связанные с сохранением идентичности и культуры, выбором языка обучения (родного или литовского) для детей из семей этнических меньшинств, в том числе — русских (Kasatkina, Leončikas, 2000, Leončikas, 2007; Kasatkina, Beresnevičiūtė, 2010).

Эмпирическая проверка трех гипотез межкультурных отношений

Большое количество исследований, посвященных адаптации и интеграции русского этнического меньшинства в Литве, проведено в рамках социологического направления. В этих исследованиях были выявлены трудности, испытываемые русскими в процессе интеграции в литовское общество, существование связанных с адаптацией проблем, а также наличие установок на ассимиляцию у части русского населения и процессов трансформации идентичности. В то же время выявление комплекса психологических факторов, взаимосвязанных с особенностями интеграции и адаптации русских в литовском обществе, также является необходимым. Поэтому основной целью нашего исследования была проверка трех гипотез межкультурных отношений: мульти-

культурализма, контакта и интеграции (Berry, 2013; Lebedeva et al., 2016), в группе русских Литвы.

Дисперсное расселение и относительно небольшой удельный вес русских в общем населении страны может увеличить вероятность выбора или стратегии ассимиляции (Эхала, Забродская, 2011). Предыдущие исследования выявили существование ассимиляционных процессов (Leončikas, 2007), поэтому дополнительно были проверены взаимосвязи воспринимаемой безопасности и контактов со стратегией ассимиляции, а также ассимиляции и показателей психологической адаптации — удовлетворенности жизнью и самоуважения.

Теоретическая модель, проверявшаяся в исследовании, представлена на рис 1.

Методология

В исследовании использовался метод социально-психологического опроса. Респондентам была предложена анкета, в которую вошли вопросы шкал опросника MIRIPS (<http://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips>), переведенного на русский язык и адаптированного в предыдущих исследованиях (Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009): *межкультурных контактов, воспринимаемой безопасности, этнической толерантности, мультикультурной идеологии, стратегий аккультурации — интеграции и ассимиляции, самоуважения, удовлетворенности жизнью.*

Исследование проводилось в Вильнюсе и Вильнюсском районе. В нем приняли участие 290 респондентов в возрасте от 15 до 84 лет (средний возраст составил 27.3 года), из них — 103 мужчины (35.5%) и 187 женщин (64.5 %).

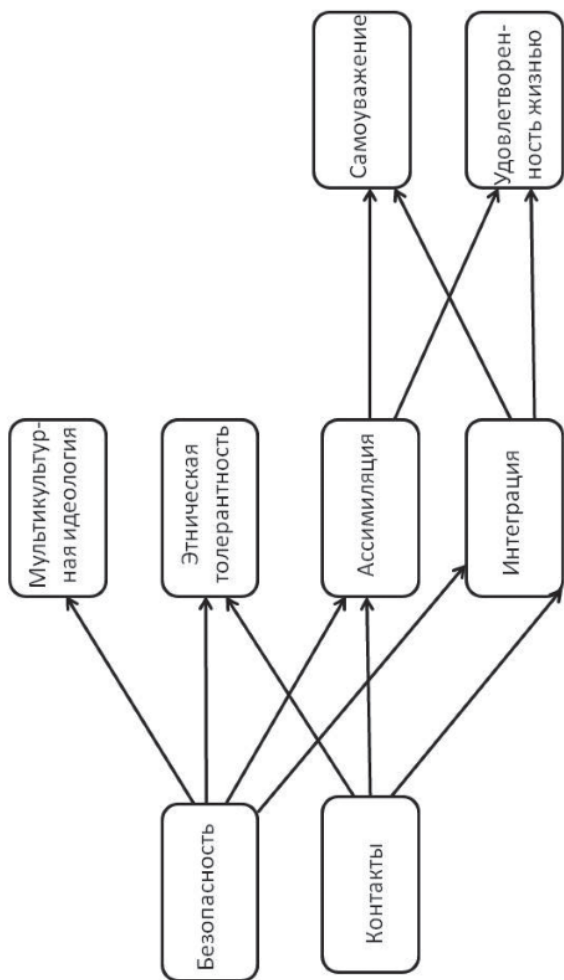

Рис. 1. Теоретическая модель для проверки трех гипотез межкультурных отношений.

Обработка данных

Для проверки гипотез был использован путьевой анализ, представляющий собой частный случай моделирования структурными уравнениями (Kline, 1998). Предложенная теоретическая модель (см. рис. 1) была проверена при помощи приложения SPSS AMOS 20 (Arbuckle, 2011).

Результаты

Средние, стандартные отклонения, α -Кронбаха и корреляции между использованными в исследовании переменными приведены в Таблице 1.

Как видно из представленной таблицы, установки русских на интеграцию ($M=4.16$) значительно выше, чем установки на ассимиляцию ($M=1.68$). Высокими являются показатели этнической толерантности ($M=4.20$) и самоуважения ($M=4.15$). Обнаружены значимые корреляции между воспринимаемой безопасностью и показателями психологической адаптации: удовлетворенностью жизнью ($r=.29$, $p<.001$) и самоуважением ($r=.17$, $p<.01$). Корреляция между воспринимаемой безопасностью и уровнем межкультурных контактов также оказалась положительной ($r=.16$, $p<.01$). Корреляционные связи стратегий интеграции и ассимиляции с мультикультурной идеологией и этнической толерантностью имеют противоположные знаки: для интеграции они являются положительными ($r=.23$, $p<.001$ и $r=.28$, $p<.001$), для ассимиляции — отрицательными ($r=-.14$, $p<.05$ и $r=-.28$, $p<.001$). Помимо этого, противоположными оказались и знаки корреляционных связей этих двух стратегий с самоуважением, то есть одним из показателей психологи-

Таблица 1

Средние, стандартные отклонения, α -Кронбаха и корреляции между переменными

Шкалы	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Безопасность	-							
2. Контакты	.16**	-						
3. Мультикультурная идеология	.07	.03	-					
4. Этническая толерантность	-.11	-.05	.38***	-				
5. Интеграция	.02	.23***	.29***	.28***	-			
6. Ассимиляция	.18**	.17**	-.14*	-.28***	-.15**	-		
7. Удовлетворенность жизнью	.29***	.07	-.02	-.05	.03	.06	-	
8. Самоуважение	.17**	.13*	.08	.09	.19**	-.13*	.42***	-
M	2.39	3.09	3.65	4.20	4.16	1.68	3.27	4.15
SD	.63	1.34	.63	.85	.71	.66	.89	.57
α -Кронбаха	.53	.82	.51	.65	.71	.67	.81	.68

Примечание. M — среднее, SD — стандартное отклонение. * — $p < .05$, ** — $p < .01$, *** — $p < .001$.

ческой адаптации: положительный для интеграции ($r = .19, p < .01$) и отрицательный для ассимиляции ($r = -.13, p < .05$).

Результаты путевого анализа приведены на рис. 2 и в табл. 2. О хорошем соответствии путевой модели эмпирическим данным свидетельствуют полученные для нее показатели: $\chi^2/df = 1.90$; $RMSEA = .05$; $CFI = .97$; $SRMR = .04$ (см. Ну, Bentler, 1999).

Таблица 2

Стандартизированные коэффициенты регрессионных связей, полученные в путевой модели

Предикторы	Мультикультурная идеология	Толерантность	Интеграция	Ассимиляция	Самоуважение	Удовлетворенность жизнью
Безопасность	.07	-.10	-.02	.16**	-	
Контакты	-	-.04	.23**	.15**	-	-
Интеграция	-	-	-		.17**	.04
Ассимиляция	-	-	-	-	-.10	.03
R ²	< .001	.01	.06	.05	.04	.01

Примечание. * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$; R² — коэффициент детерминации.

Гипотеза мультикультурализма. Для воспринимаемой безопасности значимых взаимосвязей с мультикультурной идеологией и этнической толерантностью не обнаружено. Взаимосвязь безопасности и стратегии интеграции также оказалась незначимой. В то же время данный показатель оказался предиктором стратегии ассимиляции ($\beta = .16, p < .01$).

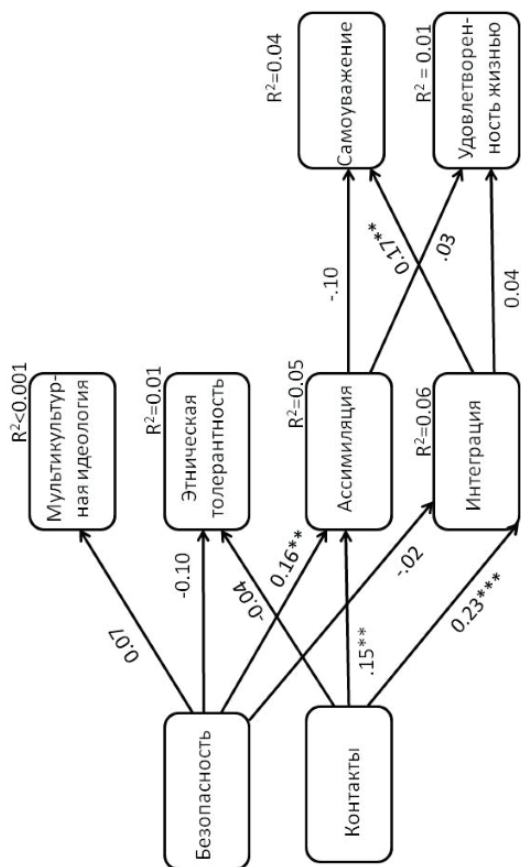

Рис. 2. Результаты путевого анализа.

Примечание. На рисунке показаны стандартизированные коэффициенты регрессионных связей и не показаны корреляционные связи; * — $p < .05$; ** — $p < .01$; *** — $p < .001$; R^2 — коэффициент детерминации

Гипотеза контакта. Межкультурные контакты положительно взаимосвязаны как со стратегией интеграции ($\beta = .23$, $p < .01$), так и со стратегией ассимиляции ($\beta = .15$, $p < .01$), но не связаны с уровнем этнической толерантности.

Гипотеза интеграции. Стратегия интеграции положительно взаимосвязана с самоуважением ($\beta = .17$, $p < .01$). Связи интеграции и удовлетворенности жизнью не обнаружено. Также мы не нашли статистически значимых взаимосвязей стратегии ассимиляции ни с одним из показателей психологической адаптации.

Обсуждение результатов и выводы

Проведенное в Литве исследование показало, что русские Литвы в значительно большей степени ориентированы на интеграцию, чем на ассимиляцию, что свидетельствует об их стремлении к полноценному участию в жизни литовского общества, и ориентации на сохранение своей этнической культуры. Сходные результаты были получены в исследовании, проведенном среди русских Латвии (Pisarenko, 2006), а также в исследованиях аккультурации и адаптации мигрантов в других странах (см., например, Berry et al., 2006; Nguyen, Benet-Martinez, 2013; van de Vijver, Phalet, 2004). В то же время в исследовании в Литве, в отличие от результатов исследования в Латвии (Lebedeva et al., 2016), была обнаружена положительная взаимосвязь уровня межкультурных контактов и воспринимаемой русскими безопасностью. Это служит свидетельством отсутствия изоляции группы русских от группы большинства в литовском обществе, а также отсутствия восприятия русскими угрозы при межкультурном взаимодействии.

Гипотеза мультикультурализма в данной группе не подтвердилась: воспринимаемая безопасность оказалась невзаимосвязанной с мультикультурной идеологией и с этнической толерантностью, что может быть связано с контекстуальными факторами, к числу которых можно отнести недовольство школьной реформой и закрытием русских школ, недостаточную представленность русских в органах власти. Такой же результат был получен для русского меньшинства в Латвии (Lebedeva et al., 2016). В исследовании в Литве была найдена положительная взаимосвязь воспринимаемой безопасности и установок русских на ассимиляцию, что может быть объяснено низким уровнем воспринимаемой безопасности в исследуемой группе. Как показали предыдущие исследования, ассимиляционные и маргинализационные тенденции наиболее характерны для тех представителей русского этнического меньшинства, которые занимают более низкие социальные позиции в обществе, в противоположность тем, чей статус в обществе способствует стабильности социального положения и сохранению идентичности (Petrušauskaitė, Pilinkaitė-Sotirovič, 2012).

В соответствии с гипотезой контакта, чем выше уровень контактов представителей этнических меньшинств с группой большинства, тем выше уровень взаимного принятия между представителями этих групп. Данная гипотеза нашла частичное подтверждение: межкультурные контакты русских оказались положительно взаимосвязанными как со стратегией интеграции, так и со стратегией ассимиляции. Обе эти стратегии сходны в степени принятия культуры доминирующего общества, соответственно межкультурные контакты способствуют этому приня-

тию. При этом взаимосвязи контактов с толерантностью обнаружено не было. Результаты проверки гипотезы контакта в группе русских в Литве полностью совпали с результатами проведенного среди русских Латвии исследования (Lebedeva et al., 2016).

Гипотеза интеграции частично подтвердилась: найдена позитивная взаимосвязь стратегии интеграции и самоуважения, что совпадает с результатами мета-анализа, в котором были выявлены адаптационные преимущества бикультурализма, то есть результата интернализации двух или более культур или интеграции в терминах теории аккультурации Дж. Берри (Nguyen, Benet-Martinez, 2013). В то же время среди русских Литвы не было обнаружено взаимосвязи стратегий интеграции и ассимиляции с удовлетворенностью жизнью. В случае ассимиляции на уровне тенденции наблюдается отрицательная взаимосвязь предпочтения стратегии ассимиляции и самоуважения. Получается, что существование ориентации на сохранение собственной культуры и контакты с представителями своей этнической группы, являющиеся главными отличиями стратегии интеграции от ассимиляции, взаимосвязаны с самоуважением представителей русского этнического меньшинства в Литве.

Результаты исследования демонстрируют, что стратегия ассимиляции для русских в Литве является возможным (о чем свидетельствуют найденные взаимосвязи воспринимаемой безопасности и межкультурных контактов с этой стратегией), но не преобладающим и желательным на сегодняшний день выбором. С точки зрения психологической адаптации, стратегия интеграции оказывается более успешной,

доказательством является обнаруженная положительная взаимосвязь интеграции и самоуважения.

Основным ограничением данного исследования является то, что в нем не участвовала группа большинства, что сделало невозможным сравнение взаимных установок русских и литовцев. Кроме того, при сборе данных использовалась техника «снежного кома», в результате в нем приняли участие только представители Вильнюсского региона, в основном — жители столицы, что не дает возможности генерализации полученных результатов и выводов.

Введение

Растущая этническая гетерогенность многих стран приводит к тому, что для многих людей жизнь на пересечении двух или более культур и совмещение сразу нескольких идентичностей стали повседневной реальностью. Однако для достижения статуса в обществе членам групп этнических меньшинств или мигрантов, зачастую, необходимо не только освоение культуры «большого общества», но и преодоление социальных барьеров и дискриминации (Kagitçibasi, 1997; van de Vijver, Phalet, 2004). Это может сказываться на различиях в аккультурационных установках представителей этих групп и на успешности их адаптации в целом.

Успешную или неуспешную адаптацию людей, имеющих статус этнического меньшинства в обществе, часто объясняют внешними факторами, к которым можно отнести время проживания в стране, уровень образования и уровень владения языком, принадлежность к первому или последующим поколениям мигрантов, совпадение или несовпадение аккультурационных установок большинства и меньшинства, неблагоприятные социальные и политические условия, культурная дистанция (Aycan, Berry, 1996; Piontkowski et al., 2002; Sabatier, Berry, 2008; Jasinskaja-Lahti et al., 2011; Ward, Searle, 1991). В то

же время внутренние факторы, такие как индивидуальные различия в когнитивных, эмоциональных и мотивационных детерминантах аккультурации и личностная активность в аккультурационном процессе изучены в значительно меньшей степени (Gezentsvey, Ward, 2008; van de Vijver, Phalet, 2004).

Несмотря на то, что существует достаточно большое количество сравнительных исследований ценностей в разных культурах, роль ценностей в аккультурации и межкультурных отношениях рассматривается лишь в относительно небольшом количестве работ. При этом использование ценностей в качестве объясняющих переменных может способствовать выявлению мотивационных факторов, стоящих за выбором различных стратегий межкультурного взаимодействия членами этнического меньшинства (Phalet, Swyngedouw, 2004).

Теория ценностей Ш. Шварца

В теории ценностей Ш. Шварца ценности рассматриваются как «мотивационный конструкт, выражающий надситуативные цели, которые служат руководящими принципами в жизни людей и групп» (Schwartz, Bardi, 2003). Первоначально Ш. Шварц выделил десять ценностей с соответствующими им десятью мотивационными целями (Schwartz, 1992). Впоследствии для повышения предсказательной способности теории было предложено использовать девятнадцать ценностей вместо десяти (Schwartz et al., 2012).

В соответствии с теорией Ш. Шварца (1992) ценности связаны с универсальным для всех людей набором потребностей. Когда выражаемые ценностями

потребности находятся в непротиворечивых отношениях друг с другом, ценности можно объединять в более крупные блоки — ценности высшего уровня. Когда ценности выражают противоречащие друг другу потребности, то они формируют так называемые ценности-оппозиции. К числу ценностей-оппозиций можно отнести две пары ценностей высшего уровня: первую образуют ценности Открытости изменениям (связаны с индивидуальной автономией и стремлением к новизне) и Сохранения (связаны с ориентацией на сохранение стабильности общества и традиций), вторую — ценности Самоутверждения (связаны со стремлением к власти и доминированию) и Выхода за пределы «Я» или Самопреодоления (связаны с заботой о благополучии других и стремлением к справедливости). Ценности Сохранения и Выхода за пределы «Я» выражают интересы группы, а ценности Открытости изменениям и Самоутверждения — индивидуальные интересы. Кроме того, ценности Открытости изменениям и Выхода за пределы «Я» связаны с ростом, развитием, свободой от тревоги, в противоположность ценностям Сохранения и Самоутверждения, которые связаны со стремлением самосохранению и к избеганию тревоги.

Мотивационный континуум, включающий 19 ценностей уточненной теории, показан на рис. 1.

Культурная универсальность ценностей подтверждена эмпирически, однако существуют различия в степени предпочтения определенных ценностей в разных культурах (Шварц и др., 2012; Schwartz et al., 2012; Schwartz, Bilsky, 1990). Также наблюдаются и возрастные различия: для младших поколений более важными оказываются ценности Открытости изменениям и Самоутверждения, для

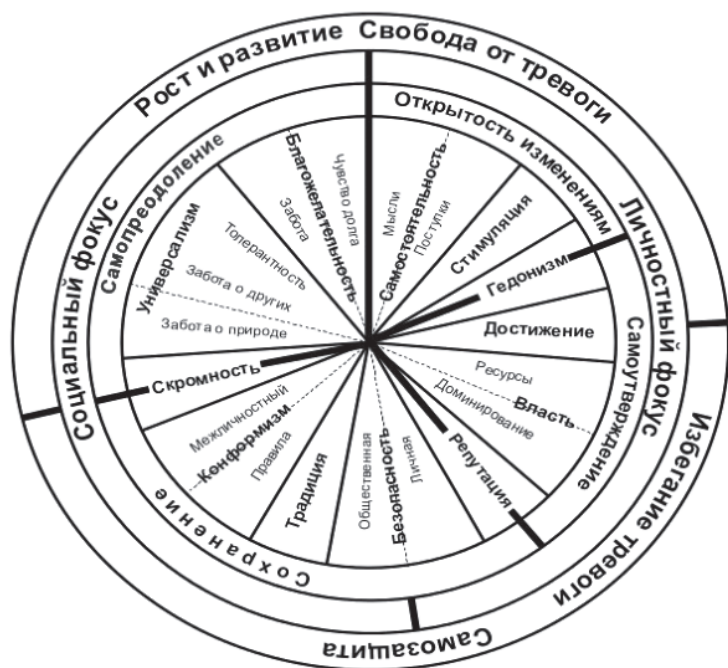

Рис. 1. Взаимное расположение ценностей уточненной теории Ш. Шварца (Шварц и др., 2012)

старших — ценности Сохранения. Помимо этого, ценностная система молодежи в большей степени изменчива и подвержена влиянию текущих исторических событий, тогда как ценности старших поколений более стабильны (Boehnke et al., 2007; Danis et al., 2011; Schwartz, 2006; Tulviste et al., 2014; Vollebergh et al., 2001).

Ценности и аккультурационные установки

Во множестве исследований было показано, что ценности могут направлять поведение людей и их установки, в том числе, межкультурные (Davidov

et al., 2008; Roccas et al., 2000; Roccas et al., 2010, Schwartz, 2010). При этом исследований, использующих теорию ценностей для объяснения процесса аккультурации, немного (Phalet, Swyngedouw, 2004). Так, например, изучались изменения ценностей в процессе аккультурации, различия в ценностях мигрантов разных поколений, а также то, какие последствия для адаптации имеет несовпадение ценностей мигрантов и принимающего населения (Leong, Ward, 2006). Было обнаружено, что мигранты с различными аккультурационными установками различаются по степени совпадения ценностей с представителями большинства. Наибольшее совпадение ценностей демонстрировали респонденты, ориентированные на ассимиляцию, наименьшее совпадение — ориентированные на сепарацию (Schiefer et al., 2012).

В исследовании, проведенном в Бельгии среди турецких и марокканских мигрантов, было обнаружено, что мигранты с различными ценностными профилями различаются своими аккультурационными установками. Так, предпочтения ценностей *традиции* (относятся к ценностям Сохранения) оказались выше у тех мигрантов, которые придерживаются установок на сепарацию, чем у тех, кто ориентирован на интеграцию и ассимиляцию. Мигранты с установками на ассимиляцию большее предпочтение отдают ценностям *самостоятельности* (относятся к ценностям Открытости изменениям), а ориентированные на интеграцию или ассимиляцию — ценностям *достижения* (относятся к ценностям Самоутверждения). Авторы приходят к выводу, что среди мигрантов, придерживающихся индивидуальных стратегий

социальной мобильности в процессе аккультурации, более предпочтительными оказываются ценности Самоутверждения и Открытости изменениям, тогда как для придерживающихся стратегий коллективной мобильности более важными оказываются ценности Сохранения (Phalet, Swyngedouw, 2004).

Также в Бельгии были проведены исследования взаимосвязи сепаративности и конформизма со стратегиями аккультурации и адаптацией турецких подростков в Бельгии. Под сепаративностью авторы понимают эмоциональную независимость и самостоятельность, которым соответствуют ценности *самостоятельности* (относятся к ценностям Открытости изменениям), а конформизму — ценности *конформизма* и *традиции* (относятся к ценностям Сохранения) по Ш. Шварцу. Была построена модель, в которой стратегии аккультурации рассматриваются в качестве медиаторов между ценностями и адаптацией. В этой модели сепаративность стала предиктором социокультурной адаптации (медиатор — адаптация к культуре принимающего общества), а предиктором психологической адаптации стал конформизм (медиатор — сохранение мигрантами культуры своей этнической группы) (Güngör, 2007; Güngör, Bornstein, 2009).

Проведенное в Литве сравнительное исследование среди русских и польских подростков показало, что и у русских, и у поляков, ориентированных на ассимиляцию, ценности Самоутверждения оказываются выше, чем у тех, кто ориентирован на интеграцию (Рябиченко, 2016).

Однако к ограничениям проведенного в Литве исследования можно отнести то, что в нем принима-

ли участие только представители молодежи, в то время как важным фактором, определяющим различия в аккультурационных установках, могут быть различия в ценностных предпочтениях, существующие между разными поколениями. Младшее поколение в большей мере демонстрирует ориентацию на достижение личных целей и соответствующие ценности, старшее — ориентацию на социум и интересы группы (Schwartz, 2007). Кроме того, социализация разных поколений проходила в существенно различающихся культурно-исторических условиях, и учет этого факта также является необходимым. Интерес к данной проблеме также обусловлен недостаточной изученностью личностных факторов аккультурации русских как этнического меньшинства.

Целью настоящего исследования стало выявление взаимосвязи индивидуальных ценностей и межкультурных установок представителей двух поколений русского этнического меньшинства в Литве. Опора на содержание ценностей высшего уровня по Шварцу позволило нам выдвинуть ряд предположений, легших в основу последующих гипотез.

Ценности Открытости изменениям связаны с индивидуальной автономией и стремлением к новизне. Поэтому они могут быть взаимосвязаны с установками на интеграцию или ассимиляцию, так как обе эти стратегии предполагают активные межкультурные контакты. Ценности Самоутверждения выражают стремление к достижению личного успеха, статуса и власти, что служит основанием для поиска средств достижения этого статуса, поэтому эти ценности могут быть связаны со стремлением к контактам с

более сильной группой — группой большинства, то есть с ориентацией на ассимиляцию или интеграцию. Ценности Сохранения выражают стремление к сохранению традиций и поддержанию стабильности группы и общества. Поэтому эти ценности могут быть взаимосвязаны и с установками на сепарацию, которая позволяет сохранить культуру своей группы, и с установками на интеграцию. При этом ценности Сохранения могут препятствовать маргинализации и ассимиляции. Ценности Выхода за пределы «Я» связаны с заботой о благополучии других, ориентацией на принятие других людей и взаимодействие с ними. Поэтому они могут быть взаимосвязаны с предпочтением интеграции, которая предполагает ориентацию на взаимодействие и сотрудничество с представителями разных культур.

Гипотезы эмпирического исследования

Гипотеза 1. Ценности Открытости изменениям положительно взаимосвязаны с установками на интеграцию и ассимиляцию.

Гипотеза 2. Ценности Самоутверждения положительно взаимосвязаны с установками на ассимиляцию и интеграцию.

Гипотеза 3. Ценности Сохранения положительно взаимосвязаны с установками на интеграцию и сепарацию, и отрицательно — с установками на ассимиляцию и маргинализацию.

Гипотеза 4. Ценности Выхода за пределы «Я» положительно взаимосвязаны с установками на интеграцию.

Тестируемая в исследовании модель изображена на рис. 2.

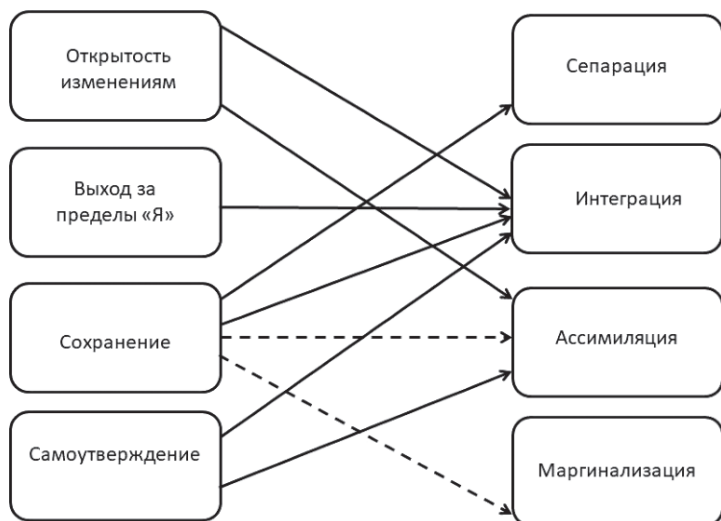

Рис. 2. Модель взаимосвязи ценностей высшего уровня и аккультурационных установок (сплошными линиями показаны предполагаемые положительные взаимосвязи, пунктирными — отрицательные).

Эмпирическое исследование взаимосвязи ценностей и межкультурных установок в двух поколениях русских Литвы

Русские в Литве

После распада СССР в 1991-ом году статус русских, проживавших в национальных республиках, существенно изменился: они официально стали этническим меньшинством. В Литве после провозглашения независимости был сделан акцент на этническом понимании нации и доминировании титульного этноса (Касаткина, 2007). Это потребовало от русских и русскоязычных жителей Литвы адаптации к изменению статуса и новой языковой политике, ког-

да единственным официальным языком стал литовский. Владение литовским языком стало обязательным требованием для всех, кто работает в государственных учреждениях и организациях, а также ключевым требованием при трудоустройстве. Поэтому для представителей этнических меньшинств знание государственного языка стало средством социальной мобильности и достижения власти. В результате многие родители выбрали школы с литовским языком обучения для своих детей, и количество школ с русским языком обучения существенно сократилось (*Hogan-Brun, 2007*). Социально-экономическое неравенство этнических групп Литвы не является значительным, однако на рынке труда литовцы находятся в более благоприятном положении. Официальная политика Литвы в отношении этнических меньшинств является достаточно благоприятной, однако этническое понимание нации имеет глубокие корни, в то время как гражданское — является достаточно редким (*Kasatkina, Veresnevičiūtė, 2010*). Это может препятствовать полноценной интеграции русского меньшинства и приводить к появлению установок на ассимиляцию. Результаты исследования этнолингвистической витальности, выражающей способность группы быть отдельной самостоятельной единицей, показали, что для группы русских в Литве ассимиляция может быть «решением, удовлетворяющим как её саму, так и представителей титульной нации» (*Эхала, Забродская, 2011*).

Методика

Участниками исследования стали русские, проживающие в Вильнюсе и в Вильнюсском районе.

Вильнюсский регион является наиболее многонациональным в Литве: 59.4% населения региона составляют литовцы, 23.0% — поляки, 10.3% — русские и 7.3% — представители других национальностей (*Lietuvos statistikos departamentas, 2013*).

Выборку составили 336 респондентов в возрасте от 15 до 84 лет: 122 мужчины и 214 женщин. Выборка была разделена на две группы. В первую вошли респонденты в возрасте до 25 лет, то есть все те, кто родился после распада СССР. Количество респондентов в этой группе составило 219 человек в возрасте от 15 до 25 лет ($M=17.7$, $SD=2.0$), 44% мужчин. Во вторую — представители старшего поколения, родившиеся в советский период, когда в пределах СССР русские были этническим большинством. Количество респондентов составило 117 человек в возрасте от 35 до 84 лет ($M=51.9$, $SD=11.9$), 22% мужчин.

В опроснике использовались следующие шкалы:

Индивидуальные ценности. Для измерения использовались 57 вопросов из опросника PVQ-R2, направленных на измерение 19-ти ценностей уточненной теории ценностей Ш. Шварца (Шварц и др., 2012; Schwartz et al., 2012). Респондентам предлагалось оценить по шестибальной шкале, в какой степени похож на них описанный человек (например, «Для него важно быть богатым» — ценности *власти-ресурсов*, «Быть очень успешным важно для него» — ценности *достижения*). Ответы ранжировались от 1 до 6: 1 — «совсем не похож на меня», 2 — «не похож на меня», 3 — «мало похож на меня», 4 — «немного похож на меня», 5 — «похож на меня», 6 — «очень похож на меня».

Аккультурационные установки: интеграция, сепарация, ассимиляция и маргинализация. Использовались переведенные на русский язык вопросы опросника MIRIPS (Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009, оригинальная версия опросника: <http://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips>).

Социально-демографические переменные: пол, возраст, этническая самоидентификация.

Девятнадцать ценностей уточненной теории Ш. Шварца могут быть сведены к исходным десяти ценностям или к четырем ценностям высшего уровня (Schwartz et al., 2012). В шкалу Открытости изменениям вошли ценности *самостоятельности — мысли, самостоятельности — действий, стимуляции и гедонизма*; Самоутверждения — ценности *достижения, власти — ресурсов, власти — доминирования и репутации*; Сохранения — ценности *личной безопасности, общественной безопасности, скромности, конформизма — правил и межличностного конформизма*; Выхода за пределы «Я» — ценности *универсализма — заботы о природе, универсализма — толерантности, универсализма — заботы о других, благожелательности — заботы и благожелательности — чувства долга*.

По каждой из шкал было найдено значение среднего балла ответов на соответствующую группу вопросов. В соответствии с рекомендациями Ш. Шварца¹, была проведена коррекция индивидуальных различий респондентов при использовании шкалы ответов.

¹ Computing Scores for the 10 Human values, https://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS1_human_values_scale.pdf

Обработка результатов проводилась в статистическом пакете SPSS 22.0 и в приложении AMOS 22.0. Для проверки гипотез была построена путевая модель, которая проверялась отдельно в каждой из возрастных групп.

Результаты

Результаты сравнения средних значений ценностей высшего уровня в двух поколениях, стандартные отклонения и соответствующие α -Кронбаха для использованных шкал приведены в таблице 1.

Таблица 1

Средние значения, стандартные отклонения и α -Кронбаха ценностей высшего уровня в двух поколениях русских Литвы

Ценности	Младшее поколение		Старшее поколение		t
	M (SD)	α	M (SD)	α	
Открытость изменениям	4.32 (.46)	.77	3.97 (.57)	.65	5.52***
Выход за пределы «Я»	4.17 (.50)	.55	4.29 (.46)	.78	2.32*
Сохранение	3.73 (.46)	.72	4.28 (.42)	.69	10.97***
Самоутверждение	3.83 (.59)	.73	3.27 (.65)	.66	7.75***

Примечание. * — $p < .05$; *** — $p < .001$, t — t-критерий Стьюдента.

Результаты межпоколенного сравнения ценностей показывают, что для младшего поколения более значимыми являются ценности Открытости изменениям и менее значимыми — ценности Сохранения (ось Открытость изменениям — Самоутверждение), а также более приоритетными — ценности Самоутверждения и менее предпочитаемыми — ценности Выхода за пределы «Я» (ось Самоутверждение — Выход за пределы «Я»).

Результаты сравнения средних, полученных для аккультурационных установок и соответствующие α -Кронбаха приведены в таблице 2.

Таблица 2

Средние значения, стандартные отклонения и α -Кронбаха шкал аккультурационных установок в двух поколениях русских Литвы

Аккультурационные установки	Младшее поколение		Старшее поколение		t
	M (SD)	α	M (SD)	α	
Интеграция	4.11 (.76)	.72	4.40 (.58)	.59	3.85***
Сепарация	2.46 (.83)	.68	2.21 (.91)	.43	2.50*
Ассимиляция	1.71 (.67)	.68	1.60 (.69)	.67	1.40
Маргинализация	2.01 (.75)	.62	2.05 (.76)	.59	.50

Примечание. * — $p < .05$; *** — $p < .001$, t — t-критерий Стьюдента.

Как видно из таблицы 2, наиболее предпочитаемыми являются установки на интеграцию, за ними следуют установки на сепарацию, маргинализацию и ассимиляцию. Данный результат совпадает в обоих поколениях. Найдены небольшие межпоколенные различия в аккультурационных установках: в старшем поколении более высоким оказался показатель интеграции, в младшем — сепарации.

Рассмотрим результаты путевого анализа. Характеристики моделей удовлетворяют требованиям, предъявляемым к методу структурного моделирования (для младшего поколения: $\chi^2/df=1.88$; RMSEA = .06; CFI = .98; SRMR = .04; для старшего поколения: $\chi^2/df=1,05$; RMSEA = .02; CFI = 1.00; SRMR = .04) (см. Hu, Bentler, 1999).

Стандартизированные коэффициенты регрессионных связей, полученные в проверяемой модели на данных двух исследуемых групп приведены в таблице 3.

Таблица 3

Стандартизированные коэффициенты регрессионных связей ценностей высшего уровня и стратегий аккультурации в младшем и старшем поколениях русских Литвы

	Младшее поколение	Старшее поколение
Открытость изменениям → интеграция	.17*	.27**
Открытость изменениям → ассимиляция	-.23**	-.14
Самоутверждение → интеграция	-.06	-.23*
Самоутверждение → ассимиляция	.16*	.22*
Сохранение → интеграция	.13	.14
Сохранение → сепарация	.01	-.02
Сохранение → ассимиляция	-.03	-.21*
Сохранение → маргинализация	-.22***	-.16
Выход за пределы «Я» → интеграция	.17*	.04

Примечание. * — $p < .05$; ** — $p < .01$; *** — $p < .001$.

Как видно из таблицы 3, в обоих поколениях ценности Открытости изменениям положительно взаимосвязаны с установками на интеграцию, ценности Самоутверждения — с установками на ассимиляцию. В младшем поколении с установками на ассимиляцию отрицательно взаимосвязаны ценности Открытости изменениям, с установками на маргинализацию — ценности Выхода за пределы «Я». В старшем поколении с установками на интеграцию отрицательно взаимосвязаны ценности Самоутверждения, с установками на ассимиляцию — ценности Сохранения, с установками на сепарацию — ценности Выхода за пределы «Я».

Обсуждение результатов и выводы

В исследовании были проверены гипотезы о взаимосвязи индивидуальных ценностей и аккультурационных установок русского этнического меньшинства в Литве. Были найдены взаимосвязи, являющиеся универсальными для двух поколений русских, а также взаимосвязи, имеющие поколенческую специфику.

Гипотеза о положительной взаимосвязи ценностей Открытости изменениям с установками на интеграцию подтвердилась в двух поколениях, несмотря на обнаруженные различия в этих ценностях, обусловленные возрастом. Этот результат можно объяснить тем фактом, что ценности Открытости изменениям включают в себя ценности *самостоятельности*. Свобода развивать собственные идеи и интеллектуальная компетентность, способность к достижению целей, отраженные в ценностях *самостоятельности* (Schwartz et al., 2012) являются способствующими интеграции.

Гипотеза о положительной взаимосвязи ценностей Открытости изменениям и установок на ассимиляцию не подтвердилась, более того, была получена отрицательная взаимосвязь ценностей Открытости изменениям и ассимиляции в младшем поколении. Эти результаты не совпадают с результатами, полученными при исследовании мигрантов в Бельгии (Güngör, 2007; Phalet, Swyngedouw, 2004). Несовпадение результатов можно объяснить тем, что для членов этнического меньшинства, имеющего длительный опыт проживания в принимающем обществе, когда изучение культуры доминирующей группы является обязательным уже на этапе школьного обучения, растворение в культуре большинства,

то есть установки на ассимиляцию не несут ничего нового. Для молодежи «вызовом» является как раз сохранение собственной культуры, требующее самостоятельности, которая позволяет сохранять свою собственную этническую культуру и усваивать культуру доминирующего общества.

Гипотеза о положительной взаимосвязи ценностей Самоутверждения и установок на ассимиляцию нашла подтверждение в обоих поколениях. Ценности Самоутверждения включают в себя ценности *власти*, то есть ориентацию на социальное доминирование и стремление к обладанию материальными ресурсами (Schwartz et al., 2012). Данный результат может свидетельствовать о том, что в качестве способа достижения статуса и личного успеха русские в Литве видят присоединение к более сильной группе — группе этнического большинства. Ассимиляция выступает в качестве стратегии индивидуальной мобильности, дающей возможность двигаться вверх по социальной лестнице и не вызывает возражений со стороны группы большинства (Эхала, Забродская, 2011; Hogan-Brun, 2007; Leončikas, 2007). Это, отчасти, может служить объяснением того факта, что ценности Самоутверждения оказались, вопреки гипотезе, отрицательно взаимосвязанными с установками на интеграцию в старшем поколении. Здесь важно отметить, что именно представители старшего поколения стали свидетелями «перелома» в 90-х годах, когда статус группы русских в Литве резко изменился, и группа перешла в категорию безусловного этнического меньшинства, лишившись тех позиций, которые у нее были в бывшем СССР. Получается, что для тех представителей старшего поколения, для кого важны статус, престиж и обладание ресурсами,

их достижимость могла и может восприниматься как необходимость отказа от сохранения собственной культуры. Что касается власти, то для многих представителей старшего поколения перспектива ее достижения в роли этнического меньшинства также могла выглядеть весьма сомнительной на фоне резких политических изменений после распада СССР, что и может быть фактором, препятствующим ориентации на интеграцию.

Гипотеза о взаимосвязи ценностей Сохранения с установками на интеграцию и сепарацию не подтвердилась в обоих поколениях. Что касается сепарации, то полученный в Литве результат не совпадает с результатами проведенного в Бельгии исследования (Phalet, Swyngedouw, 2004). Ценности Сохранения, помимо ценностей *традиции*, включают в себя ценности *безопасности*. Учитывая дисперсность расселения русских на территории Литвы и незначительный удельный вес группы в общем ее населении (Матулионис, Фреюте-Ракаускене, 2014), сепарация не может рассматриваться как способствующая личной безопасности, что может служить объяснением полученного результата. Для установок на интеграцию были выявлены положительные взаимосвязи, но они не достигли необходимого уровня значимости. В то же время ценности Сохранения оказались отрицательно взаимосвязанными с установками на ассимиляцию в старшем поколении и на маргинализацию в младшем поколении, и можно предположить, что ориентация на сохранение традиций, заложенная в данной группе ценностей, тоже сыграла свою роль.

Гипотеза о взаимосвязи ценностей Выхода за пределы «Я» с установками на интеграцию была

подтверждена в младшем поколении. Это означает, что для молодежи забота о благополучии других, ориентация на принятие отличных от себя людей и взаимодействие с ними взаимосвязаны с интеграцией.

К выявленным в исследовании универсальным для обоих поколений русских в Литве взаимосвязям можно отнести обнаруженную положительную взаимосвязь ценностей Открытости изменениям со стратегией интеграции и положительную взаимосвязь ценностей Самоутверждения со стратегией ассимиляции. Данный результат продемонстрировал, что связанные с ценностями Открытости изменениям автономия взглядов и действий, чувство собственной компетентности, открытость новому опыту и активность способствуют интеграции, позволяющей личности успешно функционировать в быстро изменяющемся мире и в окружении других культур, сохраняя свою собственную этническую культуру и усваивая культуру доминирующего общества.

Что касается ценностей Самоутверждения, то известно, что они связаны со стремлением к власти, высокому статусу, престижу и обладанию ресурсами. Значимость этих ценностей может возрастать, когда они оказываются труднодостижимыми (Schwartz, Bardi, 1997). Оказалось, что именно эти, связанные с тревогой и самозащитой ценности, могут быть связаны с отказом от собственной культуры и присоединением к группе большинства, для которой власть и ресурсы более доступны. С одной стороны, ассимиляция, является стратегией социальной мобильности (Leončikas, 2007) и в случае русских Литвы может выступать как средство минимизации усилий при движении вверх по социальной лестнице. С другой

стороны, взаимосвязь ассимиляции с ценностями Самоутверждения дает основания предположить, что выбор данной стратегии является своего рода «защитным механизмом» для представителей группы этнического меньшинства в неблагоприятных для группы условиях, а не естественным процессом.

Исследование также показало, какие индивидуальные ценности взаимосвязаны с аккультурационными установками русских в Литве. Существенно, что универсальные для старшего и младшего поколений взаимосвязи ценностей с аккультурационными установками найдены для ценностей, выражающих интересы личности, а не группы. Это ценности Открытости изменениям, для которых обнаружена положительная взаимосвязь с ориентацией на интеграцию, и ценности Самоутверждения, для которых обнаружена положительная взаимосвязь с ориентацией на ассимиляцию. Первые относятся к «ценностям роста» (Schwartz, 2011), предполагают самостоятельность и компетентность, и, как показало исследование, способствуют ориентации на самую успешную с точки зрения адаптации стратегию — стратегию интеграции (см., например, Berry, Sabatier, 2011). Вторые относятся к «ценностям защиты» (Schwartz, 2011), и они оказались взаимосвязаны с ориентацией на ассимиляцию, то есть на отказ от сохранения культуры собственной группы и предпочтение культуры этнического большинства. Распад СССР и изменение статуса русских стали вызовом для многих представителей данной этнической группы. Полученные в нашем исследовании результаты показали, что для русских Литвы аккультурация в новых условиях является выбором, в котором они руководствуются индивидуальными интересами,

и, предположительно, ориентируются на индивидуальные, а не групповые стратегии мобильности. При этом ориентация на рост и развитие, свобода от тревоги, самостоятельность и компетентность позволяют русским сохранить культуру собственной этнической группы и успешно функционировать в литовской культуре, в то время как избегание тревоги и самосохранение ведут к растворению в культуре большинства.

В заключение следует сказать, что в данном исследовании удалось более детально раскрыть ценностно-мотивационную основу выбора стратегии аккультурации представителями разных поколений русских в Литве. Несовпадение полученных нами результатов с результатами исследований в других странах, говорит о важности этнокультурного и социально-политического контекста для понимания психологических механизмов выбора личностью способа аккультурации в принимающем обществе.

Межкультурные отношения между азербайджанцами и русскими в постсоветском Азербайджане

В. Галяпина, Н. Лебедева

Введение

После распада СССР в 1991 году этнические русские, проживающие в бывших союзных республиках, превратились в этническое меньшинство. Но важно понимать, что этнические русские живут на территории многих вновь образованных независимых государств более 100 лет, они играли достаточно значимую роль в развитии этих республик в советский период. Необходимо отметить, что после распада СССР политика в отношении русских сильно отличалась в разных республиках (от полного принятия до полного непринятия). Несомненно, эти особенности накладывают свой отпечаток на отношения между русскими этих республик и представителями доминирующих этнических групп. В этой связи очень важно изучение межкультурных отношений в странах бывшего СССР и в данном исследовании мы фокусируемся на межкультурных отношениях между азербайджанцами и русскими в Азербайджане. Мы протестировали три гипотезы межкультурных отношений (гипотезу мультикультурализма, гипотезу контакта и гипотезу интеграции) в этой стране.

Социокультурный контекст Азербайджана

Русские проживают на территории Азербайджана уже более полутора веков. Первое распоряжение

о переселении русских раскольников из внутренних губерний России в Закавказский край было издано в 1832 году. Позже, в 30–50-х годах XIX века, в Азербайджане появились русские переселенцы из Тамбовской, Саратовской, Воронежской и некоторых других губерний (Заплетин, Ширин-заде, 2008). Следующая волна миграции русского населения в Азербайджан относится к концу XIX — началу XX вв., она связана с развитием промышленности, особенно нефтяной, и ростом городов. Русские были заняты в промышленном и административном секторах, они сыграли наибольшую роль в развитии Азербайджана, и особенно Баку, в советский период (Керимов, 2010).

Отличительной особенностью Азербайджана было то, что в отличие от некоторых республик бывшего Советского Союза, где русский язык, являясь официальным, не превалировал в быту, в Азербайджане русский язык преобладал в повседневном бытовом общении. В советский период Азербайджан практически превратился в русскоязычную республику (Караваяев, 2008).

Распад СССР и образование независимой республики Азербайджан привели к тому, что русские стали этническим меньшинством в этой стране. В этот период (1980–1990 годы) происходит массовый отток русского населения из Азербайджана. Сегодня, по статистическим данным, в Азербайджане проживает около 180 тыс. русских (1.34%), это третья по величине (после азербайджанцев и лезгин) этническая группа в Азербайджане (Переписи, 2013). В отличие от других республик (например, Латвия, Эстония) русские, проживающие в Азербайджане, автоматически получили гражданство (Выхованец, 2005).

Причинами оттока русских являлись: нестабильность внутривосточной обстановки, длительный Карабахский конфликт, экономический кризис и разрушение промышленного сектора, в котором традиционно трудились русские, сужение сферы применения русского языка, возрастание психологического дискомфорта этой группы населения и т.д. (Попов, 2004).

Результаты исследований межкультурных отношений, проводимых в Азербайджане в постсоветский период, являются неоднозначными. Данные мониторинга конфликтов, основанные на интервью экспертов в 2003–2004 годах, показали, что уровень межкультурных конфликтов в Азербайджане выше, чем в других республиках бывшего СССР (Тишков, Степанов, 2004). Исследователи прогнозируют рост напряженности в межгрупповых отношениях в республике.

Результаты других исследований не выявили серьезных проблем в межэтнических отношениях в Азербайджане. Представители всех этнических групп Азербайджана имели высокий уровень этнической толерантности, готовность работать и учиться в полиэтнических коллективах, имели друзей разных национальностей, были нацелены на межэтническое сотрудничество в разных сферах (Гулиев, 2012; Азербайджан в 2006–2010 годах, 2011; Фаратов, 2011). Около 70% населения считают межнациональные отношения в Азербайджане спокойными и благоприятными (Фаратов, 2011). По мнению опрошенных, этому, прежде всего, способствует гибкая и взвешенная политика руководства страны (указали около 40% опрошенных), а также традиционно сложившиеся добрые и взаимоуважительные отноше-

ния между народами (более 20%) (Фарадов, 2011). Исследования показывают, что более половины респондентов считают почти все этнические меньшинства Азербайджана своими соседями и друзьями (Мусабеков, 2003). Около 90% опрошенных представителей этнических меньшинств отметили, что для них не существует реальной опасности утраты своей национальной самобытности и идентичности. Подавляющее большинство представителей национальных меньшинств считают Азербайджан своей родиной (88.3%), чувствуют и считают себя полноправными гражданами страны (79.6%). При этом они гордятся своим народом, его достижениями, культурой и историей (81.7%) (Мусабеков, 2003).

Русский язык по-прежнему широко используется в повседневном общении в Азербайджане, 47% этнических азербайджанцев говорят по-русски (Мусабеков, 2011). В исследовании Караева (2008) отмечается, что русский язык распространен среди азербайджанской элиты и считается «культурным» в Баку. По мнению опрошенных, без хорошего знания русского языка невозможно сделать успешной карьеры.

За годы существования независимого Азербайджана, несмотря на сокращение количества русских классов, не была закрыта ни одна русская школа. Из 1.6 млн учащихся на русском языке обучаются более 109 тыс. человек (около 11%). Из 4547 общеобразовательных школ республики в 384 школах преподавание ведется в двух секторах: в азербайджанском — на азербайджанском языке, в русском — на русском языке. В 18 азербайджанских и 14 филиалах российских вузов, а также в 38 средних специальных учебных заведениях на русском языке обучаются около 20 тысяч студентов. В 2000 году был основан Бакинский

славянский университет (БСУ), где изучаются славянские языки (Гаврилов, Козиевская, Яценко, 2008).

Однако некоторые исследования показали, что масштабы и сферы применения русского языка в Азербайджане постепенно сокращаются. В связи с принятием закона о защите азербайджанского языка в 2002 г., делопроизводство в госучреждениях было переведено на азербайджанский язык. Кроме этого кириллица была заменена на латинский шрифт. Поскольку большинство русских слабо владеют (или вообще не владеют) азербайджанским языком у них возникают проблемы при адаптации к новым условиям (Пчелинцева, Соловьева, 2012).

Существуют факты искажения истории. В школьных учебниках по истории Азербайджана авторы пытаются только русских (русов) изобразить кровожадными, беспощадными и жестокими грабителями, забывая, что покорение азербайджанских ханств Арабским халифатом, Персией, Турцией и другими сопровождалось более масштабным уничтожением народа, грабежами и пленением в рабство населения (Заплетин, Ширин-заде, 2008).

Как отмечает Р. Мусабеков (2011), после распада СССР русское население оказалось в определенной мере отстранённым от политической жизни страны, участие в ней представителей русской общины в этот период приобрело эпизодический характер (Мусабеков, 2011).

Также в исследованиях отмечается, что отношение к России и, соответственно, к русскому населению Азербайджана, ухудшалось в силу того, что в СМИ очень часто Россия упоминалась как сторонница Армении в армяно-азербайджанском конфликте. (Фурман, 2001; Юнусов, 2001).

Исходя из всего вышеизложенного, мы можем предположить, что контекст межкультурных отношений между азербайджанцами и русскими создает благоприятные условия для взаимной интеграции благодаря использованию обоих языков в повседневном общении, наличию межкультурных дружеских контактов, высокой этнической толерантности.

В данном исследовании мы проверили три гипотезы межкультурных отношений (гипотезу мультикультурализма, гипотезу контакта и гипотезу интеграции) (см. главу Берри данной монографии, а также Берри, 1997; Lebedeva, Tatarko, Berry, 2016 a; Lebedeva, Tatarko, Berry, 2016б) в Азербайджане, чтобы выявить сходства и различия во взаимной адаптации русских и азербайджанцев.

Гипотезы исследования

Гипотеза мультикультурализма: чем в большей степени у индивида выражено чувство безопасности, тем выше уровень его готовности принимать тех, кто отличается по своим этнокультурным характеристикам, а именно: чем выше уровень воспринимаемой безопасности, тем в большей степени выражены поддержка мультикультурной идеологии и этническая толерантность (как у русских, так и у азербайджанцев).

Гипотеза контакта: межкультурные дружеские контакты обеспечивают взаимное принятие, а именно: чем интенсивнее дружеские контакты между русскими и азербайджанцами, тем сильнее выражены их предпочтения интеграции и ассимиляции и их этническая толерантность.

Гипотеза интеграции: предпочтение стратегии интеграции способствует более успешной психоло-

гической адаптации, а именно: чем выше предпочтение интеграции, тем выше уровень удовлетворенности жизнью и самоуважения.

Опираясь на особенности социокультурного контекста Азербайджана: отсутствие у этнических меньшинств воспринимаемой опасности утраты своей национальной самобытности и идентичности; восприятие ими Азербайджана как своей родины, а себя — полноценными гражданами страны; выраженная позитивная этнокультурная идентичность представителей этнических меньшинств; взаимоважительные отношения азербайджанцев и членов других этнических групп; восприятие азербайджанцами этнических меньшинств Азербайджана в качестве соседей и друзей — мы сформулировали *дополнительную гипотезу*: чем выше уровень воспринимаемой безопасности, тем в большей степени индивид предпочитает интеграцию в межкультурных отношениях и в меньшей степени — ассимиляцию.

Метод

Выборка

Выборка включала 607 респондентов: 300 азербайджанцев и 307 этнических русских. В таблице 1 представлены характеристики распределения выборки по полу и возрасту.

Опрос проводился в столице страны — городе Баку, поскольку по данным переписи населения (Переписи, 2013) 80% этнических русских в Азербайджане живут в этом городе. Также опрос проводился в двух регионах Азербайджана, в которых проживают этнические русские — Исмаиллинском и Хачмазском.

Таблица 1

Характеристики выборки

Группы	N	Возраст		Пол
		М	SD	мужчины (%)
Азербайджанцы	300	46.6	20.1	43
Этнические русские	307	45.8	21.6	29.3

Примечание. N — общий объем выборки; М — среднее значение; SD — стандартное отклонение.

Методики исследования

В исследовании использовался опросник, созданный в рамках проекта *Mutual Intercultural Relations In Plural Societies (MIRIPS)* или «Взаимные межкультурные отношения в плюралистических обществах» (Лебедева, Татарко, 2009). Все респонденты опрашивались с помощью русскоязычной версии опросника, поскольку они говорят и пишут на русском языке так же хорошо, как и на азербайджанском.

В процессе опроса респонденты отвечали на вопросы анкеты, используя 5-балльную шкалу ответов: от 1 — «полностью не согласен» до 5 — «полностью согласен».

Опросник включал следующие шкалы.

Шкала воспринимаемой безопасности. Данный показатель подсчитывался как среднее значение согласия респондента с тремя утверждениями. Пример утверждений: «Мы должны принять меры для защиты наших культурных традиций от влияния извне» (обратный вопрос).

Межкультурные дружеские контакты. Межкультурные контакты оценивались параллельными вопросами о друзьях из других этнических групп и о частоте контактов с ними. Вопросы для русских/

азербайджанцев: «Сколько у Вас близких друзей — азербайджанцев/русских?» (варианты ответов: 1 — Ни одного; 2 — Только один; 3 — Мало; 4 — Несколько; 5 — Много); «Как часто Вы встречаетесь со своими близкими друзьями — азербайджанцами/русскими?» (1 — Никогда; 2 — Редко; 3 — Иногда; 4 — Часто; 5 — Каждый день).

Стратегии аккультурации и аккультурационные ожидания. В данном исследовании оценивались две аккультурационные стратегии русских (которые являются этническим меньшинством в Азербайджане) — интеграция и ассимиляция. Примеры вопросов: «Для меня важно владеть в совершенстве и русским, и азербайджанским языками» (шкала интеграции); «Я предпочитаю мероприятия, в которых участвуют только азербайджанцы» (шкала ассимиляции). У представителей этнического большинства — азербайджанцев оценивались соответствующие аккультурационные ожидания — интеграция и ассимиляция. Примеры вопросов: «Для русских, проживающих в Азербайджане, важно владеть в совершенстве и русским, и азербайджанским языками» (шкала интеграции); «Русским, проживающим в Азербайджане, следует участвовать в тех мероприятиях, в которых участвуют только азербайджанцы» (шкала ассимиляции).

Мультикультурная идеология. Данный конструкт направлен на выявление степени поддержки мультикультурализма как идеологии и практики. Он оценивался с помощью 4 вопросов, таких как: «Мы должны помогать этническим меньшинствам сохранять их культурное наследие в Азербайджане».

Этническая толерантность. Данная шкала имеет 4 вопроса, например: «Хорошо, когда люди разных рас и национальностей живут в одной стране».

Удовлетворенность жизнью. Шкала включала 4 вопроса, например: «Я могу многое делать так же хорошо, как и большинство других людей» (Diener, Emmons, Larson, Griffin, 1985).

Шкала самоуважения Розенберга (RSES). Шкала включала 4 пункта и позволяла получить обобщенный показатель самооценки индивида (Rosenberg, 1965). Пример вопросов: «Я считаю, что у меня есть хорошие качества».

Демографические переменные. В дополнение к методикам, направленным на оценку изучаемых психологических конструкторов, мы использовали ряд вопросов, направленных на оценку демографических характеристик респондентов — пол, возраст, уровень образования. Эти вопросы использовались в обеих выборках.

Процедура

Исследование было проведено Центром Исследований и Международной кооперации «СИГМА» (Азербайджан, Баку). При опросе была использована «удобная» выборка. Опрос представителей обеих групп проводился на русском языке.

Обработка данных. Для проверки трех гипотез, было использовано моделирование структурными уравнениями (*SEM*) (Bollen, Pearl 2013) с помощью программы *AMOS* версии 20.0 (Arbuckle, 2011). В процессе обработки данных мы строили отдельные модели для каждой выборки.

Результаты

Описательные статистики всех переменных исследования представлены в таблице 2.

Таблица 2

**Средние значения, стандартные отклонения
и показатели t-критерия сравнения русской
и азербайджанской выборов**

Переменные	M; SD		t-критерий, р
	русские	азербайджанцы	
Воспринимаемая безопасность	3.76; 1.41	4.29; .81	-7.3***
Межкультурные дружеские контакты	3.65; 1.05	2.60; 1.11	11.8***
Мультикультурная идеология	4.08; .67	4.19; .83	-1.7
Этническая толерантность	4.07; .84	4.24; .83	-2.6**
Интеграция	4.38; .54	4.37; .82	.05
Ассимиляция	1.44; .53	1.62; .89	-2.9**
Удовлетворенность жизнью	3.33; .95	3.16; .87	2.3*
Самоуважение	4.25; .55	4.01; .67	2.4*

Примечание. * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$.

В таблице 2 можно увидеть несколько тенденций в различиях между русскими и азербайджанцами. Уровень воспринимаемой безопасности значительно выше у азербайджанцев, чем у русских. Русские оценивают межкультурные дружеские контакты с этническим большинством как более интенсивные по сравнению с азербайджанцами, что вполне ожидаемо, т.к. количество русских в Азербайджане невелико. Уровень приемлемости мультикультурной идеологии у азербайджанцев несколько выше, чем у русских (на уровне тенденции). Уровень этнической толерантности у азербайджанцев значимо выше, чем у русских. Предпочтение ассимиляции статистически значимо выше среди азербайджанцев в сравнении с русскими. Удовлетворенность жизнью и самоуважение русских в Азербайджане выше, чем

удовлетворенность жизнью и самоуважение самих азербайджанцев.

Далее мы протестировали три гипотезы межкультурных отношений, используя моделирование структурными уравнениями (путевой анализ). На рис. 1 и 2 представлены модели результатов проверки трех гипотез среди русских и азербайджанцев. Фактически связей было получено больше в сравнении с тем, что мы изначально предполагали. Полная информация о связях между переменными представлена в таблице 3.

В таблице 3 данные для обеих выборок представлены в ячейках через слеш.

Таблица 3

Стандартизированные прямые регрессионные эффекты и корреляции (русские в Азербайджане / азербайджанцы)

Предикторы	МК	МИ	ТОЛ	ИНТ	АСС	УЖ	СУ
ВБ	-.02/ -.43***	.11*/ .52***	.89***/ .31***	.26***/ .57***	-.24***/ -.43***	.00/ 24***	.00/ .00
МК	-	.25***/ .23***	.03/.31***	.17**/ -.02	.15**/ .01	.00/.00	.00/ .30***
МИ	.25***/ .23***	-	.08/.30***	-.08/ .61***	-.21***/ -.55***	.00/ -.27***	-.08/ -.08
ТОЛ	.03/ .31***	.08/ .30***	-	.37***/ .23***	-.21***/ -.36***	.07/.09	-.08/ .28***
ИНТ	.17**/ -.02	.08/ .61***	.37***/ .23***	-	-.35***/ -.52***	.13*/.03	.18***/ .09
АСС	.15**/ .01	-.21***/ -.55***	-.21***/ -.36***	-.35***/ -.52***	-	-.05/-.01	.04/-.12
R ²	-	.07/.22	.79/.19	.09/.32	.09/.18	.02/23	.05/10

Примечание. *p < .05; **p < .01; ***p < .001. Корреляции представлены курсивом.

ВБ — воспринимаемая безопасность; МК — межкультурные дружеские контакты; МИ — мультикультурная идеология; ТОЛ — этническая толерантность; ИНТ — интеграция; АСС — ассимиляция; УЖ — удовлетворенность жизнью; СУ — самоуважение.

Рис. 1. Путьевая модель проверки трех гипотез межкультурных отношений на выборке азербайджанцев в Азербайджане. Показатели модели: $\chi^2/df=1.8$; CFI = .99; RMSEA = .05; PCLOSE = .42.

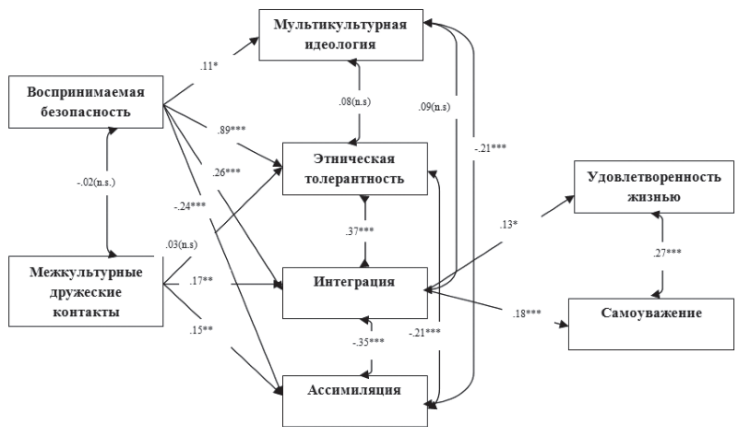

Рис. 2. Путьевая модель проверки трех гипотез межкультурных отношений на выборке русских в Азербайджане. Показатели модели: $\chi^2/df=1.5$; CFI = .99; RMSEA = .04; PCLOSE = .59.

Данные модели имеют приемлемые статистические показатели для обеих выборок. Процент дисперсии, объясняемой демографическими характеристиками (пол и возраст) незначителен за исклю-

чением одного случая: влияние возраста объясняет 10% дисперсии переменной «принятие мультикультурной идеологии» на выборке русских. Далее рассмотрим основные результаты моделирования для обеих выборок.

Гипотеза мультикультурализма. Воспринимаемая безопасность русских в Азербайджане имеет сильную позитивную взаимосвязь с этнической толерантностью ($\beta = .89, p < .001$) и статистически значимые позитивные взаимосвязи с принятием мультикультурной идеологии ($\beta = .11, p < .05$) и предпочтением интеграции ($\beta = .26, p < .001$). В то же время воспринимаемая безопасность статистически значимо отрицательно связана с предпочтением ассимиляции в выборке русских Азербайджана ($\beta = -.24, p < .001$). Воспринимаемая безопасность в группе азербайджанцев также имела значимую положительную связь с принятием мультикультурной идеологии ($\beta = .52, p < .001$), этнической толерантностью ($\beta = .31, p < .001$) и аккультурационным ожиданием «интеграция» ($\beta = .57, p < .001$). Таким образом, можно сделать вывод, что гипотеза мультикультурализма была полностью подтверждена на выборках азербайджанцев и русских, проживающих в Азербайджане.

Гипотеза контакта. Межкультурные дружеские контакты русских статистически значимо и позитивно предсказывают аккультурационные стратегии интеграции ($\beta = .17, p < .01$) и ассимиляции ($\beta = .15, p < .01$), но не предсказывают этническую толерантность. Межкультурные контакты азербайджанцев с русскими статистически значимо и позитивно предсказывают их этническую толерантность ($\beta = .31, p < .001$), но не предсказывают аккультурационные ожидания «интеграция» и «ассимиляция». Таким об-

разом, можно сказать, что данная гипотеза подтвердилась частично в обеих выборках.

Гипотеза интеграции. Предпочтение русскими стратегии интеграции статистически значимо и позитивно предсказывает их удовлетворенность жизнью ($\beta = .18, p < .001$) и самоуважение ($\beta = .13, p < .05$), в то время как аккультурационное ожидание «интеграция» в выборке азербайджанцев не предсказывает их удовлетворенность жизнью и самоуважение. Таким образом, гипотеза интеграция была подтверждена на выборке русских, но не была подтверждена на выборке азербайджанцев.

Важно отметить, что мы обнаружили отрицательную корреляцию между частотой межкультурных контактов и воспринимаемой безопасностью в выборке этнического большинства, то есть азербайджанцев ($r = -.43; p < .001$).

Обсуждение результатов

В данном исследовании впервые изучалась взаимная аккультурация и межкультурные отношения русских как этнического меньшинства и азербайджанцев как представителей доминирующей этнической группы в Азербайджане. Это исследование дает возможность сравнить особенности межкультурных отношений и выявить роль социокультурного контекста и приемлемости мультикультурной идеологии в этом процессе.

Согласно гипотезе мультикультурализма, чем выше воспринимаемая безопасность, тем выше поддержка мультикультурной идеологии и этнической толерантности (как для этнического меньшинства, так и для этнического большинства). Результаты на-

шего исследования показали, что в Азербайджане воспринимаемая безопасность значимо предсказывает поддержку мультикультурной идеологии, а также — этническую толерантность, как русских, так и азербайджанцев. Таким образом, результаты исследования полностью подтвердили гипотезу мультикультурализма.

Кроме этого была подтверждена наша дополнительная гипотеза о том, что воспринимаемая безопасность способствует предпочтению интеграции и препятствует предпочтению ассимиляции. Результаты показали, что чем в большей безопасности ощущают себя русские и азербайджанцы, тем больше они предпочитают интеграцию и меньше ассимиляцию.

Гипотеза контакта предполагала, что дружеские межкультурные контакты положительно влияют на принятие людей других культур. Наши результаты показали, что дружеские контакты азербайджанцев с русскими способствуют только их этнической толерантности. Интенсивные дружеские контакты русских с азербайджанцами способствуют предпочтению стратегий интеграции и ассимиляции. Таким образом, гипотеза контакта частично подтвердилась и у русских, и у азербайджанцев.

Согласно гипотезе интеграции, предпочтение интеграции способствует лучшей психологической адаптации представителей этнического меньшинства и большинства. Среди азербайджанцев мы не выявили значимой связи их аккультурационного ожидания «интеграция» с их удовлетворенностью жизнью и самоуважением. Однако среди русских предпочтение ими стратегии интеграции положительно и значимо связано с показателями психологической адаптации (самоуважение и удовлетворен-

ность жизнью). Таким образом, можно сказать, что предпочтение русскими стратегии интеграции способствует их самоуважению и удовлетворенности жизнью. Гипотеза интеграции была полностью подтверждена среди русских и не получила подтверждения среди азербайджанцев.

В целом можно сказать, что все три гипотезы получили подтверждение только среди русских.

Для нас важно понимать, почему среди азербайджанцев межкультурные контакты с русскими не способствуют предпочтению установок на интеграцию и ассимиляцию русских. Мы получили значительную отрицательную связь между воспринимаемой безопасностью и межкультурными дружескими контактами. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что, у азербайджанцев высокий уровень воспринимаемой безопасности сочетается с низкой частотой межкультурных контактов с русскими. Такое сочетание не противоречит гипотезе контакта, учитывая то, что дружеские контакты с русскими способствуют этнической толерантности азербайджанцев.

Также важным является понимание причин того, что аккультурационное ожидание интеграции русских не приносит азербайджанцам удовлетворенности жизнью и самоуважения. Мы полагаем, что это связано с тем, что доля русских в Азербайджане очень мала (1.34%), они не имеют значимого влияния на ситуацию в республике (Мусабеков, 2011) в этой связи позитивные взаимоотношения с русскими вряд ли могут оказывать существенное влияние на психологическое благополучие азербайджанцев.

В целом можно отметить, что нынешние межкультурные отношения между русскими и азербайджанцами в Азербайджане характеризуются взаим-

ными позитивными установками, социокультурный контекст в республике является хорошим основанием для интеграции русских. Большое значение и для русских, и для азербайджанцев играет воспринимаемая безопасность, и в этой связи данной проблеме должно уделяться большее внимание в публичном дискурсе страны.

Есть некоторые ограничения нашего исследования. Первое ограничение касается выборки исследования, она не является репрезентативной для Азербайджана, поскольку данные собирались в основном в столице (Баку). Второе ограничение касается методики сбора данных, в нашем исследовании использовался «снежный ком». Чтобы преодолеть эти ограничения, мы планируем проверить эти три гипотезы в других соседних странах, чтобы сравнить результаты, полученные в разных социокультурных контекстах. Такой подход должен позволить нам оценить универсальность этих гипотез, а также выявить некоторые культурные и национальные особенности.

Заключение

Проверка трех гипотез межкультурного взаимодействия в России и на постсоветском пространстве: мета-анализ

Н. Лебедева, А. Татарко

Введение

В процессе реализации проекта «Эмпирическая проверка применимости политики мультикультурализма в России в контексте мирового опыта» авторы данной монографии провели исследования в России и ее регионах (Москва, Центральный федеральный округ, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания, Дагестан) а также — в Латвии (Рига) и в Азербайджане (Баку, Исмаиллинский и Хачмазский районы), опросив респондентов 13-и выборки общей численностью 3940 человек.

Цель данной части реализации проекта состояла в обобщении результатов исследования в разных регионах и определении того, насколько универсально подтверждаются три гипотезы межкультурного взаимодействия в центральной России, республиках Северного Кавказа и двух странах, бывших республиках СССР. Поскольку выборки были довольно разнородными, и инструментарий частично отличался, мы не могли провести мультигрупповое моделирование структурными уравнениями и выбрали для этой цели процедуру мета-анализа. Мета-анализ работает с вторичными данными, оперируя уже подсчитанными коэффициентами, результатами исследований и информацией о выборках. Данная процедура по-

зволяет привести разнородные данные разных исследований к единой метрике и сделать, на основе разных исследований, проведенных разными авторами обобщенный вывод о наличии или отсутствии искомого эффекта.

Существуют две модели мета-анализа: модель фиксированных эффектов и модель случайных эффектов (*fixed- и random-effects models*). Модель фиксированных эффектов предполагает, что рассматриваемый эффект константен во всех включенных в мета-анализ исследованиях, а в модели случайных эффектов ключевым является предположение о том, что получаемые результаты варьируют, будучи случайно отобранными из популяции (Корнилов, Корнилова, 2010). Выбор той или иной модели мета-аналитического исследования основывается на данных анализа гетерогенности полученных в исследованиях результатов. Для определения гетерогенности полученных результатов подсчитывается специальный коэффициент гетерогенности I^2 . Анализ гетерогенности является важным элементом корректной интерпретации результатов проведенного мета-анализа. В литературе указывается особая важность оценки гетерогенности результатов при проведении мета-анализа в кросс-культурных исследованиях (Дембицкий, 2013). Показатель I^2 варьирует от 0% до 100%. Значение более 50% свидетельствует о статистической гетерогенности (неоднородности) исследуемых групп. Оценка статистической гетерогенности позволяет выбрать наиболее подходящую модель выполнения мета-анализа. Если статистическая гетерогенность менее 50%, то используемые в мета-анализе исследования признаются статистически однородными и исследователем может быть использована модель фиксированного эффекта. Если

статистическая гетерогенность 50% или более, то считается, что гетерогенность используемых исследований высокая и рекомендуется применять модель случайного эффекта. Поэтому, в нашем мета-аналитическом исследовании, мы перед каждой оценкой размера эффекта подсчитывали показатель I^2 , а затем выбирали подходящую модель оценки размера эффекта (модель фиксированного эффекта или случайного).

Основными классами показателей размера эффекта являются g-класс и d-класс показателей. Класс коэффициентов связей — g-класс — включает множество разных коэффициентов (g Пирсона, ϕ — коэффициент, точечно-бисериальный коэффициент, а также Z-трансформация Фишера) (Sánchez-Mesa, Marín-Martínez, 2010). Все исследования, с которыми мы работали, имели корреляционный дизайн, что значительно облегчало выбор коэффициента. Показателями в них являлись стандартизированные коэффициенты регрессии, поэтому для подсчета размера эффекта мы выбрали Z-Фишера, как наиболее универсальный из всех коэффициентов g-класса. Заметим, что для коэффициентов g-класса размер эффекта считается большим, если коэффициент выше, чем 0,50. Размер эффекта считается средним, если коэффициент около 0,30. И размер эффекта считается слабым, если значимый коэффициент около 0,10.

Итак, **цель** настоящего мета-анализа состояла в формализованном обобщении результатов наших собственных исследований, посвященных проверке трех гипотез межкультурного взаимодействия и определении того, насколько каждую из трех гипотез межкультурного взаимодействия можно считать доказанной, опираясь на данные, собранные на постсоветском пространстве. Таким образом, материалом

для мета-анализа послужили результаты эмпирических исследований по данному проекту.

Материалы

Ниже приводится таблица, в которой можно видеть основные характеристики выборок наших исследований.

Таблица 1

Характеристики анализируемых данных

Страна, Источник	Этнические группы	N	N мужчин	Возраст M
РФ, г. Москва (Лебедева, Татарко, Берри, 2016)	русские	651	202	34.8
	мигранты с Северного Кавказа и Закавказья (армяне, азербайджанцы, грузины, карачаевцы)	378	115	30
Латвия (Lebedeva, Tatarko, Berry, 2016)	русские	336	51	42.8
	латыши	363	49	42.6
РФ, Кабардино-Балкария (Lepshokova, Tatarko, 2016)	русские	285	82	42.4
	кабардинцы, балкарцы	249	89	44.1
РФ, г. Центральный федеральный округ (Ryabichenko, Lebedeva, 2016).	русские	158	34	42
	мигранты из Центральной Азии (узбеки, таджики)	168	103	30
РФ, Северная Осетия-Алания (Galyapina, Lebedeva, 2016).	русские	327	99	44.2
	осетины	318	97	44.2
Азербайджан (Lebedeva, Tatarko, Galyapina, 2017)	азербайджанцы	300	128	46.6
	русские	307	90	45.8
РФ, Дагестан (Эмпирическая проверка..., 2016)	русские	100	19	34.2
Итого	13 выборки	3940	1158	Me=42.5

Как можно видеть в таблице 1, мы использовали данные 6 публикаций и 1 аналитического отчета по результатам наших исследований. Рассматриваемые работы опубликованы на русском и английском языках. Анализируемый материал представлен данными 13-и выборок общим объемом около 4000 респондентов, 29,4% из которых мужчины, средний возраст в выборках варьирует от 30 до 46 лет, медианное значение составляет 42.5 года. В каждой стране или республике России, согласно дизайну исследования, опрашивались представители этнических меньшинств и этнического большинства. Мета-анализ результатов исследований по каждой гипотезе проводился также отдельно — с опорой на данные меньшинств и представителей этнического большинства, за исключением Республики Дагестан. В Дагестане особая ситуация — на территории этой республики проживают представители большого количества этнических групп и нет титульного населения или этнического большинства, которое образует данную республику. Поэтому мы использовали в мета-анализе результаты, полученные только на выборке русских, проживающих в этой республике, культура которых значительно отличаются от культур большинства этнических групп Дагестана и которые исторически не проживали на территории современного Дагестана, т.е. явно чувствуют себя этническим меньшинством.

Для выполнения мета-анализа использовалась программа «Comprehensive meta-analysis» 3.3.

Результаты

Гипотеза мультикультурализма.

Напомним, что гипотеза мультикультурализма операционализировалась как наличие позитивных связей между: 1) воспринимаемой безопасностью и принятием мультикультурной идеологии и 2) воспринимаемой безопасностью и этнической толерантностью. Сначала оценивалась устойчивость взаимосвязи, постулируемой в первой части гипотезы мультикультурализма (воспринимаемая безопасность — мультикультурная идеология). Первоначально проводился мета-анализ с использованием эмпирических данных этнических меньшинств, а затем — представителей этнического большинства в республиках Российской Федерации, Латвии и Азербайджана.

Итак, рассмотрим, насколько устойчива связь воспринимаемой безопасности и принятия мультикультурной идеологии в выборках этнических меньшинств. Вычисление уровня гетерогенности результатов показало, что она довольно высокая и составляет $R^2 = 97.4\%$, поэтому мы не использовали мета-аналитическую модель с фиксированными эффектами, а использовали модель со случайными эффектами.

Результаты, приведенные в таблице 2, показывают, что совокупный размер эффекта составляет .34, т.е. находится на среднем уровне и является статистически значимым ($p = .02$), хотя значимость и нельзя назвать высокой. Тем не менее мы можем сказать, что проведенный мета-анализ взаимосвязи между воспринимаемой безопасностью и принятием мультикультурной идеологии, с опорой на резуль-

Таблица 2

**Взаимосвязь воспринимаемой безопасности и принятия мультикультурной идеологии
(этнические меньшинства в разных странах и регионах)**

Исследование	N	Z Фишера	Дисперсия	Нижняя граница	Верхняя граница	p
1. Мигранты с Северного Кавказа и Закавказья (Лебедева, Татарко, Берри, 2016)	378	.040	.003	-.061	.141	.438
2. Русские в Риге (Латвии) (Lebedeva, Tatarko, Vetru, 2016)	336	.151	.003	.044	.259	.006
3. Русские в Кабардино-Балкарии (РФ) (Lepshokova, Tatarko, 2016)	249	.234	.004	.109	.359	< .001
4. Мигранты из Центральной Азии (узбеки, таджики) в ЦФО (Ryabichenko, Lebedeva, 2016)	168	.277	.006	.124	.429	< .001
5. Русские в Северной Осетии (РФ) (Galyarina, Lebedeva, 2016).	327	1.045	.003	.936	1.154	< .001
6. Русские в Азербайджане (Lebedeva, Tatarko, Galyarina, 2017)	307	.110	.003	-.002	.223	.054
7. Русские в Дагестане (РФ) (Эмпирическая проверка..., 2016)	101	.497	.010	.299	.695	< .001
Размер эффекта (случайный)		.336	.021	.051	.620	.021

таты исследований в 7-и выборках, показывает, что действительно такая позитивная связь существует и является значимой.

Далее мы провели аналогичный мета-анализ с опорой на эмпирические данные представителей этнического большинства (табл. 3). Оценка гетерогенности данных показала, что в этом случае она также очень высока ($I^2 = 96.3 \%$), поэтому мы также использовали модель случайных эффектов.

В данном случае размер эффекта близок к 0.40 (если использовать правила математического округления) и является высокосignificantным. По своему размеру эффект выше средних значений и приближается к высоким.

Таким образом, мета-анализ показывает, что первая часть гипотезы мультикультурализма, гласящая о том, что высокая воспринимаемая безопасность позитивно связана с принятием мультикультурной идеологии, получает подтверждение и в выборках этнического большинства.

Далее мы провели мета-анализ результатов проверки второй части гипотезы мультикультурализма, в которой утверждается, что воспринимаемая безопасность позитивно связана с этнической толерантностью. Как и в предыдущем случае, сначала мы провели мета-анализ результатов, полученных на выборках этнических меньшинств.

К оценке устойчивости результатов проверки второй части гипотезы мультикультурализма мы приступили, как и в предыдущем случае, с использованием эмпирических данных этнических меньшинств. Оценка гетерогенности данных показала, что в этом случае она также очень высока ($I^2 = 98.9 \%$), поэтому мы использовали модель случайных эффектов.

Таблица 3

**Взаимосвязь воспринимаемой безопасности и принятия мультикультурной идеологии
(этническое большинство в разных странах и регионах)**

Исследование	N	Z Фишера	Дисперсия	Нижняя граница	Верхняя граница	p
1. Русские в Москве (Лебедева, Татарко, Берри, 2016).	651	.030	.002	-.047	.107	.445
2. Латыши в Риге (Латвия) (Lebedeva, Татарko, Veegu, 2016)	363	.693	.003	.590	.796	< .001
3. Кабардинцы и балкарцы в КБР (РФ) (Lerzhokova, Татарko, 2016).	285	.203	.004	.086	.319	.001
4. Русские в Москве (Ryabichenko & Lebedeva, 2016)	158	.299	.006	.141	.456	< .001
5. Осетины в Северной Осетии (РФ) (Galyarina, Lebedeva, 2016).	318	.472	.003	.362	.583	< .001
6. Азербайджанцы в Азербайджане (Lebedeva, Татарko, Galyarina, 2017).	300	.576	.003	.463	.690	< .001
Размер эффекта (случайный)		.378	.014	.149	.608	.001

**Взаимосвязь воспринимаемой безопасности и этнической толерантности
(этнические меньшинства в разных странах и регионах)**

Исследование	N	Z Фишера	Дисперсия	Нижняя граница	Верхняя граница	p
1. Мигранты с Северного Кавказа и Закавказья (Лебедева, Татарко, Берри, 2016)	378	1.071	.003	.970	1.173	< .001
2. Русские в Риге (Латвии) (Lebedeva, Tatarko, Berry, 2016)	336	.050	.003	-.057	.157	.361
3. Русские в Кабардино-Балкарии (РФ) (Lershokova, Tatarko, 2016)	249	.030	.004	-.095	.155	.638
4. Мигранты из Центральной Азии (узбеки, таджики) в ЦФО (Ryabichenko & Lebedeva, 2016)	168	-.040	.006	-.193	.113	.607
5. Русские в Северной Осетии (РФ) (Galyarina & Lebedeva, 2016)	327	.255	.003	.147	.364	< .001
6. Русские в Азербайджане (Lebedeva, Tatarko, Galyarina, 2017)	307	1.422	.003	1.310	1.534	< .001
7. Русские в Дагестане (РФ) (Эмпирическая проверка..., 2016)	101	< .001	.010	-.198	.198	1.000
Размер эффекта (случайный)		.40	.055	-.059	.859	.088

Как показано в таблице 4, эффект умеренно высокий (0,40), однако он статистически не значимый ($p = .088$). Как мы видим в таблице 4, причиной такого итогового результата является высокая гетерогенность результатов, полученных на разных выборках в разных республиках. В 3-х из 7-и случаев статистически значимые связи были получены, но в 4-х случаях они были близки к нулю. Таким образом, устойчивость взаимосвязи воспринимаемой безопасности и этнической толерантности на выборках этнических меньшинств не была подтверждена.

При мета-анализе результатов оценки данной связи на выборках представителей этнического меньшинства мы также получили высокую гетерогенность данных ($I^2 = 92.7\%$), и использовали модель случайных эффектов (табл. 5). Хотя в данном случае размер эффекта был небольшим (0.28), он был статистически значим.

Таким образом, мы можем сказать, что мета-анализ позволяет говорить о том, что гипотеза мультикультурализма большей частью подтверждается на наших выборках. В частности, позитивная связь между воспринимаемой безопасностью и принятием идеологии мультикультурализма подтверждается на выборках как этнических меньшинств, так и на выборках представителей этнического большинства. Позитивная связь между воспринимаемой безопасностью и этнической толерантностью подтверждается только на выборках представителей этнического большинства. То есть полностью гипотеза мультикультурализма подтверждается в выборках представителей этнического большинства и частично — в выборках этнических меньшинств.

**Взаимосвязь воспринимаемой безопасности и этнической толерантности
(этническое большинство в разных странах и регионах)**

Исследование	N	Z Фишера	Дисперсия	Нижняя граница	Верхняя граница	p
1. Русские в Москве (Лебедева, Татарко, Берри, 2016).	651	.549	.002	.472	.626	< .001
2. Латыши в Риге (Латвия) (Lebedeva, Tatarko, Bergu, 2016)	363	.388	.003	.285	.492	< .001
3. Кабардинцы и балкарцы в КБР (РФ) (Lershokova, Tatarko, 2016).	285	.182	.004	.065	.299	.002
4. Русские в Москве (Ryabichenko, Lebedeva, 2016)	158	-.121	.006	-.278	.037	.133
5. Осетины в Северной Осетии (РФ) (Galyarina, Lebedeva, 2016).	318	.332	.003	.221	.442	< .001
6. Азербайджанцы в Азербайджане (Lebedeva, Tatarko, Galyarina, 2017).	300	.321	.003	.207	.434	< .001
Размер эффекта (случайный)		.282	.007	.118	.447	.001

Гипотеза контакта

Далее мы провели мета-анализ результатов наших исследований проверки гипотезы контакта. В проведенных исследованиях предполагалось, что чем выше частота и плотность дружеских контактов между большинством и меньшинствами, тем выше ориентация на аккультурационные ожидания/стратегии «интеграция» и «ассимиляция».

При мета-анализе данных, направленных на выявление связи межкультурных контактов и аккультурационной стратегии «интеграция» на выборах меньшинств, мы использовали модель случайных эффектов (табл. 6), поскольку уровень гетерогенности данных был довольно высок и составлял $I^2 = 81.4\%$.

Как можно видеть в табл. 6, данная позитивная взаимосвязь действительно существует, и полученный общий эффект статистически значим на уровне 0.001. Однако, сам по себе эффект невысок (0.19).

Далее мы провели аналогичный мета-анализ шести исследований, выполненных на выборках представителей этнического большинства. Уровень гетерогенности данных этих исследований был относительно невысокий $I^2 = 37.05\%$, поэтому в данном случае нами была использована модель фиксированных эффектов (табл. 7).

**Взаимосвязь частоты межкультурных контактов и аккультурационной стратегии «интеграция»
(этнические меньшинства в разных странах и регионах)**

Исследование	N	Z Фишера	Дисперсия	Нижняя граница	Верхняя граница	p
1. Мигранты с Северного Кавказа и Закавказья (Лебедева, Татарко, Берри, 2016)	378	.266	.003	.165	.367	< .001
2. Русские в Риге (Латвии) (Lebedeva, Tataiko, Veru, 2016)	336	.321	.003	.213	.428	< .001
3. Русские в Кабардино-Балкарии (РФ) (Lershokova, Tataiko, 2016)	249	-.100	.004	-.225	.025	.116
4. Мигранты из Центральной Азии (узбеки, таджики) в ЦФО (Ryabichenko, Lebedeva, 2016)	168	.161	.006	.009	.314	.038
5. Русские в Северной Осетии (РФ) (Galyarina, Lebedeva, 2016).	327	.203	.003	.094	.312	< .001
6. Русские в Азербайджане (Lebedeva, Tataiko, Galyarina, 2017)	307	.151	.003	.039	.264	.008
7. Русские в Дагестане (РФ) (Эмпирическая проверка...., 2016)	101	.365	.010	.167	.563	< .001
Размер эффекта (случайный)		.192	.003	.084	.300	.001

Таблица 7

Взаимосвязь частоты межкультурных контактов и аккультурационного ожидания «интеграция» (этническое большинство в разных странах и регионах)

Исследование	N	Z Фишера	Дисперсия	Нижняя граница	Верхняя граница	p
1. Русские в Москве (Лебедева, Татарко, Берри, 2016).	651	.100	.002	.023	.177	.011
2. Латыши в Риге (Латвия) (Lebedeva, Татарko, Berry, 2016)	363	.090	.003	-.013	.194	.087
3. Кабардинцы и балкарцы в КБР (РФ) (Lepshokova, Tatarko, 2016).	285	.161	.004	.045	.278	.007
4. Русские в Москве (Ryabichenko, Lebedeva, 2016)	158	.182	.006	.025	.339	.023
5. Осетины в Северной Осетии (РФ) (Galyarina, Lebedeva, 2016).	318	.172	.003	.061	.282	.002
6. Азербайджанцы в Азербайджане (Lebedeva, Tatarko, Galyarina, 2017).	300	-.020	.003	-.134	.094	.730
Размер эффекта (фиксированный)		.107	< .001	.063	.150	< .001

Как следует из табл. 7, эффект имеет высокий уровень значимости ($p < .001$), однако сам по себе он слабый (.11). Таким образом, мы можем заключить, что действительно высокая частота дружеских контактов между представителями этнического большинства (или принимающего населения) и меньшинствами (или мигрантами), сопряжена с более высокой ориентацией на стратегию «интеграция». Соответственно, «гипотеза контакта» в отношении «интеграции» работает, хотя обнаруженные эффекты были довольно слабыми.

Далее мы провели аналогичный мета-анализ для второй части гипотезы контакта, операционализируемой как наличие связи между частотой дружеских межкультурных контактов и предпочтением аккультурационной стратегии/ожидания «ассимиляция».

При мета-анализе данных этнических меньшинств уровень гетерогенности результатов составил $I^2 = 81.1\%$, поэтому мы использовали модель случайных эффектов.

Результаты мета-анализа, приведенные в таблице 8, показывают, что выявленный эффект является значимым ($p < .01$), но слабым (.15). То есть действительно, контакты меньшинств (мигрантов) с этническим большинством (принимающим населением) могут способствовать ориентации на стратегию «ассимиляция», но в слабой мере.

Уровень гетерогенности результатов представителей этнического большинства составил $I^2 = 7.8\%$, то есть результаты во всех выборках были довольно согласованы поэтому мы использовали модель фиксированных эффектов.

**Взаимосвязь частоты межкультурных контактов и аккультурационной стратегии «ассимиляция»
(этнические меньшинства в разных странах и регионах)**

Исследование	N	Z Фишера	Дисперсия	Нижняя граница	Верхняя граница	p
1. Мигранты с Северного Кавказа и Закавказья (Лебедева, Татарко, Берри, 2016)	378	.172	.003	.070	.273	.001
2. Русские в Риге (Латвии) (Lebedeva, Tatarko, Berri, 2016)	336	.266	.003	.159	.374	< .001
3. Русские в Кабардино-Балкарии (РФ) (Lepshokova, Tatarko, 2016)	249	.321	.004	.196	.446	< .001
4. Мигранты из Центральной Азии (узбеки, таджики) в ЦФО (Ryabischenko, Lebedeva, 2016)	168	-.060	.006	-.213	.093	.440
5. Русские в Северной Осетии (РФ) (Galyarina, Lebedeva, 2016).	327	< .001	.003	-.109	.109	1.000
6. Русские в Азербайджане (Lebedeva, Tatarko, Galyarina, 2017)	307	.172	.003	.059	.284	.003
Размер эффекта (случайный)		.149	.003	.040	.257	.008

**Взаимосвязь частоты межкультурных контактов и аккультурационного ожидания «ассимиляция»
(этническое большинство в разных странах и регионах)**

Исследование	N	Z Фишера	Дисперсия	Нижняя граница	Верхняя граница	p
1. Русские в Москве (Лебедева, Татарко, Берри, 2016).	651	-.040	.002	-.117	.037	.308
2. Латыши в Риге (Латвия) (Lebedeva, Татарko, Vetgu, 2016)	363	.040	.003	-.063	.143	.448
3. Кабардинцы и балкарцы в КБР (РФ) (Lepshokova & Tatarko, 2016).	285	-.020	.004	-.137	.097	.737
4. Русские в Москве (Ryabichenko, Lebedeva, 2016)	158	-.141	.006	-.298	.017	.079
5. Осетины в Северной Осетии (РФ) (Galyarina, Lebedeva, 2016).	318	.050	.003	-.060	.160	.374
6. Азербайджанцы в Азербайджане (Lebedeva, Tatarko, Galyarina, 2017).	300	.010	.003	-.104	.124	.863
Размер эффекта (фиксированный)		-.010	< .001	-.053	.033	.655

Результаты мета-анализа, приведенные в таблице 9 показывают, что в выборках представителей этнического большинства частота дружеских межкультурных контактов не сопряжена с ориентацией на стратегию ассимиляции, и этот результат устойчив в рассмотренных нами выборках.

В целом гипотезу контакта можно считать доказанной для меньшинств (мигрантов) и частично доказанной для представителей этнического большинства.

Гипотеза интеграции

Далее мы провели мета-анализ результатов наших исследований, направленных на проверку гипотезы интеграции. В проведенных исследованиях предполагалось, что чем выше у представителей этнического большинства/меньшинств ориентация на стратегию/аккультурационное ожидание «интеграция», тем выше их удовлетворенность жизнью, а у меньшинств и мигрантов также выше уровень их социокультурной адаптации.

Сначала рассмотрим результаты мета-анализа связи «интеграции» с удовлетворенностью жизнью в обеих группах. Уровень гетерогенности при мета-анализе результатов исследований в выборках меньшинств был высоким ($I^2 = 86.9\%$) поэтому мы использовали модель случайных эффектов.

**Взаимосвязь аккультурационной стратегии «интеграция» и удовлетворенности жизнью
(этнические меньшинства в разных странах и регионах)**

Исследование	N	Z Фишера	Дисперсия	Нижняя граница	Верхняя граница	p
1. Мигранты с Северного Кавказа и Закавказья (Лебедева, Татарко, Берри, 2016)	378	.090	.003	-.011	.191	.081
2. Русские в Риге (Латвии) (Lebedeva, Tataiko, Bergu, 2016)	336	.010	.003	-.097	.117	.855
3. Русские в Кабардино-Балкарии (РФ) (Lepshokova & Tataiko, 2016)	249	-.213	.004	-.338	-.088	.001
4. Мигранты из Центральной Азии (узбеки, таджики) в ЦФО (Ryabichenko, Lebedeva, 2016)	168	.020	.006	-.133	.173	.797
5. Русские в Северной Осетии (РФ) (Galyarina, Lebedeva, 2016).	327	.321	.003	.212	.429	< .001
6. Русские в Азербайджане (Lebedeva, Tataiko, Galyarina, 2017)	307	.182	.003	.070	.294	.002
7. Русские в Дагестане (РФ) (Эмпирическая проверка..., 2016)	101	.161	.010	-.037	.359	.110
Размер эффекта (случайный)		.081	.004	-.047	.210	.215

Как можно видеть в таблице 10, результаты мета-анализа указывают на отсутствие статистически значимого рассматриваемого эффекта. Таким образом, мы можем заключить, что выбор стратегии «интеграция» меньшинствами, с большой вероятностью, не сопряжён с их удовлетворенностью жизнью.

При проведении аналогичного мета-анализа исследований, выполненных на выборке представителей этнического большинства мы также обнаружили высокий уровень гетерогенности результатов ($I^2 = 84.6 \%$) и поэтому использовали модель случайных эффектов.

Результаты мета-анализа, приведенные в таблице 11, указывают на то, что в выборках представителей этнического большинства рассматриваемый эффект статистически значим (.04), но при этом он довольно слабый (.12). Таким образом мы можем сказать, что у представителей этнического большинства предпочтение аккультурационного ожидания «интеграция» позитивно сопряжено с удовлетворенностью жизнью, хотя и довольно слабо.

Как уже отмечалось, в отношении этнических меньшинств гипотеза интеграции также предполагает, что предпочтение ими аккультурационной стратегии «интеграция» позитивно связано с успешностью их социокультурной адаптации. Гетерогенность результатов исследований, направленных на выявление данной связи, была низкая (уровень гетерогенности составил $I^2 = 22.2 \%$), поэтому мы использовали модель фиксированных эффектов.

Взаимосвязь аккультурационного ожидания «интеграция» и удовлетворенности жизнью
(этническое большинство в разных странах и регионах)

Исследование	N	Z Фишера	Дисперсия	Нижняя граница	Верхняя граница	p
1. Русские в Москве (Лебедева, Татарко, Берри, 2016).	651	.100	.002	.023	.177	.011
2. Латыши в Риге (Латвия) (Lebedeva, Tataiko, Bergu, 2016)	363	.070	.003	-.033	.173	.183
3. Кабардинцы и балкарцы в КБР (РФ) (Lepshokova, Tataiko, 2016).	285	.090	.004	-.026	.207	.130
4. Русские в Москве (Ryabichenko, Lebedeva, 2016)	158	.192	.006	.035	.350	.017
5. Осетины в Северной Осетии (РФ) (Galyarina, Lebedeva, 2016).	318	.354	.003	.244	.465	<.001
6. Азербайджанцы в Азербайджане (Lebedeva, Tataiko, Galyarina, 2017).	300	-.090	.003	-.204	.023	.120
Размер эффекта (случайный)		.118	.003	.004	.231	.042

Таблица 12

**Взаимосвязь аккультурационной стратегии «интеграция» и социокультурной адаптации
(этнические меньшинства в разных странах и регионах)**

Исследование	N	Z Фишера	Дисперсия	Нижняя граница	Верхняя граница	p
1. Мигранты с Северного Кавказа и Закавказья (Лебедева, Татарко, Берри, 2016)	378	.151	.003	.050	.252	.003
2. Русские в Риге (Латвии) (Lebedeva, Tataiko, Berry, 2016)	336	.090	.003	-.017	.198	.100
3. Русские в Кабардино-Балкарии (РФ) (Lepshokova, Tataiko, 2016)	249	.182	.004	.057	.307	.004
4. Мигранты из Центральной Азии (узбеки, таджики) в ЦФО (Ryabichenko, Lebedeva, 2016)	168	-.020	.006	-.173	.133	.797
5. Русские в Северной Осетии (РФ) (Galypina, Lebedeva, 2016).	327	.151	.003	.042	.260	.007
Размер эффекта (фиксированный)		.123	.001	.071	.174	< .001

Из таблицы 12 можно видеть, что статистически знаемый эффект в данном случае действительно существует и его значимость довольно высокая, хотя сам эффект слабый (.12).

Таким образом, мы можем сказать, что гипотеза интеграции, как и предыдущие гипотезы, подтверждается частично. У представителей этнического большинства предпочтение аккультурационного ожидания «интеграция» позитивно сопряжено с удовлетворенностью жизнью. А что касается этнических меньшинств, то у них предпочтение аккультурационной стратегии «интеграция» не связано с удовлетворенностью жизнью, но позитивно связано с успешностью социокультурной адаптации.

Обсуждение результатов

Мы свели результаты проверки всех элементов трех гипотез межкультурного взаимодействия в 13 выборках исследований, проведенных в регионах России, Латвии и Азербайджане (таблица 13).

Таблица 13

Результаты мета-анализа проверки трех гипотез в России, Латвии и Азербайджане

Гипотезы	Группы меньшинств / мигрантов	Группы большинства
Гипотеза мультикультурализма (Воспринимаемая безопасность способствует поддержке мультикультурной идеологии)	Подтверждается	Подтверждается

Гипотеза мультикультурализма (Воспринимаемая безопасность способствует этнической толерантности)	Не подтверждается	Подтверждается
Гипотеза контакта (Межкультурные контакты способствуют интеграции)	Подтверждается	Подтверждается
Гипотеза контакта (Межкультурные контакты способствуют ассимиляции)	Подтверждается	Не подтверждается
Гипотеза интеграции (установка на интеграцию способствует удовлетворенности жизнью)	Не подтверждается	Подтверждается
Гипотеза интеграции (установка на интеграцию способствует успешной социокультурной адаптации мигрантов и меньшинств)	Подтверждается	—

Мета-анализ на 13 выборках (3940 респондентов) показал, что гипотеза мультикультурализма полностью подтверждается в группах большинства (воспринимаемая безопасность способствует поддержке мультикультурной идеологии и этнической толерантности) и частично — в группах меньшинств (воспринимаемая безопасность способствует поддержке мультикультурной идеологии, но не способствует толерантности). В случае с меньшинствами и мигрантами, по всей видимости, существуют другие факторы, влияющие на толерантные установки по отношению к принимающему населению. Мы

можем попытаться предположить, опираясь на показатели Z критерия в таблице 4 (наиболее высокие показатели этого критерия обнаружались в выборках русских в Азербайджане и мигрантов с Кавказа в Москве), что в основе этого лежат особенности принимающего контекста, а именно — в обоих контекстах принимающее население нацелено на интеграцию мигрантов и меньшинств, и, следовательно, аккультурационные установки контактирующих групп реципрокны друг другу (Лебедева, Татарко, Берри, 2016; Lebedeva, Tatarko, Galyapina, 2017).

Гипотеза контакта полностью подтверждается в группах меньшинств (межкультурные контакты способствуют установкам меньшинств на интеграцию и ассимиляцию) и частично — в группах большинства (межкультурные контакты большинства способствуют установкам на интеграцию, но не на ассимиляцию меньшинств). Это также наводит на мысль о важности реципрокности аккультурационных установок большинства и меньшинства в принимающем контексте.

Гипотеза интеграции в первой своей части (установка на интеграцию способствует удовлетворенности жизнью) подтверждается на группах большинства, но не подтверждается на группах меньшинств, где подтверждается вторая часть этой гипотезы (установка на интеграцию способствует успешной социокультурной адаптации мигрантов и меньшинств). Важность и желательность интеграции для обеих сторон уже понятна из гипотезы контакта, гипотеза интеграции только подтверждает это на психологическом уровне. В случае с меньшинствами

по-видимому играет роль то, насколько контекст является благожелательным и принимающим мигрантов и меньшинства. Например, наивысшие показатели Z критерия и P выявлены у русских РСО-А и Азербайджана, где действительно контекст для русских благоприятный. Менее доброжелательными и принимающими контекстами для русских являются контексты Латвии, КБР, Дагестана, а для мигрантов с Кавказа и Центральной Азии — контекст Москвы.

Таким образом, результаты нашего мета-аналитического исследования высвечивают важность принимающего контекста для успешной взаимной аккультурации (Ward et al., 2010) и в широком смысле согласуются с Интерактивной моделью аккультурации (Bourhis et al., 1997): совпадение или несовпадение аккультурационных установок большинства и меньшинства лежит в основе успешной, проблемной или конфликтной взаимной адаптации.

Преыдушие исследования межкультурных отношений в Кабардино-Балкарии и Чеченской республике выявили, что русские, живущие в этих республиках, предпочитают стратегию интеграции, хотя местное население предпочитает аккультурационное ожидание «исключение» по отношению к ним (Лепшокова, 2012). Сходные исследования показали также, что воспринимаемые несовпадения между собственным аккультурационным предпочтением и предпочтением другой группы связано с низким уровнем удовлетворенности жизнью и негативными межгрупповыми установками (Pfafferott, Brown, 2006, Piontkowski et al., 2002, Ward, 2009; Zagefka, Brown, 2002).

Роль контекста также проявилась в непрямом влиянии воспринимаемой безопасности и межкультурных контактов на психологическое благополучие в двух республиках Северного Кавказа — РСО–А и КБР. В РСО–А аккультурационное ожидание осетин относительно интеграции русских в республике послужило медиатором влияния межкультурных контактов осетин на их психологическое благополучие, а в КБР роль подобного медиатора выполнило аккультурационное ожидание кабардинцев и балкарцев ассимиляции русских в КБР (Lebedeva, Galyaripina, Lepshokova, Ryabichenko, 2017). Это означает, что в близком культурном контексте (РСО-А) ожидание интеграции русских, а в более далеком культурном контексте ожидание ассимиляции русских усиливает позитивный эффект воспринимаемой безопасности и межкультурных контактов на психологическое благополучие этнического большинства этих двух республик.

Заключение

Таким образом, проверка трех гипотез межкультурного взаимодействия (мультикультурализма, контакта и интеграции) в различных странах и регионах постсоветского пространства подтвердила большинство связей, постулируемых в этих гипотезах. Наш предварительный мета-анализ результатов исследований с представителями 13 этнических групп (N = 3940) в шести различных социокультурных контекстах (Центральная Россия, включая Москву, Кабардино-Балкарская республика, республика Северная Осетия – Алания, республика Дагестан,

Азербайджан и Латвия) позволил выделить особенности контекста межкультурного взаимодействия, существенные для степени подтверждения данных трех гипотез (и в целом, для благоприятности межэтнических отношений в регионе).

Некоторые особенности контекста, влияющие на успешность взаимной аккультурации этнических групп:

- совпадение/несовпадение аккультурационных предпочтений большинства и меньшинства/мигрантов;
- культурная (этническая/религиозная) дистанция;
- уровень этнической «плотности» и гетерогенности (высокая интенсивность межкультурных контактов);
- отсутствие навязанной ассимиляции.

Данные особенности контекста, а также другие, еще не выявленные нами, играют важную роль для взаимной аккультурации и психологического благополучия взаимодействующих групп на постсоветском пространстве.

Мы можем также отметить как общее правило, что ведущая роль в подтверждении или не подтверждении гипотез в каждом регионе принадлежит этническому большинству, которое задает тон и атмосферу взаимодействия. В целом, если, например, гипотеза полностью подтверждается в группе большинства, то как правило она подтверждается и в группе меньшинства, по меньшей мере, частично. Если она частично подтверждается в группе большинства, то скорее всего она частично или не подтверждается у меньшинств.

Это указывает на особую ответственность этнического большинства за благоприятные межэтнические отношения в регионе, которая может проявлять себя в идеологии и политике межкультурного взаимодействия и в разработке специальных программ для улучшения межкультурных отношений. Это означает также, что «новые большинство» в постсоветских странах и регионах должны уделить внимание усвоению этой новой роли и взять на себя ответственность не только за успешную адаптацию меньшинств, но также и за сохранение каждой культуры в своем регионе, а значит — за межэтнический мир и психологическое благополучие всех жителей региона или республики.

Завершая трехлетнюю работу над проектом «Эмпирическая проверка применимости политики мультикультурализма в России в контексте мирового опыта» по гранту РФФИ, мы подумали над тем, как результаты наших исследований могут быть положены в основу некоторых практических шагов по улучшению межкультурных отношений на постсоветском пространстве. В данном заключительном разделе мы приводим некоторые практические рекомендации для заинтересованных лиц и организаций, основанные на результатах эмпирического тестирования гипотез межкультурного взаимодействия в России и ряде сопредельных стран.

В наших исследованиях установлено, что чувство **воспринимаемой угрозы** является важнейшим фактором взаимного принятия и адаптации мигрантов/этнических меньшинств и принимающего населения в России и ряде постсоветских стран. Соответственно, ряд профилактических мер должен быть направлен на повышение этнокультурной компетентности и снижение взаимных предубеждений как у представителей этнического большинства, так и среди представителей этнических меньшинств и мигрантов.

Повышение **этнокультурной компетентности** снижает воспринимаемую угрозу, поскольку уменьшает неопределённость в межэтнических отношениях. Достигать этого можно через те каналы информации, которыми чаще всего пользуются современ-

ные люди, например, через интернет и телевидение. В частности, рекомендуется меньше транслировать информации, которая бы формировала негативное отношение к мигрантам или этническим меньшинствам и больше такой информации, которая бы давала представителям большинства представление о культурах меньшинств или мигрантов, об их проблемах. Хороший эффект могут иметь художественные фильмы, которые вызывают интерес, лучше запоминаются, и, в определённой мере, формируют социальные представления. Соответственно можно, например, объявить конкурс на сценарии таких фильмов при распределении бюджетных средств на поддержку отечественного кино и телевидения.

Для представителей этнических меньшинств необходимо облегчить доступ к памятникам русской культуры, что позволило бы им глубже понять, прочувствовать ее. Это способствовало бы их более глубокой интеграции в Российское общество. Например, можно ввести льготы (вплоть до бесплатного посещения) музеев для людей, которые не являются жителями города, в котором находится данный музей (то есть, для любых гостей города). Или, также можно организовывать поездки (например, по Золотому кольцу с опытными экскурсоводами) для учеников школ из национально-культурных республик и регионов, в которых преобладают представители этнических меньшинств (например, Дагестан, Чечня). Аналогичные экскурсии можно было бы проводить для жителей центральной России в другие республики и регионы — так называемый **этнографический туризм** внутри Российской Федерации для ознакомления с культурными и природными особенностями регионов России. Мы приводим только примеры, а таких мер можно разработать множество. Подобные

меры будут способствовать интеграции представителей этнических меньшинств в общую культуру народов России и формированию позитивной гражданской идентичности.

Для повышения этнокультурной компетентности, снижения воспринимаемой угрозы и этнических предрассудков в поликультурных регионах страны, рекомендуется начинать работу с детьми уже дошкольного возраста, например, путем создания серии красочных изданий с современными сказками с этнически смешанным составом персонажей. На примере «добрых сказок», в которых главные герои принадлежат к разным этническим и религиозным группам и совместно решают какую-либо проблему и побеждают зло. Это поможет уже в детском возрасте сформировать модели позитивных межэтнических и межконфессиональных отношений.

Далее рекомендуется ввести в образовательный стандарт школ предмет «История, культура и литература народов России». Оптимальный возраст для введения данного предмета 7–8 классы средней школы. Знакомство с культурами народов России, опытом позитивных межэтнических отношений и литературными произведениями народов России, способно сформировать своеобразный «психологический барьер» на пути формирования предрассудков и стереотипов у россиян в будущем. Замечательной инициативой является проведение **этнографического диктанта**, в котором участники всех возрастов на добровольной основе проверяют свои знания о народах России. Это стимулирует их интерес к повышению своей этнокультурной компетентности.

Также в школах рекомендуется ввести предмет «Основы религиозного знания». Занятия должны строиться на изучении общих основ трех мировых

религий, тем самым объединяя учащихся, принадлежащих разным конфессиям, различия на занятиях должны рассматриваться не только с позиций уникальности каждой религии, но и с позиций универсальности учений трех мировых религий (христианство, ислам и иудаизм). Практические занятия должны быть посвящены посещению православных храмов, мусульманских мечетей и иудейских синагог, совместному празднованию религиозных праздников с проведением параллелей между праздниками и постами разных религий. В наших исследованиях, проведенных в северо-кавказских республиках, обращает на себя внимание стремительный процесс исламизации данных республик, идущий по пути распространения радикального ислама, который представляет опасность как для коренных народов СК, так и для русского населения, поэтому введение данного предмета в северокавказском регионе имеет первостепенное значение.

В университетской и научной среде следует проводить конференции и форумы, посвященные анализу факторов гармоничных межэтнических отношений. Свой вклад могли бы внести и фонды, выдающие гранты на научные исследования, если бы объявляли конкурсы на создание поликультурных научных команд/лабораторий в регионах России, задачей которых было бы создание программ по налаживанию межэтнических отношений в регионах.

Пусть с ограничениями, но подтверждается **гипотеза контакта**, (кроме этнически гетерогенных районов, в которых уровень межкультурных контактов и так довольно высокий). Согласно данной гипотезе, **межэтнические контакты** являются важным фактором формирования позитивных межэт-

нических установок. С нашей точки зрения, опыт межэтнических контактов должен начинать формироваться с детского возраста и делать это можно, например, при помощи тренингов межкультурного взаимодействия, которые можно проводить в школах в качестве факультатива. Можно также организовывать выездные тренинги для детей из разных республик, на которых они могли бы знакомиться, получать опыт позитивного взаимодействия, устанавливать дружеские связи.

Также необходимы меры, направленные на знакомство с опытом позитивных межкультурных отношений в России. Это будет способствовать формированию позитивных социальных представлений об истории межэтнических отношений в России, что является важным фактором снижения воспринимаемой угрозы на пути к построению продуктивного межкультурного взаимодействия. Например, в поликультурных регионах можно создавать музеи, в которых бы представлялись экспонаты, рассказывающие о позитивной истории межкультурного взаимодействия региона о межэтнической дружбе. В настоящее время в регионах можно найти краеведческие музеи, в которых представлена самобытная история тех или иных народов (в основном это титульные народы), проживающих в национальных республиках. В таких музеях можно создавать залы, посвященные позитивному опыту построения межкультурных отношений, но лучше создавать отдельные музеи, посвященные этой тематике. Например, в Северной Осетии, Башкирии можно создать музеи, в которых бы была представлена история вступления этих республик в состав Российской империи, и то, как после этого сохранялись и развивались культуры этих

республик. В Дагестане можно создать музей народов Дагестана, в котором представить позитивные стороны истории взаимодействия этих народов. Конечно, создание таких музеев требует вдумчивой и длительной работы историков и специалистов в области краеведения, и мы сами должны искать в истории позитивный опыт взаимодействия и взаимоотношений народов России, опыт их взаимной поддержки и делать этот опыт всеобщим достоянием.

Важным направлением политики должна являться поддержка моделей поведения, которые способствуют кооперативному поведению, например, формированию общей надэтнической идентичности (профессиональной, региональной). В условиях республик Северного Кавказа (РСО-А, КБР, Дагестан) это могла быть общая республиканская или региональная идентичности.

Большим интеграционным потенциалом обладают такие формы кооперативного поведения, как благотворительные акции общероссийского масштаба, направленные на помощь нуждающимся людям в разных регионах. Например, объявить добровольный сбор средств на помощь погорельцам или пострадавшим от стихийных бедствий. В рамках подобных акций делать упор на помощь регионов и народов друг другу.

Также очень важно в публичном дискурсе демонстрировать ценность вклада всех этнических групп в развитие регионов и страны в целом для поддержания позитивной культурной идентичности. Публичное признание вкладов этнических меньшинств и мигрантов в развитие территорий также снижает воспринимаемую дискриминацию и угрозу. Например, в нашем исследовании для некоторых эт-

нических групп предпочтение стратегии сепарации предсказывало их психологическое благополучие. Возможно, это как раз тот случай, когда для снижения угрозы «растворения собственной культуры во множестве других культур» этнические группы ориентируются на поддержание только своих традиций, обычаев, языка и культуры.

Практически во всех исследованиях полученные результаты свидетельствовали о том, что интенсивные межкультурные дружеские контакты способствуют взаимной интеграции этнических групп. Сами по себе такие контакты важны, поскольку взаимосвязаны с благоприятными межэтническими отношениями. Однако результаты будут еще более позитивными (как показывают международные исследования), если они будут протекать в благоприятных условиях, а именно, будут поддержаны местными органами власти, будут строиться на основе равенства статусов, на принципах кооперации и будут связаны с достижением общих целей.

Наиболее активными акторами в создании таких условий в современной России являются работодатели. Поддержка идеи поликультурных организаций и создание в них благоприятных межэтнических отношений будет способствовать взаимной интеграции этнических групп, формированию установок толерантности.

Образовательные учреждения в современной России обладают огромным потенциалом для создания условий благоприятных межкультурных контактов. Создание педагогами условий для позитивного, равностатусного взаимодействия обучающихся как в процессе формального, так и неформального образования будут благоприятной основой выстраивания и

поддержания межкультурных дружеских контактов среди участников образовательного процесса. Кроме этого создание в СМИ дискурса, в котором одним из условий успеха организации или компании будет являться ее культурная мозаичность, несущая разнообразие и креативность, и благоприятные межкультурные отношения, будет создавать позитивный фон для развития межкультурных контактов.

Но здесь очень важно проявлять осмотрительность, поскольку, иногда, как показали наши исследования, интенсивные контакты могут формировать ощущение «размывания» этнических границ, что в свою очередь, приводит к снижению воспринимаемой безопасности и повышению воспринимаемой угрозы и в целом, к напряженности. В дальнейших исследованиях важно изучение условий, при которых интенсивные межкультурные контакты могут снижать воспринимаемую безопасность.

Например, чтобы сохранять возможность интеграции мигрантов, и их контактов с представителями этнического большинства, необходимо отслеживать их расселение в больших городах и разрабатывать меры, снижающие вероятность их компактного расселения или возникновению гетто. Добиться этого можно, например, путем предоставления льгот мигрантам при поселении в определенных районах или регионах, где они будут проживать среди преимущественно русского населения. То есть нужно создавать условия, поощряющие их взаимодействие с этническим большинством, но при этом не допускать ощущения воспринимаемой угрозы у обеих сторон.

В наших исследованиях мы получили подтверждение **гипотезы интеграции** и продвинулись в понимании того, каков психологический механизм ее

функционирования. Ориентация на интеграцию в поликультурном регионе позволяет индивиду формировать ресурсы социальной поддержки в различных сферах (индивидуальный социальный капитал) как внутри собственной этнической группы, так и среди иноэтнических групп. Далее эти ресурсы позволяют индивиду лучше адаптироваться, что способствует формированию более высокого уровня субъективного благополучия. В этой связи необходимо разработать комплекс мер, позволяющих представителям этнических групп чаще взаимодействовать.

Исследование русского этнического меньшинства в Литве показало, что только установки на интеграцию будут способствовать самоуважению русских. Поэтому ассимиляционные процессы, начавшиеся в Литве после распада СССР, могут привести не только к снижению численности этнических русских, но и к снижению субъективного благополучия этой части населения Литвы. Контакты оказались положительно взаимосвязанными с безопасностью, установками на интеграцию и на ассимиляцию, что указывает на отсутствие больших проблем при общении с титульным населением на индивидуальном уровне. Анализ взаимосвязи индивидуальных ценностей с аккультурационными установками русских Литвы показал, что с ассимиляцией связаны ценности Самоутверждения, выражающие тревогу и самозащиту, что может быть обусловлено фактическим неравенством этнических групп в литовском обществе. При этом ориентация на рост и развитие, компетентность и самостоятельность, которая содержательно заложена в ценности Открытости изменениям, как показало исследование, может способствовать интеграции, то есть более выигрышной страте-

гии. Соответственно, необходимы мероприятия, направленные на повышение компетентности русских Литвы, в первую очередь, помощь русским школам и русской молодежи.

Исследование, проведенное в Кабардино-Балкарской Республике, показало, что у русского населения, которое придерживается стратегии интеграции, низкий уровень удовлетворенностью жизнью. Получается, что у русских сохранение своей культуры и культурной идентичности при взаимодействии с титульным населением республики ведет к негативным психологическим последствиям. Здесь важно отметить, что стратегия интеграции ведет к психологическому благополучию лишь в том обществе, где она поддерживается доминирующим населением. В этой связи основная работа должна вестись с титульным населением северокавказских республик. Необходимо повышать роль и статус русской культуры в данных республиках, как на политическом (например, объявление года русской культуры в республике), так и на образовательном уровне (например, проведение конкурсов в учебных заведениях «Что больше всего я люблю в русской культуре»). В настоящее время большую популярность среди российского населения приобрели ток-шоу, транслирующие социальные и бытовые истории из жизни обыкновенных семей и людей («Пусть говорят», «Мужское и Женское», «Прямой эфир»). Поэтому предлагается на местном региональном телевидении запустить цикл подобных передач, например, о жизни благополучных смешанных семей (русско-кабардинских, русско-балкарских), о русских мамах в межэтнических семьях, о русской невестке, русском зяте, русском дедушке или бабушке, о других рус-

ских родственниках, о детях из смешанных семей, о межэтнической дружбе. Необходимо подчеркнуть, что нужно показывать именно положительные примеры, так как у населения национальных республик существуют устойчивые стереотипы, что подобного рода союзы благополучными быть не могут из-за разности мировоззрения, культур, религий. После передач должно оставаться ощущение теплоты и признательности по отношению к русским людям и русской культуре. Выпуски данных передач можно чередовать с выпусками о смешанных кабардино-балкарских семьях, что будет повышать взаимную симпатию и между титульными этническими группами.

Местное телевидение обладает колоссальным ресурсом в налаживании межэтнических отношений, но сегодня этот ресурс в северокавказских республиках никак не используется в этом направлении, кроме того «несовременный» контент передач отворачивает молодое население республик от местного телевидения.

На примере Латвии мы получили данные, свидетельствующие о том, что **насильственная культурная и языковая ассимиляция меньшинств** не приводит к их успешной интеграции и не приводит к улучшению отношений между меньшинствами и большинством. Меньшинства начинают сопротивляться такой политике и это ухудшает общий социально-психологический климат в сфере межэтнических отношений. Соответственно, России не стоит повторять подобные ошибки, и государственная политика в отношении мигрантов и этнических меньшинств не должна быть направлена на их ассимиляцию. Интеграция от ассимиляции отли-

чается тем, что представители меньшинств имеют те же возможности, что и коренное население при сохранении своей культуры. С нашей точки зрения, существующая в настоящее время политика в сфере межэтнических отношений в России, действительно направлена скорее на интеграцию, чем на ассимиляцию и этим Россия выгодно отличается от многих европейских стран.

Для того, чтобы держать «руку на пульсе» и не допускать негативного развития в сфере межэтнического взаимодействия, рекомендуется проводить **регулярные мониторинги взаимных межэтнических установок** в регионах России. Это позволит своевременно видеть и выявлять потенциальные точки межэтнической напряженности и проводить превентивные меры по ее снижению. Аналоги подобных мониторингов существуют в России и сейчас, но они не проводятся во всех регионах, они не пользуются единой метрикой и, как правило, представляют собой написанные в свободной форме и по различным темам отчеты специалистов-этнографов или социологов, работающих на местах. Для получения объективной информации, которую можно было бы использовать для отслеживания динамики межэтнических и их межрегионального сопоставления, необходимо разработать систему индексов, которые позволяли бы проводить временные и межрегиональные сравнения в рамках единой метрики. Для современных поликультурных государств такие мониторинги абсолютно необходимы, и они должны представлять материал, на который бы опирались госслужащие при выстраивании государственной политики в сфере межэтнических отношений.

Список использованной литературы

Абдулагатов З.М. Особенности социализации современной молодежи и социальные деформации в молодежной среде: (на примере Республики Дагестан) / Дагестанский науч. центр, Ин-т истории, археологии и этнографии. Махачкала: ИИАЭ, 2011.

Агаев А. Г., Магомедов Р. М. Дагестанское единство, история и современность. Махачкала, 1994.

Азербайджан в 2006–2010 годах. Социологический мониторинг. 2011 // Эл.ресурс: http://www.fes.ge/de/images/Fes_Files/ASPublications/2010/az_survey_fes_ru.pdf (дата обращения 01.08.2017)

Аккиева С.И. Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике (Постсоветский период): Дис. ...д-ра ист. наук: 07.00.07: Москва, 2002.

Аккиева С.И. Ислам в Кабардино-Балкарской Республике / Под ред. проф. А.В. Малашенко. Ислам в России. М.: Логос, 2009.

Аккиева С. И. Русские в Кабардино-Балкарии: миграционные установки и этнокультурные потребности // "White Spots" of the Russian and World History. 2013. Т. 5–6. С. 9–20

Аккиева С.И. Проблемы реабилитации депортированного балкарского народа. Возвращение на историческую родину // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2015. Т. 6. С. 9–37.

Алфимцев В.Н. О сущности и проблемах мониторинга международного мира в России // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1. С. 42–49.

Арсланбекова З.Б. Религиозная идентичность дагестанцев: традиционализм и ваххабизм. 2012 // Эл.ресурс: <http://www.gumilev-center.az/religioznaya-identichnost-dagestancev/> (дата обращения 25.06.2017).

Арухов З.С. Поиски этнической и религиозной идентичности в Дагестане. М, 2003.

Атаев А.В. Статус и перспективы русского населения на Северном Кавказе // Журнал русской культуры. 2013. №. 9. С. 147–159.

Бадьшитова И.М. Истоки интолерантности россиян к мигрантам. Горные страны: расселение, этнодемографические и геополитические процессы, геоинформационный мониторинг // Материалы международной конференции. М.–Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. С. 116–122.

Баликов А.Т. Проблемы межнациональных отношений в Северной Осетии и механизм их регулирования (1991–2011 гг.). Автореф. канд. ист. наук., Владикавказ, 2011

Белозеров В.С. Русские на Кавказе: эволюция расселения // Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века Сборник научных статей. Ответственный редактор Черноус В.В. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001.

Бойков И. В Дагестане идёт война не социальная, а духовно-ценностная. Махачкала, 2010.

Верецагина А.В., Шахбанова М.М. Межэтнические отношения в оценке дагестанских народов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Том 19. № 4 (87). С. 159–177

Вишневский А.Г., Захаров С.В., Абылкаликов С.И., Андреев Е.М., Богоявленский Д.Д., Васин С.А., Винник М.В., Зайончковская Ж.А., Исупова О.Г., Карачурина Л.Б., Кваша Е.А., Козлов В.А., Митрофанова Е.С., Мкртчян Н.В., Ракша А.И., Рамонов А.В., Сакевич В.И., Сороко Е.Л., Тимонин С.А., Флоринская Ю.Ф., Харькова Т.Л., Щербакова Е.М., Пьянкова А.И., Решетников К.В., Чурилова Е.В., Юмагузин В.В. Демографические итоги 2014 года. Краткий доклад // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 4. С. 35–76.

Воробьев С.М. Этнополитические процессы на Северном Кавказе в постсоветский период. Дисс... канд. полит. наук, Ставрополь, 2001.

Воронцов А.В. Русский язык на постсоветском пространстве // Universum: Вестник Герценовского университета. 2010. № 8. С. 25–33.

Всесоюзная перепись населения 1939 года, 1959 года, 1970 года, 1979 года, 1989 года. Национальный состав населения по регионам России // Demoscope Weekly. 2015. № 651–652. Эл. ресурс: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php?reg=50 (дата обращения: 25.06.2017)

Выхованец О. Приобретение гражданства в странах СНГ и Балтии (обзор законодательства). 2005 // Эл.ресурс: <http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/naturalization/doklad/enclosure3/> (дата обращения 01.08.2017)

Гаврилов К., Козиевская Е., Яценко Е. Русский язык на постсоветских просторах // Demoskop Weekly. 2008. С. 14–27.

Гаджиахмедов Н. Многоязычный Дагестан: проблемы без перспектив // Дагестанская правда. 2002. 17 июля.

Григорьев Д.С. Ценности, социальная дистанция и установки по отношению к миграции: кросс-культурное исследование в Бельгии, Германии, Франции и Нидерландах // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 2. С. 273–298.

Григорьев Д.С. Разработка короткой версии шкал из методики Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир // Национальный психологический журнал. 2017. Т. 25. № 4 (в печати).

Гулиев В.М.О. Проблемы анализа качества жизни населения республики Азербайджан // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 317–321.

Гуриева С.Д. Этносоциальная установка в межнациональных отношениях. Автореф. дисс...канд. психол. наук, С.-Пб.: Изд-во, 1997.

Гуриева С.Д. Межэтнические отношения: этнический фактор в межгрупповых отношениях // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2008. Т. 5. № 4. С. 79–83.

Гуриева С.Д. Психология межэтнических отношений. С.-Пб.: Изд-во ВВМ, 2010.

Гуцунаева С. В. Стратегии межэтнического взаимодействия осетин и русских, проживающих в республике Северная Осетия – Алания. Автореф. канд психол наук. С.-Пб., 2010.

Даргино-кумыкское и аваро-лезгинское противостояние. Как этнические кланы в Дагестане используют результаты переписи в своих политических целях. Федеральная лезгинская национально-культурная автономия. 2017 // Эл.ресурс: <http://flnka.ru/digest-analytics/15763-dargino-kumykskoe-i-avaro-lezginskoe-protivostoyanie-kak-etnicheskie-klany-v-dagestane-ispolzuyut-rezultaty-perepisi-v-svoih-politicheskikh-celyah.html> (дата обращения 08.08.2017)

Дембицкий С. Оценка гетерогенности в мета-анализе (на примере данных кросс-национальных исследований) // Социология: теория, методы, маркетинг. 2013. №. 1. С. 154–165.

Демографические и этнические проблемы Северного Кавказа и пути их решения. Фонд перспективных исследований «Бастион». 2012.

Денисова Г.С., Уланов И.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону: Южный Федеральный университет, 2003.

Дзадзиев А.Б. Русское население республик Северного Кавказа: факторы вынужденной миграции Северный Кавказ // Северный Кавказ в национальной стратегии России. М.: ИЭА РАН, 2008. С.129–146.

Дзеранов Т., Олейникова О. Религиозная ситуация в Республике Северная Осетия-Алания 2011 // Эл.ресурс: <http://bubakiri.parod.ru/news/2011-04-23-639> (дата обращения: 25.06.2017)

Дзуцев Х.В. Общественное мнение граждан Республики Северная Осетия — Алания о выборах президента РФ // Социологический журнал. 2012. Т. 2

Ефремова М.В., Лепиокова З.Х. Религиозность и стратегии аккультурации мигрантов и принимающего населения // Актуальные проблемы психологического знания. 2014. С. 35.

Зайончковская Ж.А., Тюрюканова Е.В. Иммиграция: путь к спасению или Троянский конь? Россия перед лицом демографических вызовов. 2009.

Зайончковская Ж.А., Карачурина Л.Б., Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В. Миграция населения // В кн.: Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад / Рук.: С. В. Захаров, А. Г. Вишневский; отв. ред.: С. В. Захаров. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. Гл. 6. С. 296–357.

Зайончковская Ж.А., Полетаев Д., Доронина К.А., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Защита прав москвичей в условиях массовой миграции / Науч. ред.: Ж.А. Зайончковская. М.: Уполномоченный по правам человека в городе Москве. РОО «Центр миграционных исследований», 2014.

Заплетин Г.П., Ширин-заде Г.Х. Русские в истории Азербайджана. Баку: Ганун, 2008. С. 8–9.

Искандарян А. Ислам на Северном Кавказе: ре- или доисламизация? // Религия и политика на Кавказе. Материалы международной конференции. / Ред. А. Искандарян. Ереван: КИСМИ, 2004. С. 96–109.

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 4. Кн. 1. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. в 11 т. Т. 11. 2012 // Эл.ресурс:http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol11pdf-m.html (дата обращения: 25.06.2017).

Караваев А. Русская речь и культура в странах СНГ (на примере Азербайджана): исследование фонда «Наследие Евразии». Информационно-Аналитический Центр. 2008 // Эл.ресурс: <http://www.fundeh.org/about/articles/40/> (дата обращения 01.08.2017).

Касаткина Н. Особенности национальной идентификации русской интеллигенции Литвы в межвоенный период // Русские Прибалтики. Механизм культурной интеграции (до 1940 г.) / Под ред. Н. Арлаускайте. Вильнюс: Русский культурный центр. 1997. С. 48–66.

Касаткина Н. Русские в современной Литве: меньшинство, диаспора или часть гражданского общества? / Русские в странах Балтийского региона: меньшинство и государство // Etniškumo studijos. Socialinių tyrimų institutas. Vilnius: Eugrimas 2007. Т. 2. С. 18–43.

Керимов Э. Русские Азербайджана // Журнал IRS-Наследие. 2010. Т. 3. № 45. С. 54–65.

Киреев Х.С. Межэтнические конфликты в России: истоки и решения // Власть. 2007. № 10. С. 84–88.

Кобахидзе Е.И. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в межэтническом взаимодействии на Северном Кавказе (на примере РСО-А и КБР) // СОЦИС. 2005. Т. 2. С. 66–74.

Кобылинская С.В., Усенко А.С. Современная миграционная политика России // Научный журнал КубГАУ. 2014. Т. 103. № 9.

Колосов В.А., О'Локлин Дж. Социально-территориальная динамика и этнические отношения на Северном Кавказе. 2008 // Эл. ресурс: http://www.civisbook.ru/files/File/Kolosov_2008_4.pdf (дата обращения: 25.06.2017)

Конституция Республики Дагестан (принята Конституционным Собранием 10 июля 2003 г.) (с изменениями и дополнениями). Эл.ресурс: http://constitution.garant.ru/region/cons_dagest/chapter/1/#block_1111 (дата обращения 08.08.2017).

Конституция Республики Дагестан от 26 июля 1994 года // Эл.ресурс: <http://docs.cntd.ru/document/748300070> (дата обращения 25.06.2017).

Корнилов С.А., Корнилова Т.В. Мета-аналитические исследования в психологии // Психологический журнал. 2010. Т. 31. №. 6. С. 5–17.

Кульчик Ю., Джабраилов Х. Кумыкский этнос: поиск собственного места в многонациональной республике. Дагестан: кумыкский этнос. М.: ИГПИ, 1993.

Лебедева Н.М. Этнопсихология: учебник и практикум для академического бакалавриата // М.: Юрайт, 2014.

Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения России. М.: РУДН, 2009.

Лебедева Н. М., Татарко А. Н., Берри Дж. У. Социально-психологические основы мультикультурализма: проверка гипотез о межкультурном взаимодействии в российском контексте // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 92–104.

Левада-Центрю Всероссийский опрос для Ла Страда Украина, 2007, N=2011 // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 978. 2008.

Лепшокова З.Х. Стратегии адаптации мигрантов и их психологическое благополучие (на примере Москвы и Северного Кавказа). М.: Изд-во Грифон, 2012.

Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в мировом контексте // Общественные науки и современность. 2010. Т. 3.

Максименкова М.С., Сорокина А.А. Россия глазами трудовых мигрантов: ценностные барьеры на пути адаптации // Общественные науки и современность. 2014, № 5. С. 166–176.

Марцинкявичюс А. Некоторые аспекты социальной ситуации русского меньшинства в Литовской Республике (1918–1940) / Русские в странах Балтийского региона: меньшинство и государство // *Etniškumo studijos. Socialinių tyrimų institutas.* Vilnius: Eugrimas 2007. Т. 2. С. 212–242.

Матвеева С.Я., Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в России // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 153–164.

Матулионис А.В., Фреюте-Ракаускене М. Идентичность русской этнической группы и ее выражение в Литве и Латвии. Сравнительный аспект // Мир России. 2014. Т. 23, №. 1. С. 87–114.

Мехтиханов А. Лучше гор могут быть только горцы // Молодежь Дагестана. 2002. № 26. С. 28.

Миграция и демографический кризис в России / Под общ. ред.: Е. В. Тюрюканова, Ж. А. Зайончковская. М.: МАКС Пресс, 2010.

Миграция русских: причины оттока с Северного Кавказа: Описание проблемы, актуальная ситуация (1950–2013). М, 2013.

Муртузалиев С.И. Политика России в Дагестане и на Северном Кавказе на рубеже XX и XXI столетий глазами местных жителей // Северный Кавказ в национальной стратегии России. 2007.

Мусабеков Р. Независимый Азербайджан и этнические меньшинства. 2011 // Эл.ресурс: URL::<http://www.kavkazoved.info/news/2011/12/06/nezavisimyj-azerbajdzhan-i-etnicheskie> (дата обращения 01.08.2017)

Ольшанский Д.В. Психология терроризма. Питер, 2002.

Патракова В.Ф., Черноус В.В. Русские на Северном Кавказе: исторический экскурс // Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века Сборник научных статей. Ответственный редактор Черноус В.В. Ростов — на — Дону Издательство СКНЦ ВШ, 2001.

Переписи населения Азербайджана // Эл.ресурс: http://web.archive.org/web/20121130101713/http://www.azstat.org/statinfo/demographic/en/AP/_1_5.xls. (дата обращения 01.08.2017).

Попов Э. Русские в Азербайджане. Столетие. Информационно аналитическое издание фонда исторической перспективы. Интернетгазета, Сентябрь. 2010 // Эл.ресурс: <http://www.stoletie.ru/print.php?ID=6129> (дата обращения 01.08.2017).

Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Стат. сб. / Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2011 // Эл.ресурс: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis2010/VPN_BR.pdf (дата обращения 25.06.2017).

Пресс-релиз ООН. 2013 // Эл.ресурс: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/index.shtml> (Дата обращения 25.06.2017).

Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. Русские Азербайджана: традиции, культура, перспективы развития // Научный журнал «Кавказские научные записки». 2012. Т. 1. № 10. С. 91–109.

Родин М.Ю. Этнополитические конфликты и национальная идентичность в Латвии / Этнические конфликты в странах Балтии в постсоветский период // Сб. статей под ред. А.В. Гапоненко. Рига. Институт европейских исследований 2013. С. 27–60.

Рябиченко Т.А. Индивидуальные ценности как предикторы стратегий аккультурации этнических меньшинств // XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах. Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 509–514.

Рябиченко Т.А. Ассимиляция или интеграция: роль ценностей «Самоутверждение» // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 3. С. 93–104.

Рябиченко Т.А., Лебедева Н.М. Отношение к иммиграции и субъективное благополучие принимающего населения // Общественные науки и современность. 2014. №. 2. С. 34–44.

Савва М.В. Миграция в Южном федеральном округе // Бюллетень Владикавказского института управления. 2005. №. 15.

Северный Кавказ: модернизационный вызов / *И.В. Стародубовская, Н.В. Зубаревич, Д.В. Соколов, Т.П. Интигринова, Н.И. Миронова, Х.Г. Магомедов. М.*, 2011.

Склярова Д.В. Особенности этнической идентичности студенческой молодежи кабардинской, балкарской и русской этногрупп: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Д.В. Склярова. — Ростов н/Д, 2008..

Сколько коренных народов проживает в республике Дагестан? 2017 // Эл.ресурс: <http://www.internet-jurnal-russia-online.com/natsionalnyj-vopros-/narody-rossii-/narody-dagestana/> (дата обращения 25.06.2017).

Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.

Татарко А.Н. Мигранты в Москве: угрозы истинные и мнимые // Миграционные процессы и проблемы адаптации. отв. ред. В.В. Константинов. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2009. С. 73–97.

Тишков В.А., Степанов В.В. Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети ЕАВАРН в 2003 году. МИнститут этнологии и антропологии Российской Академии Наук, 2004. С. 305–322.

Томенцева Г.И. Миграционная политика: проблемы, противоречия, решения // Вестник ЧелГУ. 2014. Т. 14. № 343. С. 47–54.

Фарадов Т. Проблема оптимизации межэтнических отношений в Азербайджане. 2011 // Эл.ресурс: <http://forum.atc.az/showthread.php?t=11999>. (дата обращения 01.08.2017).

Фурман Д.Е., Аббасов А. Азербайджанская революция. Азербайджан и Россия: общество и государство. М.: Летний сад, 2001.

Хухлаев О.Е., Миназова В.М., Павлова О.С., Зыков Е.В. Социальная идентичность и этнонациональные установки студенческой молодежи Чечни // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 23–40.

Чудиновских О., Денисенко М., Мкртчян Н. Временные трудовые мигранты в России // Демоскоп- Weekly. 2013. Дек. № 579–580.

Шахбанова М.М. Особенности этнического поведения дагестанских народов в полиэтнической среде. 2015 // Эл.ресурс: <http://kavkazplus.com/news.php?id=80#.WYrlmWsicdo> (дата обращения 08.08.2017).

Шахбанова М.М., Лысенко Ю.М., Мамараев Р.М. Дагестанские русские о состоянии межнациональной ситуации в Республике Дагестан // Вестник Института ИЭА. 2015. № 2. С. 149–157.

Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей Школы экономики. 2012. № 2. С. 44–70.

Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Русская идея, 2000. Эмпирическая проверка применимости политики мультикультурализма в России в контексте мирового опыта (2016). Отчет по проекту Российского научного фонда за 2016 г. (Рук. Н.М. Лебедева). Москва, 2016.

Этническая демография русских Дагестана. 2011 // Эл. ресурс: <http://evgazia.org/article/1788> (дата обращения 25.06.2017).

Этническая толерантность в поликультурных регионах России / Отв. ред.: Н.М. Лебедева, А. Н. Татарко. М.: РУДН, 2002.

Эхала М., Забродская А.Н. Этнолингвистическая витальность этнических групп стран Балтии // Диаспоры. 2011. № 1. С. 6–60.

Юнусов А.С. Этнические и миграционные процессы в постсоветском Азербайджане. 2001 // Эл.ресурс: <http://chairs.stavsu.ru/geo/Conference/c1-67.htm> (дата обращения 01.08.2017).

Ярлыканов А.А. Проблема ваххабизма на Северном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 2000. № 134.

Ярлыканов А.А. Современный Дагестан: актуальные этнополитические и этноконфессиональные проблемы // Социодинамика. 2012. № 3. С. 130–153.

Abashin S. Central Asian migration. Practices, local communities, transnationalism // Russian Politics and Law. 2013, Vol. 51(3). P. 6–20.

Abu-Rayya H.M., Sam D.L. Is Integration the Best Way to Acculturate? A Reexamination of the Bicultural-Adaptation Relationship in the “ICSEY Dataset” Using the Bilinear Method // Journal of Cross-Cultural Psychology 2017 Vol. 48 (3). P. 287–293.

Adorno T.W., Frenkel-Brunswick, E., Levinson, D.J., Sanford, R.N. The Authoritarian Personality. New York, NY: Harper-Row. 1950.

Aleksynska M., Algan Y. Economic and cultural assimilation and integration of immigrants in Europe // Economic and cultural assimilation and integration of immigrants in Europe. CEPII Working Paper. 2010. Vol. 29.

Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. Fractionalization // Journal of Economic growth 2003 Vol. 8 (2). P. 155–194.

Allport G.W. The nature of prejudice. Reading, MA: Addison-Wesley, 1954.

Altemeyer B. Right-wing authoritarianism. Winnipeg, Canada: University of Manitoba Press. 1981.

Altemeyer B. The authoritarian specter. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1996.

Apine I. Latvian scientists about the traditions of recognition and acceptance of Russians (other ethnic minorities) in Latvia // Ethnicity. 2010. Vol. 1. P. 29–57.

Arbuckle J.L. Amos (Version 20.0). Chicago: SPSS, 2011.

Arends-Tóth J., Van de Vijver F.J.R. Multiculturalism and acculturation: views of Dutch and Turkish–Dutch // European Journal of Social Psychology 2003 Vol. 33 (2). P. 249–266.

Asbrock F., Kauff M. Authoritarian disbeliefs in diversity // The Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 155. P. 553–558.

Aycan Z., Berry J.W. Impact of employment-related experiences on immigrants’ psychological well-being and adaptation to Canada // Canadian Journal of Behavioural Science. 1996. Vol. 28. P. 240–251.

Badurashvili I. Out-Migration from Georgia to Moscow and Other Destinations // In: Genov, N.; Savvidis, T. (eds.). *Transboundary Migration in the Post-Soviet Space: Three Comparative Studies*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011.

Balžekienė A., Lapienienė A., Merkys G., Telešienė A. Daugiakultūrio ir daugiakalbio ugdymo prielaidos bei problemos etniškai mišriame regione [Multicultural and multilingual education assumptions and problems in the ethnically mixed region] // *Etniškumo studijos*. Socialinių tyrimų institutas. Vilnius: Eugrimas. 2008. Vol. 1–2. P. 146–171.

Banting K., Kymlicka W. Is there really a retreat from multiculturalism policies? New evidence from the multiculturalism policy index // *Comparative European Politics* 2013 Vol. 11 (5). P. 577–598.

Banting, K., Kymlicka, W. The multicultural policy index. // Access mode: <http://www.queensu.ca/mcp/> (Reference date: 25.06.2017).

Bardi A., Goodwin R. The dual route to value change: Individual processes and cultural moderators // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2011. Vol. 42(2). P. 271–287.

Barrette G., Bourhis R.Y., Personnaz M., Personnaz B. Acculturation orientations of French and North American undergraduates in Paris // *International Journal of Intercultural Relations*. 2004. Vol. 28. P., 415–438.

Barry D. T., Grilo C. M. Cultural, self-esteem and demographic correlates of perception of personal and group discrimination among East Asian immigrants // *American Journal of Ortho-psychiatry*. 2003. Vol. 73. P. 223–229.

Bekhuis H., Lubbers M., Verkuyten M. Globalization and nationalist attitudes in 52 Countries, between 1981 and 2009 // *International Journal of Public Opinion Research*. 2014.

Benet-Martínez V., Hong Y.-y. (Ed.). *The Oxford handbook of multicultural identity*. New York, NY: Oxford Univ. Press. 2015.

Beresnevičiūtė, V. Main Findings of the ENRI-VIS Survey // In Chvorostov, A., Heinrich, H. G. (Eds.) *Contextual and Empirical Reports on Ethnic Minorities in Central and Eastern Europe. The Russian Minority in Lithuania, EC. European Research Area*, 2011. P. 27–44.

Bergamaschi A. Adolescents and prejudice: A comparative study of the attitudes of two European adolescent populations regarding

the issues that are raised by increasing cultural and religious pluralism // *International Journal of Intercultural Relations*. 2013. Vol. 37(3). P. 302–312.

Bergman, L.R., Trost, K. The Person-Oriented Versus the Variable-Oriented Approach: Are They Complementary, Opposites, or Exploring Different Worlds? // *Merrill-Palmer Quarterly*. 2006. Vol. 52. P. 601–632.

Berlet C. Taking Tea Parties Seriously: Corporate Globalization, Populism, and Resentment // *Perspectives on Global Development and Technology*. 2011. Vol. 10 (1). P. 11–29.

Berry J.W. Marginality, stress and ethnic identification in an acculturated Aboriginal community // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1970. Vol. 1 (3). P. 239–252.

Berry J.W. Psychological aspects of cultural pluralism: unity and identity reconsidered // *Topics in culture learning* 1974 Vol. 2. P. 17–22.

Berry J.W. Psychological Perspectives in Culture Change // Special Issue of *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1977. Vol. 8(2).

Berry J.W. Acculturation as varieties of adaptation // A. Padilla (ed.). *Acculturation: theory, models and some new findings*. Boulder: Westview 1980. P. 9–25.

Berry J.W. Multicultural policy in Canada: A social psychological analysis // *Canadian Journal of Behavioural Science*. 1984. Vol. 16. P. 353–370.

Berry J. W. Immigration, acculturation and adaptation // *Applied Psychology: An International Review*. 1997. Vol. 46. P. 5–68.

Berry J. W. Immigration, acculturation, and adaptation // *Applied Psychology*. 1997. Vol. 46 (1). P. 5–34.

Berry J.W. Social psychological costs and benefits of multiculturalism: A view from Canada // *Trames* 1998 Vol. 2 (3). P. 209–233.

Berry J.W. et al. *Cross-Cultural Psychology: Research and Applications*. Cambridge University Press, 2011.

Berry J. W. Conceptual approaches to acculturation // K. Chun, P. Balls-Organista, G. Marin (eds.). *Acculturation: theory, method and applications*. Washington: APA Press, 2003. P. 17–37.

Berry J.W. Acculturation: Living successfully in two cultures // *International journal of intercultural relations* 2005 Vol. 29 (6). P. 697–712.

Berry J.W. Attitudes towards immigrants and ethnocultural groups in Canada // *International Journal of Intercultural Relation*. 2006 Vol. 30 P. 719–734.

Berry J.W. Immigration, settlement and policy: Social and psychological analyses // *Social Psychology Dynamics*. University of the West Indies Press, 2012.

Berry J.W. Intercultural relations in plural societies: Research derived from multiculturalism policy // *Acta de Investigación Psicológica*. 2013. Vol. 3(2). P. 1122–1135.

Berry J.W. Research on multiculturalism in Canada // *International Journal of Intercultural Relations*. 2013. Vol. 37(6). P. 663–675.

Berry J.W. Intercultural adaptation to acculturation // *Annual Conference, Canadian Psychological Association, Ottawa, June 2015*.

Berry J.W. (ed.) *Mutual intercultural relations* Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

Berry J.W., Hou F. Immigrant acculturation and wellbeing in Canada // *Canadian Psychology/Psychologie canadienne* 2016 Vol. 57 (4). P. 254.

Berry J.W., Kalin R. Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 National Survey // *Canadian Journal of Behavioural Science*, 1995. Vol. 27. P. 301–320.

Berry J.W., Kalin R. Multicultural policy and social psychology: The Canadian experience // In S. A. Renshon J. Duckitt (Eds.) *Political psychology: Cultural and cross-cultural foundations*. London: Macmillan, 2008. P. 263–284.

Berry J.W., Kalin R., Taylor D. *Multiculturalism and ethnic attitudes in Canada*. — Ottawa: Ministry of Supply and Services, 1977.

Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. Immigrant Youth: Acculturation, Identity, and Adaptation // *Applied Psychology*. 2006. Vol. 55. P. 303–332.

Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P.E. *Immigrant youth in cultural transition: Acculturation, identity, and adaptation across national contexts*. Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2006.

Berry J.W., Poortinga Y., Segall M.H., Dasen P.R. Acculturation and intercultural relations // In *J.W. Berry, Y. Poortinga, M.H. Segall, & P.R. Dasen* (Eds.), *Cross-cultural psychology: Research and applications*, 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press., 2002. P. 345–383.

Berry J.W., Sabatier C. Acculturation, discrimination, and adaptation among second generation immigrant youth in Montreal and Paris // *International Journal of Intercultural Relations*. 2010. Vol. 34. P. 191–207.

Berry J.W., Sabatier C. Variations in the assessment of acculturation attitudes: Their relationships with psychological well-being // *International Journal of Intercultural Relations*. 2011. Vol. 35. P. 658–669.

Berry J.W., Sam D.L. Accommodating cultural diversity and achieving equity: An introduction to psychological dimensions of multiculturalism // *European Psychologist* 2013 Vol. 18 (3). P. 151–157.

Berry J.W., Sam D.L. Multicultural societies // In V. Benet-Martinez, & Y.-Y. Hong (Eds.), *The Oxford handbook of multicultural identity*. 2014. P. 97–117.

Berry J.W., Ward C. Multiculturalism // *The Cambridge handbook of acculturation psychology*. 2016. P. 441–463.

Berry J.W., Hou F. Acculturation, Discrimination and Wellbeing among Second Generation of Immigrants in Canada // in press.

Bianchi M., Buonanno P., Pinotti P. Do immigrants cause crime? // *Journal of the European Economic Association*. 2012. Vol. 10 (6). P. 1318–1347.

Biesta G.J.J. Why 'What Works' Still Won't Work: From Evidence-Based Education to Value-Based Education // *Studies in Philosophy and Education*. 2010. VI. 29 (5). P. 491–503.

Blascovich J., Mendes. W.B., Hunter. S.B., Lickel B., Kowai-Bell N. Perceiver threat during social interactions with stigmatized others // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2001. Vol. 80. P. 253–267.

Bloemraad I. *Becoming a citizen: Incorporating immigrants and refugees in the United States and Canada*. Univ of California Press, 2006.

Bloemraad I. The debate over multiculturalism: Philosophy, politics, and policy // *Migration Information Source* 2011.

Bloemraad I., Wright M. “Utter failure” or unity out of diversity? Debating and evaluating policies of multiculturalism // *International Migration Review* 2014 Vol. 48 (s1).

Bobo L.D. Prejudice as group position: Microfoundations of a sociological approach to racism and race relations // *Journal of Social Issues*. 1999. Vol. 55(3). P. 445–472.

Bobo L., Hutchings V.L. Perceptions of racial group competition: Extending Blumer's theory of group position to a multiracial social context // *American Sociological Review*, 1996. Vol. 61. P. 951–972.

Bobo L., Licari F.C. Education and Political Tolerance: Testing the Effects of Cognitive Sophistication and Target Group Affect // *Public Opinion Quarterly*. 1989. Vol. 53. P. 285–308.

Bochner S. The social psychology of cross-cultural relations // *In Cultures in contact: Studies in cross-cultural interaction*. ed. S. Bochner, Oxford: Pergamon, 1982. P. 5–44.

Bogardus E.S. Social Distance and Its Origins // *Journal of Applied Sociology*. 1925. Vol. 9. P. 216–226.

Bollen K. A., Pearl J. Eight myths about causality and structural equation models. UCLA Cognitive Systems Laboratory Technical Report (R-393), July 2012 // *In S. L. Morgan (Ed.) Handbook of Causal Analysis for Social Research* New York: Springer, 2013. P. 301–328.

Bourdieu P. The forms of capital // *In J. G. Richardson (Ed.), Handbook of theory and research for the sociology of education* (p. 241–258). New York: Greenwood Press, 1986.

Bourhis R.Y., Moise L.C., Perreault S., Senecal S. Towards an interactive acculturation model: A social psychological approach // *International journal of psychology* 1997 Vol. 32 (6). P. 369–386.

Breugelmans S.M., van de Vijver F.J.R. Antecedents and components of majority attitudes toward multiculturalism in the Netherlands // *Applied Psychology*. 2004. Vol. 53. P. 400–422.

Brewer M.B. The psychology of prejudice: Ingroup love and outgroup hate? // *Journal of social issues*. 1999. Vol. 55 (3). P. 429–444.

Brewer M.B., Brown R.J. Intergroup relations. McGraw-Hill, 1998.

Brown C.M., Gibbons J.L., Hughes H.M. Acculturation clusters and life satisfaction // *Acta de Investigación Psicológica*. 2013. Vol. 3. P. 1108–1121.

Brown R. Social identity theory: Past achievements, current problems and future challenges // *European journal of social psychology*. 2000. Vol. 30 (6). P. 745–778.

Brune A., Asbrock F., Sibley C.G. Meet your neighbours. Authoritarians engage in intergroup contact when they have the opportunity: Authoritarianism and intergroup contact // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2016. Vol. 26. P. 567–580.

Budrytė D. Challenges of 'Non-Traditional' Minorities: Evidence from the Baltics // International Studies Association Annual Convention, New Orleans, February 2010. Conference Presentation.

Chatterjee C., Ransel D. L., Cavender M., Petrone K. (Eds.). Everyday life in Russia past and present. Bloomington, IN: Indiana Univ. Press. 2015.

Chirumbolo A., Leone L., Desimoni M. The interpersonal roots of politics: Social value orientation, socio-political attitudes and prejudice // Personality and Individual Differences. 2016. Vol. 91. P. 144–153.

Chola L., Alaba O. Association of Neighbourhood and Individual Social Capital, Neighbourhood Economic Deprivation and Self-Rated Health in South Africa — a Multi-Level Analysis // PLoS ONE. 2013. Vol. 8(7).

Citrin J. et al Multiculturalism in American public opinion // British Journal of Political Science. 2001. Vol. 31 (2). P. 247–275.

Coenders M., Scheepers P. Changes in resistance to the social integration of foreigners in Germany 1980–2000: Individual and contextual determinants // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2008. Vol. 34. P. 1–26.

Cohrs J.C., Stelzl M. How Ideological Attitudes Predict Host Society Members' Attitudes toward Immigrants: Exploring Cross-National Differences // Journal of Social Issues. 2010. Vol. 66. P. 673–694.

Coleman J. Foundations of Social Theory. Cambridge/London: Belknap Press of Harvard University Press, 1990.

Correll J., Park B., Allegra Smith J. Colorblind and Multicultural Prejudice Reduction Strategies in High-Conflict Situations // Group Processes & Intergroup Relations. 2008. Vol. 11 (4). P. 471–491.

Crawford J.T. Are Conservatives More Sensitive to Threat than Liberals? It Depends on How We Define Threat and Conservatism // Social Cognition. 2017. Vol. 35. P. 354–373.

Crockett L.J., Zamboanga B.L. Substance use among Latino adolescents: Cultural, social, and psychological considerations // Handbook of Latino psychology: Developmental and community-based perspectives. 2009. P. 379–398.

Dancygier R.M., Laitin D.D. Immigration into Europe: Economic discrimination, violence, and public policy // Annual Review of Political Science. 2014. Vol. 17. P. 43–64.

Dandy J., Pe-Pua R. Attitudes to multiculturalism, immigration and cultural diversity: Comparison of dominant and non-dominant groups in three Australian states // *International Journal of Intercultural Relations*. 2010. Vol. 34(1). P. 34–46.

Danis W., Liu L.A., Vacek J. Values and upward influence strategies in transition: Evidence from the Czech Republic // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2011. Vol. 42(2). P. 288–306.

Davidov E., Meuleman B., Billiet J., Schmidt P. Values and Support for Immigration: A Cross-Country Comparison // *European Sociological Review*. 2008. Vol. 24 (5). P. 583–599.

Davies K., Tropp L.R., Aron A., Pettigrew T.F., Wright S.C. Cross-group friendships and intergroup attitudes // *Personality and Social Psychology Review*. 2011. Vol. 15(4) P. 332–351.

Davies P.G., Steele C.M., Markus H.R. A nation challenged: The impact of foreign threat on America's tolerance for diversity. // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 95(2). P. 308–318.

Di Bartolomeo A., Makaryan Sh., Weinar A. (Eds.). Regional migration report: Russia and Central Asia. Florence, Italy: Migration Policy Centre, European University Institute. 2014.

Diener E., Emmons R. A., Larsen R. J., Griffin S. The Satisfaction with Life Scale // *Journal of Personality Assessment*. 1985. Vol. 49. P. 71–75.

Dixon J., Durrheim K., Tredoux C. Beyond the optimal contact strategy: A reality check for the contact hypothesis // *American Psychologist*. 2005. Vol. 60. P.697–711.

Dovidio J.F., Hewstone M., Glick P., Esses V.M. Prejudice, stereotyping, and discrimination: Theoretical and empirical overview // In *J.F. Dovidio, M. Hewstone, P. Glick, & V. M. Esses* (Eds.), *SAGE handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination* (P. 3–28). London, United Kingdom: Sage. 2010.

Duckitt J. A dual-process cognitive-motivational theory of ideology and prejudice // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2001. Vol. 33. P. 41–113.

Duckitt J. Prejudice and Intergroup Hostility // In *D. Sears, L. Huddy, & R. Jervis* (Eds.), *Oxford Handbook of Political Psychology* (P. 559–600). Oxford: Oxford University Press, 2003.

Duckitt J., Sibley C.G. Right wing authoritarianism, social dominance orientation and the dimensions of generalized prejudice // *European Journal of Personalit.* 2007. Vol. 21. P. 113–130.

Duckitt J., Sibley C.G. Personality, ideology, prejudice, and politics: A dual-process motivational model // *Journal of Personality*. 2010. Vol. 78. P. 1861–1894.

Duckitt J., Sibley C.G. The dual process motivational model of prejudice // In *C.G. Sibley & F.K. Barlow* (Eds.), *The Cambridge handbook of the psychology of prejudice*. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2017.

Duckitt J., Wagner C., du Plessis I., Birum I. The psychological bases of ideology and prejudice: Testing a dual process model // *Journal of Personality and Social Psychology*, 2002. Vol. 83. P. 75–93.

Ely R.J., Thomas D.A. Cultural diversity at work: The effects of diversity perspectives on work group processes and outcomes // *Administrative science quarterly*. 2001. Vol. 46 (2). P. 229–273.

Environics Institute. Focus Canada: Canadian public opinion about immigration and multiculturalism.2015// Access mode: www.environicsinstitute.org/.../environics%20institute%20%20focus%20canad%20s The title from the screen. (Reference date: 25.06.2017).

Esses V, Dovidio J F, Hodson G. Public attitudes toward immigration in the United States and Canada in response to September 11, 2001 “attack on America” // *Analyses of Social Issues and Public Policy*. 2002. Vol. 2. P. 69–85.

Esses V., Dovidio J.F., Jackson L.M., Armstrong T.L. The immigration dilemma: The role of perceived group competition, ethnic prejudice and national identity // *Journal of Social Issues*. 2001. Vol. 37. P. 389–411.

Feather N.T., McKee I.R. Values and Prejudice: Predictors of Attitudes toward Australian Aborigines // *Australian Journal of Psychology*. 2008. Vol. 60. P. 80–90.

Feather N.T., McKee I.R. Values, Right-Wing Authoritarianism, Social Dominance Orientation, and Ambivalent Attitudes Toward Women: Values and Ambivalent Sexism // *Journal of Applied Social Psychology*. 2012. Vol. 42. P. 2479–2504.

Fiske S.T., Cuddy A.J.C., Glick P. Universal dimensions of social cognition: Warmth, then competence // *Trends in Cognitive Science*. 2007. Vol. 11. P. 77–83.

Frėjutė-Rakauskienė M. Etninis nepakantumas Lietuvos spaudoje [Ethnic Intolerance in the Lithuanian Press] // *Etniškumo studijos*. Socialinių tyrimų institutas. Vilnius: Eugrimas. 2012. Vol.1.

Frėjutė-Rakauskienė M., Šliavaitė K. Rusai, lenkai, baltarusiai Lietuvoje: lokalaus, regioninio ir europinio identitetų sąsajos [Russians, Poles and Belarusians in Lithuania: Interplay of Local, Regional and European Identities] // Etniškumo studijos. Socialinių tyrimų institutas. Vilnius: Eugrimas. 2012. Vol. 1–2. P. 126–144.

Gaasholt Ø., Togeby L. In seven minds. The Danes' attitudes towards refugees and immigrants) // Forlaget Politica, 1995.

Galyapina V.N., Lebedeva N.M. Is multiculturalism in Russia possible? Intercultural relations in North Ossetia-Alania // Psychology in Russia. State of the Art. 2016. Vol. 9(1). P. 24–41.

Genov N.; Savvidis T. (eds.). Transboundary Migration in the Post-Soviet Space: Three Comparative Studies. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011.

Gezentsvey M., Ward C. Unveiling agency: A motivational perspective on acculturation and adaptation // In R. Sorrentino S. Yamaguchi (Eds.) Handbook of motivation and cognition across cultures. San Diego: Elsevier, 2008.

Gieling M., Thijs J., Verkuyten M. Dutch adolescents' tolerance of Muslim immigrants: the role of assimilation ideology, intergroup contact, and national identification // Journal of Applied Social Psychology. 2014. Vol. 44. P. 155–165.

Ginges J., Cairns D. Social representations of multiculturalism: A faceted analysis // Journal of Applied Social Psychology. 2000. Vol. 30 (7). P. 1345–1370.

Glăvan O.-R., Andrievschi-Bartkiene L. Multiculturalism versus Nationalism and the role of ethnic minorities in the public life of Lithuania // Romanian Journal for Baltic and Nordic Studies [Revista Română de Studii Baltice și Nordice]. 2012. Vol. 4(2). P. 73–86.

Greene M. L., Way N., Pahl K. Trajectories of perceived adult and peer discrimination among Black, Latino, and Asian American adolescents: Patterns and psychological correlates // Developmental Psychology. 2006. Vol. 42(2). P. 218–238.

Greenman E., Xie Y. Is assimilation theory dead? The effect of assimilation on adolescent well-being // Social Science Research. 2008. Vol. 37(1). P. 109–137.

Grigoryev D., van de Vijver F. Acculturation profiles of Russian-speaking immigrants in Belgium and their socio-economic adaptation // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2017. P. 1–18.

Guan Y., Verkuyten M., Fung H.H., Bond M.H., Chen S.X., Chan C.C. Out-group value incongruence and intergroup attitude: The roles of common identity and multiculturalism // *International Journal of Intercultural Relations*. 2011. Vol. 35 (3). P. 377–385.

Güngör D. The interplay between values, acculturation and adaptation: A study on Turkish-Belgian adolescents // *International Journal of Psychology*. 2007. Vol. 42 (6). P. 380–392.

Güngör D., Bornstein M.H. Gender, Development, Values, Adaptation, and Discrimination in Acculturating Adolescents: The Case of Turk Heritage Youth Born and Living in Belgium // *Sex Roles*. 2009. Vol. 60. P. 537–548.

Halperin E., Canetti-Nisim D., Pedahzur A. Threatened by the uncontrollable: Psychological and socio-economic antecedents of social distance towards labor migrants in Israel // *International Journal of Intercultural Relations*. 2007. Vol. 31. P. 459–478.

Heath A. Crossnational patterns and processes of ethnic disadvantage // *Proceedings-british academy*. Oxford university press inc., 2007. Vol. 137. P. 639.

Hewstone M., Rubin M., Willis H. Intergroup bias // *Annual review of psychology*. 2002. Vol. 53 (1). P. 575–604.

Hindriks P., Verkuyten M., Coenders M. Interminority attitudes: The roles of ethnic and national identification, contact, and multiculturalism // *Social Psychology Quarterly*. 2014. Vol. 77. P. 54–74.

Ho A.K., Sidanius J., Kteily N., Sheehy-Skeffington J., Pratto F., Henkel K.E.,... Stewart A.L. The nature of social dominance orientation: Theorizing and measuring preferences for intergroup inequality using the new SDO₇ scale // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2015. Vol. 109. P. 1003–1028.

Ho A.K., Sidanius J., Pratto F., Levin S., Thomsen L., Kteily N., Sheehy-Skeffington J. Social dominance orientation: Revisiting the structure and function of a variable predicting social and political attitudes // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2012. Vol. 38. P. 583–606.

Hodson G., Dhont K. The person-based nature of prejudice: Individual difference predictors of intergroup negativity // *European Review of Social Psychology*. 2015. Vol. 26. P. 1–42.

Hodson G., MacInnis C.C., Busseri M.A. Bowing and kicking: Rediscovering the fundamental link between generalized authoritarianism and generalized prejudice // *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 104. P. 243–251.

Hofstede G. Culture's consequences: International differences in work-related values. Beverly Hills, CA: Sage, 1980.

Hogan-Brun G. Language-In-Education across the Baltic: Policies, Practices and Challenges // *Comparative Education*. 2007. Vol. 4., No. 4. P. 553–570.

Hu L.T., Bentler P.M. Cutoff Criteria for Fit Indexes in Covariance Structure Analysis: Conventional Criteria Versus New Alternatives // *Structural Equation Modeling*. 1999. Vol. 6(1). P. 1–55.

Huber P. Oberdabernig D. A "The impact of welfare benefits on natives' and immigrants' attitudes toward immigration // *European Journal of Political Economy*, Elsevier. 2016. Vol. 44(C). P. 53–78.

Huddy L. Contrasting theoretical approaches to intergroup relations // *Political Psychology*. 2004. Vol. 25, P. 947–967.

Hui B.P.H., Chen S.X., Leung C.M., Berry, J.W. Facilitating adaptation and intercultural contact: The role of integration and multicultural ideology in dominant and nondominant groups // *International Journal of Intercultural Relations*. 2015. Vol. 45. P. 70–84.

Inguglia C., Musso P. Intercultural Profiles and Adaptation Among Immigrant and Autochthonous Adolescents // *Europe's Journal of Psychology*. 2015. Vol. 11. P. 79–99.

Integration politics in Latvia: double-place approach. [Integrācijas politika Latvijā: daudzpusīga pieeja]. 2004 // Access mode: <http://www.mfa.gov.lv/lv/Arpolitika/integracija/integracijas-politika/> (Reference date 01.05.2017).

Jang Y., Park N.S., Chiriboga D.A., Kim M.T. Latent profiles of acculturation and their implications for health: a study with Asian Americans in Central Texas // *Asian American Journal of Psychology*. 2017.

Jasinskaja-Lahti I., Horenczyk G., Kinunen T. Time and context in the relationship between acculturation attitudes and adaptation among Russian-speaking immigrants in Finland and Israel // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2011. Vol. 37(9). P. 1423–1440.

Jasinskaja-Lahti I., Liebkind K. A structural model of acculturation and well-being among immigrants from the former USSR in Finland // *European Psychologist*. 2007. Vol. 12 (2). P. 80–92.

Jasinskaja-Lahti I., Liebkind K., Horenczyk G., Schmitz P. The interactive nature of acculturation: perceived discrimination, acculturation attitudes and stress among young ethnic repatriates in Finland, Israel and Germany // *International Journal of Intercultural Relations*. 2003. Vol. 27 (1). P. 79–97.

Jost J.T., Glaser J., Kruglanski A.W., Sulloway F.J. Political conservatism as motivated social cognition // *Psychological Bulletin*. 2003. Vol. 129. P. 339–375.

Kadushin C. Social Distance between Client and Professional // *American Journal of Sociology*. 1962. Vol. 67(5). P. 517–531.

Kagitçibasi C. Whither multiculturalism? // *Applied Psychology: An International Review*. 1997. Vol. 46. P. 44–49.

Kaiser C.R., Pratt-Hyatt J.S. Distributing prejudice unequally: Do Whites direct their prejudice toward strongly identified minorities? // *Journal of personality and social psychology*. 2009. Vol. 96(2). P. 432.

Kalin R., Berry J.W. Social ecology of ethnic attitudes in Canada // *Canadian Journal of Behavioural Science*. 1982. Vol. 14. P. 97–109.

Kasatkina N., Leončikas T. Lietuvos etninių grupių adaptacija: kontekstas ir eiga: tyrimo modelis // *Etniškumo studijos. Socialinių tyrimų institutas*. Vilnius: Eugrimas. 2000.

Kasatkina N., Beresnevičiūtė V. Ethnic Structure, Inequality and Governance of the Public Sector in Lithuania // *Etniškumo studijos. Socialinių tyrimų institutas*. Vilnius: Eugrimas. 2010. Vol. 1. P. 7–25.

Kauff M., Asbrock F., Issmer C., Thörner S., Wagner U. When immigrant groups “misbehave”: The influence of perceived deviant behavior on increased threat and discriminatory intentions and the moderating role of right-wing authoritarianism // *European Journal of Social Psychology*. 2015. Vol. 45. P. 641–652.

Kauff M., Asbrock F., Thorner S., Wagner U. Side effects of multiculturalism: The interaction effect of a multicultural ideology and authoritarianism on prejudice and diversity beliefs // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2013. Vol. 39. P. 305–320.

Kesler C., Bloemraad I. Does immigration erode social capital? The conditional effects of immigration-generated diversity on trust, membership, and participation across 19 countries, 1981–2000 // *Canadian Journal of Political Science/Revue canadienne de science politique* 2010. Vol. 43 (2). P. 319–347.

Kim H.J., Yoo H.Y., Chung Y.K. Social distance towards the North Korean refugees in South Korean society // *Korea Observer*. 2015. Vol. 46. P. 295–320.

Kleinpenning G., Hagendoorn L. Forms of Racism and the Cumulative Dimension of Ethnic Attitudes // *Social Psychology Quarterly*. 1993. Vol. 56. P. 21–36.

Kline R.B. Principles and practice of Structural Equation Modeling. New York: Guilford Press, 1998.

Koopmans R. (ed.). *Contested citizenship: Immigration and cultural diversity in Europe*. U of Minnesota Press, 2005. Vol. 25.

Koopmans R. Multiculturalism and Immigration: A Contested Field in Cross-National Comparison // *Annual Review of Sociology*. 2013. Vol. 39. P. 147–169.

Kosic A. Acculturation attitudes, need for cognitive closure, and adaptation of immigrants // *The Journal of Social Psychology*. 2002. Vol. 242(2). P. 179–201.

Kosic A., Mannetti L., Lackland Sam D. The role of majority attitudes toward out-group in the perception of the acculturation strategies of immigrants // *International Journal of Intercultural Relations*. 2005. Vol. 29(3). P. 273–288.

Kronenfeld D.A. The effects of interethnic contact on ethnic identity: Evidence from Latvia // *Post-Soviet Affairs*. 2005. Vol. 21(3). P. 247–277.

Kruusvall J., Vetik R., Berry J.W. The strategies of inter-ethnic adaptation of Estonian Russians // *Studies of Transition States and Societies*. 2009. Vol. 1. P. 3–24.

Kuşdil M.E., Akoğlu S. Ç. Relationships among social dominance orientation, social axioms, and values // *Social Behavior and Personality: An International Journal*. 2014. Vol. 42. P. 1395–1407.

Kus-Harbord L., Ward C. Ethnic Russians in post-Soviet Estonia: Perceived devaluation, acculturation, well-being, and ethnic attitudes // *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*. 2015. Vol. 4 (1). P. 66–81.

Kymlicka W. *Multiculturalism: Success, Failure and the Future* // Migration Policy Institute (ed). *Rethinking National Identity in Age of Migration*. Berlin: Verlag Bertelsmann Stiftung, 2010 P. 33–78.

Lamarca G., Leal M., Leao A., Sheiham A., Vettore M. The different roles of neighborhood and individual social capital on oral health-related quality of life during pregnancy and postpartum: a multilevel analysis // *Community Dent Oral Epidemiol*. 2014. Vol. 42(2). P. 139–150.

Laumann E.O. Subjective Social Distance and Urban Occupational Stratification // *American Journal of Sociology*. 1965. Vol. 71. P. 26–36.

Lebedeva N., Galyapina V. Is multiculturalism in Russia possible? Intercultural relations in North Ossetia-Alania // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2016. Vol 9. P. 24–40.

Lebedeva N., Galyapina V., Lepshokova Z., Ryabichenko T. Intercultural Relations in Russia // In J.W. Berry (Ed.). *Mutual Intercultural Relations in Plural Societies*. Cambridge University Press (in press), 2017.

Lebedeva N.M., Tatarko, A.N. Immigration and intercultural interaction strategies in post-Soviet Russia // In E. Tartakovsky (Ed.), *Immigration: Policies, challenges and impact*. New York: Nova Science, 2013. P. 179–194.

Lebedeva N.M., Tatarko A.N., Berry J.W. Intercultural relations in Russia and Latvia: the relationship between contact and cultural security // *Psychology in Russia. State of the Art*. 2016. Vol. 9 (1). P. 41–56.

Lebedeva N., Tatarko A., Berry J.W. Intercultural relations among migrants from Caucasus and Russians in Moscow // *International Journal of Intercultural Relations*. 2016. Vol. 52. P. 27–38.

Lebedeva N., Tatarko A., Berry J.W. Social and psychological basis of multiculturalism: Testing of intercultural interaction hypotheses in the Russian context // *Psikhologicheskii Zhurnal*. 2016. Vol. 37. P. 92–104.

Lebedeva N., Tatarko A., Galyapina V. Intercultural relations of host populations with Russian minority in post-Soviet Latvia and Azerbaijan // In J.W. Berry (Ed.). *Mutual Intercultural Relations in Plural Societies*. Cambridge University Press (in press), 2017.

Leonardelli G.J., Brewer M.B. Minority and majority discrimination: When and why // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2001. Vol. 37 (6). P. 468–485.

Leončikas T. Asimiliacija šiuolaikinėje Lietuvos visuomenėje: švietimo sektoriaus pasirinkimas [Assimilation in contemporary Lithuanian society: choosing the language of education] // *Etniškumo studijos. Socialinių tyrimų institutas*. Vilnius: Eugrimas. 2007. Vol. 1.

Leong C.-H. A multilevel research framework for the analyses of attitudes toward immigrants // *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 32. P. 115–129.

Leong C.-H., Ward C. Cultural values and attitudes toward immigrants and multiculturalism: The case of the Eurobarometer survey on racism and xenophobia // *International Journal of Intercultural Relations*. 2006. Vol. 30. P. 799–810.

Lepshokova Z.K., Tatarko A.N. Intercultural relations in Kabardino-Balkaria: Does integration always lead to subjective well-being? // *Psychology in Russia. State of the Art.* 2016. Vol. 9(1). P. 57–73.

Levin S., Matthews M., Guimond S., Sidanius J., Pratto F., Kteily N., ... Dover T. Assimilation, multiculturalism, and colorblindness: Mediated and moderated relationships between social dominance orientation and prejudice // *Journal of Experimental Social Psychology.* 2012. Vol. 48. P. 207–212.

Lietuvos statistikos departamentas, 2013. Gyventojai pagal tautybę, gimtąją kalbą ir tikybą. [Statistics Lithuania, 2013. Population by ethnicity, mother tongue and religious denomination] // Access mode: https://osp.stat.gov.lt/documents/10180/217110/Gyv_kalba_tikyba.pdf/1d9dac9a-3d45-4798-93f5-941fed00503f (Reference date: 25.06.2017).

Lietuvos statistikos departamentas. Lietuva skaičiais, 2017 [Statistics Lithuania. Lithuania in figures, 2017]. 2017 // Access mode: <https://osp.stat.gov.lt/services-portlet/pub-edition-file?id=26780> (Reference date: 25.06.2017).

Lietuvos statistikos departamentas. Lietuvos gyventojai 2011 metais. 2011 m. gyventojų surašymo rezultatai. [Statistics Lithuania. Lithuanian 2011 Population Census in Brief] 2011 // Access mode: https://osp.stat.gov.lt/documents/10180/217110/Lietuvos_gyventojai_2011.pdf/8321a3c1-c8b9-4468-825c-52a7b753f281 (Reference date: 25.06.2017).

Lin N. Social Capital: a Theory of Social Structure and Action. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Ljujic V., Vedder P.H., Dekker H., van Geel M. Serbian adolescents' Romaphobia and their acculturation orientations towards the Roma minority // Winchester, Paper presented at the British Psychological Society, Social Psychology Section Annual Conference, University of Winchester, 2010.

Lubbers M., Coenders M. Nationalistic attitudes and voting for the radical right in Europe // *European Union Politics.* 2017. Vol. 18(1). P. 98–118.

Mallender J., Gutheil M., Heetman A., Griffiths D., Carlberg M., Marangozov R. Discrimination of migrant workers at the workplace. Luxembourg, Luxembourg: Publications Office, 2014.

Mallett R.K., Huntsinger J.R., Sinclair S., Swim J.K. Seeing through their eyes: When majority group members take collective action on behalf of an outgroup. // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2008. Vol. 11(4). P. 451–470.

Mancini T. Navas M., Lopez-Rodríguez L., Bottura B. Variants of biculturalism in migrant and host adolescents living in Italy and Spain. Testing the importance of life domains through the Relative Acculturation Extended Model (RAEM) // *International Journal of Psychology*. 2017.

Marger M.N. *Race and Ethnic Relations: American and Global Perspectives*, 3rd Ed.. Belmont, CA: Wadsworth, 1994.

Martinovic B., Verkuyten M. “We were here first, so we determine the rules of the game”: Autochthony and prejudice towards outgroups // *European Journal of Social Psychology*. 2013. Vol. 43. P. 637–647.

McFarland S.G., Ageyev V.S., Abalakina-Paap M.A. Authoritarianism in the former Soviet Union // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. Vol. 63. P. 1004–1010.

McFarland S.G., Ageyev V.S., Djintcharadze N. Russian authoritarianism two years after communism // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. Vol. 22. P. 210–217.

McLaren L. Anti-Immigrant Threat in Europe: Contact, Threat Perception and Preferences for the Exclusion of Migrants // *Social Forces*. 2003. Vol. 81(3). P. 909–936.

McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. M. Birds of a feather: Homophily in social networks // *Annual Review of Sociology*. 2001. Vol. 27. P. 415–444.

MIPEX. Key findings. Immigrant integration policy. 2010 // Access mode: <http://www.mipex.eu/countries> (Reference date: 25.06.2017)..

Moghaddam F.M. Individualistic and collective integration strategies among immigrations: Toward a mobility model of cultural integration // In *J.W. Berry, R.C Annis* (Eds.) *Ethnic psychology: Research and practice with immigrants, refugees, native peoples, ethnic groups and sojourners*. Lisse, the Netherlands: Swets & Zeitlinger, 1988. P. 69–77.

Morrison K.R., Plaut V.C., Ybarra O. Predicting Whether Multiculturalism Positively or Negatively Influences White Americans? Intergroup Attitudes: The Role of Ethnic Identification // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2010. Vol. 36 (12). P. 1648–1661.

Muiznieks N., Rozenvalds J., Birka I. Ethnicity and social cohesion in the post-Soviet Baltic states // *Patterns of Prejudice*. 2013. Vol. 47(3). P. 288–308.

Munniksma A., Verkuyten M., Flache A., Stark T. H., Veenstra R. Friendships and outgroup attitudes among ethnic minority youth: The mediating role of ethnic and host society identification // *International Journal of Intercultural Relations*. 2015. Vol. 44. P. 88–99.

Musso P., Inguglia C., Lo Coco A., Albiero P., Berry J.W. Mediating and moderating processes in the relationship between multicultural ideology and attitudes towards immigrants in emerging adults // *International Journal of Psychology*. 2016.

Napier J. L., Huang J., Vonasch A. J., Bargh J. A. Superheroes for Change: Physical Safety Promotes Socially (but Not Economically) Progressive Attitudes among Conservatives // *European Journal of Social Psychology*. 2017.

Naturalisation. [Naturalizācija]. 2016 // Access mode: <http://www.mfa.gov.lv/arpolitika/sabiedribas-integracija-latvija/pilsoniba-latvija/naturalizacija> (Reference date 01.05.2017).

Navas M., García M. C., Sánchez J., Rojas A. J., Pumares P., Fernández J.S. Relative Acculturation Extended Model (RAEM): New contributions with regard to the study of acculturation // *International Journal of Intercultural Relations*. 2005. Vol. 29. P. 21–37.

Nguyen A.M.D., Benet-Martínez V. Biculturalism and adjustment: A meta-analysis // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2013. Vol. 44(1). P. 122–159.

Nieto S., Rivera M., Quiñones S. Connecting the interpersonal, instructional, and institutional contexts // *Association of Mexican American Educators Journal*. 2013. Vol. 6 (3).

Number 10. PM's speech at Munich Security Conference. 2012 // Access mode: <http://www.number10.gov.uk/news/pms> — (Reference date: 28.01.2012).

OECD. Education at a Glance 2003: OECD Indicators, OECD Publishing, Paris. 2003 // Access mode: <http://www.oecd.org/site/worldforum/33703760.pdf> (Reference date: 25.06.2017).

OECD. International migration outlook 2013. Paris, France: OECD Publishing, 2013..

Oyamot C.M., Fisher E.L., Deason G., Borgida E. Attitudes toward immigrants: The interactive role of the authoritarian predisposition, social norms, and humanitarian values // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2012. Vol. 48. P. 97–105.

Park R.E. The Concept of Social Distance As Applied to the Study of Racial Attitudes and Racial Relations // *Journal of Applied Sociology*. 1924. Vol. 8. P. 339–344.

Pedersen A., Paradies Y., Barndon A. The consequences of intergroup ideologies and prejudice control for discrimination and harmony // *Journal of Applied Social Psychology*. 2015. Vol. 45. P. 684–696.

Permanent Mission of the Republic of Latvia to the United Nations. Integration politics in Latvia: A multi-faceted approach [Integrācijas politika Latvijā: daudzpusīga pieeja]. 2016 // Access mode: <http://www.mfa.gov.lv/en/newyork/society-integration/integration-policy-in-latvia-a-multi-faceted-approach> (Reference date 01.05.2017).

Perry R., Sibley C.G., Duckitt J. Dangerous and competitive worldviews: A meta-analysis of their associations with Social Dominance Orientation and Right-Wing Authoritarianism // *Journal of Research in Personality*. 2013. Vol. 47. P. 116–127.

Petrušauskaitė V., Pilinkaitė-Sotirovič V. Rusai Lietuvoje: etninės grupės raida ir socialinės integracijos iššūkiai 2001–2011 m. [Russians in Lithuania: Development of an Ethnic Group and Challenges of Social Integration 2001–2011] // *Etniškumo studijos. Socialinių tyrimų institutas*. Vilnius: Eugrimas. 2012. Vol. 1–2. P. 14–50.

Pettigrew T.F. Generalized intergroup contact effects on prejudice // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1997. Vol. 23. P. 173–185.

Pettigrew T.F. Peoples under threat: Americans, Arabs, and Israelis // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2003. Vol. 9. P. 69–90.

Pettigrew T.F. In pursuit of three theories: Authoritarianism, relative deprivation, and intergroup contact // *Annual Review of Psychology*. 2016. Vol. 67. P. 1–21.

Pettigrew T. F., Hewstone M. The single factor fallacy: Implications of missing critical variables from an analysis of intergroup contact theory: The single factor fallacy // *Social Issues and Policy Review*. 2017. Vol. 11. P. 8–37.

Pettigrew T.F., Tropp L.R. A meta-analytic test of intergroup contact theory // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 90. P. 751–783.

Pettigrew T.F., Tropp L.R. How does intergroup contact reduce prejudice? Meta-analytic tests of three mediators // *European Journal of Social Psychology*. 2008. Vol. 38(6). P. 922–934.

Pettigrew T. F., Tropp L.R. When groups meet: The dynamics of intergroup contact Psychology Press, 2013.

Pfafferott I., Brown R. Acculturation preferences of majority and minority adolescents in Germany in the context of society and family // *International Journal of Intercultural Relations*. 2006. Vol. 30. P. 703–717.

Phalet K., Swyngedouw M. A cross-cultural analysis of immigrant and host values and acculturation orientations // In *H. Vinken, J. Soeters, P. Ester* (Eds.) *Comparing cultures: Dimensions of culture in a comparative perspective* Leiden, The Netherlands: Brill, 2004. P. 181–208

Phinney J.S., Horenczyk G., Liebkind K., Vedder P. Ethnic identity, immigration, and well-being: An interactional perspective // *Journal of Social Issues*. 2001. Vol. 57. P. 493–510.

Piontkowski U., Rohmann A., Florack A. Concordance of acculturation attitudes and perceived threat // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2002. Vol. 5. P. 221–232.

Pisarenko O. The Acculturation Modes of Russian Speaking Adolescents in Latvia: Perceived Discrimination and Knowledge of the Latvian Language // *Europe-Asia Studies*. Vol. 58. No.5. 2006. P. 751–773.

Plaut V.C., Garnett F.G., Buffardi L.E., Sanchez-Burks J. “What about me?” Perceptions of exclusion and Whites' reactions to multiculturalism // *Journal of personality and social psychology*. 2011. Vol. 101 (2). P. 337.

Plaut V.C., Thomas K.M., Goren M.J. Is multiculturalism or color blindness better for minorities? // *Psychological Science*. 2009. Vol 20 (4). P. 444–446.

Poghosyan G. Out-Migration from Armenia / In: *Genov, N.; Savvidis T.* (eds.). *Transboundary Migration in the Post-Soviet Space: Three Comparative Studies*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011.

Portes A., Rumbaut R.G. *Immigrant America: A Portrait*. (3rd ed). Berkeley, CA: University of California Press, 2006.

Potashenko G. Russians of Lithuania (1990–2010): integration in civil society // *Ethnicity. Russian minorities in the Baltic states*. № 3. Daugavpils: Daugavpils University, 2010. P. 98–109.

Pratto F., Sidanius J., Stallworth L.M., Malle B.F. Social dominance orientation: A personality variable predicting social and political attitudes // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. Vol. 67. P. 741–763.

Putnam R.D.E. Bowling alone: America's declining social capital // *Journal of democracy*. 1995. Vol. 6 (1). P. 65–78.

Putnam R.D.E. Pluribus unum: Diversity and community in the twenty-first century the 2006 Johan Skytte Prize Lecture // *Scandinavian political studies*. 2007 Vol. 30 (2). P. 137–174.

Radkiewicz P. Another look at the duality of the dual-process motivational model. On the role of axiological and moral origins of right-wing authoritarianism and social dominance orientation // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 99. P. 106–112.

Rajman R., Semyonov M. Perceived threat and exclusionary attitudes towards foreign workers in Israel // *Ethnic and Racial Studies*. 2004. Vol. 27. P. 780–799.

Redfield R., Linton R., and Herskovits M.J. Memorandum for the study of acculturation. *American Anthropologist*. 1936. Vol. 38. P. 149–152.

Republic of Latvia. Education law. [Izglītības likums]. 1998. // Access mode: http://www.minelres.lv/NationalLegislation/Latvia/Latvia_Education_excerpts_English.htm (Reference date 01.05.2017).

Richeson J.A., Nussbaum R.J. The impact of multiculturalism versus color-blindness on racial bias // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2004. Vol. 40 (3). P. 417–423.

Roccas S., Horenczyk G., Schwartz S.H. Acculturation discrepancies and well-being: the moderating role of conformity // *European Journal of Social Psychology*. 2000. Vol. 30 (3). P. 323–334.

Roccas S., Schwartz S.H., Amit A. Personal value priorities and national identification // *Political Psychology*. 2010. Vol. 31. P. 393–419.

Rohmann A., Florack A., Piontkowski U. The role of discordant acculturation attitudes perceived in threat: An analysis of host and immigrant attitudes in Germany // *International Journal of Intercultural Relations*. 2006. Vol. 30. P. 683–702.

Rohmann A., Piontkowski U., van Randenborgh A. When attitudes do not fit: Discordance of acculturation attitudes as an antecedent of intergroup threat // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2008. Vol. 34 (3). P. 337–352.

Rojas A.J., Navas M., Sayans-Jiménez P., Cuadrado I. Acculturation Preference Profiles of Spaniards and Romanian Immigrants: The Role of Prejudice and Public and Private Acculturation Areas // *The Journal of Social Psychology.* 2014. Vol. 154. P. 339–351.

Ron Y., Solomon, J., Halperin E., Saguy T. Willingness to engage in intergroup contact: A multilevel approach // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology.* 2017.

Rosenberg M. Society and the adolescent child. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965.

Rosenthal L., Levy S.R. The relation between polyculturalism and intergroup attitudes among racially and ethnically diverse adults // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology.* 2012. Vol. 18. P. 1–16.

Ross M.H. The culture of conflict: Interpretations and interests in comparative perspective. New Haven, CT: Yale University Press, 1993.

Rudmin F.W. Critical history of the acculturation psychology of assimilation, separation, integration, and marginalization // *Review of General Psychology.* 2003. Vol. 7. P. 3–37.

Ryabichenko T.A., Lebedeva N.M. Assimilation or integration: similarities and differences between acculturation attitudes of migrants from Central Asia and Russians in Central Russia. // *Psychology in Russia. State of the Art.* 2016. Vol. 9(1). P. 98–111.

Ryan C.S., Hunt J.S., Weible J.A., Peterson C.R., Casas J.F. Multicultural and colorblind ideology, stereotypes, and ethnocentrism among Black and White Americans // *Group Processes & Intergroup Relations.* 2007. Vol. 10 (4). P. 617–637.

Sabatier C., Berry J. The role of family acculturation, parental style and perceived discrimination in the adaptation of second generation immigrant youth in France and Canada // *European journal of developmental psychology.* 2008. Vol. 5(2). P. 159–185.

Sagiv L., Schwartz S. Value priorities and readiness for out-group social contact // *Journal of Personality and Social Psychology.* 1995. Vol. 69. P. 437–448.

Sam D.L., Berry J. W. The Cambridge handbook of acculturation psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Sam D.L., Berry J.W. Acculturation: When individuals and groups of different cultural backgrounds meet // *Perspectives on Psychological Science.* 2010. Vol. 5 (4). P. 472–481.

Sam D.L., Berry J.W. The Cambridge handbook of acculturation psychology, 2nd ed. Cambridge University Press, 2016.

Sánchez-Meca J., Marín-Martínez F. Meta-analysis in psychological research // International Journal of Psychological Research. 2010. Vol. 3 (1). P.151–163.

Satherley N., Sibley C.G. A Dual Process Model of attitudes toward immigration: Predicting intergroup and international relations with China // International Journal of Intercultural Relations. 2016. Vol. 53. P. 72–82.

Schalk-Soekar S. R. G., van de Vijver, F. J. R. The concept of multiculturalism: A study among Dutch majority members // Journal of Applied Social Psychology. 2008. Vol. 38. P. 2152–2178.

Schiefer D., Möllering A., Daniel E. Cultural Value Fit of Immigrant and Minority Adolescents: The Role of Acculturation Orientations // International Journal of Intercultural Relations. 2012. Vol. 36. P. 486–497.

Schlesinger A.M. The disuniting of America: Reflections on a multicultural society. WW Norton & Company, 1998.

Schmidt A.J. The menace of multiculturalism: Trojan horse in America. Greenwood Publishing Group, 1997.

Schofield J.W. The colorblind perspective in school: Causes and consequences // Multicultural education: Issues and perspectives. 2006. P. 271–295.

Schwartz S.H. Cross-cultural studies of human values // In *H. Motoaki, J. Misumi, & B. Wilpert* (Eds.), Proceedings of the 22nd International Congress of Applied Psychology, 3: Social, Educational, and Clinical Psychology. 1992. P. 39–43.

Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // In *P. Zanna* (Ed.) Advances in Experimental Social Psychology. San Diego: Academic Press, 1992. Vol. 25. P. 1–65.

Schwartz S.H. A theory of cultural value orientations: Explication and applications // Comparative Sociology. 2006. Vol. 5. P.137–182.

Schwartz S.H. Basic Human Values: An Overview. 2006 // Access mode: <http://segr-did2.fmag.unict.it/Allegati/convegno%207-8-10-05/Schwartzpaper.pdf> (Reference date 25.06.2017)

Schwartz S.H. Basic human values: Theory, methods, and application // *Risorsa Uomo: Rivista Di Psicologia Del Lavoro e Dell'Organizzazione*. 2007. Vol. 13(2). P. 261–283.

Schwartz S.H. Basic Values: How They Motivate and Inhibit Prosocial Behavior // In M. Mikulincer, P. Shaver (Eds.) Prosocial Motives, Emotions, and Behavior: the Better Angels of Our Nature. Washington: American Psychological Association Press, 2010. P. 221–241.

Schwartz S.H. Studying Values: Personal Adventure, Future Directions // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2011. Vol. 42(2). P. 307–319.

Schwartz S.H., Bardi A. Values and Behavior: Strength and Structure of Relations // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2003. Vol. 29. P. 1207–1220.

Schwartz S.H., *Bilsky W.* Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross cultural replications // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol. 58. P. 878–891.

Schwartz S.H., *Cieciuch J.*, *Vecchione M.*, *Davidov E.*, *Fischer R.*, *Beierlein C.*, *Ramos A.*, *Verkasalo M.*, *Lönnqvist J.-E.*, *Demirutku K.*, *Dirilen-Gumu O.*, *Konty M.* Refining the theory of basic individual values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 103(4). P. 663–688.

Schwartz S. H., *Sagiv L.*, *Boehnke K.* Worries and values // *Journal of Personality*. 2000. Vol. 68. P. 309–346.

Schwartz S.J., *Zamboanga B.L.* Testing Berry's model of acculturation: A confirmatory latent class approach // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2008. Vol. 14, P. 275–285.

Searle W., *Ward C.* The prediction of psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transitions // *International Journal of Intercultural Relations*. 1990. Vol. 14. P. 449–464.

Sibley C.G., *Duckitt J.* The dual process model of ideology and prejudice: a longitudinal test during a global recession // *The Journal of Social Psychology*. 2013. Vol. 153. P. 448–466.

Sidanius J., *Pratto F.* Social dominance: an intergroup theory of social hierarchy and oppression. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2001.

Sidanius J., *Pratto F.*, *Bobo L.* Racism, conservatism, affirmative action, and intellectual sophistication: A matter of principled conservatism or group dominance? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 70. P. 476–490.

Simmel G. The Sociology of Georg Simmel. Kurt Wolff (Trans.). NY: Free Press, 1950.

Šliavaitė K. Mokyklos valstybine arba mažumos mokomąja kalba pasirinkimo strategijos Pietryčių Lietuvoje: tarp etniškumo išlaikymo ir socialinio mobilumo galimybių? [Individual strategies of school choice with state or minority language of instruction in Southeastern Lithuania: between maintenance of ethnic identity and prospects of social mobility?] // *Filosofija. Sociologija*. 2015. Vol. 26 (2). P. 135–145.

Sniderman P. M., Hagendoorn L., Prior M. Predisposing Factors and Situational Triggers: Exclusionary Reactions to Immigrant Minorities // *American Political Science Review*. 2004. Vol. 98. P. 35–49.

Stenner K. The authoritarian dynamic. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2005.

Stephan W., Renfro C.L., Esses V., Stephan C., Martin T. The effects of feeling threatened on attitudes toward immigrants // *International Journal of Intercultural Relations*. 2005. Vol. 29. P. 1–19.

Stephan W. G., Stephan C. W. The role of ignorance in intergroup relations // In *Groups in contact: The psychology of desegregation*. Eds. *Miller N.S., Brewer M.B.* Salt Lake City: Academic Press, 1984. P. 229–255.

Stephan W.G., Stephan C.W. An integrated threat theory of prejudice // In *S. Oskamp (Ed.), Reducing Prejudice and Discrimination*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2000. P. 23–45.

Stephan W.G., Stephan C.W. Improving Intergroup Relations. Doboque, IA: Brown & Benchmark, 2001.

Stephan W.G., Ybarra O., Morrison K.R. Intergroup threat theory // In *T. D. Nelson (Ed.), Handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination*, 2009. P. 43–59.

Stewart M., Anderson J., Beiser M., Mwakarimba E., Neufeld A., Simich L., Spitzer D. Multicultural Meanings of Social Support among Immigrants and Refugees // *International Migratio*. 2008. Vol. 46. P. 123–159.

Stupar S., van de Vijver F.J.R., Te Lindert A., Fontaine J.R.J. Multicultural attitudes mediate the relation between personality and perceived ethnic outgroup distance in the Netherlands // *International Journal of Intercultural Relations*. 2014. Vol. 38. P. 24–35.

Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1982.

Tartakovsky E., Walsh S. Testing a New Theoretical Model for Attitudes Toward Immigrants: The Case of Social Workers' Attitudes Toward Asylum Seekers in Israel // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2016. Vol. 47(1). P. 72–96.

The population of Latvia is less than 2 million. The Baltic Course 06.06.2014 // Access mode: http://www.baltic-course.com/rus/_analytics/?doc=92574. (Reference date 01.05.2017).

Thomas K. M., Plaut V. C. The many faces of diversity resistance in the workplace // *Diversity resistance in organizations*. 2008. P. 1–22.

Tip L. K., Zagefka H., González R., Brown R., Cinnirella M., Na X. Is support of multiculturalism threatened by threat itself? // *International Journal of Intercultural Relations*. 2012. Vol. 36(1). P. 22–30.

Todd A.R., Galinsky A.D. The reciprocal link between multiculturalism and perspective-taking: How ideological and self-regulatory approaches to managing diversity reinforce each other // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2012. Vol. 48 (6). P. 1394–1398.

Tropp L.R., Bianchi R.A. Valuing diversity and interest in intergroup contact // *Journal of Social Issues*. 2006. Vol. 62. P. 533–551.

Tropp L.R., Pettigrew T.F. Relationships between intergroup contact and prejudice among minority and majority status groups // *Psychological Science*. 2005. Vol. 16. P. 951–957.

Tulviste T., Konstabel K., Tulviste P. Stability and change in value consensus of ethnic Estonians and Russian-speaking minority // *International Journal of Intercultural Relations*. 2014. Vol. 39 (1). P. 93–102.

UN General Assembly. In safety and dignity: addressing large movements of refugees and migrants, Report. 2016.

United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. International migration report 2015. 2016 // Access mode: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/Migration Report 2015.pdf> (Reference date: 25.06.2017).

van Assche J., Roets A., Dhont K., van Hiel A. Diversity and out-group attitudes in the Netherlands: The Role of authoritarianism and social threat in the neighbourhood // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2014. Vol. 40. P. 1414–1430.

van de Vijver F.J.R., Breugelmans S.M., Schalk-Soekar S.R.G. Multiculturalism: Construct validity and stability // *International Journal of Intercultural Relations*. 2008. Vol. 32. P. 93–104.

van de Vijver F., Phalet K. Assessment in Multicultural Groups: The Role of Acculturation // *Applied Psychology: an International Review*. 2004. Vol. 53 (2). P. 215–236.

van Der Gaag M., Snijders T. Proposals for the measurement of individual social capital // In H. Flap & B. Volker (Eds.) *Creation and returns of social capital*. London, Routledge, 2004. P. 199–218.

van der Gaag M., Webber M. Measurement of Individual Social Capital: Questions, Instruments, and Measures. // In I. Kawachi, S.V. Subramanian, D. Kim (Eds.) *Social Capital and Health*. 2008. P. 29–49.

van Oudenhoven J. P., Groenewoud J. T., Hewstone M. Co-operation, ethnic salience and generalization of inter-ethnic attitudes // *European Journal of Social Psychology*. 1996. Vol. 26. P. 649–661.

van Oudenhoven J.P., Prins K.S., Buunk B.P. Attitudes of minority and majority members towards adaptation of immigrants // *European Journal of Social Psychology*. 1998. Vol. 28. P. 995–1013.

Vecchione M., Caprara G., Schoen H., Castro J.L., Schwartz S.H. The role of personal values and basic traits in perceptions of the consequences of immigration: A three-nation study // *British Journal of Psychology*. 2012. Vol. 103(3). P. 359–377.

Verhaeghe P., Tampubolon G. Individual social capital, neighbourhood deprivation, and self-rated health in England // *Social science and medicine*. 2012. Vol. 75(2). P. 349–357.

Verkuyten M. Ethnic Group Identification and Group Evaluation Among Minority and Majority Groups: Testing the Multiculturalism Hypothesis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. Vol. 88 (1). P. 121–138.

Verkuyten M. Multicultural recognition and ethnic minority rights: A social identity perspective // *European review of social psychology*. 2006. Vol. 17 (1). P. 148–184.

Verkuyten M. Social psychology and multiculturalism // *Social and Personality Psychology Compass*. 2007. Vol 1. P. 280–297.

Verkuyten M. Self-esteem and multiculturalism: An examination among ethnic minority and majority groups in the Netherlands // *Journal of research in personality*. 2009. Vol. 43(3). P. 419–427.

Verkuyten M. Support for multiculturalism and minority rights: The role of national identification and out-group threat // *Social Justice Research*. 2009. Vol. 22 (1). P. 31–52.

Verkuyten M. Assimilation ideology and situational well-being among ethnic minority members // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2010. Vol. 46(2). P. 269–275

Verkuyten M. Reijerse A. Intergroup structure and identity management among ethnic minority and majority groups: The interactive effects of perceived stability, legitimacy, and permeability // *European Journal of Social Psychology*. 2008. Vol. 38. P.106–127.

Vertovec S., Wessendorf S. (ed. *Multiculturalism backlash: European discourses, policies and practices*. Routledge, 2010.

Virta E., Sam D.L., Westin C. Adolescents with Turkish background in Norway and Sweden: A comparative study of their psychological adaptation // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2004. Vol. 45(1). P. 15–25.

Voci A., Hewstone M. Intergroup contact and prejudice toward immigrants in Italy: The mediational role of anxiety and the moderational role of salience // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2003. Vol. 6(1). P. 37–54.

Vogt W.P. *Tolerance and Education: Learning to Live with Diversity and Difference*. Thousand Oaks, CA, London and New Delhi: Sage, 1997.

Vollebergh W.A.M., Iedema J., Raaijmakers Q.A.W. Intergenerational transmission and the formation of cultural orientations in adolescence and young adulthood // *Journal of Marriage and Family*. 2001. Vol.63. No 4. P. 1185–1198.

Vorauer J.D., Gagnon A., Sasaki S.J. Salient intergroup ideology and intergroup interaction // *Psychological Science*. 2009. Vol. 20(7). P. 838–845.

Wang C.S., Kenneth T., Ku G., Galinsky A.D. Perspective-taking increases willingness to engage in intergroup contact // *PLoS ONE*. 2014.

Ward C. Acculturation // In *D. Landis & R. Bhagat* (Eds.), *Handbook of intercultural training*, 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 1996. P. 124 –147.

Ward C. Acculturation and social cohesion: Emerging issues for Asian immigrants in New Zealand // In *C.-H. Leong, J.W. Berry* (Eds.), *Intercultural relations in Asia: Migration and work effectiveness*, World Scientific, Singapore, 2009. P. 3–24.

Ward C., Fox S., Wilson J., Stuart J. Kus L. Contextual influences on acculturation processes: The roles of family, community and society // *Psychological Studies*. 2010. Vol. 55(1). P. 26–34.

Ward C., Kennedy A. Acculturation strategies, psychological adjustment, and sociocultural competence during cross-cultural transitions // *International Journal of Intercultural Relations*. 1994. Vol. 18. P. 329–343.

Ward C., Kennedy A. The measurement of sociocultural adaptation // *International journal of Intercultural Relations*. 1999. Vol. 23(4). P. 659–677.

Ward C., Masgoret A-M. An integrated model of attitudes toward immigrants // *International Journal of Intercultural Relations*. 2006. Vol. 30. P. 671–682.

Ward C., Masgoret A.M. Attitudes toward immigrants, immigration, and multiculturalism in New Zealand: A social psychological analysis // *International Migration Review* 2008 Vol. 42 (1). P. 227–248.

Ward C., Rana-Deuba A. Acculturation and adaptation revisited // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1999. Vol. 30(4). P. 422–442.

Ward C., Searle W. The impact of value discrepancies and cultural identity on psychological and sociocultural adjustment of sojourners // *International Journal of Intercultural Relations*. 1991. Vol. 15. P. 209–225.

Weaver C.N. Social Distance as a Measure of Prejudice Among Ethnic Groups in the United States // *Journal of Applied Social Psychology*. 2008. Vol. 38. P. 779–795.

Weintraub J., Kumar K. (Eds.). *Public and private in thought and practice: perspectives on a grand dichotomy*. Chicago London: University of Chicago Press, 1997.

Wilkinson R., Pickett K. *The Spirit Level: Why Equality is Better for Everyone*. Penguin, UK, 2010.

Williams R.M. Jr. *Strangers Next Door: Ethnic Relations in American Communities*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1964.

Wilson J. *Exploring the past, present and future of cultural competency research: The revision and expansion of the sociocultural adaptation construct* (Unpublished doctoral dissertation). Victoria University of Wellington, Wellington, New Zealand. 2013.

Wolsko C., Park B., Judd C. M. Considering the tower of Babel: Correlates of assimilation and multiculturalism among ethnic

minority and majority groups in the United States // *Social Justice Research*. 2006. Vol. 19 (3). P. 277–306.

Wolsko C., Park B., Judd C.M., Wittenbrink B. Framing interethnic ideology: effects of multicultural and color-blind perspectives on judgments of groups and individuals // *Journal of personality and social psychology*. 2000. Vol. 78 (4). P. 635.

Wright M., Bloemraad I. Is there a trade-off between multiculturalism and socio-political integration? Policy regimes and immigrant incorporation in comparative perspective // *Perspectives on Politics* 2012 Vol. 10 (1). P. 77–95.

Wright S. C., Taylor D. M., Moghaddam F. M. Responding to membership in a disadvantaged group: From acceptance to collective protest // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol. 58. P. 994–1003.

Yang K. Individual social capital and its measurement in social surveys // *Survey Research Methods*. 2007. Vol. 1(1). P. 19–27.

Yogeeswaran K., Dasgupta N., Adelman L., Eccleston A., Parker M.T. To be or not to be (ethnic): Public vs. private expressions of ethnic identification differentially impact national inclusion of White and non-White groups // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2011. Vol. 47 (5). P. 908–914.

Yogeeswaran K., Dasgupta N., Gomez C. A new American dilemma? The effect of ethnic identification and public service on the national inclusion of ethnic minorities // *European Journal of Social Psychology*. 2012. Vol. 42 (6). P. 691–705.

Yogeeswaran K., Davies T., Sibley C.G. Janus-faced nature of colorblindness: Social dominance orientation moderates the relationship between colorblindness and outgroup attitudes // *European Journal of Social Psychology*. 2016.

Yunusov A. The Demographic and Economic Framework of Circular Migration in Azerbaijan / In: *Bara A., Di Bartolomeo A., Brunarska Z., Makaryan Sh., Mananashvili S., Weinar A.* (Eds). *Regional migration report: South Caucasus*. European University Institute. 2013.

Zagefka H., Brown R. The relation between acculturation strategies, relative fit and intergroup relations: Immigrant-majority relations in Germany // *European Journal of Social Psychology*. 2002. Vol. 32. P. 171–188.

**Опросник для осетин РСО-А
(этническое большинство)**

Дорогой друг!

Вы принимаете участие в международном исследовании, посвященном изучению межэтнических отношений. Участие в исследовании анонимно, а все полученные результаты будут обрабатываться только в обобщенном виде.

Пожалуйста, внимательно читайте инструкции к вопросам и отвечайте искренне и полно, не пропуская ни одного вопроса. Нам очень важно Ваше мнение по каждому вопросу.

1. В какой стране Вы родились?

- в России
 В другой стране Какой именно? _____

1.1. Если Вы родились в России, то в каком субъекте?

- в Республике Северная Осетия — Алания (РСО — А)
 в другом. В каком именно? _____

1.2. Если Вы НЕ родились в РСО — А, то в каком году вы переехали в РСО — А? _____ год

2. Несколько вопросов о Ваших друзьях и знакомых.

Отметьте наиболее подходящий вариант ответа.

а) Сколько у Вас близких друзей?

	Ни одного	Только один	2–3	Несколько	Много
Бликих друзей – русских	☐	☐	☐	☐	☐
Бликих друзей – осетин	☐	☐	☐	☐	☐
Бликих друзей другой национальности (.....)	☐	☐	☐	☐	☐

б) Как часто Вы встречаетесь с...

	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Каждый день
близкими друзьями-русскими?	☐	☐	☐	☐	☐
близкими друзьями-осетинами?	☐	☐	☐	☐	☐
близкими друзьями другой национальности (.....)	☐	☐	☐	☐	☐

3. Укажите, пожалуйста, степень Вашего согласия и несогласия с каждым из следующих утверждений, используя оценки от 1 до 5, где 1 — полное несогласие, 5 — полное согласие. Свободно используйте все цифры от 1 до 5 для определения разной степени вашего согласия или несогласия

1	В Северной Осетии есть место разнообразию языков и культур.	1	2	3	4	5
2	Мы должны принять меры для защиты наших культурных традиций от влияния извне.	1	2	3	4	5
3	Высокий уровень безработицы — серьезная причина для беспокойства в РСО-А	1	2	3	4	5
4	Северная Осетия достаточно преуспевающая и богатая республика для того, чтобы каждый чувствовал себя в безопасности.	1	2	3	4	5
5	Сегодня шансы человека прожить более безопасную жизнь в РСО-А выше, чем когда-либо прежде.	1	2	3	4	5
6	Вероятность стать жертвой разбойного нападения, быть ограбленным или убитым становится всё выше в РСО-А.	1	2	3	4	5

4. Оцените степень своего согласия/несогласия со следующими утверждениями

№ п/п		Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	Не знаю, не уверен	Скорее согласен	Абсолютно согласен
1	Я считаю, что русские, живущие в Северной Осетии, должны сохранять свои культурные традиции и не усваивать осетинские	☐	☐	☐	☐	☐
2	Для русских, проживающих в РСО-А не важно владеть в совершенстве ни родным, ни осетинским языками	☐	☐	☐	☐	☐
3	Русским, проживающим в РСО-А, не следует участвовать в деятельности как осетинских организаций, так и организаций своей этнической группы	☐	☐	☐	☐	☐
4	Русским, проживающим в РСО-А, следует участвовать только в тех видах деятельности, где участвуют русские	☐	☐	☐	☐	☐
5	Русские, проживающие в РСО-А, должны владеть в совершенстве и родным и осетинским языками	☐	☐	☐	☐	☐
6	Русским, проживающим в РСО-А, следует участвовать в тех видах деятельности, где участвуют только осетины	☐	☐	☐	☐	☐
7	Я считаю, что русским, проживающим в РСО-А, не важно как поддерживать свои культурные традиции, так и усваивать осетинские	☐	☐	☐	☐	☐

8	Русским, проживающим в РСО-А, важнее владеть в совершенстве родным языком, чем осетинским	☐	☐	☐	☐	☐
9	Я считаю, что русские, проживающие в РСО-А, должны как сохранять свои культурные традиции, так и осваивать осетинские	☐	☐	☐	☐	☐
10	Я считаю, что русские, проживающие в РСО -А, должны осваивать осетинские культурные традиции и не поддерживать собственные	☐	☐	☐	☐	☐
11	Русским, проживающим в РСО-А, следует дружить только с осетинами	☐	☐	☐	☐	☐
12	Русским, проживающим в РСО -А, важнее владеть в совершенстве осетинским языком, чем родным	☐	☐	☐	☐	☐
13	Русским, проживающим в РСО-А, не следует дружить ни с людьми своей национальности, ни с осетинами	☐	☐	☐	☐	☐
14	Русские, проживающие в РСО-А, должны иметь друзей только своей национальности	☐	☐	☐	☐	☐
15	Русским, проживающим в РСО-А, следует участвовать в тех видах деятельности, где участвуют и осетины, и русские	☐	☐	☐	☐	☐
16	Русским, проживающим в РСО-А, следует иметь друзей как своей национальности, так и осетин	☐	☐	☐	☐	☐

5. Когда люди разных национальностей проживают совместно, они могут ощущать себя несправедливо притесняемыми. Следующие вопросы касаются подобных ситуаций.

		Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	Не знаю, не уверен	Скорее согласен	Абсолютно согласен
1	Я считаю, что люди других национальностей ведут себя несправедливо и недоброжелательно по отношению к осетинам	[]	[]	[]	[]	[]
2	Я чувствую, что люди других национальностей меня не принимают	[]	[]	[]	[]	[]
3	Я чувствую, что люди других национальностей что-то имеют против меня	[]	[]	[]	[]	[]
4	Меня дразнили или оскорбляли из-за моей национальности	[]	[]	[]	[]	[]
5	Мне угрожали или на меня нападали из-за моей национальности	[]	[]	[]	[]	[]

6. Укажите, пожалуйста, степень Вашего согласия и несогласия с каждым из следующих утверждений, используя оценки от 1 до 5, где 1 — полное несогласие, 5 — полное согласие.

1	Нам следует признать, что культурное многообразие — фундаментальная характеристика Северной Осетии?	1	2	3	4	5
2	Лучше всего для Северной Осетии было бы, если бы все люди забыли своё разное культурное и этническое происхождение как можно скорее	1	2	3	4	5
3	Общество, в котором существуют разнообразные этнические и культурные группы, более способно к решению новых, постоянно возникающих проблем	1	2	3	4	5
4	Единство республики ослабляется представителями разных этнических и культурных групп, живущими по своим традициям	1	2	3	4	5

5	Если представители разных этнических или культурных групп желают сохранять свою культуру, им следует ее сохранять	1	2	3	4	5
6	Мы должны стараться узнать больше о традициях и культурном наследии разных этнических групп, проживающих в нашей республике	1	2	3	4	5

7. Укажите, пожалуйста, степень Вашего согласия и несогласия с каждым из следующих утверждений, используя оценки от 1 до 5, где 1 — полное несогласие, 5 — полное согласие.

1	Вступать в межрасовые/межнациональные браки — плохая идея.	1	2	3	4	5
2	Люди других рас и национальностей не должны «лезть» туда, где их не хотят видеть.	1	2	3	4	5
3	Если работодатели хотят принимать на работу только людей определенной национальности — это их дело.	1	2	3	4	5
4	Представители этнических меньшинств имеют такое же право выбирать будущее Северной Осетии, как и осетины.	1	2	3	4	5
5	Мы должны стремиться к равенству всех групп независимо от расового или этнического происхождения	1	2	3	4	5
6	Если бы отношение ко всем людям было равным, то в Северной Осетии было бы меньше проблем.	1	2	3	4	5

8. Как следующие утверждения соотносятся с Вашими представлениями о себе и о своей жизни?

		Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	Не знаю, не уверен	Скорее согласен	Абсолютно согласен
1	В целом, я удовлетворен собой	[]	[]	[]	[]	[]
2	Я считаю, что у меня есть хорошие качества.	[]	[]	[]	[]	[]
3	Я могу многое делать так же хорошо, как и большинство других людей	[]	[]	[]	[]	[]

4	Я чувствую, что вполне достоин уважения, по крайней мере, наравне с другими	☐	☐	☐	☐	☐
---	---	--------------------------	--------------------------	--------------------------	--------------------------	--------------------------

9. Как следующие утверждения соотносятся с тем, что вы думаете о себе и своей жизни?

		Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	Не знаю, не уверен	Скорее согласен	Абсолютно согласен
1	Во многом, моя жизнь близка к идеалу	☐	☐	☐	☐	☐
2	Я удовлетворен своей жизнью	☐	☐	☐	☐	☐
3	У меня есть всё, что мне необходимо в жизни	☐	☐	☐	☐	☐
4	Если бы я мог прожить свою жизнь ещё раз, я не изменил бы в ней почти ничего	☐	☐	☐	☐	☐

10. Сколько Вам лет? _____

11. Ваш пол?

Женский Мужской

12. Какую религию Вы исповедуете?

- Не исповедую никакой религии
 Ислам
 Иудаизм
 Православие
 Католичество
 Другая религия _____

13. Ваша национальность?

- Осетин/ка
 Другая _____

13.1. Национальность Ваших родителей?

Отца _____

Матери _____

14. Ваше образование?

- [неполное среднее]
- [среднее]
- [среднее специальное]
- [высшее]
- Другое _____

15. Какое из высказываний наиболее точно описывает уровень дохода Вашей семьи в настоящее время?

- Живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений
- Этого дохода нам в принципе хватает
- Жить на такой доход довольно трудно
- Жить на такой доход очень трудно
- Затрудняюсь ответить

Большое спасибо!

Опросник для русских РСО-А (этническое меньшинство)

Дорогой друг!

Вы принимаете участие в международном исследовании, посвященном изучению межэтнических отношений. Участие в исследовании анонимно, а все полученные результаты будут обрабатываться только в обобщенном виде.

Пожалуйста, внимательно читайте инструкции к вопросам и отвечайте искренне и полно, не пропуская ни одного вопроса. Нам очень важно Ваше мнение по каждому вопросу.

1. В какой стране Вы родились?

- в России
 В другой стране Какой именно? _____

1.1 Если Вы родились в России, то в каком субъекте?

- в Республике Северная Осетия — Алания (РСО — А)
 в другом. В каком именно? _____

1.2 Если Вы НЕ родились в РСО — А, то в каком году вы переехали в РСО — А? _____ год

2. Несколько вопросов о Ваших друзьях и знакомых.

Отметьте наиболее подходящий вариант ответа.

а) Сколько у Вас близких друзей?

	Ни одного	Только один	2–3	Несколько	Много
Бликих друзей – русских	☐	☐	☐	☐	☐
Бликих друзей – осетин	☐	☐	☐	☐	☐
Бликих друзей другой национальности (.....)	☐	☐	☐	☐	☐

б) Как часто Вы встречаетесь с ...

	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Каждый день
близкими друзьями-русскими?	[]	[]	[]	[]	[]
близкими друзьями – осетинами?	[]	[]	[]	[]	[]
близкими друзьями другой национальности (.....)	[]	[]	[]	[]	[]

3. Укажите, пожалуйста, степень Вашего согласия и несогласия с каждым из следующих утверждений, используя оценки от 1 до 5, где 1 — полное несогласие, 5 — полное согласие. Свободно используйте все цифры от 1 до 5 для определения разной степени вашего согласия или несогласия.

1	В Северной Осетии есть место разнообразию языков и культур.	1	2	3	4	5
2	Мы должны принять меры для защиты наших культурных традиций от влияния извне.	1	2	3	4	5
3	Высокий уровень безработицы — серьезная причина для беспокойства в РСО-А	1	2	3	4	5
4	Северная Осетия достаточно преуспевающая и богатая для того, чтобы каждый чувствовал себя в безопасности.	1	2	3	4	5
5	Сегодня шансы человека прожить более безопасную жизнь выше, чем когда-либо прежде в РСО-А.	1	2	3	4	5
6	Вероятность стать жертвой разбойного нападения, быть ограбленным или убитым становится всё выше в РСО-А.	1	2	3	4	5

4. Оцените степень своего согласия/несогласия со следующими утверждениями

№ п/п		Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	Не знаю, не уверен	Скорее согласен	Абсолютно согласен
1	Я считаю, что русские, живущие в Северной Осетии, должны сохранять свои культурные традиции и не усваивать осетинские	☐	☐	☐	☐	☐
2	Для меня не важно владеть в совершенстве ни русским, ни осетинским языками	☐	☐	☐	☐	☐
3	Я не хочу участвовать в деятельности как русских, так и осетинских обществ	☐	☐	☐	☐	☐
4	Я предпочитаю участвовать в таких мероприятиях, в которые включены только русские	☐	☐	☐	☐	☐
5	Для меня важно владеть в совершенстве и русским, и осетинским языками	☐	☐	☐	☐	☐
6	Я предпочитаю мероприятия, в которых участвуют только осетины	☐	☐	☐	☐	☐
7	Я считаю, что для русских неважно, как поддерживать собственные культурные традиции, так и усваивать осетинские	☐	☐	☐	☐	☐
8	Для меня важнее владеть в совершенстве русским языком, чем осетинским	☐	☐	☐	☐	☐
9	Я считаю, что русские, живущие в Северной Осетии, должны как поддерживать собственные культурные традиции, так и усваивать осетинские	☐	☐	☐	☐	☐
10	Я считаю, что русские, живущие в Северной Осетии, должны усваивать осетинские культурные традиции и не поддерживать собственные	☐	☐	☐	☐	☐

11	Я предпочитаю иметь только друзей-осетин	☐	☐	☐	☐	☐
12	Владеть в совершенстве осетинским языком для меня важнее, чем русским	☐	☐	☐	☐	☐
13	Я предпочитаю не дружить ни с русскими, ни с осетинами	☐	☐	☐	☐	☐
14	Я предпочитаю иметь в качестве друзей только русских	☐	☐	☐	☐	☐
15	Я предпочитаю участвовать в мероприятиях, в которые включены и русские, и осетины	☐	☐	☐	☐	☐
16	Я предпочитаю иметь друзей, как среди русских, так и среди осетин	☐	☐	☐	☐	☐

5. Когда люди разных национальностей проживают совместно, они могут ощущать себя несправедливо притесняемыми. Следующие вопросы касаются подобных ситуаций.

		Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	Не знаю, не уверен	Скорее согласен	Абсолютно согласен
1	Меня не принимали на работу из-за моей национальности	☐	☐	☐	☐	☐
2	Меня отказывались обслуживать в общественных местах из-за моей национальности	☐	☐	☐	☐	☐
3	Ко мне несправедливо относились на работе (продвижение, льготы) или во время учебы из-за моей национальности	☐	☐	☐	☐	☐
4	Меня дразнили или оскорбляли из-за моей национальности	☐	☐	☐	☐	☐
5	Мне угрожали или на меня нападали из-за моей национальности	☐	☐	☐	☐	☐

- 6. Укажите, пожалуйста, степень Вашего согласия и несогласия с каждым из следующих утверждений, используя оценки от 1 до 5, где 1 — полное несогласие, 5 — полное согласие.**

1	Нам следует признать, что культурное многообразие — фундаментальная характеристика Северной Осетии	1	2	3	4	5
2	Лучше всего для Северной Осетии было бы, если бы все люди забыли своё разное культурное и этническое происхождение как можно скорее	1	2	3	4	5
3	Общество, в котором существуют разнообразные этнические и культурные группы, более способно к решению новых, постоянно возникающих проблем	1	2	3	4	5
4	Единство республики ослабляется представителями разных этнических и культурных групп, живущими по своим традициям	1	2	3	4	5
5	Если представители разных этнических или культурных групп желают сохранять свою культуру, им следует ее сохранять	1	2	3	4	5
6	Мы должны стараться узнать больше о традициях и культурном наследии разных этнических групп, проживающих в нашей республике	1	2	3	4	5

- 7. Укажите, пожалуйста, степень Вашего согласия и несогласия с каждым из следующих утверждений, используя оценки от 1 до 5, где 1 — полное несогласие, 5 — полное согласие.**

1	Вступать в межрасовые/межнациональные браки — плохая идея.	1	2	3	4	5
2	Люди других рас и национальностей не должны «лезть» туда, где их не хотят видеть.	1	2	3	4	5
3	Если работодатели хотят принимать на работу только людей определенной национальности — это их дело.	1	2	3	4	5

4	Представители этнических меньшинств имеют такое же право выбирать будущее Северной Осетии, как и осетины.	1	2	3	4	5
5	Мы должны стремиться к равенству всех групп независимо от расового или этнического происхождения	1	2	3	4	5
6	Если бы отношение ко всем людям было равным, то в Северной Осетии было бы меньше проблем.	1	2	3	4	5

8. Как следующие утверждения соотносятся с Вашими представлениями о себе и о своей жизни?

		Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	Не знаю, не уверен	Скорее согласен	Абсолютно согласен
1	В целом, я удовлетворен собой	☐	☐	☐	☐	☐
2	Я считаю, что у меня есть хорошие качества.	☐	☐	☐	☐	☐
3	Я могу многое делать так же хорошо, как и большинство других людей	☐	☐	☐	☐	☐
4	Я чувствую, что вполне достоин уважения, по крайней мере, наравне с другими	☐	☐	☐	☐	☐

9. Как следующие утверждения соотносятся с тем, что вы думаете о себе и своей жизни?

		Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	Не знаю, не уверен	Скорее согласен	Абсолютно согласен
1	Во многом, мо я жизнь близка к идеалу	☐	☐	☐	☐	☐
2	Я удовлетворен своей жизнью.	☐	☐	☐	☐	☐
3	У меня есть всё, что мне необходимо в жизни	☐	☐	☐	☐	☐
4	Если бы я мог прожить свою жизнь ещё раз, я не изменил бы в ней почти ничего	☐	☐	☐	☐	☐

10. Отметьте, пожалуйста, в какой мере Вы испытываете в Северной Осетии трудности в каждой из указанных областей. Используйте оценки от 1 до 5: 1 — никаких трудностей; 2 — небольшие затруднения; 3 — умеренные трудности; 4 — серьезные трудности; 5 — чрезвычайные трудности

1	Установление и поддержание отношений с людьми	1	2	3	4	5
2	Выполнение учебных/рабочих обязанностей	1	2	3	4	5
3	Участие в различных мероприятиях	1	2	3	4	5
4	Поддержание своих интересов и хобби	1	2	3	4	5
5	Точная интерпретация жестов и мимики других людей и умение ответить	1	2	3	4	5
6	Эффективное сотрудничество с другими учащимися или коллегами	1	2	3	4	5
7	Получение социальных услуг по моему требованию	1	2	3	4	5
8	Понимание и владение местным языком	1	2	3	4	5
9	Умение подстраиваться к темпу речи других в зависимости от ситуации	1	2	3	4	5
10	Получение обратной связи от других учащихся и коллег для улучшения результатов деятельности	1	2	3	4	5
11	Точная интерпретация и реагирование на эмоции других людей	1	2	3	4	5
12	Посещение или участие в общественных мероприятиях	1	2	3	4	5
13	Соблюдение своей религии	1	2	3	4	5
14	Способность ориентироваться в новых условиях	1	2	3	4	5
15	Общение с людьми противоположного пола	1	2	3	4	5
16	Выражение своих идей принятым в местной культуре способом	1	2	3	4	5
17	Взаимодействие с бюрократическим аппаратом	1	2	3	4	5
18	Адаптация к темпу жизни	1	2	3	4	5
19	Чтение и письмо на местном языке	1	2	3	4	5
20	Приспособление своего поведения к местным нормам, взглядам, убеждениям и обычаям	1	2	3	4	5

11. Сколько Вам лет? _____

12. Ваш пол?

- Женский
- Мужской

13. Какую религию Вы исповедуете?

- Не исповедую никакой религии
- Ислам
- Иудаизм
- Православие
- Католичество
- Другая религия _____

14. Ваша национальность?

- [Русский/ русская]
- Другая _____

14.1. Национальность Ваших родителей?

Отца _____
Матери _____

15. Ваше образование?

- [неполное среднее]
- [среднее]
- [среднее специальное]
- [высшее]
- Другое _____

16. Какое из высказываний наиболее точно описывает уровень дохода Вашей семьи в настоящее время?

- Живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений
- Этого дохода нам в принципе хватает
- Жить на такой доход довольно трудно
- Жить на такой доход очень трудно
- Затрудняюсь ответить

Большое спасибо!

Abstracts

Chapter 1. Intercultural Relations in Plural Societies

John W. Berry, Queen's University, Canada
and National Research University Higher School
of Economics, Russian Federation

There is probably no more serious challenge to social stability and cohesion in the contemporary world than the management of intercultural relations within culturally plural societies. Successful management depends on many factors including a research-based understanding of the historical, political, economic, religious and psychological features of the groups that are in contact. The core question is "How shall we all live together?" Four intercultural strategies have been identified, with different terms being used depending on their use in non-dominant or dominant groups (integration/multiculturalism, assimilation/melting pot, separation/segregation and marginalization/exclusion). Various outcomes when using these strategies have also been identified: psychological, socio-cultural and intercultural. There is now known to be a rather clear relationship between these strategies and outcomes: integration and multiculturalism are usually associated with more positive outcomes. Implications for the development of policies and programs to promote these strategies, and through them, to promote greater wellbeing are proposed.

Chapter 2. Mutual acculturation of migrants and host society members in the Central Russia

Tatiana Ryabichenko, Nadezhda Lebedeva
National Research University Higher School
of Economics, Russian Federation

This chapter presents the results of the study devoted to mutual adaptation of migrants and Russian ethnic majority in the Central Federal district of Russia. Participants were migrants from Middle Asia (N=227) and South Caucasus (N=274), and Russians

(N=261). Using structural equation modeling we tested the three hypotheses of intercultural relations: multiculturalism hypothesis, integration hypothesis and contact hypothesis. The multiculturalism hypothesis was partially supported among all the three groups. The contact hypothesis was not supported among migrants from the South Caucasus and was partially supported among migrants from Middle Asia and Russian ethnic majority. Integration hypothesis was fully supported among migrants from South Caucasus and Russians, and partially supported among migrants from Middle Asia. The results obtained in different groups are compared with each other.

Chapter 3. Intergroup attitudes of the host population and discrimination of immigrants in Russia

Dmitry Grigoryev

National Research University Higher School
of Economics, Russian Federation

This chapter addresses the problem of immigrants discrimination in the socioeconomic domain, which can be considered the main obstacle created by the host population to immigrants socio-economic adaptation. Established approaches to explain prejudice and discrimination were combined; and groups of Russians with similar acculturation patterns (acculturation expectation profiles) were explored. The intergroup attitudes, namely the relationship between social worldviews (dangerous worldview and competitive worldview), ideological attitudes (right-wing authoritarianism, social dominance orientation, multicultural ideology) and willingness to engage in intergroup contact (social distance), were examined on a sample of Russian mainstream population (N = 576). In general, the results showed that among Russians representation of social world (caused by personal differences originating from the individual experience of socialization and impact of the existing social environment) as a dangerous and competitive place might be associated with the support of multicultural ideology and willingness to engage in an intergroup contact; which in turn determine to some extent the endorsement of immigrants discrimination in the socioeconomic domain.

Chapter 4. Psychological adaptation of Muscovites to cultural diversity: experience of qualitative research

Nadezhda Lebedeva, Daria Zubova

National Research University Higher School
of Economics, Russian Federation

The aim of this work was to study the psychological adaptation of Muscovites to cultural diversity. Twenty six adults were interviewed with the help of the list of claims based on the theory of integral perceived threat of Stephan and Stephan and theory of threats and benefits of Tartakovsky and Walsh. The paper examines the attitudes of Muscovites towards migration policy of the Russian Federation, the intensity of migration to Moscow, the image of the migrant, the emotion caused by contacts with migrants, communication between Muscovites and migrants, economic, and cultural threats and benefits, epidemiological and criminogenic risks, knowledge of Muscovites about migrants and their cultures. The paper describes the mixed picture of Muscovites attitude to the migration situation, and analyzes the feelings of threats and benefits of cultural diversity in a multicultural metropolis.

Chapter 5. Intercultural relations of Kabardians, Balkars and Russians in the Kabardino-Balkarian Republic

Zarina Lepshokova

National Research University Higher School
of Economics, Russian Federation

This chapter analyzes intercultural relations in the Kabardino-Balkarian Republic via testing the three hypotheses of intercultural relations: the multiculturalism hypothesis, the integration hypothesis and the contact hypothesis. Ethnic diversity, presence of titular and non-titular ethnic groups, ethnic and religious majority and minorities determine the complex nature of interethnic relations in the republic. The research is based on the theory of acculturation of J. Berry and uses the hypotheses and measures developed in the Mutual Intercultural Relations in Plural Societies project. The sample consisted of Kabardians (N=155), Balkars (N=128) and Russians (N=335) living in Kabardino-Balkaria; the total sample size was 618 respondents. Path analysis supported (fully or partially) all

the hypotheses among Kabardians — the titular ethnic group forming the ethnic majority of the republic. The contact hypothesis was not supported among Balkars — the titular ethnic group forming the ethnic minority of the republic. The contact hypothesis and the integration hypothesis were not supported among Russians — ethnic minority group that formerly used to be a political elite in the region. The research results demonstrated the existence of problems in interethnic relations in the republic, acutely perceived by Russians and Balkars. The results are discussed from the perspective of socio-political context of interethnic relations in Kabardino-Balkaria.

Chapter 6. Intercultural relations in North Ossetia-Alania

Victoria Galyapina

National Research University Higher School
of Economics, Russian Federation

This article examines intercultural relations in the Republic of North Ossetia-Alania (RNO-A). The research is based on the theory of acculturation of J. Berry and uses the hypotheses and measures developed in the Mutual Intercultural Relations in Plural Societies project. The RNO-A is the most favorable place for the Russians living in the North Caucasus because attitudes toward the Russian minority in the RNO-A are not discriminatory. In this study we tested the multiculturalism hypothesis, the integration hypothesis, the contact hypothesis and hypothesis of threat/discrimination. The sample included members of the ethnic majority — Ossetians (N = 340), and members of the ethnic minority — Russians (N = 344). Data processing was carried out using structural equation modeling (SEM) separately for the ethnic minority and for the ethnic majority, and the models were compared with each other. The results show that perceived security among Russians (the ethnic minority) as well as among Ossetians (the ethnic majority) promoted support for a multicultural ideology, tolerance, and mutual integration. The number and frequency of friendly intercultural contacts had a positive and significant impact on a preference for integration among both Ossetians and Russians. An integration strategy and the expectation of integration promoted self-esteem in both groups. In addition, the high level of perceived threat among Ossetians and perceived discrimination among Russians predicted their preference for assimilation. In general, the results of the study confirmed the multiculturalism hypothesis, the integration hypothesis and the contact hypothesis.

Chapter 7. Interethnic relations in modern Dagestan

Victoria Galyapina, Zarina Lepshokova

National Research University Higher School of Economics,
Russian Federation

This study examines intercultural relations in the Republic of Dagestan (RD) in the North Caucasus, Russia. RD is the most multicultural and multilingual republic in the Russian Federation. The research used the hypotheses and measures developed in the MIRIPS project (<http://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips>). Our goal was to test three hypotheses: the multiculturalism hypothesis, the integration hypothesis, and the contact hypothesis. We also examined the role of a separation strategy in intercultural relations. The sample included members of the largest ethnic groups of RD: Avars (N=100), Dargins (N=116), Russians (N=101) and members of other ethnic groups, such as Kumyks, Lezgins, Tabasarans, (N=121). Data processing was carried out using structural equation modeling (SEM) separately for the ethnic groups, and simultaneously for the whole sample. The results showed that perceived security promoted support for multicultural ideology, tolerance, and integration among the whole sample. The contact hypothesis was not supported: number and frequency of friendly intercultural contacts had no significant impact on tolerance and integration in the whole sample. Preference for integration promoted life satisfaction and self-esteem in the whole sample. We also found that the separation strategy was positively associated with life satisfaction among members of ethnic groups in RD.

Chapter 8. Social capital, strategies of intercultural relations and subjective well-being of ethnic groups members in Dagestan

Alexander Tatarko

National Research University Higher School
of Economics, Russian Federation

We consider how acculturation strategies, individual social capital and subjective well-being of persons living in a multicultural environment are related. The sample included representatives of three ethnic groups, living in the Republic of Dagestan: Avars (N=105), Dargins (N=121), and Russians (N=100). We used a modified

method of "the resource generator" to study the individual social capital. In addition, we used a Russian version of Berry's method of assessing acculturation strategies, and subjective well-being. The obtained empirical data were analyzed using structural equation modeling. We found that the choice of integration strategy does not only promote harmonious intergroup relationships, but also has positive effects on well-being on the individual level. In our study, we show that it could be explained by the tendency to have broader social networks that go beyond the ingroup among people who choose to integrate. Those who choose the integration strategy end up with stronger social capital which works as a protective factor against various negative life events, promoting the overall well-being. The results of this study shed light on the socio-psychological mechanisms of integration of ethnic groups in a multicultural region, where integration is closely linked with mutual help and support across the ethnic boundaries.

Chapter 9. The role of intercultural and intracultural friendly contacts in relations of the Dagestan peoples

Zarina Lepshokova

National Research University Higher School
of Economics, Russian Federation

This chapter investigates the role of intercultural and intracultural friendly contacts in the intercultural relations of different ethnic groups in the Republic of Dagestan — the most ethnically diverse region of the Russian Federation. The study examined the association of intercultural and intracultural friendly contacts of the Dagestan ethnic groups representatives with integration and separation strategies. The sample consisted of Avars (N=104), Dargins (N=121), Kumyks (N=45) and Russians (N=101) living in Dagestan. Path analysis showed that the contact hypothesis was partially supported among groups having rather high status in the region (Avars and Dargins) or in the country (Russians); but was not supported among the group of Kumyks, perceiving themselves as a fairly disadvantaged group in Dagestan in comparison with Avars and Dargins. Positive relationship of intracultural contacts with integration and separation strategies was found among the unconditional ethnic minorities of the region (Dargins and Kumyk); whereas ethnic majorities of the region (Avars) or of the country (Russians) demonstrated only positive relation between intracultur-

al contacts and separation strategy. The results of the research are discussed from the perspective of socio-cultural context of interethnic relations in modern Dagestan.

Chapter 10. Intercultural relations of Latvians and Russians in post-Soviet Latvia

Nadezhda Lebedeva, Alexander Tatarko

National Research University Higher School
of Economics, Russian Federation

The current study presents the results of the verification of three hypotheses of intercultural relations (multiculturalism, integration and contact) in Latvia (Riga). We compared the results obtained on samples of members of the ethnic majority (the Latvians) and minority representing the second largest ethnic group in Latvia (the Russians). The sample consisted of 699 adult respondents: Latvians (N = 363) and ethnic Russians (N = 336). The study used a questionnaire created in the framework of the project Mutual Intercultural Relations in Plural Societies (MIRIPS). The multiculturalism hypothesis was confirmed only in the sample of the Latvians, the contact hypothesis — only in the sample of the Latvian Russians, and the hypothesis of integration was partially confirmed in the sample of the Latvians. Thus, none of hypothesis has been confirmed simultaneously in both samples. We assume that the reason for this is the special context of intercultural relations in Latvia, which is analyzed in this chapter of the monograph.

Chapter 11. Russians in the context of Lithuania: testing of the three hypotheses of intercultural relations

Tatiana Ryabichenko

National Research University Higher School
of Economics, Russian Federation

This chapter presents the results of testing the three hypotheses of intercultural relations in the group of Russian ethnic minority in Lithuania. Participants were 290 ethnic Russians aged from 15 to 84 years (mean age 27.3): 103 males (35.5%) and 187 females (64.5%). Hypotheses were tested using path analysis. The study showed that integration was the prevalent strategy among Russians. Multiculturalism hypothesis was not supported. The contact hypothesis was

partially supported: positive relationships were found between intercultural contacts and integration strategy, between intercultural contacts and separation strategy; but relationship between intercultural contacts and ethnic tolerance was not found. The integration hypothesis was also supported only partially: integration strategy promoted higher self-esteem but did not relate to life satisfaction of Russians. The results are discussed from the perspective of the context of acculturation of Russians in Lithuania.

Chapter 12. Values and acculturation attitudes of two generations of Russians in Lithuania

Tatiana Ryabichenko, Nadezhda Lebedeva
National Research University Higher School
of Economics, Russian Federation

In this chapter individual values are considered as person-based predictors of acculturation attitudes. This approach revealed a motivation that underlain a choice of different strategies of intercultural interactions among ethnic minority' members. Representatives of two generations of Russian ethnic minority in Lithuania participated in the study. Older generation was represented by respondents who were born in the Soviet period. Younger generation was represented by respondents who were born after the collapse of the USSR. The sample consisted of 336 respondents aged from 15 to 84 years: 122 males and 214 females. The hypotheses were tested using structural equation modeling. The key findings of the study were as follows: positive relationship was found between Openness to Change values and integration; negative relationship was found between Self-Enhancement values and assimilation. These results were common among both generations of Russians in the context of Lithuania.

Chapter 13. Intercultural relations between Azerbaijanis and Russians in Post-Soviet Azerbaijan

Victoria Galyapina, Nadezhda Lebedeva
National Research University Higher School
of Economics, Russian Federation

The Collapse of the USSR in 1991 facilitated the formation of new independent states on the territory of the former Soviet republics. In this regard, the status of ethnic groups and interethnic rela-

tions have changed in these states. This research is devoted to the study of intercultural relations in the Republic of Azerbaijan. We tested three hypotheses of intercultural relations: the multiculturalism hypothesis, the integration hypothesis, and the contact hypothesis. The research used measures developed in the MIRIPS project (<http://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips>). The sample included members of the ethnic majority — Azerbaijanis (N=300), and members of the ethnic minority, Russians (N=307). Data processing was carried out using structural equation modeling (SEM) for each sample. The results showed that the multiculturalism hypothesis was fully supported in both samples: perceived security predicted multicultural ideology, tolerance and integration among both Azerbaijanis and Russians. The contact hypothesis was partially supported: the intensive friendly contacts between Russians and Azerbaijanis were associated with their preference for integration and assimilation strategies as well as with their ethnic tolerance. The integration hypothesis was confirmed only in the sample of Russians: their preference for the integration strategy was associated with their life satisfaction and self-esteem.

Chapter 14. Conclusion. Meta-analysis of verification of the three hypotheses of intercultural relations on post-soviet space: the role of sociocultural context

Nadezhda Lebedeva, Alexander Tatarko
National Research University Higher School
of Economics, Russian Federation

Verification of the three hypotheses of intercultural relations (multiculturalism, contact, and integration hypotheses) in different post-soviet countries and regions has confirmed most of them. However, the characteristics of the context are of significant importance for the hypotheses confirmation. Our preliminary analysis of the results of studies with members of 13 ethnic groups (N= 3370) in six different socio-cultural contexts (Central Russia, Kabardian-Balkar republic, North Ossetia-Alania, Dagestan, Azerbaijan and Latvia) reveals contextual features, which are essential for the level of confirmation of these three hypotheses. Based on their analysis we have tried to identify several contextual features that influence the hypotheses support. They are: a) the coincidence of acculturation attitudes of ethnic majority and migrants/minorities; b) the ethnic/

religious distance; c) the leading role of the ethnic majority in determining the character of intercultural relations in the region; d) the high level of ethnic heterogeneity (high intensity of intercultural contacts) and e) the lack of imposed assimilation. These features of contexts matter mutual acculturation and well-being of contacting groups members on post-soviet space.

Chapter 15. Recommendations to improve interethnic relations in Russia

This chapter addresses recommendations for improving intercultural relations in Russia which are formulated on the basis of the research presented in this monograph. The authors underline harmfulness of violent cultural and linguistic assimilation of ethnic and cultural minorities and strongly encourage integrative strategy in intercultural relations. Firstly, it is important to conduct regular monitoring of interethnic relations in different regions to identify the issues of inter-ethnic tension and to introduce the preventive measures. Secondly, in order to reduce the perceived threat impairing intercultural relations, the authors suggest to develop ethno-cultural competence through communication in the cultural sphere (media, Internet, ethnographic tourism) and through work with pupils and students (special trainings and enrichment of study programs). Thirdly, the chapter contains some practical ideas about providing favorable conditions for frequent contacts of people with different cultural and ethnic background (in the educational and corporate environment). Finally, the authors identify some directions of the governmental support that will contribute to the formation of a multicultural society, and stress that work should be conducted not only with minority groups, but also with the titular population.

Об авторах

БЕРРИ Джон, PhD, почетный профессор Королевского университета (Кингстон, Канада), главный научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). Является одним из ведущих специалистов в мире в области кросс-культурной психологии, экс-президент Международной ассоциации кросс-культурной психологии (IACCP), автор и соавтор 45 книг и большого количества статей в области кросс-культурной психологии, опубликованных в ведущих международных журналах.

e-mail: elderberrys@gmail.com

ГАЛЯПИНА Виктория Николаевна, кандидат психологических наук, доцент департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), ведущий научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ. Является автором и соавтором более 100 статей в области социальной и кросс-культурной психологии.

e-mail: galapyn@yandex.ru

ГРИГОРЬЕВ Дмитрий Сергеевич, магистр психологии, младший научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Основными исследовательскими интересами являются межгрупповые отношения, культурное многообразие и аккультурация.

e-mail: dgrigoryev@hse.ru

ЗУБОВА Дарья Михайловна, выпускница МГППУ, студентка англоязычной программы двух дипломов «Прикладная социальная психология» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия) и университета Тилбурга (Тилбург, Нидерланды), стажер-исследователь Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ.

e-mail: dasha1994zubova@mail.ru

ЛЕБЕДЕВА Надежда Михайловна, доктор психологических наук, профессор департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и заведующая Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ. Является автором и соавтором 27 книг и более 250 статей в области социальной и кросс-культурной психологии.

e-mail: lebedhope@yandex.ru

ЛЕПШОКОВА Зарина Хизировна, кандидат психологических наук, доцент департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), старший научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ. Является автором научной монографии и статей, опубликованных как в отечественных, так и международных журналах и посвященных различным проблемам социальной и кросс-культурной психологии.

e-mail: taimiris@yandex.ru

РЯБИЧЕНКО Татьяна Анатольевна, преподаватель департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ. Является автором и соавтором более 10 работ в области социальной и кросс-культурной психологии.

e-mail: tanarimail@gmail.com

ТАТАРКО Александр Николаевич, доктор психологических наук, профессор департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), главный научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ. Является автором и соавтором 8 книг и более 120 статей в области социальной и кросс-культурной психологии.

e-mail: tatarko@yandex.ru

Межкультурные отношения на постсоветском пространстве

Издательство «Менеджер»
121151, Москва, а/я 395
e-mail: manager-ltd@mail.ru
сайт: www.managerlit.info

Подписано в печать 11.11.2017 г.
Формат 84×108/32. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Печ. л. 16.
Тираж 500 экз. Зак. № _____